

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 9

Минск
2016

Том 1

ISSN 2221-2558

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции **Выпуск 9** Том 1

ISSN 2221-2558

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

**ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА:
НАУКА, ПРАКТИКА, ТЕНДЕНЦИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 9

Том 1

Специальное юбилейное издание

Минск
Издательский центр БГУ
2016

УДК 34(082)
ББК 67я43
П78

*Рекомендовано к изданию
решением Ученого совета Научно-практического центра проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь (прото-
кол № 6 от 15 июля 2016 г.)*

*Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка:
наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь, рекомендованных ВАК для опубликования
результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.*

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука,
П78 практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр про-
блем укрепления законности и правопорядка Генер. прокура-
туры Респ. Беларусь ; редкол. : В. М. Хомич [и др.]. — Минск :
Изд. центр БГУ, 2016. — Вып. 9, т. 1 : спец. юбилейн.
изд. — 304 с.

УДК 34(082)
ББК 67я43

- © Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2016
- © Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2016

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Конюк Александр Владимирович — Генеральный прокурор Республики Беларусь, государственный советник юстиции 1 класса.

Бибило Валентина Николаевна — профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Василевич Григорий Алексеевич — заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Данилевич Анатолий Александрович — заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

Мартинovich Изабелла Ивановна — профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Семашко Елена Валентиновна — заместитель руководителя Института — начальник отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Функ Ян Иосифович — Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор.

Шостак Михаил Александрович — профессор кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Эсмантович Ирина Игоревна — декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Хомич Владимир Михайлович — директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор — председатель.

Бабий Николай Алексеевич — заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент — заместитель председателя.

Гучок Александр Евгеньевич — заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, доцент.

Марчук Василий Васильевич — начальник отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Сашеко Павел Иванович — начальник отдела криминологического прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Сидоренко Дарья Олеговна — ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» — технический редактор.

Солтанович Андрей Владимирович — начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент — ответственный секретарь.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ	8
Хомич В. М., Русецкий О. В.	
НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь как синтез методологического контекста практичности фундаментальной юридической науки и научности правоохранительной деятельности	14
Аккулев А. Ш.	
Этапы формирования уголовно-исполнительной политики Республики Казахстан	46
Афонченко Т. П.	
Основания установления и содержание профилактического наблюдения за осужденными, освобожденными от наказания	54
Бакиновская О. А.	
К вопросу об административной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданско-правовых обязательств в сфере строительной деятельности, выполнения проектных и изыскательских работ	60
Бевзюк И. Н.	
Командообразование в органах прокуратуры: концептуальные основы	68
Белокопытов В. В.	
Проблемные вопросы применения законодательства о возмещении вреда, выявленного при осуществлении контрольной (надзорной) деятельности	75
Билялов Б. С.	
Правовые основы противодействия терроризму	80
Благов Е. В.	
О назначении наказания за преступление, совершённое в соучастии: de lege lata	86
Василевич Г. А.	
Конституционализация уголовно-правовых отношений в Республике Беларусь: ретроспективный взгляд	92
Винокуров А. Ю.	
Проблемы классификации прокурорской деятельности	101
Головко И. И.	
Деятельность прокурора по возмещению затрат на лечение граждан, пострадавших от преступных посягательств, в Российской Федерации и Республике Беларусь	109
Гучок А. Я.	
Криміналогічний аспект рекламної діяльності виводця плодів в у Республіці Беларусь	118

Дмитренко Д. И. Эволюция аппаратной голографической среды в исследовании материальной структуры преступления	125
Ескендеров А. А. Правосознание несовершеннолетнего преступника	134
Зарубин А. В. Некоторые проблемы разграничения уничтожения и повреждения объектов культурного наследия со смежными составами преступлений	140
Какителашвили М. М. Состояние законности и практика прокурорского надзора за исполнением законов об охране атмосферного воздуха в Российской Федерации	146
Ковган Ж. И. База данных «Электронный документ»	152
Козаченко И. Я. Уголовное право в жизни социума	159
Кругликов Л. Л. Признаки соучастия и группы лиц: имеются ли совпадения?	165
Лиховая С. Я., Рощина И. А., Кочнева А. А. Правовая основа применения в Украине практики Европейского суда	172
Лосев В. В. Криминализация основного состава злоупотребления властью или служебными полномочиями: сравнительно-правовая характеристика	178
Малярчук Н. В. Применение электронных средств контроля как гарантия выполнения подозреваемым, обвиняемым условий домашнего ареста в уголовном производстве	184
Навроцкий В. А., Авраменко А. В., Коваленко В. П., Красницкий И. В., Лащук Н. Р., Луцик В. В., Марин А. К., Маритчак Т. Н., Созанский Т. И., Хилюк С. В., Яремко Г. З. Стратегия реформирования законодательства Украины о публичных правонарушениях	189
Поляшук Н. А. Методологические подходы к пониманию правового мониторинга	196
Порохов М. Ю. К вопросу о полномочиях прокурора на предъявление искового заявления о сносе самовольной постройки	203
Присяжнюк И. И. Система наказаний в Украине: практика и перспективы ее реализации	209

Савенок А. Л.	
Моделирование — важнейший метод изучения эффективности уголовного закона	214
Савчук Т. А.	
Наблюдение и охрана как мера по обеспечению осуществления надзора за исполнением домашнего ареста	222
Свадковская Е. А.	
Гражданское законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках ЕАЭС: вопросы унификации	228
Сенько А. С.	
Административно-процессуальная юрисдикция органов прокуратуры	234
Сералиев А. Б.	
К вопросу о дифференциации терминов «терроризм» и «экстремизм»	242
Серова Е. Б.	
К вопросу о роли прокурора в обеспечении истины в уголовном судопроизводстве	247
Скаков А. Б.	
Организация службы пробации — одно из перспективных направлений совершенствования пенитенциарной политики Республики Казахстан	254
Сороговец Д. В.	
О соотношении институтов криминологической экспертизы и оценки регулирующего воздействия при разработке проектов нормативных правовых актов	261
Тюнин В. А.	
Укрывательство преступления — проблемы законодательного регулирования в Российской Федерации	268
Хилюта В. В.	
Концепция реформирования уголовного законодательства о преступлениях против собственности в праве Беларуси	274
Швед Н. А.	
Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны ребенка до его рождения	287
Шилин Д. В.	
Некоторые аспекты совершенствования института криминологической экспертизы	292
Наши авторы	299
Требования к оформлению материалов статей	303

ПРИВЕТСТВИЯ

**Уважаемый Владимир Михайлович!
Уважаемые коллеги!**

Поздравляю вас с 10-летием со дня образования государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Научно-практический центр создан Указом Президента Республики Беларусь в 2006 г. и с первых дней своего существования прочно занял место в системе органов прокуратуры, зарекомендовал себя динамично развивающейся структурой, основными направлениями деятельности которой являются проведение криминологических исследований, ориентированных на решение стратегических задач в области прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры преступности, разработка научно обоснованных предложений об усилении борьбы с преступностью, мер по ее предупреждению, повышению эффек-

тивности прокурорского надзора, совершенствованию правоохранительной деятельности и законодательства, участие в подготовке проектов нормативных правовых актов по проблемам укрепления законности и правопорядка, во внедрении научных исследований в практическую деятельность, проведение криминологических экспертиз правовых актов.

Научно-практический центр создавался известными учеными и практиками, имеющими глубокие профессиональные знания и опыт, которые продолжают вносить значительный вклад в развитие белорусской юридической науки, обеспечение верховенства права, укрепление законности и правопорядка. Среди них такие выдающиеся ученые, как В. М. Хомич, Н. А. Бабий, А. Е. Гучок, В. В. Марчук, О. В. Русецкий, П. И. Сашеко, А. С. Сенько, А. В. Солтанович, Н. А. Швед.

Убежден, что коллектив Научно-практического центра в полной мере осознает свое значение и роль в осуществлении востребованных в правоохранительной и законотворческой деятельности криминологических исследований и имеет все предпосылки для успешного решения стоящих перед учреждением задач: сформированные традиции, преемственность кадров и современную школу их подготовки, профессиональный опыт, наличие докторантуры для подготовки научных кадров высшей квалификации в области юриспруденции, авторитет у работников государственных органов и научных учреждений Беларуси, высокое признание юридической общественности не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Уверен, что неисчерпаемый потенциал коллектива Научно-практического центра и в дальнейшем будет способствовать формированию правового госу-

дарства, развитию юридической науки и практики. Сегодняшний юбилей — это хороший повод проанализировать достижения, успехи, осмыслить результаты пройденного пути и наметить перспективы развития.

Примите самые искренние поздравления и пожелания здоровья и благополучия, профессиональных успехов, долгих лет творческой деятельности и плодотворной работы на благо нашего Отечества и во имя укрепления законности и правопорядка!

*С уважением,
Генеральный прокурор Республики Беларусь
государственный советник юстиции 1 класса*

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke at the bottom.

А. В. Конюк

Уважаемый Владимир Михайлович!
Уважаемые коллеги!

От имени Конституционного Суда сердечно поздравляю с 10-летним юбилеем Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Созданный по решению Главы государства в целях системных исследований криминальных факторов, основных тенденций, динамики и структуры преступности, Научно-практический центр вносит существенный вклад в реализацию государственной политики в сфере борьбы с преступностью, укрепление законности и правопорядка.

За прошедшее десятилетие подтверждена эффективность криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, способствующей объективному и всестороннему прогнозированию возможности возникновения рисков криминального характера в процессе правоприменения.

Время показало востребованность аналитических и научно-методических разработок, направленных на решение стратегических задач противодействия преступности и коррупции, повышение эффективности прокурорского надзора. Значителен ваш вклад в развитие уголовного и уголовно-процессуального законодательства на основе конституционных норм и принципов.

Научно-практический центр успешно выполняет возложенные на него задачи благодаря высокому профессионализму сотрудников коллектива, ядро которого составляют известные ученые, а также специалисты, имеющие значительный опыт работы в органах прокуратуры.

Желаю Вам и всем сотрудникам дальнейших творческих успехов в научном обеспечении принимаемых на государственном уровне мер по укреплению законности и правопорядка, обеспечению защиты конституционных прав и свобод граждан. Крепкого Вам здоровья, счастья и благополучия.

*С уважением,
Председатель Конституционного Суда
Республики Беларусь*

 П. П. Миклашевич
3 августа 2016 г.

Уважаемый Владимир Михайлович!

От имени Верховного Суда Республики Беларусь и себя лично сердечно поздравляю Вас и весь коллектив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь с юбилейной датой — 10-летием со дня образования!

Роль и значимость Центра, объединившего в своем составе представителей научного сообщества и правоприменителей, сегодня трудно переоценить. За годы своей плодотворной деятельности Центр стал по существу уникальным и передовым научно-практическим учреждением страны, в котором успешно разрабатываются стратегические направления борьбы с преступностью и меры по ее предупреждению.

Высокое качество криминологических исследований, их соответствие общепринятым мировым стандартам обеспечивается скрупулезным трудом высококвалифицированных сотрудников Центра — настоящих профессионалов своего дела. Благодаря внедрению современных достижений юридической мысли в практическую работу правоохранительной системы их деятельность способствует совершенствованию мер по обеспечению реальной защиты прав граждан и интересов юридических лиц.

Убежден, что созданный в Центре конгломерат именитых ученых и наиболее опытных прокурорских работников будет и впредь способствовать укреплению законности и правопорядка, совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, успешно служить государственным и общественным интересам.

Искренне желаю всем сотрудникам Центра больших успехов в научной и практической деятельности, постоянного стремления к совершенствованию, неиссякаемой энергии и вдохновения на новые профессиональные достижения! Мира, добра, оптимизма и благополучия!

*С уважением,
Председатель Верховного Суда
Республики Беларусь*

В. О. Сукало

Уважаемые коллеги!

Позвольте поздравить вас с десятилетием плодотворной и результативной деятельности Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь!

Современное развитие общественных отношений любого государства невозможно без правовой системы, эффективно противодействующей преступности и коррупции. Как отметил в ежегодном Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь Глава государства, величайшая ценность — это безопасность в обществе. Достижение этого возможно только при наличии научно обоснованных механизмов и качественных криминологических исследований.

Эту почетную миссию уже десятилетие осуществляет ваш Научно-практический центр. Полагаю необходимым отметить его особую роль в научном обеспечении правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов Беларуси.

Ориентация юридической науки на решение актуальных практических и стратегических задач, совершенствование механизмов правового регулирования борьбы с преступностью и ее предупреждения в значительной мере способствуют укреплению законности и правопорядка.

Ваша деятельность, основанная на высоком профессионализме и активной жизненной позиции в сфере развития национальной правовой системы и совершенствования законодательства, заслуживает высшей степени благодарности.

С праздником вас! И вперед — к дальнейшим свершениям!

*Председатель Следственного комитета
Республики Беларусь
генерал-майор юстиции*

И. Д. Носкевич

Уважаемый Владимир Михайлович!

От имени коллектива Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и от себя лично поздравляю Вас и весь коллектив Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь с 10-летием со дня образования!

Научно-практическим центром достойно пройден большой путь, полный упорной работы, творческого поиска и постоянного развития. За это десятилетие Центр снискал безупречную репутацию и несомненный авторитет в научных и практических кругах как в Республике Беларусь, так и за ее пределами.

Нельзя не отметить осуществляемые на постоянной основе прогрессивные научные исследования, отличающиеся новизной, актуальностью и практической значимостью, подготовку кадров высшей научной квалификации. Все это в сочетании с высоким профессионализмом и преданностью делу всего коллектива, возглавляемого Вами, Владимир Михайлович, способствует укреплению законности, обеспечению прав и свобод граждан, интересов общества и государства.

Хочу пожелать Научно-практическому центру дальнейшего успешного развития и процветания, а Вам и Вашим коллегам — доброго здоровья, сил и успехов в работе на благо нашей страны.

*С уважением,
Председатель Государственного комитета
судебных экспертиз Республики Беларусь
генерал-майор юстиции*

А. И. Швед

НПЦ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК СИНТЕЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ПРАКТИЧНОСТИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И НАУЧНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Хомич В. М., Русецкий О. В.

Современная юридическая наука рассматривает противоправное поведение как сложное социально-деструктивное явление, характеризующееся объемом (состоянием), интенсивностью (уровнем), динамикой, структурой, масштабными негативными последствиями и другими признаками, которое детерминируется множеством социальных и личностных факторов, причин и условий, способных непосредственно или опосредованно влиять на мотивацию и совершение правонарушений. Распространение противоправного поведения оказывает дестабилизирующее воздействие на состояние всех социальных сфер, наносит значительный материальный и нравственный ущерб личности.

Эффективное противодействие правонарушениям является одной из самых важных задач государства, разрешение которой необходимо для устойчивого развития общества, особенно в условиях социально-экономических преобразований. Данная деятельность представляет собой специфическую область социального регулирования, управления и контроля, имеющую многоуровневый характер и преследующую цель создания разносторонней и гибкой системы предупреждения правонарушений, позволяющей системное, своевременное и эффективное воздействие на детерминанты противоправного поведения. Немаловажную роль в этом играет проведение научных исследований, направленных на совершенствование теоретико-методологических основ в сфере противодействия преступности и иным видам деструктивных социальных девиаций и практики правоохранительной деятельности, оптимизацию практических мер по противодействию правонарушениям в изменяющихся условиях современности. При этом объективна зависимость их результатов от факторов системности, непрерывности, организационной обеспеченности научной работы, ее тесной взаимосвязи с правоприменительной практикой.

Первые десятилетия существования суверенной Беларуси показали необходимость переосмысления национальных подходов к организационно-управленческому построению правоохранительной политики, а также научного обеспечения мер противодействия преступности. И такие теоретические основы инновационного характера были заложены национальной школой уголовного права.

Самое важное достижение отечественной науки уголовного права на рубеже XXI в. состояло в создании и нормативном закреплении универсальной и комплексно-многообразной, динамичной по содержанию, системе дифференциации и индивидуализации системы мер и форм реализации уголовной ответственности как реакции общества и государства на совершение преступления. Впервые в мировой практике правовая конструкция системы правообразующих элементов и мер, составляющих и адекватно выражающих объективную реальность уголовной ответственности, была разработана соавтором настоящего повествования [1]. Вот уже на протяжении 15 лет она доказала свою функциональную и правовую работоспособность, определенность в практическом применении, универсальность в совершенствовании мер и форм ее реализации с учетом современной типологии преступности и преступников.

Логическим завершением формирования новых подходов в научно-практическом освоении практик реализации мер уголовной ответственности стало принятие Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, который по содержанию, структуре, а самое главное, по предметно-функциональным свойствам существенно отличается от аналогичных законов, принятых на советском пространстве. Можно только сожалеть, что в свое время заложенные инновационные основы представлений о социальной роли уголовной ответственности и иных институтов уголовного права не были в достаточной мере реализованы в практике правосудия и правоохранительной деятельности. Да и представители криминологической науки (в Республике Беларусь это в основном вузовская наука) с небольшой охотой входили в инновационную проблематику уголовно-правовых изысканий, сосредотачиваясь в основном на исследованиях квалификационно-диссертационного характера и мало заботясь о серьезном обновлении научного знания и методологических подходов познания права, его понимания и адекватного применения. В традиционно-консервативном контексте исследовались и подавались вопросы дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Что касается криминологических исследований, то они уже давно не проводились и не проводятся в вузовских учреждениях, что и породило бесцельность и нерезультативность уголовно-правовых исследований совершенствования законодательства и практики борьбы с преступностью. Мы незаметно вошли в состояние кризиса, связанного с неэффективным применением уголовно-правовых санкций, неадекватно обоснованной практикой криминализации и квалификационной оценки преступных деяний. Все более возрастал разрыв между теорией (наукой) и практикой правоохранительной деятельности, и не только по существу, но и по целевым интересам представителей науки и практики.

Наблюдаемый рост преступности, распространения пьянства и потребления наркотиков при очевидном отсутствии новых научно обоснованных организационно-правовых методов обеспечения эффективной уголовно-правовой и криминологической политики был обусловлен в том числе и длительной оторванностью юридической науки от практики правоохранительной деятельности. В значительной степени это повлияло на решение государства о создании в стране практико-ориентированного научного учреждения криминологического профиля в системе органов прокуратуры.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 3 августа 2006 г. № 482 [2] создано государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной Прокуратуры Республики Беларусь» (далее, если не указано иное, — Научно-практический центр). Основными направлениями деятельности Научно-практического центра были определены: проведение криминологических исследований, ориентированных на решение стратегических задач борьбы с преступностью; разработка научно обоснованных мер по ее предупреждению, укреплению законности и правопорядка, повышению эффективности прокурорского надзора, совершенствованию правоприменительной практики и законодательства; проведение обязательной криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов; участие в подготовке проектов нормативных правовых актов по проблемам укрепления законности, правопорядка, борьбы с преступностью; внедрение результатов научных исследований в практическую деятельность органов прокуратуры и других правоохранительных органов.

С момента создания Научно-практический центр возглавляет Хомич Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь. Среди сотрудников Научно-практического центра два доктора и семь кандидатов юридических наук, пять магистров, три сотрудника имеют диплом исследователя в области юридических наук, три аспиранта и соискателя ученой степени кандидата юридических наук, ряд сотрудников имеют опыт практической работы в органах прокуратуры. За время работы в Научно-практическом центре трем сотрудникам присвоена степень кандидата юридических наук. В составе Научно-практического центра действует Ученый совет, являющийся коллегиальным органом управления по организации проведения научно-практических исследований.

Создание Научно-практического центра послужило отправной точкой возрождения отечественной криминологической науки, формирования теории и практики проведения экспертно-криминологических исследований законодательства, способствовало развитию уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иных отраслей права в Республике Беларусь.

За десятилетний период деятельности в Научно-практическом центре проведен ряд фундаментальных и научно-прикладных исследований, направленных на формирование инновационных стратегических концептуальных подходов к различным направлениям деятельности правоохранительных органов, совершенствование законодательства и правоприменения в области профилактики правонарушений, противодействия преступности и коррупции.

Теоретико-методологическую основу исследований Центра составляет комплексный социально-правовой анализ теории и практики правоохранительной деятельности, реализуемый в контексте системного детерминационного, а также междисциплинарного (криминологического, уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминалистического) подходов к исследованию закономерностей генезиса и развития преступности, иных социально-деструктивных девиаций. В исследованиях используются общенаучные философские и частнонаучные криминологические, социологические и иные методы. Это позволяет достигать всесторонне обоснованных результатов, востребованных в научной среде и практической деятельности [3, с. 74–79].

Тематика фундаментальных исследований, проведенных в Научно-практическом центре, охватывает различные области научного познания. В их числе: оптимизация системы мер уголовной ответственности и порядка исполнения уголовных санкций; теоретико-методологические основы противодействия коррупционным проявлениям и практика их предупреждения, выявления и пресечения; социально-правовые проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних; теория и практика предупреждения правонарушений; методология и методы проведения криминологической экспертизы правовых актов; криминалистическое моделирование преступлений; и др.

Исследования Научно-практического центра отличаются высоким научным уровнем, последовательностью и системностью решения поставленных проблем, их результаты реализуются в учебном процессе, повседневной практической деятельности органов прокуратуры и иных правоохранительных органов, законодательстве Республики Беларусь, высоко оцениваются представителями юридической науки и практики ближнего и дальнего зарубежья.

Уже в 2007 г. по поручению Главы государства Научно-практический центр приступил к разработке *Концепции совершенствования системы мер уголовной*

ответственности и порядка их исполнения (далее — Концепция). Она была разработана в Научно-практическом центре на основе проведенного системного исследования состояния и динамики преступности, складывающейся социально-экономической обстановки и прогноза ее развития, практики применения наказаний и иных мер уголовной ответственности. В комплексной и завершенной форме обоснование и содержание концепции в презентабельном виде впервые были представлены ее автором в специальном издании [4]. Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 Концепция была утверждена [5].

В рамках реализации мероприятий Концепции в последующие годы в Научно-практическом центре осуществлялась систематизация, изучение и обобщение данных статистики, материалов надзорной и иной правоприменительной практики, результатом чего явилось внесение значительного объема предложений по совершенствованию уголовного (УК), уголовно-процессуального (УПК) и уголовно-исполнительного (УИК) кодексов Республики Беларусь. В их числе:

— рекомендации по оптимизации уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления, не относящиеся к тяжким и особо тяжким, в которых содержится общая оценка применения мер уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и менее тяжкие преступления, а также анализ выявленных негативных тенденций: 1) сокращение назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и менее тяжкие преступления; 2) недостаточное применение осуждения без назначения наказания; 3) сокращение практики осуждения лиц, совершивших менее тяжкие преступления, с отсрочкой исполнения наказания или условным не применением наказания; 4) недостаточно широкое применение освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным уголовным законом, лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, а в ряде случаев и лиц, совершивших менее тяжкие преступления. В рамках данного документа также были представлены предложения по формированию позиции государственного обвинителя при решении вопроса о возможности освобождения лица, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое преступление, от уголовной ответственности или об избрании такому лицу меры уголовной ответственности, а также рекомендации прокурорам, осуществляющим надзор за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания, при решении вопроса о возможности освобождения лица, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, от уголовной ответственности или об избрании такому лицу меры уголовной ответственности;

— предложения по вопросам назначения штрафа на альтернативной лишению свободы основе, разработанные на основе обобщения научной информации и законодательного опыта зарубежных государств. В ракурсе данного направления осуществлена разработка: алгоритмов применения штрафа на альтернативной лишению свободы основе; предложений о корректировке ряда санкций Особенной части УК; методических рекомендаций по вопросу практического применения положений Концепции при назначении наказания и иных мер уголовной ответственности; критериев, определяющих социально-экономическую эффективность применения наказаний.

Научно-практическим центром подготовлен ряд законопроектов о внесении изменений и дополнений в УК, УПК, УИК, реализованных в действующем праве, в том числе по вопросам:

- декриминализации отдельных деяний (ст. 220, 259, 261, 262 УК);
- расширения применения штрафа в уголовном законодательстве как наиболее приемлемой альтернативы лишения свободы в качестве основного и дополнительного наказания за совершение преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. В результате штраф в качестве основного наказания Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З [6] включен в санкции — ч. 1 ст. 208 УК, ч. 2 ст. 209 УК, ч. 2 ст. 212 УК, ч. 1 ст. 214 УК, ч. 1 ст. 222 УК, ч. 2 ст. 223 УК, ч. 2 ст. 226-1 УК, ч. 2-3 ст. 226-2 УК, ч. 2 ст. 231 УК, ч. 2-3 ст. 233 УК, ч. 2 ст. 238 УК, ч. 2 ст. 240 УК, ч. 2 ст. 245 УК, ч. 2 ст. 247 УК, ч. 2 ст. 250 УК, ч. 2 ст. 254 УК, ч. 2 ст. 255 УК, ч. 2 ст. 257 УК, ч. 2 ст. 258 УК, ч. 3 ст. 261-1 УК. Штраф в качестве дополнительного наказания предусмотрен в санкциях — ч. 2 ст. 210 УК, ч. 2 ст. 212 УК, ч. 1-3 ст. 233 УК, ч. 2 ст. 234 УК, ч. 2-3 ст. 236 УК. Научно-практическим центром также было указано на неоправданность отхода законодателя (ст. 50 УК) от определения предельных размеров штрафа в зависимости от категории тяжести совершенного преступления. Поднятая проблема нашла свое разрешение применительно к преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности и против интересов службы. Так, были внесены дополнения в ч. 2 ст. 50 УК, где было установлено, что за преступления против порядка осуществления экономической деятельности и против интересов службы штраф устанавливается в размере от трехсот до пяти тысяч базовых величин;

- дополнения ст. 4 УК частью 16, регламентирующей понятие социальной компенсации [7, с. 32-36]. С течением времени в ходе работы над проектом Закона социальная компенсация получила наименование уголовно-правовой компенсации. В дальнейшем этот вопрос неоднократно обсуждался и Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З ст. 4 УК была дополнена частью 16, определяющей, что под уголовно-правовой компенсацией понимается мера материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности либо обязано исполнить при применении иных мер уголовной ответственности. Уголовно-правовая компенсация является формой заглаживания вины перед обществом, призвана содействовать исправлению лица, совершившего преступление, восстановлению социальной справедливости и применяется только в случаях, предусмотренных УК;

- снижения максимального срока ареста до трех месяцев для взрослых и до одного месяца для несовершеннолетних при исключении возможности досрочного освобождения от отбывания этого наказания. Впоследствии Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З в ч. 1 ст. 54 УК было установлено, что арест состоит в содержании осужденного в условиях строгой изоляции и устанавливается на срок от одного до трех месяцев. Таким образом, в этой части инициатива НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь была поддержана законодателем в полной мере. В отношении несовершеннолетних в ст. 114 УК было закреплено, что арест назначается лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, на срок от одного до двух месяцев. В связи с реализацией данного предложения возникла необходимость в корректировке ряда статей Особенной части УК, санкции которых

предусматривали в виде наказания арест. Как следствие Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З были внесены изменения в санкции более 200 статей Особенной части УК в целях приведения их в соответствие с новой редакцией ч. 1 ст. 54 УК. Также данным Законом были внесены соответствующие изменения в ст. 90 и 119 УК, и арест был исключен из перечня наказаний, при отбывании которых возможно применение условно-досрочного освобождения как в отношении совершеннолетних, так и лиц, не достигших возраста 18 лет;

— внесения изменений в ч. 5 ст. 78 УК в части расширения обязанностей, которые могут быть возложены на осужденного, в том числе уплаты уголовно-правовой компенсации. Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З это предложение было учтено законодателем, и в ч. 5 ст. 78 УК было установлено, что при необходимости суд может также возложить на осужденного обязанности принести извинение потерпевшему, в определенный срок устранить причиненный преступлением ущерб (вред), поступить на работу или учебу, в свободное от работы и (или) учебы время выполнить общественно полезные работы в объеме до ста двадцати часов, пройти курс лечения от хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания. При осуждении с условным неприменением наказания суд может обязать осужденного уплатить в доход государства уголовно-правовую компенсацию в размере от тридцати до ста базовых величин в течение шести месяцев после вступления приговора в законную силу;

— внесения изменений в ст. 79 УК, которыми было установлено, что если в процессе судебного рассмотрения уголовного дела в отношении лица, впервые совершившего не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое преступление, будет признано, что вследствие длительного безупречного поведения после совершения преступления это лицо доказало свое стремление к законопослушному поведению, а также с учетом характера, степени общественной опасности совершённого преступления и личности виновного его дальнейшее исправление возможно без применения наказания, но при условии осуществления за ним профилактического наблюдения, суд может вынести такому лицу обвинительный приговор без назначения наказания;

— внесения изменений и дополнений в ст. 81 УК с целью расширения категории лиц, за которыми осуществляется профилактическое наблюдение. Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З это предложение воспринято в полной мере, в ст. 81 УК категории лиц, в отношении которых осуществляется профилактическое наблюдение, были дополнены также лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, в течение неотбытой части наказания;

— коррекции общих положений об освобождении от уголовной ответственности и наказания, обусловленной введением института уголовно-правовой компенсации, посредством внесения в ст. 82 УК изменений и дополнений, касающихся данной компенсации как условия освобождения от уголовной ответственности. Данное предложение было воспринято в полной мере, более того, с течением времени оно было дополнено. В итоге Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З в ст. 82 УК было установлено, что если в качестве условия освобождения от уголовной ответственности предусмотрена уплата уголовно-правовой компенсации, решение об освобождении лица от уголовной ответственности принимается после ее внесения на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс. Уплата уголовно-правовой компенсации

не освобождает лицо от обязанности возместить причиненный преступлением ущерб (вред) и (или) уплатить доход, полученный преступным путем, если указанные условия предусмотрены в качестве таковых для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности. В случае освобождения лица от уголовной ответственности денежные средства, внесенные на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, обращаются в доход государства. В случае отклонения ходатайства об освобождении лица от уголовной ответственности денежные средства, внесенные на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, возвращаются лицу, их внесшему;

— внесения в ст. 86 УК изменений и дополнений, касающихся уточнения оснований применения освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности и уточнения органов, которые вправе применить меры административного взыскания к лицам, освобождаемым от уголовной ответственности по ст. 86 УК. Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З в ч. 1 ст. 86 УК были внесены изменения, предложенные НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, о том, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, если будет признано, что для его исправления достаточно применения мер административного взыскания;

— изложения в новой редакции ст. 87 УК (освобождение от уголовной ответственности в силу утраты лицом общественной опасности). Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З в ст. 87 УК было установлено, что лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, либо менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что вследствие изменения обстановки совершённое им деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным;

— изложения в новой редакции ч. 1 ст. 88 УК. В частности, предлагалось и реализовано положение о применении освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в случае, если лицо, впервые совершившее не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое преступление, после совершения преступления добровольно явилось с повинной или активно способствовало выявлению и (или) раскрытию преступления, возместило причиненный преступлением ущерб (вред), возвратило неосновательное обогащение и (или) уплатило доход, полученный преступным путем, и внесло на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, уголовно-правовую компенсацию в размере пятидесяти процентов причиненного преступлением ущерба (вреда), но не менее тридцати базовых величин;

— изложения п. 2 ч. 3 ст. 90 УК в следующей редакции: «не менее двух третей срока наказания, назначенного судом за тяжкое преступление, а также если ранее лицо осуждалось к наказанию в виде лишения свободы или ранее условно-досрочно освобождалось от наказания и соответственно совершило новое умышленное преступление в течение срока судимости или неотбытой части наказания». Предлагалось также уточнить обязанности, которые могут быть возложены на осужденного в случае применения к нему условно-досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы. Отдельно уточнялось, что за осужденным осуществляется профилактическое наблюдение и на него возлагаются обязанности, предусмотренные ч. 2 ст. 81 УК. Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З высказанные предложения были

учтены, и ст. 90 претерпела существенные изменения, касающиеся условий применения условно-досрочного освобождения от наказания, возложения на осужденного обязанностей, необходимых к выполнению в течение неотбытой части наказания;

— корректировки ст. 119 УК, предусматривающей условно-досрочное освобождение от наказания в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет.

В рамках реализации мероприятий Концепции на основе проведенных исследований, направленных на совершенствование правового обеспечения противодействия экономическим правонарушениям, а также законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере экономической деятельности, в НПП Генеральной прокуратуры Республики Беларусь была разработана концепция и предложена норма о деловом риске [8, с. 23–32]. Понятие «обоснованного экономического (делового) риска», которое отражено в ч. 2–1 ст. 39 УК, смоделировано на указанных методологических и правовых позициях, за исключением некоторых поправок, которые были внесены уже при обсуждении проекта данной нормы. Она рассчитана на блокирование необоснованного применения уголовной ответственности на основе вменения факта злоупотребления служебными полномочиями, повлекшего причинение экономического ущерба.

В научно-практическом центре подготовлены методические рекомендации по оптимизации практики применения наказания в рамках реализации Концепции, а также предложения по совершенствованию системы адаптации осужденных, отбывших наказание.

В частности, исследования состояния и функционирования системы социальной адаптации осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений, показали, что в Республике Беларусь пока не состоялось организационно и нормативно институциональное оформление деятельности уполномоченных и ответственных органов (субъектов), реализующих данную функцию на программно-целевом управлении и взаимодействии. Нет комплексного законодательного акта, синтезирующего полномочия всех субъектов, вовлекаемых в деятельность по социальной адаптации, на основе формирования организационного центра координации, управления, программно-криминологического и социального планирования обеспечения этой деятельности. Имеющиеся фрагменты правового регулирования социальной адаптации осужденных касаются лишь общих компетенционных вопросов участия (соучастия) соответствующих государственных органов, местных исполнительных и распорядительных органов, иных организаций. Характер взаимодействия органов уголовно-исполнительной системы с государственными органами и иными организациями, вовлекаемыми в процесс социальной адаптации, регулируется ведомственными актами. Нет должного взаимодействия и координации в осуществлении социальной адаптации и между органами уголовно-исполнительной деятельности в системе МВД.

В этой связи предлагалось следующее:

а) Разработать и принять Закон Республики Беларусь «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы».

б) При разработке проекта Закона исходить из следующих концептуальных положений и требований к предмету, содержанию и целям правового регулирования:

1) социальная адаптация — управляемый и регулируемый комплекс осуществления правовых, криминологических, социально-психологических, медико-реабилитационных, социально-экономических, социально-организационных и иных мер (программ) содействия и помощи, осуществляемых в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с целью их позитивной ресоциализации в обществе и предупреждения рецидива;

2) процесс социальной адаптации осужденных должен осуществляться как неотъемлемая часть и цель уголовного судопроизводства и распространяться как на период нахождения осужденного в исправительном учреждении, так и на период после отбытия наказания — вплоть до погашения или снятия судимости;

3) механизм управления процессом социальной адаптации устанавливается и регламентируется на принципах синтезирующего взаимодействия и координации деятельности всей имеющейся инфраструктуры государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций, которые в соответствии с действующим законодательством уполномочены (обязаны или могут) оказывать осужденным соответствующую поддержку в социальной адаптации;

4) процесс социальной адаптации осужденных должен осуществляться на планово-программной основе, т. е. с учетом криминологической характеристики контингента лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, их социальной ориентации на жительство, работу в определенном регионе, по определенной профессии с учетом социально-ориентированных потребностей общества. Проводиться, по возможности, на договорной основе с формированием блока оказываемой осужденному помощи, его обязательств по ориентации на правопослушное поведение и его подтверждение, то есть осуществляться на принципах испытания и контроля;

5) базовый (основной) центр (компонент) управления процессом социальной адаптации осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений, должен быть сформирован в уголовно-исполнительной системе посредством реорганизации имеющейся инфраструктуры органов управления уголовно-исполнительной деятельностью (объединение УНИД и ДИН в Департамент исполнения наказаний и социальной адаптации осужденных), в рамках которого должен быть создан центр (служба) социальной адаптации. Для этого необходимо провести реорганизацию управления уголовно-исполнительной деятельностью на областном и районном уровнях, а также в системе управления исправительным учреждением, создав в каждом учреждении службу социальной адаптации. Возложить на службу социальной адаптации на республиканском, областном и районном уровне:

- программно-целевое управление и планирование процесса социальной адаптации;

- обеспечение взаимодействия с государственными органами, местными исполнительными и распорядительными органами, иными социальными учреждениями и организациями, уполномоченными в соответствии с действующим законодательством принимать меры содействия социальной адаптации осужденных;

- обеспечение взаимодействия между исправительными учреждениями, региональными уголовно-исполнительными органами и органами внутренних дел, осуществляющими функцию профилактического контроля и социальной адаптации осужденных, освобожденных из исправительных учреждений;

6) применение условно-досрочного освобождения с учетом принципов и требований процесса социальной адаптации должно строиться на заявитель-

ном принципе, предусматривающем активное участие осужденного в процессе доказывания перед судом своего исправления. Это позволит создать условия для повышения мотивации осужденных к исправлению, а также исключить факты применения института условно-досрочного освобождения к лицам, приспособившимся к отбыванию наказания (т. е. демонстрирующим внешние признаки исправления);

7) в целях исключения массового направления осужденными ходатайств (заявлений) о применении условно-досрочного освобождения заявительный принцип должен действовать только в отношении осужденных, не имеющих взысканий и осуществивших при содействии администрации исправительного учреждения комплекс подготовительных мероприятий, необходимых для обеспечения его успешной социальной адаптации в условиях свободы.

в) Создать эффективные правовые механизмы осуществления социально-адаптационных мероприятий во время отбывания лишения свободы и стимулирование осужденных к участию в них, в том числе посредством права на условно-досрочное освобождение, что предполагает введение в УК и УИК следующих нормативных правовых позиций:

— исключить применение институтов условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания на более мягкое наказание в отношении всех наказаний, за исключением лишения свободы;

— ч. 2 ст. 91 и ч. 2 ст. 119 УК (с внесением соответствующих изменений в УИК) изложить в следующей редакции: «Условно-досрочное освобождение от наказания может быть применено к осужденному лишь при его примерном поведении и добросовестном отношении к труду, учебе (профессиональной подготовке), доказывающим, что для своего исправления он не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания».

г) Реорганизовать режим отбывания лишения свободы в пределах каждого вида исправительной колонии на трех уровнях режимного содержания осужденных — на обычных, облегченных и строгих условиях отбывания наказания. В связи с этим необходимо отказаться от так называемого института перевода осужденных на улучшенные условия содержания. Право на условно-досрочное освобождение осужденный может реализовать, находясь на облегченных условиях содержания и не имея взысканий.

д) Внедрить в практику деятельности исправительных учреждений систему психологического мониторинга при переводе осужденных на облегченные условия содержания, особенно в отношении лиц, совершивших тяжкие насильственные и насильственно-корыстные преступления.

е) На постоянной основе осуществлять криминологическое прогнозирование поведения осужденных, претендующих на условно-досрочное освобождение, по специальной методике (разработана НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь) [9], позволяющей определять три уровня сохраняющихся рисков совершения условно-досрочно освобожденным лицом преступления в течение неотбытой части наказания. Это позволит скорректировать позицию суда в части возложения на освобождаемое лицо обязанностей режимно-ограничительного и исправительно-испытательного характера на период неотбытой части наказания.

ж) Расширить перечень обязывающих мер, которые могут возлагаться судом на осужденного при условно-досрочном освобождении [10, с. 9–26].

В настоящее время Научно-практический центр совместно с МВД и иными государственными структурами принимает активное участие в деятельности

группы по разработке проекта Закона Республики Беларусь «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы».

В рамках спектра проведенных исследований *теории и практики противодействия коррупции* Научно-практическим центром достигнуты значимые результаты, востребованные научным сообществом, законодательством, правоприменительной практикой. В соответствии с их основными выводами к актуальным направлениям оптимизации государственной политики в области противодействия коррупции следует отнести следующие.

1) Разработка единообразных подходов к построению системы антикоррупционной политики на основе классификации ее принципов (по степени общности, по субъектам, по сферам деятельности), что будет способствовать более четкому правовому закреплению их в модельных правовых актах, других документах «мягкого права» и, как следствие, в законодательстве. В частности, в зависимости от применимости принципов антикоррупционной политики к различным общественным отношениям можно выделить: общие (универсальные) принципы, которые применимы во всех отраслях и сферах деятельности (принципы законности, прозрачности и пр.); принципы борьбы с коррупцией в отраслях и сферах деятельности. Принципы антикоррупционной политики можно классифицировать в зависимости от того, к деятельности каких субъектов они относятся, на две большие группы: принципы осуществления деятельности специальных субъектов, ответственных за противодействие коррупции; принципы управленческой и иной деятельности субъектов, уязвимых для коррупции (или профилируемых субъектов), исключаящие или существенно затрудняющие существование коррупционных практик. В зависимости от сферы деятельности по противодействию коррупции следует выделить следующие основные группы принципов антикоррупционной политики:

- принципы организации борьбы с коррупцией (принципы законности, приоритета мер предупреждения коррупции и др.);
- принципы правового регулирования борьбы с коррупцией (например, принцип обеспечения эффективной гражданско-правовой защиты лиц, которым причинен ущерб коррупцией, и др.);
- принципы противодействия коррупции в управленческой деятельности (принцип надлежащего управления публичными делами и имуществом и др.);
- принципы поведения должностных лиц и государственных служащих (честность, беспристрастность и др.);
- принципы приема на службу и прохождения службы (принцип открытости доступа к государственной службе для любого гражданина);
- принципы участия гражданского общества в борьбе с коррупцией (признание важной роли гражданского общества в решении проблемы коррупции, свобода получения и распространения информации о коррупции и др.) [11, с. 262–264; 12, с. 581–587].

2) Широкое внедрение на постсоветском пространстве основанных на единых принципах стандартов борьбы с коррупцией, в сочетании с учреждением в рамках различных региональных образований механизмов оценки их практической реализации. Разрабатывая стандарты в области борьбы с коррупцией, следует оценивать, насколько предлагаемые стандарты отвечают по своему содержанию международным договорам, рекомендациям, модельному законодательству в этой сфере, предусматривают ли они необходимый спектр мер противодействия коррупционным преступлениям. Необходимо учиты-

вать, насколько каждая из мер противодействия коррупции, устанавливаемых стандартом, соответствует современным научным взглядам, перспективным разработкам. Необходимо определять функциональное содержание каждой из мер, их взаимосвязь, влияние на коррупционную преступность и др. Кроме того, антикоррупционные стандарты подлежат пересмотру с учетом изменения процессов детерминации и причинности коррупции, расширения криминологических познаний об этих процессах [12, с. 72–79].

3) При отсутствии в Республике Беларусь уголовной ответственности юридических лиц за коррупцию действующее законодательство позволяет в некоторой степени привлекать юридических лиц к административной и гражданско-правовой ответственности за коррупционные правонарушения, тем является важным для предупреждения и пресечения коррупции. Вместе с тем актуальным является формирование практики привлечения юридических лиц к ответственности за деяния, связанные с коррупцией в рамках уже существующей нормативно-правовой базы. Законодательство об ответственности юридических лиц нуждается в совершенствовании, при этом материально-правовые и процессуальные положения следует конструировать с учетом мирового опыта, обратив особое внимание на основание ответственности юридического лица и применяемые санкции [13, с. 14–19]. В случае признания целесообразности введения в Республике Беларусь уголовной ответственности юридических лиц оптимальным способом ее реализации в Республике Беларусь видится институциональная кодификация имеющихся в административном и ином законодательстве предписаний об ответственности юридических лиц (многие из которых по содержанию имеют уголовно-правовой характер), сопряженная с одновременным устранением имеющихся пробелов на основе законодательного опыта других государств [14, с. 632–634].

В контексте проведения исследований по данной тематике Научно-практическим центром осуществлен ряд практических разработок, опубликованы научные монографии.

Так, подготовлено и издано учебное пособие «Противодействие коррупции» [15], являющееся первым в Республике Беларусь учебным изданием идеологического характера, в котором представлены национальные приоритеты и достижения Республики Беларусь в осуществлении антикоррупционной политики. Опубликованы монографии: «Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией» [16], «Оперативный эксперимент как способ выявления взяточничества» [17], «Квалификация взяточничества: научное исследование белорусского и российского опыта» [18] и др.

В практической деятельности используются разработанные Научно-практическим центром методические рекомендации: «Деятельность органов прокуратуры по предупреждению, выявлению и пресечению коррупционных правонарушений в сфере управления хозяйственными обществами, акциями (доли в уставных фондах) которых принадлежат государству» [19], «Правомочия государственных юридических лиц по распоряжению закрепленным за ними имуществом и деятельность органов прокуратуры по предупреждению, выявлению и пресечению коррупционных правонарушений в этой сфере» [20], «Деятельность органов прокуратуры по предупреждению, выявлению и пресечению коррупционных правонарушений в сфере долевого строительства жилья», «Организация проведения проверок соблюдения требований

антикоррупционного законодательства», «Надзор за соблюдением законодательства о закупках» и др.

Практика борьбы с коррупцией исследуется Научно-практическим центром и с учетом международной точки зрения. С 2012 г. директор Научно-практического центра Хомич В.М. является главой делегации Республики Беларусь в организации «Группа государств против коррупции» Совета Европы (ГРЕКО), который проводит большую работу по обеспечению объективной оценки Республики Беларусь на соответствие требованиям европейских конвенций об уголовной и гражданской ответственности за коррупцию. В 2015–2016 гг. успешно проведена на принципах защиты национальных приоритетов работа по таким сложным вопросам и раундам оценки Республики Беларусь со стороны ГРЕКО, как криминализация коррупции и антикоррупционные стандарты в системе финансирования политических партий и избирательных кампаний, подготовлен комментарий к составленному ГРЕКО проекту отчета третьего раунда оценки Республики Беларусь по вопросу криминализации коррупции.

Основным научным исследованием в рамках тематики *социально-правовых проблем предупреждения преступности несовершеннолетних* было проведенное в 2010–2012 гг. Научно-практическим центром с участием представителей Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и иных государственных органов и при поддержке ЮНИСЕФ Национальное исследование эффективности работы государственных органов и иных организаций с несовершеннолетними правонарушителями, семьями, находящимися в социально опасном положении.

В ходе исследования выявлены проблемы в организации и осуществлении деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Наиболее существенной из них является недостаточно эффективное управление и взаимодействие субъектов системы профилактики на местном уровне, что негативно влияет на результативность их работы.

Основной объем профилактических мероприятий осуществляется, как правило, после совершения подростками правонарушений или выявления социально опасного положения семей, воспитывающих детей, при недостаточном использовании мер, направленных на раннее выявление и устранение причин и условий отклоняющегося от социальных норм поведения несовершеннолетних.

Не обеспечивается надлежащий уровень работы по реабилитации и адаптации несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом.

Мониторинг деятельности субъектов профилактики осуществляется без учета качественных критериев, что не позволяет адекватно оценить эффективность их работы и определить наиболее оптимальные меры по ее совершенствованию.

Отмечается неполнота научно-методического обеспечения системы профилактики, недостаточно высокий уровень специальной (криминологической) подготовки работников субъектов профилактики.

Исследование показало, что на местном уровне пока не удалось создать эффективную систему профилактики правонарушений несовершеннолетних, в которой органически соединялись бы отечественный опыт предупреждения семейного и социального неблагополучия несовершеннолетних и признанные мировым сообществом прогрессивные технологии ювенальной юстиции.

По итогам исследования разработаны предложения по совершенствованию системы профилактики безнадзорности правонарушений несовершеннолетних. Так, было предложено:

1. Разработать и утвердить стандартные процедуры (алгоритмы) взаимодействия субъектов системы профилактики по совместной работе с несовершеннолетними правонарушителями, в том числе по их реабилитации и реадaptации после привлечения к ответственности.

2. Модернизировать систему мониторинга криминальной ситуации и профилактической работы среди несовершеннолетних, для чего разработать качественные критерии оценки эффективности деятельности субъектов профилактики, позволяющие определить объем, комплексность, дифференцированность, инновационность и результативность профилактических мер.

3. Улучшить научно-методическое обеспечение системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В этих целях:

- разработать силами научно-исследовательских и образовательных учреждений комплекс научно-практических методик проведения профилактической работы с несовершеннолетними с отклоняющимся от социальных норм поведением и несовершеннолетними правонарушителями различных категорий;

- организовать изучение курсов ювенальной криминологии и девиантологии, международных стандартов ювенальной юстиции для студентов учреждений высшего образования, обучающихся на юридических и педагогических специальностях;

- обеспечить регулярное обучение на соответствующих курсах повышения квалификации работников, задействованных в профилактической работе с несовершеннолетними.

4. Провести в двух-трех регионах Республики Беларусь социальный эксперимент (пилотный проект) по апробированию всех компонентов организационно-управленческой и социально-технологической инфраструктуры системы ювенального правосудия с учетом международного опыта организации работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних.

5. В перспективном плане рассмотреть вопрос о целесообразности создания в Республике Беларусь системы специализированных служб, осуществляющих на профессиональной основе деятельность по защите прав детей, в том числе находящихся в конфликте с законом, функционально ориентированных на планирование и проведение правозащитной и профилактической работы.

Отчет национального исследования эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями в Республике Беларусь обсужден с участием государственных и общественных структур и опубликован в 2012 г. [21].

В рамках рассматриваемого направления исследований Научно-практическим центром осуществлен ряд практических разработок:

- модельные программы повышения эффективности профилактики преступности несовершеннолетних в регионах Республики Беларусь;

- методические рекомендации: «Организация и проведение проверок исполнения законодательства, регулирующего порядок ведения административного процесса в отношении несовершеннолетних и их законных представителей», «Организация и проведение прокурорами проверок соблюдения законодательства, направленного на возмещение расходов по содержанию детей, находящихся на государственном обеспечении, и усиление ответственности родителей за воспитание» и др.;

- концепция и основные положения проекта Закона Республики Беларусь «О профилактике социально опасного положения и правонарушений среди несовершеннолетних»;

— аналитические записки: «О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства, регулирующего порядок ведения административного процесса в отношении несовершеннолетних и их законных представителей», «Проблемы виктимизации несовершеннолетних в Республике Беларусь», «Результатах исследования вопросов криминогенного влияния информационного пространства сети Интернет на несовершеннолетних в современных условиях белорусского общества»;

— и другие.

В соответствии с основными выводами исследований Научно-практического центра в области *теории и практики предупреждения противоправного поведения* профилактика правонарушений представляет собой системную социально-правовую деятельность, направленную как на выявление, нейтрализацию и устранение факторов, причин и условий противоправного поведения, так и на создание необходимых условий для законопослушного поведения граждан, социальной интеграции правонарушителей. Целью профилактики правонарушений является сокращение количества и позитивное изменение структуры фиксируемых статистикой и латентных актов противоправного, а также иного девиантного поведения индивидуумов.

Эффективность организованной на практике системы профилактики правонарушений напрямую зависит от комплексной и сбалансированной реализации мер по всем указанным выше направлениям работы. В связи с этим необходимо рассмотрение профилактики правонарушений как продолжающейся и развивающейся деятельности, в обязательном порядке включающей мониторинг детерминант (факторов, причин и условий) и реализацию на этой основе скоординированных, теоретически обоснованных и целенаправленных мер. Необходимым условием качества практической превентивной деятельности является ее системный характер. Меры по устранению (снижению деструктивного действия) причин и условий противоправного поведения должны быть комплексны, структурированы по направлениям, четко организованы.

Система профилактики правонарушений включает следующие взаимодействующие подсистемы (структурные элементы):

— социальная (общесоциальная) профилактика — деятельность, направленная на создание социальных условий для формирования мотивации социально-позитивного и законопослушного образа жизни, устойчивое экономическое, политическое, социальное и культурное развитие граждан, особенно несовершеннолетних и молодежи, обеспечение материального, социального и духовно-нравственного благополучия населения;

— криминологическая (специальная) профилактика — деятельность, направленная на непосредственное выявление, предотвращение и пресечение преступлений и других правонарушений, выявление и устранение социальных, личностных и других факторов, причин и условий, их детерминирующих, выявление, учет и превентивный социально-правовой контроль преступников, других правонарушителей и лиц из групп риска, склонных к совершению правонарушений;

— правоприменительная профилактика — уголовно-правовая и административно-правовая правоприменительная деятельность, связанная с реализацией ответственности за правонарушения и направленная на исправление правонарушителей, которая оказывает общепредупредительное социальное и психологическое воздействие на население (общая превенция), а также

специальное предупредительное воздействие на привлеченных к ответственности лиц (специальная превенция), способствуя восстановлению социальной справедливости и обеспечивая возмещение причиненного правонарушителями материального и морального вреда;

— виктимологическая профилактика — деятельность в отношении потенциальных жертв правонарушений с целью формирования механизмов, препятствующих совершению в отношении них противоправных действий, направленная на выявление, нейтрализацию и устранение всех социальных, личностных и других факторов, причин и условий подобной виктимизации, на защиту прав жертв правонарушений и на виктимологическое просвещение населения;

— социально-реабилитационная профилактика — деятельность, направленная на диагностику и социальную адаптацию правонарушителей, лиц из групп риска совершения правонарушений, а также жертв преступлений.

Организация системной предупредительной деятельности должна удовлетворять ряду условий (требований), в числе которых: эффективное управление, плановость, индивидуальный подход к профилируемым лицам, ответственность субъектов профилактики, скоординированность их действий и оперативное взаимодействие в ходе осуществления текущей работы. Важным также является кадровое, ресурсное, информационно-аналитическое и иное обеспечение предупредительной деятельности.

Оценка особенностей развития криминальной ситуации в Республике Беларусь в условиях социально-экономических преобразований позволяет говорить о тенденции количественного увеличения в стране социальной группы криминального и виктимного риска, основными характеристиками которой являются: возраст от 30 и старше; неудовлетворенность собственным экономическим и социальным положением; неуверенность в будущем; низкий образовательный уровень (для насильственных и корыстно-насильственных преступников).

Основным социально-психологическим фактором, влияющим на формирование указанной группы и, следовательно, на детерминацию преступности как массового асоциального явления, выступает распространение в общественном сознании (преимущественно среди представителей данной группы) личностных установок социально-экономического пессимизма, обусловленное рядом объективных обстоятельств исторического характера, в числе которых:

— обострившийся в условиях экономического кризиса конфликт между государством, реализующим экономические преобразования, в том числе направленные на устранение в социуме позиций социального и экономического иждивенчества, и значительной частью населения, исповедующей указанные позиции;

— незрелость (незавершенность и противоречивость развития) нравственной и правовой культуры значительной части населения, возраст активной социализации которой пришелся на период политического и экономического распада СССР;

— вестернизация ценностно-целевого комплекса населения, доминирование в массовом сознании ценностных ориентаций, связанных с материальным благополучием, культом денег и материального потребления;

— и другие.

Прогнозируя развитие криминальной ситуации в Республике Беларусь, следует указать на возможность количественного увеличения рассмотрен-

ной выше группы криминального и виктимного риска, в значительной мере обусловленную дальнейшей реализацией мер, связанных с модернизацией социально-экономической сферы и объективно обусловленных реалиями современной мировой экономики.

В данных условиях важной задачей государства и общества является создание защитных механизмов, направленных на активизацию, расширение и системную интеграцию мер докриминальной, криминальной и посткриминальной профилактики правонарушений. Необходима активизация мер правового и организационного характера, направленных на придание профилактике правонарушений системного, предметно-целевого, дифференцированного и индивидуального характера.

При построении стратегии модернизации правоохранительной политики в изменяющихся условиях следует учитывать ряд обстоятельств, объективно снижающих результативность предпринимаемых мер, в том числе:

- сложность создания универсального механизма организации и реализации предупредительной деятельности в стране с учетом наличия ряда регионов, обладающих специфическими чертами развития и характеристиками криминальной ситуации;

- проблему создания на местном уровне самостоятельных профессиональных структур организации и контроля профилактики правонарушений, обладающих в комплексе административно-управленческими полномочиями и надлежащей квалификацией в области предупредительной деятельности, в том числе с целью замены ряда коллегийных, действующих на общественных началах органов, функциональность которых недостаточно эффективна;

- небольшую репрезентативность в структуре белорусского общества социальной группы, способной и желающей участвовать в деятельности по профилактике правонарушений за счет собственных средств и (или) на общественных началах.

К приоритетным и перспективным направлениям правоохранительной политики, связанным с совершенствованием профилактики правонарушений, в Республике Беларусь следует отнести следующие.

а) Создание постоянно действующей системы мониторинга криминальной ситуации и мер по ее улучшению.

Системный мониторинг данных о преступности и мерах по ее предупреждению позволяет адекватно осуществлять познание и прогностическую оценку происходящих изменений. Исходя из сути мониторинга, данная деятельность должна осуществляться в системе государственных органов республиканского и регионального уровней на постоянной основе. Практической целью такого мониторинга является оптимизация системы мер предупреждения и противодействия преступности.

Основными целями мониторинга криминальной ситуации и отчетности о мерах по ее улучшению являются постоянный контроль развития указанной ситуации и формирование на этой основе системы мер эффективной антикриминальной деятельности. Практическими задачами — систематический структурированный анализ преступности на предмет выявления особенностей ее состояния и негативных тенденций развития; оценка связанных с преступностью явлений и процессов на предмет выявления дополнительных источников криминализации общества; анализ полноты и эффективности предпринимаемых антикриминальных мер, соответствия их направленности

выявленным характеристикам преступности; разработка и корректировка мер по предупреждению и противодействию преступности, минимизации социально-деструктивных последствий ее существования в обществе. Методика организации на республиканском и местном уровнях системы мониторинга криминогенной ситуации и отчетности о мерах по ее улучшению разработана в НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в 2011 г.

В контексте развития данного направления в практической плоскости целесообразна модернизация системы государственного учета и оценки эффективности профилактической деятельности, направленная на объективизацию результативности принятых мер, снижение зависимости такой оценки от данных уголовной и административной статистики. Результаты профилактической работы следует оценивать в комплексе с учетом не только объема, но и качества, инновационности, профессионализма и системности мероприятий, направленных на выявление и устранение причин и условий совершения правонарушений.

б) Развитие системы практического криминологического прогнозирования.

В современных условиях для Республики Беларусь организация и осуществление прогнозирования развития криминальной ситуации становится не только задачей научных организаций, но и необходимым условием обеспечения эффективной предупредительной работы на местном уровне. Речь идет о практическом криминологическом прогнозировании, под которым следует понимать научно обоснованную, осуществляемую на регулярной основе, согласованную деятельность субъектов системы предупреждения преступности по выявлению неблагоприятных тенденций развития криминальной ситуации.

Основными целями такого прогнозирования являются разработка и осуществление действенных мер по позитивному изменению (снижению криминогенности) указанных тенденций, нейтрализации (уменьшению негативного влияния) порождаемых или активизируемых ими причин и условий противоправного поведения.

Основные задачи криминологического прогнозирования состоят в том, чтобы дать прогноз развития криминальной ситуации, в максимальной мере приближенный к предстоящей объективной реальности, найти и реализовать адекватные решения проблем совершенствования антикриминальной деятельности в конкретных социальных условиях.

Методика прогнозирования основных показателей, характеризующих криминальную ситуацию, разработана НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в 2013 г.

в) Осуществление комплекса организационных и правовых мер по оптимизации профилактики, прежде всего особо тяжких насильственных преступлений, сопряженных с посягательством на жизнь человека.

Предупреждению наиболее опасных преступлений и преступности в целом будет способствовать более сбалансированная государственная политика по повышению уровня занятости социально-маргинальных групп населения, вовлечению трудоспособных граждан страны в легальный трудовой процесс, предусматривающая не только воспитательные элементы (введение налога на «тунеядство», увеличение минимального стажа для получения пенсии и др.), но и меры стимуляции для отдельных категорий граждан, добровольно изменивших свой социальный образ жизни (например, прошедших курс лечения и реабилитации от алкогольной или наркотической зависимости).

Снижению уровня противоправного поведения, алкоголизации и наркотизации населения Республики Беларусь может способствовать принятие правовых мер, в числе которых:

- разработка и принятие нормативного правового акта концептуального (стратегического) характера, устанавливающего основные цели, задачи и этапы формирования в Беларуси полноценной и эффективной системы социально-правового контроля девиаций, призванной обеспечить согласованность и целостность усилий государственных и общественных структур в процессе совместной деятельности, а также определяющего перспективные направления развития указанной системы на основе научно обоснованных инновационных подходов;

- разработка и принятие Закона Республики Беларусь «О профилактике алкоголизма».

В контексте совершенствования криминологической (специальной) профилактики наиболее перспективными мерами являются следующие:

- 1) Развитие системы превентивного социально-правового контроля преступности, предполагающего реализацию на постоянной основе мониторинговых мероприятий государственных и общественных субъектов профилактики, осуществляемых в отношении правонарушителей и лиц из групп риска совершения правонарушений.

С этой целью Научно-практическим центром было предложено:

- разработать и утвердить правовыми актами местных органов власти и управления формы и механизмы эффективного взаимодействия между всеми субъектами профилактики, иными государственными и общественными структурами по выявлению и контролю ситуаций социального неблагополучия, мест потенциального совершения преступлений, лиц группы риска их совершения. В частности, обеспечить реальную задействованность в данной работе государственных и общественных структур, осуществляющих свою деятельность в непосредственном контакте с населением (жилищно-эксплуатационные, электро-, газо-, водоснабжающие организации, предприятия связи, органы МЧС, организации здравоохранения, социальные службы, субъекты профилактики правонарушений несовершеннолетних, молодежные и иные общественные организации и др.). Основными функциями указанных структур видится не только информирование специализированных субъектов профилактики о выявленных в ходе работы проблемных (в том числе криминогенных) ситуациях, но и обеспечение контроля за их развитием посредством согласованного графика посещения (квартир, домов, территорий), создающего эффект постоянного присутствия представителей государственных и общественных структур;

- разработать и реализовать комплекс мер по активизации защитных механизмов соседского контроля и обеспечению общественности возможностями предотвращения совершения преступлений по месту жительства, в частности, включающий:

- информирование общественности о неблагополучной ситуации в соседней квартире, частном доме, а также об алгоритмах действий в случае возникновения условий криминогенной ситуации;

- установку в проблемных зонах средств экстренного вызова милиции (тревожные кнопки);

- создание механизмов оперативного общественного реагирования на криминогенные ситуации в сельских населенных пунктах, где нет возмож-

ности экстренного приезда наряда милиции, в том числе направленных на разрешение конфликтов в сфере семейно-бытовых, коммунально-бытовых, досугово-бытовых отношений.

2) Специализация и оптимизация работы структур, непосредственно занимающихся профилактикой особо тяжких насильственных преступлений в быту. С этой целью:

- создать благоприятные социально-экономические, организационные, нравственно-психологические, финансовые, материально-технические и другие условия для эффективной профилактической работы, осуществляемой участковыми инспекторами милиции, в том числе посредством: изменения подходов к кадровому формированию службы; уменьшения нагрузки, не связанной с непосредственным осуществлением профилактики правонарушений; снижения документооборота; расширения прав и полномочий должностных лиц при осуществлении контроля результативности проводимых мероприятий; уменьшения количества ведомственных и других проверок;

- повысить уровень профессиональной подготовки работников, особенно в области знаний по криминологии, социальной и возрастной психологии, социальной работе, а также уровень научно-методического обеспечения профилактической и социально-реабилитационной работы с учетом личностных особенностей и социокультурных условий жизни лиц группы риска совершения преступлений.

В целях повышения предметности и соответственно результативности работы службы участковых инспекторов милиции и иных структур, непосредственно задействованных в профилактической деятельности, целесообразно формирование профилактической карты района (административного участка), включающей сведения криминологического характера в привязке к местности и расположенным на ней объектам, позволяющей отследить характерные для соответствующей территории криминогенные процессы, определить зоны повышенного профилактического внимания.

Улучшение результативности индивидуальной профилактической работы может быть связано с совершенствованием методов осуществления деятельности по коррекции личности и образа жизни, социальной адаптации и реинтеграции правонарушителей и лиц группы риска совершения преступлений. В частности, при осуществлении индивидуальной предупредительной деятельности в каждом случае целесообразно разрабатывать индивидуальные программы профилактических действий, осуществляемые во взаимодействии специалистами различных субъектов профилактики, учитывающие личностные особенности и предусматривающие реальные (для профилируемых лиц) альтернативы и стимулы по изменению образа жизни. Указанные программы индивидуального сопровождения должны разрабатываться и реализовываться на уровне первичного звена предупредительной деятельности — советами общественных пунктов охраны порядка с привлечением старост, старейшин, старших по подъездам, улицам, родственников профилируемых лиц, наркологов, работников других субъектов профилактики. Минимальные требования к разработке и реализации таких программ могут быть закреплены в решениях местных органов власти и управления.

Методические рекомендации по прокурорскому надзору за соблюдением законодательства при осуществлении деятельности по предупреждению особо тяжких насильственных преступлений, сопряженных с посягательством на

жизнь человека, разработаны в НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в 2014 г.

г) Виктимологическое направление предупредительной деятельности следует развивать в тесной взаимосвязи с индивидуальной профилактической работой. Основным объектом работы по виктимологическому просвещению населения должно быть социальное окружение лиц группы риска совершения особо тяжких бытовых преступлений (родственники, соседи, коллеги по работе), основным ее содержанием — предоставление объективной информации о причинах и условиях преступлений, способах предотвращения ситуаций виктимологического характера, в том числе направленных на замещение неправовых способов разрешения конфликтов в бытовой сфере правовыми приемами достижения искомого результата, а также мерах, позволяющих обеспечить личную безопасность возможной жертвы преступления.

Система мер по виктимологической профилактике должна носить дифференцированный характер, строиться на принципах адресности и персонализации и учитывать типологию возможных жертв различных преступлений.

Методические рекомендации по организации виктимологической профилактики правонарушений и осуществлению прокуратурой координации и надзора за указанной деятельностью разработаны НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в 2014 г.

д) Совершенствование государственной политики Республики Беларусь в сфере правовой культуры населения, направленное на формирование у современной молодежи системы убеждений, характеризующихся признанием права, пониманием необходимости следовать его предписаниям, навыков владения и реализации норм права.

В ближайшей перспективе целесообразно осуществление комплекса организационных и правовых мер, направленных на повышение внимания к качеству и идеологической составляющей правового просвещения населения, придание данной деятельности системного и целенаправленного характера и в том числе включающих:

- определение государственного органа, ответственного за организацию и координацию работы по правовому просвещению;

- регулярное проведение исследований проблем правосознания, общественного мнения по вопросам права, законности и правоохранительной деятельности;

- разработку программ, методических пособий и иных материалов по проблемам правового воспитания различных групп населения, взаимодействия с общественностью по данному направлению работы;

- повышение соответствующей квалификации работников основных субъектов профилактики правонарушений, в частности включение в планы повышения квалификации вопросов обучения методике и навыкам правового просвещения;

- внедрение новых организационных форм правового просвещения, предполагающих широкое использование современных информационных технологий.

е) Совершенствование системы профилактики связанных с наркотиками правонарушений, направленное на акцентирование внимания к мерам ранней социальной профилактики наркопотребления, работе с группами риска и семьями, неблагополучными в плане межличностных взаимоотношений.

Конкретные предложения Научно-практического центра по совершенствованию антинаркотической деятельности в Республике Беларусь были представлены в ходе деятельности по формированию превентивных норм антинаркотического законодательства (например, дополнение Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» [22] главой четвертой, регламентирующей профилактику потребления наркотиков, разработка проекта Положения о реабилитационном центре для наркозависимых лиц и др.), отражены в монографиях по данной тематике («Преступность, связанная с наркотиками» [23], «Тенденции, причины и меры противодействия наркотизации населения Республики Беларусь» [24]). Меры по оптимизации правоприменительной деятельности раскрыты в Методических рекомендациях по прокурорскому надзору за исполнением законодательства о профилактике потребления наркотиков и связанных с ним правонарушений.

ж) Информатизация деятельности по профилактике правонарушений.

В качестве одной из основных тенденций развития криминальной ситуации в ближайший период времени следует обозначить трансформацию (информатизацию, кибернетизацию) средств и способов совершения традиционных преступлений (хищений, посягательств на половую неприкосновенность, террористической и экстремистской деятельности и др.), а также появление новых составов уголовно наказуемых деяний (размещение незаконного контента в электронных СМИ, виртуальное хулиганство и др.). В отдаленной перспективе следует говорить о качественных изменениях структуры преступности, связанных с влиянием процессов развития информационных технологий на детерминацию противоправного поведения, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи.

В связи с этим уже сейчас следует говорить о переориентации организационных основ профилактики правонарушений в плане изменения приоритетности применения ее основных средств, реструктуризации и качественного перепрофилирования работы субъектов профилактики. Деятельность по устранению причин и условий правонарушений должна в полной мере использовать включенность индивидуумов в виртуальный мир информационных технологий, значимость этой «реальности» для профилируемых лиц. Правовое воспитание, контроль поведения, ответственность за противоправные действия и иные средства превентивного воздействия в конечном итоге должны быть органично «имплантированы» в систему сетевого взаимодействия формирующейся новой социальной организации. Для этого в ближайшей перспективе целесообразным видится разработка концепции информатизации деятельности по профилактике правонарушений, в отдаленной — создание системы законодательства и органов превенции противоправного поведения в сети Интернет [25].

В рамках рассмотренного направления научно-практической деятельности НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь принимает непосредственное участие в формировании Государственных программ по борьбе с преступностью и коррупцией, дает разъяснения по вопросам применения нормативных положений, разрабатывает предложения по совершенствованию криминологического законодательства (Законы Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [26], «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [27] и др.).

Методология и методы проведения криминологической экспертизы правовых актов

составляют предмет получившей на современном этапе развитие и активно разрабатываемой Научно-практическим центром отрасли криминологии — криминологии правообразования (криминологии закона). Прикладные криминологические исследования принимаемого и действующего законодательства, являясь первым шагом реализации теоретических наработок данной отрасли, ориентированы на повышение его превентивного антикриминального воздействия на существующую в обществе систему социальных и индивидуальных связей и взаимодействий. Они направлены на выявление норм, применение которых может повлечь возникновение криминальных последствий в различных сферах общественных отношений, т. е. идентификацию и устранение рисков криминогенного характера. Их основным объектом являются общественные отношения, ограниченные сферой регулируемой практической деятельности, а также кругом лиц, в них участвующих: непосредственно осуществляющих деятельность, принимающих административно-распорядительные решения, контролирурующих процесс их исполнения и др.

Институт криминологической экспертизы становится важным элементом нормотворчества, средством совершенствования национального законодательства и составной частью системы предупреждения и социально-правового контроля преступности. В настоящее время следует говорить о перспективном придании данной деятельности всеобъемлющего характера, статуса обязательного и значимого звена всего правотворческого процесса Республики Беларусь. В связи с этим, наряду с оптимизацией организационно-правовых механизмов реализации рассматриваемых экспертных исследований, значительное внимание должно быть уделено совершенствованию методологии их проведения.

Концептуальной основой проведения прикладных экспертно-криминологических исследований нормативных правовых актов выступают теоретические представления о сущности и роли позитивного (действующего) права в генезисе и распространении преступности. В контексте доминирующего в современной криминологии детерминационного методологического подхода (основанного на широкой трактовке философского принципа детерминизма как всеобщей формы взаимосвязи, взаимовлияния и взаимодействия всех явлений природного и социального мира) преступность рассматривается как массовое социально-деструктивное явление, происхождение и развитие которого обусловлено рядом системно взаимосвязанных детерминант — процессов, явлений, фактов, событий, обстоятельств социального и личностного характера.

Важное значение правовых факторов в системе и процессе детерминации преступности обусловлено функционально-сущностной спецификой правовых установлений. По сравнению с иными социальными регуляторами (мораль, религия, культура, экономика) нормы права являются наиболее динамичным, создаваемым, применяемым и контролируемым государством формализованным источником (средством) упорядочивания общественной деятельности. Правовые нормы, призванные выражать баланс интересов всех социальных групп, личности и общества, как правило, формируются и устанавливаются государством, охраняются им от нарушений с помощью мер государственного принуждения.

Учитывая массовый (всеобщий) характер данной формы социальной регуляции, а также субъективную обусловленность процесса нормотворчества, для норм действующего права закономерны недостатки, способные оказы-

вать негативное влияние на криминогенную ситуацию в обществе. Дефектная в криминологическом плане норма может быть социально-инойродной, т. е. неадекватной объективным (социальным, экономическим, правовым и др.) закономерностям соответствующей сферы, функционально (в регулятивном плане) незавершенной либо избыточной, что не менее опасно с точки зрения возникновения криминогенных последствий [28]. Сущность данных последствий заключается как в непосредственном влиянии формализованного правила поведения на мотивацию совершения конкретного преступления субъектом регулируемых правоотношений, так и в опосредованном воздействии на процесс формирования условий, способствующих совершению преступлений, виктимизации населения.

Эффективность нормативно-правового регулирования объективно зависит от качества вводимых правил, весомой составляющей которого является антикриминальный потенциал законодательства — способность предупреждать и пресекать правонарушающее поведение субъектов регулируемых отношений. Кроме того, правовое регулирование не должно включать нормы, детерминирующие правонарушения в силу наличия рисков криминогенного характера непосредственно в конструкциях таких норм. Для выяснения данных вопросов изучается практика реализации действующих нормативных правовых актов, определяются схемы распространенных нарушений законодательства, а также моделируются потенциальные правонарушения.

На практике антикриминальный потенциал действующего законодательства измеряется посредством изучения данных уголовной и административной статистики, материалов соответствующих производств за время правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений.

В отношении вводимых правил поведения применяется моделирование криминогенных последствий правоприменения, которое, по сути, можно считать методологическим ядром исследовательского этапа криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов. При этом предмет исследования эксперта не ограничивается схемами потенциальных правонарушений, а объективно включает поиск компромиссных решений, связанных с формированием эффективного и безопасного в криминологическом плане регулирующего воздействия права. Данный этап можно охарактеризовать как аналитико-прогностическое экспертное исследование проекта правового акта, результатами которого являются обоснованное заключение о наличии либо отсутствии рисков криминогенного характера, а также рекомендации по устранению дефектов правовых норм и конструкций.

В контексте реализации данного направления научных исследований НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь подготовлены: Методические рекомендации по проведению криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь; Комментарий к Методическим рекомендациям по проведению криминологической экспертизы проектов правовых актов, утвержденным приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 46 «Алгоритм проведения криминологической экспертизы»; Инструкция по проведению криминологической экспертизы; ряд методических разъяснений по вопросам проведения криминологической экспертизы проектов правовых актов Главы государства, принятых (изданных) нормативных правовых актов, актов ограниченного распространения, а также проектов правовых актов Главы государства и постановлений Совета Министров, кото-

рыми принимаются решения о проведении переговоров по проектам межгосударственных и международных договоров.

Учитывая результаты исследований Научно-практического центра в сфере методологии и практики реализации криминологических и антикоррупционных экспертиз проектов правовых актов, Республика Беларусь инициировала предложение о необходимости проведения антикоррупционной экспертизы проектов правовых актов Союзного государства, которое было принято. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 25 февраля 2016 г. № 6 «О внесении дополнений в некоторые постановления Высшего Государственного Совета Союзного государства по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы проектов правовых актов Союзного государства» [29] ее проведение стало обязательным в отношении проектов правовых актов, принимаемых Союзным государством. Проведение данной экспертизы возлагается на Департамент правового обеспечения Постоянного Комитета Союзного государства. По просьбе руководства Постоянного комитета Союзного государства на НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь возложено обучение и стажировка сотрудников указанного Департамента по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы, а также методическое обеспечение ее проведения.

Проведение обязательной криминологической экспертизы проектов правовых актов является профильным направлением практической деятельности НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Оно осуществляется в соответствии с Указами Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь» [30] и от 6 июня 2011 г. № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» [31].

Криминологическая экспертиза проектов законов Республики Беларусь проводится с 1 октября 2007 г. По мере расширения данного направления работы Научно-практического центра стали проводиться экспертизы проектов иных нормативных правовых актов, а также мониторинговые криминологические исследования действующего законодательства Республики Беларусь. В статистическом выражении за период осуществления экспертно-криминологической деятельности для проведения криминологической экспертизы в Научно-практический центр поступило 1033 проекта законов, 1966 проектов правовых актов Совета Министров и иных государственных органов, 283 проекта актов Главы государства.

В настоящее время в среднем в день в Научно-практический центр для проведения криминологической экспертизы поступает около 4 проектов. Вместе с тем анализ законодательства, регулирующего вопросы проведения криминологической экспертизы, в сопоставлении с реальным объемом и динамикой нормотворчества в республике дает основания констатировать многократное увеличение числа поступающих проектов нормативных правовых актов в ближайшие годы. Расширение криминологической экспертизы значительно увеличит объем работы Научно-практического центра.

Следует отметить и иные формы участия Научно-практического центра в процессе нормотворчества. Помимо разработки предложений по совершенствованию законодательства, формированию самостоятельных инициативных законопроектов (например, «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию») Центр принимает участие в подготовке про-

ектов нормативных правовых актов по проблемам укрепления законности, правопорядка, борьбы с преступностью. За время работы в Научно-практическом центре рассмотрено более 170 проектов нормативных правовых актов, направленных Генеральной прокуратурой Республики Беларусь для представления предложений и замечаний по их содержанию, внесения рекомендаций по согласованию.

Проблематика научного познания и практического применения *криминалистического моделирования преступлений*, являясь одним из направлений научных исследований НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, стала основой для написания и успешной защиты докторской диссертации заместителя директора Центра Гучка А. Е. «Криминалистическое учение о материальной структуре преступления». Основным результатом данной диссертации стала разработка универсальной теоретико-прикладной криминалистической категории «материальная структура преступления» и созданная на ее основе теоретическая схема объекта криминалистики, соответствующая современным концептуальным подходам моделирования структуры социальной деятельности и доминирующим в криминалистике представлениям о преступлении и следоведении, а также определение и обоснование актуальных направлений использования систематизированных знаний о материальной структуре преступления в криминалистической деятельности.

В 2015 г. Научно-практическим центром завершено проведение фундаментального исследования *«Формирование новой правоохранительной политики как основы эффективной стратегии противодействия правонарушениям и обеспечения стабильности социально-экономических преобразований»*. Настоящее исследование является первым в Республике Беларусь комплексным межотраслевым исследованием, направленным на формирование новой политики и социально-профилактической стратегии противодействия правонарушениям в контексте обеспечения стабильности социально-экономических преобразований и защиты национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз. В нем заложен междисциплинарный подход к пониманию сущности преступности и ее причин в условиях глобальных противоречивых процессов, которые происходят в современном мире. Результаты проведенного исследования вносят существенный вклад в современные представления о противодействии правонарушениям, о правоохранительной деятельности, ее принципах и методах, учитывают особенности происходящих в Республике Беларусь социально-экономических преобразований.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

а) государственная правовая политика в сфере противодействия правонарушениям представляет собой системную деятельность государственных и общественных органов, направленную на обеспечение соблюдения норм действующего законодательства, недопущение причинения вреда правоохраняемым интересам, характеризующуюся активным противостоянием девиантному поведению и выражающуюся в профилактике правонарушений, их пресечении и применении соответствующих мер государственного принуждения к правонарушителям;

б) одним из важнейших обстоятельств, которые необходимо учитывать при реализации государственной правовой политики в форме нормотворческого процесса, является соответствие принимаемых законов общим требованиям, предъявляемым к нормативным правовым актам: соответствие принципам нормотворческой деятельности, согласованность уголовно-правовых норма-

тивных правовых актов с другими нормативными правовыми актами, принятие (издание) уголовных законов в порядке и форме, установленных законодательством Республики Беларусь, соответствие уголовно-правовых нормативных правовых актов нормотворческой технике;

в) направления уголовно-правовой политики в контексте обеспечения социально-экономических преобразований должны определяться соблюдением принципов криминализации. В настоящее время одним из важных требований в процессе криминализации деяний следует признать необходимость ограничения бланкетности норм УК. По возможности это следует осуществлять путем конкретизации уголовно-правового запрета в уголовно-правовой норме. Вместе с тем исследование проблематики криминализации деяний в нормах с бланкетным содержанием признаком преступного деяния позволило разработать ряд типовых моделей конструирования норм, определяющих формальные или материальные составы преступлений. Определенность в формировании уголовно-правового запрета должна строиться на основе международного опыта по ограничению форм вины при криминализации деяний в экономической сфере. В международной законодательной практике в сфере экономической деятельности преступными признаются только те деяния, которые совершаются умышленно;

г) анализ норм действующего УК дает основания для вывода о необходимости декриминализации некоторых деяний в экономической сфере. В частности, одним из направлений декриминализации может быть отказ от уголовной ответственности за деяния с формальными составами, не связанными с причинением реального вреда.

В числе основных результатов исследования следующие:

- сформулированы концептуальные основы политики противодействия правонарушениям в условиях формирования белорусской социально-экономической модели;

- определены теоретические и прикладные аспекты организации эффективной системы противодействия правонарушениям, приоритетные и перспективные направления правоохранительной политики, связанные с совершенствованием их профилактики;

- определены конкретные направления совершенствования деятельности правоохранительных органов;

- разработаны и реализованы на практике предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, норм УК Республики Беларусь;

- сформулированы меры по повышению эффективности уголовно-правовой защиты экономической деятельности и противодействия экономической преступности;

- разработаны направления совершенствования законодательства в области противодействия экономическим правонарушениям, а также законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере экономической деятельности (в частности, сформулированы изменения в налоговое законодательство в русле противодействия экономической преступности; предложены способы решения проблем квалификации уклонения от уплаты сумм налогов, сборов (ст. 243 УК); определена политика противодействия созданию и деятельности лжепредпринимательских структур; сформулированы способы повышения уровня взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов; изучен вопрос о возможности применения амнистии капиталов в Республике Беларусь и т. п.);

— выявлены тенденции в динамике и структуре коррупционной преступности, определены направления совершенствования политики в области противодействия коррупционным правонарушениям;

— определены возможности криминологической экспертизы как средства предупреждения и профилактики правонарушений.

Научно-практический центр осуществляет востребованные в правоохранительной деятельности криминологические исследования и оперативно разрабатывает предложения по повышению эффективности борьбы с преступностью. Только за последние пять лет выполнено более 500 поручений и запросов аналитического, разъяснительного, консультативно-экспертного и правоприменительного характера. Основными адресатами разъяснений и консультаций Научно-практического центра, помимо органов прокуратуры, выступают Следственный комитет, МВД Республики Беларусь и иные государственные структуры.

Ориентированные на практику правоохранительной деятельности исследования Научно-практического центра проводятся в сферах наиболее актуального применения его научного потенциала.

Так, отработаны и сформулированы базовые принципы и формулы, определяющие критерии отнесения деяний к экстремистской деятельности в рамках складывающейся международной ситуации и с учетом национальных приоритетов Республики Беларусь, которые получили отражение в новых редакционных изменениях Закона «О противодействии экстремизму» [32] и Уголовного кодекса Республики Беларусь (преступления против государства).

Подготовлены и направлены в Генеральную прокуратуру методические рекомендации, в частности по организации и проведению надзорных проверок соблюдения миграционного законодательства; по осуществлению прокурорского надзора за соблюдением законодательства уголовно-исполнительными инспекциями при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности; по осуществлению надзора за соблюдением трудовых прав граждан; по осуществлению прокурорского надзора за законностью соединения и выделения уголовных дел; по осуществлению прокурорского надзора за законностью приостановления и возобновления производства предварительного следствия по уголовным делам; по прокурорскому надзору за соблюдением законодательства о декларировании доходов и имущества государственных должностных лиц; по прокурорскому надзору за соблюдением права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс на стадии предварительного расследования; и другие*.

В контексте осуществления аналитических исследований Научно-практическим центром ежегодно проводится анализ криминальной ситуации в Республике Беларусь и государствах — участниках СНГ, подготовлены аналитические записки: о результатах проведения криминологического мониторинга законодательства в наиболее криминогенных сферах общественных отношений; по результатам мониторинга прокурорско-надзорного законодательства стран СНГ, Украины; по результатам мониторинга прокурорско-надзорного законодательства и практики его применения в социальной сфере; о состоянии

* Перечень научно-методических и аналитических разработок Научно-практического центра в полном объеме представлен на сайте Генеральной прокуратуры Республики Беларусь (<http://npc-s09/prokuratura.gov.by>).

правового регулирования в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности и ряд других.

Результаты исследований Научно-практического центра находят отражение в *публикациях сотрудников*. Опубликовано более 70 монографий, 2 патента, 3 автореферата диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук и 1 – докторской диссертации, свыше 900 статей и тезисов научных конференций. По направлениям научной деятельности это в основном работы уголовно-правовой и криминологической направленности, а также результаты научно-прикладных исследований в сфере уголовного процесса и прокурорского надзора.

Среди ведущих опубликованных разработок Научно-практического центра (помимо указанных выше): «Комментарий к Закону о борьбе с коррупцией» [33]; «Научно-практический комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь» [34]; «Алгоритмы квалификации взяточничества» [35]; «Комментарий к Закону „О прокуратуре Республики Беларусь“» [36]; «Надзор прокурора за оперативно-розыскной деятельностью» [37]; «Квалификация преступлений против порядка осуществления экономической деятельности» [38] и другие.

В Научно-практическом центре ежегодно издается *сборник научных трудов* «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции». За истекший период изданы восемь выпусков сборника, где опубликовали свои труды более 360 авторов из всех регионов Беларуси, а также из России, Казахстана, Украины, Словении, Китая и др. Сборник включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.

С момента создания в Научно-практическом центре ведется работа по накоплению криминологической информации и автоматизации процессов ее использования в научно-практической деятельности. Библиотека Научно-практического центра насчитывает более 2500 единиц научной, методической и справочной литературы, около 30 разновидностей научных и практических периодических изданий юридического профиля.

В НППЦ Генеральной прокуратуры открыта докторантура и успешно ведется подготовка научных кадров высшей квалификации в области юриспруденции в сфере правового обеспечения правоохранительной деятельности. В настоящее время в докторантуре Научно-практического центра обучаются 7 соискателей, из них 4 человека являются иностранцами.

Научно-практический центр активно развивает международные научные связи в целях обмена информацией, необходимой для изучения и анализа теории и практики борьбы с преступностью и укрепления правопорядка. Работники Научно-практического центра принимают участие в межведомственных, республиканских и международных научных и научно-практических конференциях по актуальным проблемам в области криминологии, проведения криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, совместно с представителями международных организаций участвуют в проведении комплексных научных исследований.

За время деятельности в Научно-практическом центре сформирован коллектив, способный решать методологические, стратегические организационно-управленческие и оперативные задачи в сфере укрепления законности и право-

порядка. Здесь работают ученые, внесшие значительный вклад в развитие белорусской юридической науки и правоприменительной практики, а также опытные прокурорские работники. Руководством Научно-практического центра обеспечены необходимые условия для эффективного исполнения работниками своих профессиональных обязанностей на основе законности, норм морали и профессиональной этики, а также повышения квалификации специалистов.

НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь снискал заслуженное уважение в системе органов прокуратуры, среди работников правоохранительных и иных государственных органов республики, научных организаций зарубежных стран, государств-членов СНГ.

Список использованных источников

1. Хомич, В. М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (Теоретическая концепция и правовая модель института уголовной ответственности): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. М. Хомич. — Минск, 1997. — 38 с.; *Его же*. Формы реализации уголовной ответственности / В. М. Хомич. — Минск: БГУ, 1998. — 132 с.
2. О создании государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 3 авг. 2006 г. № 482; в ред. Указов Президента Респ. Беларусь от 01.10.2014 № 463 // Консультант Плюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
3. Хомич, В. М. Принцип нормализации разумности идеальных философских начал и социальных практик как критерий истинности методологии правовых исследований / В. М. Хомич // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сб. науч. ст. / редкол.: А. Л. Савенок (отв. ред.) [и др.]. — Минск: Акад. МВД, 2012. — С. 74–79.
4. Хомич, В. М. Применение наказаний, альтернативных лишению свободы / В. М. Хомич // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь. — Минск: Рэйплад, 2009. — С. 265–293.
5. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г. № 672 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
6. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г. № 241-З; в ред. от 10.07.2015 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
7. Хомич, В. М. Социальная компенсация как элемент уголовной ответственности и ее реализация при применении уголовных санкций / В. М. Хомич // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Шестой Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 янв. 2009 г. — М.: Проспект, 2009. — С. 32–36.
8. Хомич, В. М. Институционализация делового риска в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключающего преступность злоупотребления профессиональным правом на предпринимательский риск для решения значимой экономической задачи / В. М. Хомич // Право. бу. — 2015. — № 5 (37). — С. 23–32.
9. Хомич, В. М. Криминологическое прогнозирование поведения осужденных, досрочно освобождаемых из мест лишения свободы (Научно-методические рекомендации по прогнозированию пенитенциарного рецидива преступлений) / В. М. Хомич, В. Е. Бурый; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск: БГУФК, 2014. — 108 с.

10. Хомич, В. М. К вопросу о состоянии и совершенствовании правового регулирования социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы / В. М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.]; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. Прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск: РИПО, 2015. — Вып. 8. — С. 9–26.

11. Сащeko, П. И. О системе принципов антикоррупционной политики / П. И. Сащeko // Криминологическая ситуация и реагирование на нее / под ред. А. И. Долговой. — М.: Рос. криминол. ассоц., 2014. — С. 262–264.

12. Сащeko, П. И. О некоторых проблемах разработки антикоррупционных стандартов / П. И. Сащeko // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.]; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск: БГУФК, 2014. — Вып. 7. — С. 72–79.

13. Сащeko, П. Коррупция в сфере закупок: ответственность юридических лиц / П. Сащeko, Н. Шакель // Тендер. — 2011. — № 27–28 (560–561). — С. 14–19.

14. Сащeko, П. И. Перспективы введения в Республике Беларусь уголовной ответственности юридических лиц и проблемы кодификации / П. И. Сащeko // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Рос. конгр. уголов. права, Москва, 30–31 мая 2013 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; отв. ред. В. С. Комиссаров. — М.: Юрлитинформ, 2013. — С. 632–634.

15. Противодействие коррупции = Combating corruption: учеб. пособие / Н. А. Бабий [и др.]; под общ. ред. А. В. Конюка. — Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. — 498 с.

16. Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.]; под общ. ред. В. М. Хомича. — Минск: Тесей, 2008. — 504 с.

17. Хомич, В. М. Оперативный эксперимент как способ выявления взяточничества: моногр. / В. М. Хомич, И. И. Бранчель; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск: БГУФК, 2009. — 240 с.

18. Бабий, Н. А. Квалификация взяточничества: научное исследование белорусского и российского опыта / Н. А. Бабий. — Минск: Тесей, 2011. — 860 с.

19. Сवादковская, Е. А. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению, выявлению и пресечению коррупционных правонарушений в сфере управления хозяйственными обществами, акции (доли в уставных фондах) которых принадлежат государству: практ. рук. / Е. А. Сवादковская; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск: БГУФК, 2014. — 47 с.

20. Сवादковская, Е. А. Правомочия государственных юридических лиц по распоряжению закрепленным за ними имуществом и деятельность органов прокуратуры по предупреждению, выявлению и пресечению коррупционных правонарушений в этой сфере: метод. рекомендации / Е. А. Сवादковская; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск: БГУФК, 2014. — 44 с.

21. Отчет национального исследования эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями в Республики Беларусь / В. М. Хомич [и др.]; Генер. прокуратура Респ. Беларусь, ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь», Представительство Дет. Фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Респ. Беларусь. — Минск, 2012. — 246 с.

22. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах: Закон Республики Беларусь, 13 июля 2012 г. № 408-З // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

23. Хомич, В. М. Преступность, связанная с наркотиками (результаты комплексного анализа) / В. М. Хомич, А. В. Солтанович, О. В. Русецкий; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск, 2010. — 78 с.

24. Хомич, В. М. Тенденции, причины и меры противодействия наркотизации населения Республики Беларусь: социально-правовое исследование / В. М. Хомич, О. В. Русецкий; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск: БГУФК, 2014. — 46 с.

25. Русецкий О. В. Факторы развития криминальной ситуации в сетевом обществе / О. В. Русецкий // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В. М. Хомич [и др.]. — Минск, 2015. — С. 50–60.

26. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Республики Беларусь, 4 янв. 2014 г. № 122-З // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

27. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г. № 200-З; в ред. от 12.12.2013 № 84-З // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

28. Хомич, В. М. Криминология правообразования или к вопросу о сущности и понимании криминологической экспертизы / В. М. Хомич // Законность и правопорядок. — 2007. — № 1. — С. 17–22.

29. О внесении дополнений в некоторые постановления Высшего Государственного Совета Союзного государства по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы проектов правовых актов Союз. государства: постановление Высш. Гос. Совета Союзного государства, принято в Минске 25 февр. 2016 г. № 6 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

30. О криминологической экспертизе: Указ Президента Республики Беларусь, 29 мая 2007 г. № 244; в ред. от 24.01.2014 г. № 49 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

31. О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы: Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июня 2011 г. № 230; в ред. от 17.07.2015 г. № 328 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

32. О противодействии экстремизму: Закон Республики Беларусь, 4 января 2007 г. № 203-З; в ред. от 20.04.2016 г. № 358-З // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

33. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / С. А. Акулова [и др.]; под общ. ред. В. М. Хомича. — Минск: Пересвет, 2013. — 232 с.

34. Научно-практический комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. В. М. Хомича. — Минск: ГИУСТ БГУ. — 2012. — 696 с.

35. Бабий, Н. А. Алгоритмы квалификации взяточничества: науч.-метод. пособие / Н. А. Бабий. — Минск: Тесей, 2012. — 284 с.

36. Комментарий к Закону «О прокуратуре Республики Беларусь» / Л. Г. Букато [и др.]; под общ. ред. А. В. Конюка. — Минск: Амалфея, 2012. — 264 с. (ст. 24, 25 гл. 3; гл. 6; гл. 16; гл. 17).

37. Надзор прокурора за оперативно-розыскной деятельностью: метод. рекомендации / сост. И. И. Бранчель; под ред. В. М. Хомича; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск: БГУФК, 2011. — 103 с.

38. *Гладкий, П. А.* Квалификация преступлений против порядка осуществления экономической деятельности: методическое пособие / П. А. Гладкий; под ред. В. М. Хомича; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск: БГУФК, 2011. — 270 с.

Дата поступления статьи — 14.07.2016.

Качество, результативность и социальный эффект научных исследований в сфере противодействия преступности и иным видам деструктивных девиаций бесспорно зависит от системности и регулярности их проведения, организационной обеспеченности научной работы, ее тесной взаимосвязи с правоприменительной практикой. Это подтверждает целесообразность реформирования в данном направлении правовой научной деятельности в Республике Беларусь.

В статье осуществлен обзор основных результатов исследовательской и прикладной деятельности ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», созданного десятилетие назад в системе органов прокуратуры.

Публикацией обосновывается тезис о том, что создание Научно-практического центра послужило отправной точкой возрождения отечественной криминологической науки, формирования теории и практики проведения экспертно-криминологических исследований законодательства, способствовало развитию уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иных отраслей права в Республике Беларусь.

Quality, productivity and social effect of scientific researches in sphere of counteraction of criminality and to other kinds of destructive deviations undoubtedly depends from integrated systemic approaches and regularities of their carrying out, organizational provision of scientific work and its close interrelation with law enforcement practice. It proves expediency of reforming in the previously mentioned direction of legal scientific activity in Belarus.

In article the review of the basic results of research and applied activity public office «The Scientifically-practical centre of problems of strengthening of legality and the law and order of the State Office of Public Prosecutor of Belarus», which is created a decade ago in system of bodies of Office of Public Prosecutor, is carried out.

The publication proves the thesis that creation of the Scientifically-practical centre has served as a starting point of revival domestic criminological sciences, formations of the theory and practice criminological researches of legislation, promoted development criminal, criminally-remedial, criminally-executive and other branches of the right in Belarus.

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аскулев А. III.

Формирование уголовно-исполнительной политики Казахстана и ее развитие происходило и происходит под воздействием целого ряда политических, социально-экономических, идеологических, исторических факторов, а также

международного влияния. Как известно, в бытность в составе СССР Казахстан был превращен в страну «тюрем». Так, с 1976 по 1986 г. численность осужденных в УИС Казахстана ежегодно возрастала на 4–7 %. В 1986 г. в 91 учреждениях УИС содержалось свыше 105 тысяч осужденных. Только в 1987 г. в связи с принятием Закона об амнистии в честь 70-й годовщины Октябрьской революции удалось сократить численность осужденных в Казахстане на 19 тысяч. Более того, изменение политического курса страны в целом оказало значительное позитивное влияние на динамику численности в последующие годы. Это привело к тому, что с 1989 по 1993 г. численность осужденных существенно снизилась и оставалась стабильной на уровне 58–59 тыс. [1].

В целом вся правоохранительная деятельность в республике с 1989 г. определялась «Программой борьбы с преступностью и укрепления правопорядка в Казахской ССР на 1989–1995 гг.», утвержденной постановлением Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 12 декабря 1989 г. № 4351-XI [2], разработанной на основе сложившихся политических и социально-экономических реалий того времени.

Вместе с тем с начала 90-х г. XX в. коренным образом изменилась социально-политическая обстановка в стране. В связи с обретением республикой суверенитета, глубинными преобразованиями политической и экономической системы многие положения Программы борьбы с преступностью и укрепления правопорядка в Казахской ССР на 1989–1995 гг. утратили свое значение, а некоторые вошли в противоречие с обновленным республиканским законодательством.

Кроме того, на начальной стадии развития Казахстана произошло резкое снижение валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, т. е. можно было говорить о резком падении дохода, что естественным образом приводило только к нарастанию кризисных явлений в социальной сфере. Так, за период 1990–1999 гг. ВВП Казахстана сократился на 12,8 млрд долл. США, или на 43,1 % до 16,9 млрд долл. США. Среднегодовой прирост ВВП Казахстана составил 1,4 млрд долл. США, или 4,8 %. В течение 1990–1999 гг. ВВП на душу населения в Казахстане уменьшился на 687 долл. США, или на 37,4 % до 1149 долл. США. Среднегодовой прирост ВВП на душу населения в Казахстане составил –76,3 долл. США [3].

Крайне сложная экономическая ситуация привела к резкому росту преступности, которая, в свою очередь, стала фактором, серьезно тормозящим процесс экономических реформ и способствующим существенному росту социальной напряженности в обществе. Все это требовало разработки нового концептуального документа, определявшего основные направления развития законодательства страны, реформы судебной, а также всей правоохранительной деятельности, включая и пенитенциарную деятельность.

Таким документом, определившим важнейшие направления правового развития суверенного Казахстана, выступила Государственная программа правовой реформы, утвержденная Главой государства 12 февраля 1994 г. № 1569 [4], которая определила в том числе и перспективы развития уголовно-исполнительной политики страны. Реализация положений программы в этой части нашла свое отражение в последующем в разработке и принятии в 1997 г. нового Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан. В нем была закреплена прогрессивная система отбывания наказания, включен новый раздел «Правовое положение осужденных», детализированы права и обязанности лиц, отбывающих уголовные наказания, в том числе в области личной безопас-

ности и обеспечения свободы совести, и т. д. При этом законодательство было впервые ориентировано на соблюдение международных норм и стандартов, что подчеркивается п. 11 ст. 10 УИК РК 1997 г.

Начальный этап становления Казахстана, как видно, характеризовался крайне сложной социально-экономической обстановкой в стране и, как следствие, сложной криминогенной обстановкой, что отрицательно сказалось и на пенитенциарной деятельности. Например, с 1993 по 1996 г. ежегодный прирост лиц, содержащихся в учреждениях УИС, составлял около 10 тыс. человек, и численность осужденных возросла с 64 до 94 тыс. [1]. Большое влияние на это оказала ликвидация в 1993 г. института условного осуждения с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 23–2 УК Казахской ССР) и условного освобождения с обязательным привлечением к труду (ст. 46–2 УК Казахской ССР). В зависимости от потребности в республике действовало до 80 специальных комендатур, а численность указанных лиц доходила до 20 тысяч человек [1]. В начале 1990-х гг. в связи с остановкой большого количества предприятий и прекращением строительства новых возникли трудности с трудоустройством осужденных, количество комендатур стало стремительно сокращаться. Было принято решение об отмене этих институтов наказания. В результате осужденные, которым ранее судами назначалась данная уголовно-правовая мера, стали направляться в исправительные колонии. Перестало применяться и условное освобождение с обязательным привлечением к труду.

Резкое увеличение числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы, требовало серьезных, кардинальных мер по стабилизации ситуации в пенитенциарных учреждениях. И 90-е годы прошлого века характеризовались проведением трех амнистий, в результате чего число осужденных удалось стабилизировать в пределах 84 тыс. человек. Так, по амнистии 1996 г. из исправительных учреждений было освобождено 10 988 осужденных; по амнистии 1999 г. — 15 705 осужденных, а в 1998 г. в связи с декриминализацией ряда деяний из исправительных учреждений было освобождено 6900 человек [1].

Все это свидетельствует о том, что пенитенциарная система Казахстана функционировала в сложной обстановке. В частности, переполненность имеющихся исправительных учреждений создавала трудности в размещении осужденных, обеспечении режима и надзора, предотвращении правонарушений в местах лишения свободы, обеспечении безопасности осужденных, а также проведении с ними воспитательной работы. Также крайне осложнилась обстановка с трудовой занятостью осужденных, проведением лечения осужденных, больных туберкулезом, организацией коммунально-бытовых условий. Имелись проблемы в профессиональной подготовке, социальном обеспечении сотрудников УИС, а также их безопасности. Технические средства надзора и охраны в ИУ морально и физически устаревали и требовали обновления.

Разрешение всех этих проблем требовало комплексного системного подхода. В связи с этим и была разработана и принята в 1996 г. первая Программа по материально-техническому и социально-правовому обеспечению УИС МВД РК мест предварительного заключения под стражу ГСК Республики Казахстан на период до 2000 г., утвержденная постановлением Правительства от 1 октября 1996 г. № 1199 «О мерах по стабилизации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы и мест предварительного заключения под стражу в Республике Казахстан» [5].

Решение задач развития правовой политики Казахстана в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний осуществлялось поэтапно, путем реализации специализированных правительственных программ. Так, были приняты и реализованы: программа улучшения материально-технической базы исправительных учреждений и следственных изоляторов Республики Казахстан на 2001–2003 гг., утвержденная постановлением Правительства от 22 января 2001 г. № 92 [6]; программа дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан на 2004–2006 гг., утвержденная постановлением Правительства от 31 декабря 2003 г. № 1376 [7]; программа дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан на 2007–2009 гг., утвержденная постановлением Правительства от 6 августа 2007 г. № 673 [8]; программа развития уголовно-исполнительной системы в Республике Казахстан на 2012–2015 гг., утвержденная постановлением Правительства от 9 июня 2012 г. № 775 [9].

Особо следует отметить, что данные программы предусматривали мероприятия по поэтапному улучшению материально-технической базы пенитенциарной системы, вплоть до строительства новых исправительных учреждений; улучшению условий содержания осужденных; введению в штаты исправительных учреждений психологов; укреплению связей с общественными и религиозными организациями и т. д.

Вместе с тем, к сожалению, не все мероприятия Программ удавалось реализовать своевременно и в полном объеме из-за недостатка финансирования. Хотя следует отметить, что Правительство страны, понимая важность решения данных проблем, из года в год увеличивало финансирование пенитенциарной системы. Так, если на реализацию Программы на 2003–2006 гг. из республиканского бюджета было запланировано выделение 7 млрд 401 млн 262 тыс. тенге, то на осуществление мероприятий, намеченных Программой на 2007–2009 гг., было выделено 25 млрд 100 млн 613 тыс. тенге, а на реализацию Программы на 2012–2015 гг. — 21 млрд 911 млн 631 тыс. тенге [10].

Такое стало возможным благодаря позитивному изменению с 1999 г. экономической ситуации в стране. Например, в течение 1999–2015 гг. ВВП Казахстана увеличился на 207,5 млрд долл. США или в 13,3 раза до 216,3 млрд долл. США, а также на 205,6 млрд долл. США благодаря увеличению показателя ВВП на душу населения в Казахстане на 11 280 долл. США. Среднегодовой прирост ВВП Казахстана составил 14,8 млрд долл. США или 87,7 %. За период 1999–2015 гг. ВВП на душу населения в Казахстане увеличился на 11 280 долл. США, или в 11,9 раза до 12 424 долл. США [3].

Значительное улучшение экономической ситуации в стране и восприятие государством и обществом требований международных стандартов в сфере противодействия преступности впервые на самом высоком политическом уровне привело к признанию необходимости гуманизации системы уголовных наказаний и условий содержания в исправительных учреждениях, о чем было заявлено Главой государства в послании народу Казахстана 2001 г. «О положении в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики на 2002 г.» [11].

Это привело к тому, что в рамках гуманизации уголовно-исполнительной политики страны уголовно-исполнительная система постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 декабря 2001 г. № 1755 была передана из ведения МВД РК в ведение гражданского ведомства — Министерства юстиции Республики Казахстан [12]. Такая передача тюремного ведомства, основной задачей которого является исправление лиц, совершивших преступление, из силового (полицей-

ского), репрессивного органа, основной задачей которого является привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, в гражданское ведомство позволила на начальном этапе существенным образом гуманизировать уголовно-исполнительную политику и приблизить ее к мировым стандартам.

Были приняты целый ряд поправок в УК РК и УИК РК, в целом гуманизирующих уголовную и пенитенциарную политику страны. Так, Законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан» от 21 декабря 2002 г. было внесено более ста поправок, направленных на гуманизацию уголовной и уголовно-исполнительной политики и качественное повышение уровня защищенности прав и свобод граждан, попавших в орбиту уголовно-правовых отношений. В частности, были внесены изменения, позволившие значительно улучшить условия отбывания наказания осужденным в местах лишения свободы и сократить контрольные сроки, соблюдение которых позволяет делать определенные «уступки» в отношении осужденных в части изменения вида исправительного учреждения.

Приверженность страны избранному курсу гуманизации уголовно-исполнительной политики и ее приближения к мировым стандартам была подтверждена в послании Президента Казахстана народу Казахстана «Основные направления внутренней и внешней политики на 2004 г.». В нем Глава государства обозначил необходимость продолжения гуманизации сферы уголовной политики страны путем введения моратория на применение смертной казни [13]. В связи с этим Указом Президента страны от 17 декабря 2003 г. № 1251 был введен мораторий на исполнение смертной казни [14]. Таким образом, Казахстан в исторически кратчайшие сроки в своем развитии сделал гигантский шаг в сторону гуманизации одной из наиболее консервативных сфер своей деятельности, поскольку менее чем десятилетие назад, по сведениям Международной Амнистии, в Казахстане в 1995 г. было вынесено 110 смертных приговоров, приведено в исполнение — 101. И среди стран, по которым известно число произведенных казней за 1995 г., только три страны (Китай, Нигерия и Саудовская Аравия) казнили большее число людей, чем Казахстан [15].

То есть можно говорить о том, что Казахстан, будучи суверенным государством, в исторически кратчайшие сроки добился позитивного разрешения такого сложного, имеющего многовековую историю вопроса, как применение смертной казни (страна менее чем за 10 лет прошла путь от широкого применения смертной казни до полного моратория на ее применение).

Вот что писал относительно сложности подобного изменения известный ученый XIX в. А. Ф. Кистяковский: «Ни одно великое открытие в области морали и ни одно усовершенствование в жизни человеческих обществ не совершалось вдруг и без борьбы: на осуществление их тратится всегда много времени и трудов; каждое усовершенствование сначала имеет за себя самое незначительное число людей избранных, и только после упорной борьбы со старым порядком оно принимается большинством и затем делается достоянием всех. Такова история отмены преследования ведьм и еретиков, такова судьба уничтожения пыток, изуродований, телесных наказаний и т. д. Та же история повторяется и со смертной казнью» [16, с. 77].

На наш взгляд, значительным шагом на пути гуманизации пенитенциарной политики явилось введение Законом от 20 декабря 2004 г. № 25 в УИК РК (ст. 19–1) и Законом «Об органах юстиции» (ст. 12–1) общественного контроля за местами лишения свободы. Постановлением же Правительства от 16 сентября 2005 г.

№ 924 были приняты «Правила образования областных (города республиканского значения, столицы) общественных наблюдательных комиссий» [17], что позволяет общественности контролировать деятельность исправительных учреждений и следственных изоляторов и существенным образом повысить уровень защищенности прав и свобод лиц, в них содержащихся. Также необходимо обратить внимание на законодательное внедрение в правоприменительную практику в соответствии с Законом РК от 15 февраля 2012 г. № 556-IV службы пробации [18].

Особо следует указать, что впервые направления развития уголовно-исполнительной политики были специально детализированы в Концепции правовой политики Республики Казахстан на период 2010–2020 гг., утвержденной Указом Главы государства от 24 августа 2009 г. № 858, в которой было указано, что необходимо: создать условия для более широкого применения уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией от общества; создать специализированный орган, ответственный за исполнение наказаний, альтернативных лишению свободы; принять меры, повышающие воспитательный компонент лишения свободы; разрешить проблему трудоустройства осужденных к лишению свободы; усилить меры по повышению статуса и обеспечению социально-правовой защиты персонала уголовно-исполнительной системы; перейти к камерному порядку содержания; развивать механизмы общественного контроля за соблюдением прав и законных интересов осужденных; повысить качество медицинского обслуживания лиц, находящихся в местах лишения свободы; принять системные меры, направленные на обеспечение целенаправленной государственной политики в сфере ресоциализации граждан, освободившихся из мест лишения свободы, как полноправных членов общества; систему исполнения уголовных наказаний и дальше приближать к общепризнанным международным стандартам [19]

В рамках реализации положений данной Концепции под эгидой Генеральной Прокуратуры страны было проведено три форума тюремной реформы:

– Первый форум тюремной реформы от 28 марта 2013 г. «Вместо тюрем – пробация и электронные браслеты», посвященный вопросу снижения тюремного населения страны, на котором была предложена Концепция «10 мер по снижению тюремного населения»;

– Второй форум тюремной реформы от 12 декабря 2014 г. «Занятость в колониях-2017», посвященный проблемам увеличения трудовой занятости осужденных к лишению свободы, на котором был предложен План мероприятий по реализации проекта «Занятость в колониях-2017»;

– Третий форум тюремной реформы от 11 декабря 2015 г. «Ресоциализация: Сен қоғамға керексін! Ты нужен обществу! Society needs you!», посвященный проблемам ресоциализации лиц, оказавшихся в орбите уголовного правосудия, на котором была предложен План «Меры по повышению эффективности системы ресоциализации».

Реализация рекомендаций первых двух форумов уже оказала существенное позитивное влияние на уголовно-исполнительную политику страны.

Так, за последние три года улучшен рейтинг страны по тюремному индексу с 35-го до 40-го места (на 01.01.2015 г. – 48 тыс. заключенных). За 10 месяцев 2015 г. тюремный контингент в Казахстане уменьшился еще на 6,5 тыс. человек и впервые стал ниже 41 тыс., что соответствует 57-му месту в международном тюремном рейтинге. Более того, суды больше стали применять наказания, не связанные с лишением свободы. В исправительных учреждениях за прошедший год появилось 133 субъекта частного бизнеса, они обеспечили работу 1865

осужденным. До этого в исправительных учреждениях было всего 16 субъектов бизнеса. Впервые в истории исправительных учреждений 20 осужденных стали субъектами бизнеса, оформившись как индивидуальные предприниматели. Внутри колоний они разводят кроликов, шьют обувь, пишут картины, мастерят сувениры и т. д. За 9 месяцев 2015 г. заключенные возместили потерпевшим ущерб на 640 млн долл. Это в 2 раза больше, чем за весь 2014 г. (351 млн долл.) [20].

В ходе Третьего форума в целях успешной ресоциализации лиц, попавших в орбиту уголовного правосудия, было предложено внедрить три формы пробационного контроля: досудебный, пенитенциарный и постпенитенциарный, а также изменить парадигму общественного восприятия осужденных как лиц, потерянных для социума, сформировать у осужденных чувство уверенности, что они способны стать полноценными членами общества, и модернизировать инфраструктуру ресоциализации, чтобы экс-заключенный быстрее вернулся к привычной социальной жизни [20].

На сегодня благодаря новому Уголовно-исполнительному кодексу от 5 июля 2014 г., уголовно-исполнительная политика страны получила новый импульс в сторону ее дальнейшей гуманизации. Так, введены новые Главы (5 и 8), регламентирующие вопросы пробационного контроля и деятельности общественных наблюдательных комиссий. Впервые закреплено положение, позволяющее широкой общественности участвовать в исправительном процессе осужденных. Пересмотрен и расширен перечень принципов УИК. Расширены и детализированы права и обязанности осужденных; введена норма, закрепляющая и определяющая степени поведения осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Главой 24 УИК регламентируются особенности отбывания наказания в виде лишения свободы с камерными условиями содержания и др.

Таким образом, за прошедшее с момента обретения Казахстаном суверенитета государством проделана большая работа по совершенствованию пенитенциарной политики страны. Реализован целый комплекс мер, которые позволили поэтапно решить многие приоритетные вопросы и достичь серьезных положительных результатов.

Вместе с тем возврат уголовно-исполнительной системы из министерства юстиции в Министерство внутренних дел [21], отсутствие самостоятельной полноценной службы пробации и действенной системы ресоциализации лиц, отбывших лишение свободы, а также продолжающееся поверхностное отношение законодателя и правоприменителя к концептуальным основам уголовно-исполнительной политики, слабая кадровая политика и далекая от мировых стандартов материально-техническая база учреждений УИС являются факторами, негативно влияющими на эффективность проводимой государством политики в сфере исполнения лишения свободы.

Список цитированных источников

1. Архивные данные МВД РК. Представлены Штабом Управления КУИС МЮ РК. – Астана, 2005.
2. Эділет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/search/docs/fulltext>. – Дата доступа: 05.12.2015.
3. Валовый внутренний продукт (ВВП) Казахстана // Институт экономики и права Ивана Кушнера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_kazakhstan.html#main. – Дата доступа: 17.12.2015.

4. Постановление Президента от 12.02.1994 N 1569 * «О государственной программе правовой реформы в Республике Казахстан» // Республика Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemi/dok_perbzz.htmhttp://be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_kazakhstan.html#main. — Дата доступа: 07.12.2015.

5. Эділет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P960001199>. — Дата доступа: 07.12.2015.

6. Эділет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P010000092>. — Дата доступа: 07.12.2015.

7. Эділет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P030001376>. — Дата доступа: 07.12.2015.

8. Эділет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P070000673>. — Дата доступа: 07.12.2015.

9. Об утверждении Программы развития уголовно-исполнительной системы в Республике Казахстан на 2012–2015 гг.: постановление Правительства Респ. Казахстан от 9 июня 2012 г. № 775, утратило силу постановлением Правительства Респ. Казахстан от 28 мая 2014 г. № 554 // Эділет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1200000775>. — Дата доступа: 07.12.2015.

10. Основные показатели деятельности УИС за 12 месяцев: приложение № 1 к Приказу КУИС № 55-ОД. — Астана, 2015.

11. Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_presiden. — Дата доступа: 12.12.2015.

12. Вопросы Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан: постановление Правительства Респ. Казахстан от 28 дек. 2001 г. № 1755, утратило силу постановлением Правительства Респ. Казахстан от 19 нояб. 2015 г. № 925 // Эділет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P010001755>. — Дата доступа: 12.12.2015.

13. Послания Президента народу Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president. — Дата доступа: 12.12.2015.

14. Эділет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U030001251>. — Дата доступа: 17.12.2015.

15. Применение смертной казни на территории бывшего СССР. Международная Амнистия против смертной казни [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://amnesty.memo.ru>. — Дата доступа: 12.12.2015.

16. Кистяковский, А. Ф. Исследование о смертной казни / А. Ф. Кистяковский. — Тула: Автограф, 2000.

17. Эділет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P050000924>. — Дата доступа: 16.12.2015.

18. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы пробации: Закон Респ. Казахстан от 15 февр. 2012 г. № 556-IV // Эділет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000556>. — Дата доступа: 16.12.2015.

19. Эділет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858>. — Дата доступа: 16.12.2015.

20. В Генпрокуратуре РК состоится III Форум «тюремной реформы» // Zakon.kz [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/4761874-v-genprokurature-rk-sostoitsja-iii.html>. — Дата доступа: 16.12.2015.

21. В Астане прошел первый форум тюремной реформы «Вместо тюрем — пробация и электронные браслеты» // Zakon.kz [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/4548547-onlajjn-transljacija-foruma-tjuremnoj.html>. — Дата доступа: 29.12.2015.

Дата поступления статьи — 01.06.2016.

Статья посвящена рассмотрению ключевых, на взгляд автора, этапов формирования уголовно-исполнительной политики Республики Казахстан. Автор предпринял попытку анализа различных аспектов становления и развития уголовно-исполнительной политики современного Казахстана с момента обретения им независимости. Показано влияние исторического наследия политики бывшего СССР, а также экономических и политических факторов в различные периоды становления суверенного Казахстана. В том числе в статье рассмотрены нормативные правовые акты, определяющие вектор развития рассматриваемой политики и регламентирующие уголовно-исполнительную деятельность. Выявлены положительные и отрицательные, на взгляд автора, стороны развития государства в данной сфере деятельности и высказаны собственные суждения автора относительно возможности дальнейшего развития уголовно-исполнительной политики страны

The article covers key stages (in the opinion of the author) of the criminal executing policy formation in the Republic of Kazakhstan. The author tries to analyze the various aspects of the formation and development of criminal executive policy of modern Kazakhstan since its independence. The influence of the historical heritage of the ex-Soviet Union politics, as well as economic and political factors in different periods of the formation of independent Kazakhstan are shown. In addition, the article reviews the regulations, which determine the vector of development of the policy and regulating criminal executing policy activities. The author presents positive and negative sides of governmental development in this field and expresses his own opinion about the possibility of further developments in the criminal executing policy.

ОСНОВАНИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ОТ НАКАЗАНИЯ

Афонченко Т. П.

Эффективное ресоциализационное воздействие на лицо, освобожденное от отбывания наказания, предполагает комплексное сочетание оказываемой поддержки различного характера (материальной, психологической, организационной), связанной с предоставлением возможности для самореализации) с режимно-ограничительными мерами, призванными оказывать определенный дисциплинирующий эффект, усиливать результат внутреннего самоконтроля средствами внешнего воздействия со стороны общества и государства. Одной из подобных мер, на наш взгляд, выступает профилактическое наблюдение, предусмотренное ст. 81 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее по тексту – УК).

Для уяснения сущности профилактического наблюдения ключевое значение имеет анализ оснований осуществления данной постпенальной меры в отношении осужденного.

Исходя из ч. 1 ст. 81 УК, основания осуществления профилактического наблюдения условно можно разделить на несколько групп, по своему содержанию характеризующихся неоднородными сущностными признаками:

- 1) осуждение лица за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления;
- 2) осуждение лица с применением альтернативных наказанию форм уголовной ответственности: с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77 УК),

с условным неприменением наказания (ст. 78 УК), без назначения наказания (ст. 79 УК), а также осуждение несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного характера (ст. 117 УК);

3) условно-досрочное освобождение лица от отбывания наказания (ст. 90 УК).

Очевидно, что в первом случае совершение преступления, относящегося к категории тяжкого либо особо тяжкого, свидетельствует о значительной степени общественной опасности лица и актуализации тем самым необходимости и возможности осуществления в отношении него дополнительных контролирующих мер после отбытия наказания в виде лишения свободы.

В остальных случаях, напротив, не связанные с применением наказания меры уголовной ответственности, а также условно-досрочное освобождение от наказания означают потенциальную возможность исправления лица без изоляции от общества, направлены на повышение уровня правосознания и призваны закрепить результаты превентивного воздействия в плане воспрепятствования рецидивным проявлениям.

Система мер профилактического воздействия на лицо, находящееся под профилактическим наблюдением, по нашему мнению, в настоящее время включает следующие элементы:

1) пребывание в режиме осуждения (судимости) по приговору суда за совершённое тяжкое (особо тяжкое) преступление, что означает подверженность мерам уголовной ответственности до погашения либо снятия судимости;

2) требования (обязанности осужденного) режимно-ограничительного характера, обусловленные нахождением лица в режиме осуждения в рамках осуществления профилактического наблюдения.

Полагаем, что в существующем виде система профилактического воздействия является не в полной мере эффективной и не отвечает целям исправления и ресоциализации лица, находящегося под профилактическим наблюдением, ввиду чего нуждается в дополнении двумя элементами в рамках общей сформулированной в литературе схемы [1, с. 10; 2, с. 28], а именно:

1) обязанности исправительного (профилактического) характера, в том числе обязательное, вплоть до принудительного, трудоустройство такого лица;

2) угроза привлечения к административной ответственности в случае несоблюдения требований профилактического наблюдения.

Согласно ч. 2 ст. 81 УК, в течение срока судимости лицо обязано:

1) предварительно уведомлять орган внутренних дел об изменении места жительства;

2) предварительно уведомлять орган внутренних дел о выезде по личным делам в другую местность на срок более одного месяца;

3) являться в указанный орган по его вызову и при необходимости давать пояснения относительно своего поведения и образа жизни.

Давая общую оценку системы мер профилактического наблюдения, следует указать, что все они носят режимно-ограничительный характер и направлены на обеспечение контролируемого поведения осужденного в течение срока судимости, т. е. актуализируют угрозу его потенциальной подверженности мерам уголовно-правового воздействия в случае нарушения закрепленных в УК требований.

Согласно ч. 4 ст. 77 УК, помимо обязанностей, присущих профилактическому наблюдению, предусмотренных в ч. 2 ст. 81 УК, при отсрочке исполнения наказания суд может обязать осужденного принести извинения потерпевшему, в определенный срок устранить причиненный вред, поступить на работу или

учебу, пройти курс лечения от хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, не менять места жительства без согласия органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, не выезжать по личным делам на срок более одного месяца за пределы района (города) места жительства, периодически являться в этот орган для регистрации, находиться после наступления определенного времени по месту жительства, не посещать определенные места, в свободное от работы и (или) учебы время выполнить общественно полезные работы в объеме до ста двадцати часов.

Согласно ч. 5 ст. 78 УК, в случае избрания осуждения с условным неприменением наказания наряду с обязанностями, присущими профилактическому наблюдению, при необходимости суд может также возложить на осужденного обязанности принести извинение потерпевшему, в определенный срок устранить причиненный преступлением ущерб (вред), поступить на работу или учебу, в свободное от работы и (или) учебы время выполнить общественно полезные работы в объеме до ста двадцати часов, пройти курс лечения от хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, а также уплатить в доход государства уголовно-правовую компенсацию в размере от тридцати до ста базовых величин в течение шести месяцев после вступления приговора в законную силу.

Осуждение без назначения наказания, согласно ст. 79 УК, не может повлечь каких-либо дополнительных обязанностей, кроме предусмотренных ч. 2 ст. 81 УК, хотя уплата уголовно-правовой компенсации в подобном случае представляется также весьма логичной.

На основе ст. 117 УК наряду с осуществлением профилактического наблюдения суд может применить к несовершеннолетнему следующие принудительные меры воспитательного характера: 1) предостережение, заключающееся в разъяснении несовершеннолетнему последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных УК; 2) возложение обязанности публично или в иной форме, определяемой судом, принести извинения потерпевшему; 3) возложение на несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, обязанности возместить своими средствами или устранить своим трудом причиненный ущерб при условии, что несовершеннолетний имеет самостоятельный заработок и размер ущерба не превышает его среднемесячного заработка (дохода). В ином случае возмещение ущерба производится в порядке гражданского судопроизводства; 4) ограничение свободы досуга несовершеннолетнего на срок от одного до шести месяцев, заключающееся в возложении на него обязанности соблюдения определенного порядка использования свободного от учебы и работы времени. Суд может предусмотреть запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома в определенное время суток, обязанность являться для регистрации в орган, осуществляющий контроль за поведением несовершеннолетнего; 5) помещение несовершеннолетнего на срок до двух лет, но не более чем до достижения им восемнадцатилетнего возраста в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение. Пребывание осужденного в специальном учебно-воспитательном или специальном лечебно-воспитательном учреждении может быть прекращено досрочно судом, если несовершеннолетний исправился и нет необходимости в дальнейшем применении указанной принудительной меры воспитательного характера, а равно в случаях возникновения обстоятельств, препятствующих нахождению осужденного в этих учреждениях.

Применительно к условно-досрочному освобождению, согласно ч. 5 ст. 90 УК, суд может возложить на осужденного комплекс обязанностей, которые должны им исполняться в течение срока оставшейся неотбытой части наказания: 1) не менять места жительства без согласия органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного; 2) не выезжать по личным делам на срок более одного месяца за пределы района (города) места жительства без согласия этого органа; 3) периодически являться в этот орган для регистрации; 4) находиться после наступления определенного времени по месту жительства; 5) не посещать определенные места; 6) в определенный срок поступить на работу; 7) пройти курс лечения от хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании; 8) возместить полностью или частично с учетом материального положения осужденного причиненный преступлением ущерб (вред) в случае невозмещения его на день принятия решения об условно-досрочном освобождении. Кроме того, согласно п. 5¹ ст. 90 УК в течение неотбытой части наказания за осужденным осуществляется профилактическое наблюдение и на него возлагаются обязанности, предусмотренные ч. 2 ст. 81 УК.

Подобные законодательные решения кажутся вполне логичными в силу очевидной пробационной сущности рассмотренных мер: осуждения с отсрочкой, осуждения с условным неприменением наказания, осуждения без назначения наказания, применения к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера, условно-досрочного освобождения.

При этом обязанности исправительного характера при применении данных мер во многом сходны, если не аналогичны. В то же время очевидно, что ряд режимно-ограничительных обязанностей, предусмотренных при применении вышеуказанных институтов, в большей степени характерны для усиленного варианта постпенального контроля в виде превентивного надзора, который устанавливается в случае значительной потенциальной угрозы лица для общества, в том числе после отбытия назначенного судом наказания. Так, ограничения, связанные с изменением места жительства и выездом на срок более одного месяца (при профилактическом наблюдении), могут быть усилены по решению суда и требовать не просто предварительного уведомления уголовно-исполнительной инспекции о принятом решении (о выезде по личным делам или изменении места жительства), но ее согласия на осуществление подобных действий. Явка в уголовно-исполнительную инспекцию по вызову может быть заменена периодической явкой (т. е. систематической и обязательной) в этот орган для регистрации, что также входит в перечень обязанностей, предусмотренных для превентивного надзора.

Поскольку альтернативные наказанию меры уголовной ответственности сопровождаются осуществлением профилактического наблюдения, представляется возможным закрепить весь комплекс соответствующих исправительных и режимно-ограничительных обязанностей именно применительно к профилактическому наблюдению, изложив ст. 81 УК в соответствующей редакции. Подобное законодательное решение предоставит суду возможность формирования на данной основе индивидуальной программы социальной адаптации осужденного, выбора тех обязанностей и ограничений, которые максимально будут способствовать интеграции осужденного в общество и достижению целей уголовной ответственности. Режимно-ограничительные обязанности при этом также можно усилить перечнем, предусмотренным при превентивном надзоре (если осужденный проявляет себя соответствующим негативным образом).

Отметим, что действующий УК содержит и иные институты поощрительного характера, целью которых является стимулирование законопослушного поведения осужденного лица с учетом личности виновного и иных обстоятельств: например, освобождение от наказания в связи с заболеванием (ст. 92 УК), отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет (ст. 93 УК). При этом для лиц, освобождаемых в порядке ст. 92 УК, осуществление профилактического наблюдения, а также возможность установления судом каких-либо дополнительных обязанностей режимно-ограничительного либо исправительного характера не предусмотрено. Подобное объяснимо, если освобождаемое лицо страдает психическим расстройством (заболеванием), лишаящим его возможности сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими. Такому лицу суд может назначить принудительную меру безопасности и лечения, а в случае выздоровления лицо подлежит наказанию, если не истекли сроки давности исполнения обвинительного приговора. При этом время, в течение которого к нему применялись принудительные меры безопасности и лечения, засчитывается в срок наказания. Однако в отношении лиц, страдающих тяжелым заболеванием, препятствующим отбыванию наказания (ч. 2 ст. 92 УК), обязанности также не предусмотрены, в том числе если речь идет об освобождении от наказания, назначенного за тяжкое (особо тяжкое) преступление, поскольку ч. 2 ст. 92 УК не содержит ограничений в критериях освобождения в плоскости категории преступления, устанавливая лишь, что тяжесть совершенного преступления, личность осужденного и характер заболевания учитываются при освобождении наряду с другими обстоятельствами. Подобное правовое регулирование представляется не совсем последовательным.

В отношении женщин, к которым применяется отсрочка в порядке ст. 93 УК, профилактическое наблюдение также не предусмотрено, хотя в литературе отмечается, что контроль за поведением женщины, в отношении которой отбывание наказания отсрочено, обеспечивается уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства осужденной [3, с. 265]. Подобный вывод следует из ч. 7 ст. 189 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее — УИК), где указывается, что уголовно-исполнительная инспекция ставит осужденную на учет и в дальнейшем осуществляет контроль за ее поведением. Осуществление контроля за осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими детей в возрасте до трех лет, к которым применена отсрочка отбывания наказания, уголовно-исполнительными инспекциями предусмотрено также п. 3.3 Инструкции по организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций органов внутренних дел [4]. Не совсем ясно, какая форма контроля применяется в данном случае, т. е. имеется в виду контроль, осуществляемый в рамках положений ст. 28 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [5], либо речь идет о самостоятельном основании специфической контрольной деятельности. В упомянутой выше ст. 28 Закона, однако, указывается, что профилактический учет осуществляется в отношении гражданина, отбывшего полностью основное и дополнительное уголовное наказание, за исключением граждан, за которыми установлен превентивный надзор либо осуществляется профилактическое наблюдение. Женщина, осужденная с отсрочкой, не может быть признана отбывшей наказание. Кроме того, мероприятия, осуществляемые в рамках названного Закона, являются общеправовыми, не имеющими уголов-

но-правового характера. Отсрочка же, применяемая на основе положений УК (порядок осуществления предусмотрен в УИК, что также свидетельствует о его специальной уголовно-правовой направленности), имеет ряд сходных черт с осуждением в порядке ст. 77 УК и предполагает, на наш взгляд, также специфическое уголовно-правовое воздействие. Отметим применительно к затронутой проблеме, что Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» в качестве мер индивидуальной профилактики, наряду с иными, называет также защитное предписание. Защитное предписание — установление гражданину, совершившему насилие в семье, ограничений на совершение определенных действий: предпринимать попытки выяснять место пребывания гражданина (граждан), пострадавшего (пострадавших) от насилия в семье, если этот гражданин (граждане) находится (находятся) в месте, неизвестном гражданину, совершившему насилие в семье; посещать места нахождения гражданина (граждан), пострадавшего (пострадавших) от насилия в семье, если этот гражданин (граждане) временно находится (находятся) вне совместного места жительства или места пребывания с гражданином, в отношении которого вынесено защитное предписание; общаться с гражданином (гражданами), пострадавшим (пострадавшими) от насилия в семье, в том числе по телефону, с использованием глобальной компьютерной сети Интернет (ст. 31 Закона). Обладая значительным потенциалом в плоскости недопущения продолжения насилия лица в отношении членов семьи, подобная мера, тем не менее, обладает достаточно узкой сферой профилактического воздействия, поскольку механизма принудительной ее реализации либо ответственности, установленной за нарушение защитного предписания, в законодательстве в настоящее время нет, и практика правоприменительной деятельности пошла по пути привлечения лица, нарушившего защитное предписание, к административной ответственности по ст. 23.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях («Неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий»). Представляется целесообразным закрепить административную ответственность за нарушение гражданином защитного предписания, установив в качестве меры взыскания административный арест, поскольку, как указано выше, цель данного предписания — не допустить продолжения насилия в семье, и ограничение свободы передвижения в подобной ситуации, когда лицо не желает исполнять требования предписания добровольно, вполне оправдано.

Исходя из вышесказанного, предлагаем следующее:

1. Закрепить в ст. 81 УК обязанности исправительного характера, предоставив суду возможность формировать их конкретный перечень в индивидуальном порядке для каждого осужденного применительно к соответствующей форме реализации уголовной ответственности.
2. Предусмотреть осуществление профилактического наблюдения за осужденными, освобождаемыми в порядке ст. 92 УК, в случаях, когда они были осуждены за тяжкое (особо тяжкое) преступление.
3. Закрепить осуществление профилактического наблюдения за женщинами, к которым отсрочка исполнения наказания применяется в порядке ст. 93 УК.
4. Установить административную ответственность лица, нарушившего защитное предписание, вынесенное в отношении него в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений».

Список цитированных источников

1. Новикова, Е. В. Осуждение с условным неприменением наказания как форма реализации уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е. В. Новикова; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1999. — 20 с.
2. Серeda, Г. Система исправительных обязанностей как элемент пробации при отсрочке исполнения наказания / Г. Серeda // Суд. весн. — 2001. — № 3. — С. 28–30.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменко [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. — 2-е изд., с изм. и доп. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. — 1064 с.
4. Инструкция по организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций органов внутренних дел: утв. приказом Министра внутренних дел Респ. Беларусь 9 янв. 2012 г. № 5 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
5. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2014. № 2/2120.

Дата поступления статьи — 12.06.2016.

Представленная статья «Основания установления и содержание профилактического наблюдения за осужденными, освобожденными от наказания» посвящена одной из предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь мер постпенального контроля — профилактическому наблюдению. Дается краткий обзор оснований установления профилактического наблюдения, производится анализ соотношения мер исправительного и режимно-ограничительного характера при избрании мер уголовной ответственности, не связанных с применением наказания и сопровождающихся для осужденного профилактическим наблюдением. Предлагается ряд изменений в действующее законодательство в целях его совершенствования.

Presented article «Foundations of the establishment and maintenance of a preventive monitoring of inmates released from punishment» is devoted to one of the envisaged by the Criminal Code of the Republic of Belarus control post penal measures — preventive monitoring. A brief review of the grounds for the establishment of preventive monitoring, analyzed and corrective measures the ratio of regime-restrictive measures for the election of criminal responsibility, non-punitive, and accompanied for a convicted proactive monitoring. It proposed a number of changes to the existing legislation in order to improve it.

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОЕКТНЫХ И ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

Бакиновская О. А.

В сфере экономических отношений поведение субъектов при исполнении ими принятых на себя гражданско-правовых обязательств зачастую является недобросовестным и влечет соответственно негативную реакцию со стороны

государства в виде привлечения такого недобросовестного субъекта к юридической ответственности. По справедливому утверждению В. Н. Бибило, «издавая нормы права, государство определяет юридическую ответственность субъектов независимо от их воли и желания. Ее особенностью является то, что она всегда сводится к определенным лишениям и сопровождается причинением виновному отрицательных последствий в виде ограничения его личных, имущественных и других интересов» [1, с. 197].

Привлечение к юридической ответственности базируется на соблюдении ряда принципов, к числу которых в теории права относят принципы законности, обоснованности привлечения к ответственности и ее реализации, справедливости юридической ответственности, неотвратимости наказания за правонарушение, недопустимости повторного наказания за одно и то же правонарушение, целесообразности, гуманизма, своевременности реализации мер юридической ответственности, обеспечения прав на защиту лица, привлеченного к ответственности, презумпции невиновности [2, с. 435–438].

Одним из известных и давно устоявшихся принципов является принцип *non bis in idem*, означающий невозможность быть привлеченным дважды к суду или быть дважды наказанным за одно и то же правонарушение. Указанный принцип ведет свое начало с римского права и является общепризнанным в современной юриспруденции. Но некоторые авторы отрицают за данным принципом признаки самостоятельности и включают его в содержание общеправового принципа справедливости [3], что не является решающим для исследуемой нами проблемы.

Следует, однако, указать, что в настоящий момент не сложилось единообразного понимания содержания данного принципа. Так, Н. В. Витрук отмечает, что «в одних случаях говорится о недопустимости двойной юридической ответственности, в других — наказания за одно и то же правонарушение. Это ясно применительно к конкретному виду юридической ответственности и наказания (гражданско-правовой, дисциплинарной, административной, уголовной)» [4]. И далее автор в качестве проблемы обозначает, что «однако нет четкого ответа на вопрос, может ли правонарушитель за одно и то же правонарушение нести разнохарактерные виды юридической ответственности в их сочетании (например, гражданско-правовую в сочетании с одним из карательных видов ответственности — дисциплинарной, административной, уголовной)» [4].

В свою очередь, С. Г. Василевич указывает, что «в теории и на практике существуют различные точки зрения относительно возможности повторного привлечения к юридической ответственности за одно и то же правонарушение (так называемый принцип *non bis in idem*) либо одновременного применения мер, предусматриваемых различными видами юридической ответственности» [5, с. 61]. Данный автор высказывает позицию о допустимости сочетания уголовной, административно-деликтной, дисциплинарной, материальной с гражданско-правовой ответственностью [5, с. 63], что напрямую относится к затрагиваемой нами проблематике.

Раскрывая содержание исследуемого принципа, О. Э. Лейст отмечает, что последний относится «к применению штрафных, карательных санкций и не противоречит тому, что к правонарушителю, подвергнутому штрафной, карательной ответственности, применяются правовосстановительные санкции, если его деянием причинен имущественный или иной вред» [6, с. 326].

Невозможность дважды быть привлеченным к ответственности за одно и то же правонарушение достаточно подробно исследована представителями административной и уголовно-правовой науки. При этом подчеркивается, что «исторически принцип сложился как гарантия от произвола властей, это назначение он продолжает выполнять и по сегодняшний день» [7].

Данный вопрос приобретает особую актуальность при рассмотрении проблемы установления административной ответственности за гражданско-правовые правонарушения, в частности, за недобросовестное исполнение гражданско-правовых обязательств в сфере строительной деятельности и выполнения проектных и изыскательских работ, как результата реакции государства на возможное недобросовестное поведение субъекта хозяйствования.

Законом Республики Беларусь от 4 января 2016 г. № 351-З (далее — Закон № 351-З) [8] внесены изменения и дополнения в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) [9] в части позиционирования в качестве административных правонарушений отдельных действий (бездействия), выразившихся в несоблюдении не только императивных норм законодательства в сфере строительства, но и условий договора строительного подряда, а также договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и (или) ведения авторского надзора за строительством.

Изначально ответственность за ряд правонарушений в данной сфере была установлена Указом Президента Республики Беларусь от 14 января 2014 г. № 26 «О мерах по совершенствованию строительной деятельности» (далее — Указ № 26) [10], п. 32 которого предусматривает, что нормы Указа № 26 в части привлечения к ответственности действуют до вступления в силу Закона Республики Беларусь о внесении соответствующих дополнений и изменений в КоАП и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Закон № 351-З в КоАП предусмотрел административную ответственность за:

- нарушение обязательств, предусмотренных договором строительного подряда (ст. 21.20);
- отступление в договоре строительного подряда от существенных условий, сформированных по результатам проведения процедур закупок (ст. 21.21);
- нарушение сроков выполнения проектных и изыскательских работ (ст. 21.22);
- невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей при осуществлении технического или авторского надзора (ст. 21.23);
- нарушение порядка согласования проектной документации (ст. 21.24);
- нарушение сроков разработки градостроительной документации (ст. 21.25);
- нарушение сроков проектирования, строительства, технического переоснащения производств продукции деревообработки (ст. 21.26).

Введение административной ответственности за такого рода правонарушения непосредственно в КоАП обусловлено в том числе социально-экономической значимостью сферы строительства и проектирования, а также необходимостью повышения качества строительных работ и обеспечения их своевременного выполнения.

На наш взгляд, административная ответственность за неисполнение гражданско-правовых обязательств в сфере строительства выполняет дополнительную функцию стимулирования к надлежащему исполнению гражданско-правовых обязательств по договорам строительного подряда и подряда на выполнение

проектных и изыскательских работ. Она призвана целенаправленно воздействовать на потенциально недобросовестного заказчика, застройщика, подрядчика, а в ряде случаев на субподрядчика или проектную организацию путем привлечения к административной ответственности их самих либо должностных лиц.

Вместе с тем возникает вопрос о целесообразности вмешательства административно-деликтного права в сферу имущественных отношений, для которой характерно наличие достаточно разнообразного инструментария воздействия на недобросовестного контрагента и защиты интересов исправной стороны обязательства. Не ясна также логика, которая положена в основу выбора субъекта административной ответственности — должностное лицо либо субъект хозяйствования, т. е. юридическое лицо. Придерживаясь высказанной нами позиции о дополнительной стимулирующей функции, на наш взгляд, все же достаточно сложно оценить эффективность стимулирующей функции административной ответственности за недобросовестное исполнение обязательств в гражданском обороте с учетом размера административных штрафов по санкциям ст. 21.20–21.26 КоАП Республики Беларусь (например, максимальный размер штрафа, налагаемого на должностное лицо, составляет десять базовых величин, на индивидуального предпринимателя — сто базовых величин, на юридическое лицо — пятьсот базовых величин) и возможных миллиардных (неденоминированных) сумм по гражданско-правовым санкциям.

Но следует отметить, что в диспозициях ст. 21.20–21.26 КоАП закреплены наиболее «чувствительные и болезненные точки» исходя из реального положения дел в сфере строительства и проектирования.

Так, и ст. 21.20 КоАП устанавливает административную ответственность должностного лица заказчика, застройщика либо индивидуального предпринимателя, являющегося таковым в строительной деятельности, за:

- немотивированный (необоснованный) отказ от подписания документов, подтверждающих выполнение строительных, специальных, монтажных работ;
- нарушение сроков проведения расчетов за выполненные и принятые в установленном порядке работы;
- необоснованное нарушение сроков поставки материальных ресурсов, поставка которых договором возложена на заказчика, застройщика, при условии, если это нарушение повлекло превышение сроков выполнения работ или приемки выполненных работ (ч. 1 ст. 21.20 КоАП).

Кроме того, административная ответственность по ч. 1 ст. 21.20 КоАП предусмотрена, если имеет место финансирование полностью или частично за счет бюджетных средств. Правонарушение должно быть совершено при возведении, реконструкции, капитальном ремонте, реставрации, благоустройстве объектов, а также при строительстве жилых домов. В последнем случае исключением является ситуация, если строительство жилых домов полностью финансируется за счет средств иностранного инвестора.

Проблемным аспектом, по нашему мнению, является оценка мотивированности (обоснованности) отказа от подписания документов, подтверждающих выполнение строительных, специальных, монтажных работ. Согласно п. 55 Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 сентября 1998 г. № 1450 [11], заказчик обязан не позднее пяти рабочих дней рассмотреть и подписать представленные подрядчиком акт сдачи-приемки выполненных строительных и иных специальных монтажных работ и справку о стоимости

выполненных работ и затратах. В этот же срок, если заказчик не согласен с содержанием представленных подрядчиком акта и справки, он обязан вернуть их последнему вместе с мотивированным отказом. Подрядчик предъявляет заказчику документы для оплаты в неоспариваемой части, а оспариваемая часть подлежит оплате после урегулирования разногласий. Если подрядчик не согласен с возражениями заказчика, то он вправе обратиться в суд за взысканием оплаты на основании подписанных им самим в одностороннем порядке актов и справок. Редакция п. 4 ст. 708 ГК Республики Беларусь позволяет утверждать, что вопрос о возможности признания мотивов отказа от подписания акта обоснованными или нет относится к компетенции суда. Это утверждение, на наш взгляд, безусловно по отношению к ситуации взыскания гражданско-правовых санкций. Если же его соотносить с привлечением к административной ответственности по ч. 1 ст. 21.20 КоАП Республики Беларусь, то данная позиция не является столь устойчивой с учетом того, что, например, диспозиция данной статьи употребляет термин «немотивированный (необоснованный) отказ». И говорить о синонимичности понятий «немотивированный» и «необоснованный» тоже нет оснований.

Интересен также вопрос о временном (в контексте последовательности) характере привлечение к административной и гражданско-правовой ответственности. Например, должно ли привлечению к административной ответственности предшествовать привлечение лица к гражданско-правовой или наоборот? Полагаем, что ответ на этот вопрос лежит в плоскости автономности действия норм гражданского и административно-деликтного права в силу совершенно различной природы административной и гражданско-правовой ответственности. Однако следует учитывать, что вопрос о привлечении к гражданско-правовой ответственности недобросовестного заказчика или застройщика относится к усмотрению подрядчика, при этом обязателен досудебный претензионный порядок урегулирования разногласий, а вопрос о привлечении к административной ответственности является безусловным. Неустойка, имеющая гражданско-правовой характер, взыскивается в пользу второй стороны, а штрафные санкции применительно к КоАП взыскиваются в доход бюджета.

Потенциальная возможность привлечения к ответственности ограничена сроками исковой давности в гражданском праве, где общий срок исковой давности составляет 3 года, и сроками наложения административного взыскания, которые применительно к анализируемым статьям составляют не позднее одного года со дня совершения и двух месяцев со дня обнаружения административного правонарушения.

Возникает вопрос — насколько целесообразно привлекать именно к административной ответственности должностное лицо заказчика, поскольку состав правонарушения по ч. 1 ст. 21.20 КоАП по своей сути подразумевает ненадлежащее исполнение должностных обязанностей лица, ответственного за подписание документов, подтверждающих выполнение строительных, специальных монтажных работ или, например, ответственного за соблюдение сроков проведения расчетов за выполненные и принятые в установленном порядке работы. В обозначенной ситуации, на наш взгляд, достаточно привлечения виновного должностного лица к дисциплинарной ответственности. В свою очередь, допускается одновременное привлечение виновного должностного лица и к дисциплинарной, и к административной ответственности.

Само юридическое лицо при ненадлежащем исполнении гражданско-правовых обязательств в сфере строительной деятельности, выполнения проектных и изыскательских работ может быть привлечено к административной ответственности за:

- невыполнение, несвоевременное выполнение подрядчиком в строительной деятельности обязательств по устранению результата строительных, специальных, монтажных работ ненадлежащего качества, выявленного в период гарантийного срока эксплуатации объекта, если такие обязательства предусмотрены в договоре строительного подряда (ч. 3 ст. 21.20 КоАП);

- отступление в договоре строительного подряда от существенных условий, сформулированных по результатам проведения процедур закупок (ст. 21.21 КоАП);

- нарушение сроков выполнения проектных и изыскательских работ (ст. 21.22 КоАП).

В качестве отдельного состава выделено нарушение сроков проектирования, строительства, технического переоснащения производств продукции деревообработки (ст. 21.26 КоАП). В отличие от иных составов конструкция диспозиции ст. 21.26 КоАП предусматривает административную ответственность не только подрядчика, но и субподрядчика, а также проектной организации за нарушение как сроков самого проектирования, так и сроков строительства объектов, очередей строительства, пусковых комплексов. Наказуемым является в том числе превышение нормативных сроков строительства, сроков выполнения отдельных видов строительных, специальных, монтажных и иных работ, технического переоснащения производств продукции деревообработки при реализации инвестиционных проектов по созданию (строительству), техническому переоснащению, модернизации и реконструкции производств продукции деревообработки. Субъекты могут быть привлечены к ответственности за нарушение договорных или проектных сроков, т. е. сроков, установленных проектной документацией.

Ст. 21.22 КоАП Республики Беларусь предусматривает административную ответственность за нарушение сроков выполнения проектных и изыскательских работ, предусмотренных договором на выполнение таких работ, и санкция в отношении юридического лица варьируется от пятидесяти до пятисот базовых величин. В свою очередь, п. 58 Правил заключения и исполнения договоров подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и (или) ведение авторского надзора за строительством, утвержденных Постановлением Совета Министров от 1 апреля 2014 г. № 297 [12], установлено, что, если иное не предусмотрено законодательными актами, подрядчик несет ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательств, предусмотренных договором, и уплачивает неустойку (пеню) заказчику за:

- несоблюдение сроков выполнения работ, их видов (этапов), установленных в календарном плане, — в размере не менее 0,2 % стоимости невыполненных работ, их видов (этапов) за каждый день просрочки, но не более 20 % их стоимости;

- нарушение сроков сдачи заказчику результатов работ, их видов (этапов), установленных договором, — в размере не менее 0,2 % от цены работ по договору за каждый день просрочки, но не более 10 % от их цены.

Поскольку календарный план прилагается к договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, то несоблюдение сроков выполнения работ, установленных в календарном плане, означает несоблюдение договорных

сроков. Но возможно ли привлечение к административной ответственности по ст. 21.22 КоАП Республики Беларусь при несоблюдении сроков выполнения отдельных видов (этапов) проектных и изыскательских работ, т. е. образует ли состав административного правонарушения несоблюдение промежуточных сроков выполнения работ? В отсутствие устоявшейся правоприменительной практики по ст. 21.22 КоАП Республики Беларусь позволим высказать точку зрения, что нарушение промежуточных сроков должно повлечь наступление только гражданско-правовых последствий, поскольку, по нашему мнению, во-первых, в ст. 21.22 КоАП Республики Беларусь речь идет о самих проектных и изыскательских работах, но не об их отдельных видах (этапах), во-вторых, несоблюдение сроков выполнения отдельного вида (этапа) работы не всегда ведет к несоблюдению срока выполнения всей работы, т. е. промежуточный срок может быть нарушен, а конечный срок — нет.

Согласно ст. 6.1 КоАП целью административного взыскания, налагаемого на физическое лицо, является воспитание физического лица — правонарушителя, а также предупреждение совершения новых правонарушений. Целью административного взыскания, налагаемого на юридическое лицо, является исключительно предупреждение совершения новых административных правонарушений.

С учетом обозначенных целей административных взысканий, а также поскольку за административные правонарушения в сфере строительства по ст. 21.20–21.26 КоАП предусмотрено безальтернативное наложение штрафа, при этом суммы штрафов являются небольшими по сравнению с суммами возможных гражданско-правовых неустоек, полагаем, что целесообразно в санкции названных статей ввести в качестве вида административного взыскания предупреждение.

Предупреждение в отношении юридических лиц, по нашему мнению, вполне справится с ролью дополнительного стимулирования к надлежащему исполнению гражданско-правового обязательства. Идентичную роль предупреждение выполнит и в отношении физических лиц, поскольку предупреждение в отличие от большинства видов административных взысканий играет большую воспитательную роль. При этом предупреждение должно применяться с учетом всех обстоятельств совершенного правонарушения, если оно, например, совершено впервые и по своему характеру не повлекло тяжелых последствий (например, незначительные сроки несвоевременной оплаты, обусловленные затруднительным финансовым положением стороны договора). Данное предложение мотивировано также тем, что на практике, к сожалению, несоблюдение сроков в строительстве — достаточно распространенное явление, обусловленное в том числе сложностью технологического процесса строительства. Имущественные потери добросовестной стороны договора строительного подряда в полной мере компенсируются взыскиваемой неустойкой, а дополнительное стимулирование недобросовестной стороны в приоритетных для государства сферах возможно с помощью мер административной ответственности.

В заключение хотелось бы отметить, что в перспективе с учетом провозглашенного государством курса на либерализацию условий ведения бизнеса следует вернуться к вопросу об отмене административной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданско-правовых обязательств в сфере строительной деятельности, выполнения проектных и изыскательских работ.

Список цитированных источников

1. Бибило, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Бибило. — Минск: Право и экономика, 2015. — 206 с.
2. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский; под общ. ред. А. Ф. Вишневского. — 2-е изд. — Минск, 1999. — 560 с.
3. Мелехин, А. В. Теория государства и права: учеб. / А. В. Мелехин. — 2-е изд. — М.: КонсультантПлюс, 2016.
4. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности / Н. В. Витрук. — М.: КонсультантПлюс, 2016.
5. Василевич, С. Г. К вопросу о возможности одновременного применения мер, предусматриваемых различными видами юридической ответственности, за одно и то же правонарушение / С. Г. Василевич // Правотворчество и правоприменение в условиях инновационного развития общества: сб. науч. ст.: в 2 ч. / редкол.: Н. В. Сильченко [и др.]. — Гродно: ГрГМУ, 2014. — Ч. 1. — С. 60–63.
6. Общая теория права: учеб. для юрид. вузов / Ю. А. Дмитриев [и др.]; под общ. ред. А. С. Пиголкина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1997. — 384 с.
7. Старостина, П. В. Принцип *non bis in idem* в административном и уголовном праве (международно-правовые аспекты) / П. В. Старостина. — М.: КонсультантПлюс, 2016.
8. О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2016 г., № 351-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: 21 апр. 2003 г., № 194-З: принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
10. О мерах по совершенствованию строительной деятельности: Указ Президента Респ. Беларусь, 14 янв. 2014 г., № 26 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
11. Об утверждении Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 15 сент. 1998 г., № 1450 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
12. Об утверждении Правил заключения и исполнения договоров подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и (или) ведение авторского надзора за строительством: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 апр. 2014 г., № 297 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

Дата поступления статьи — 01.07.2016.

В статье исследуются вопросы административной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданско-правовых обязательств в сфере строительной деятельности, выполнения проектных и изыскательских работ в контексте реализации принципа *non bis in idem*.

На основании позиции о дополнительной стимулирующей функции административной ответственности за неисполнение гражданско-правовых обязательств автор вносит предложение о дополнении санкций ст. 21.20–21.26 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях таким видом административного взыскания, как предупреждение.

В перспективе с учетом провозглашенного государством курса на либерализацию условий ведения бизнеса следует вернуться к вопросу об отмене административной ответственности за анализируемые правонарушения.

The present article deals with the issues of administrative responsibility for failure to perform civil obligations or improper fulfillment in the field of building activities, completion of designing and prospecting works in the context of the principle of «non bis in idem» implementation.

Based on the position of additional incentive function of the administrative liability for failure to perform civil obligations the author proposes to supplement the sanctions in the articles 21.20–21.26 of the Republic of Belarus Administrative Offences Code with such kind of administrative recovery as a caution.

In perspective, taking into account the liberalization rate of business environment, declared by the government, the question of the administrative responsibility abolition for analyzed offences should be returned to.

КОМАНДООБРАЗОВАНИЕ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Бевзюк И. Н.

В процессе реформирования органов прокуратуры Украины, приближения их деятельности к европейским стандартам возникает потребность улучшения эффективности и результативности прокурорской деятельности. Этим обуславливается необходимость формирования высококвалифицированного кадрового состава и надлежащей организации его работы, построенной на современных правовых принципах и процедурах, с заимствованием лучших европейских практик менеджмента в органах прокуратуры.

Прокурорским корпусом должны объединяться специалисты высокого интеллектуального и практического уровня, которые сориентированы на собственный карьерный рост, овладение новыми знаниями, удовлетворение потребности в самораскрытии и т. п. Безусловно, что качественная характеристика прокурорских кадров непосредственно связана с их профессиональной компетентностью, поскольку высокий уровень профессиональных знаний, умений и навыков, добросовестность прокурорских работников является необходимым условием для повышения общественного доверия к органам прокуратуры.

Вместе с тем трудовая деятельность прокурора характеризуется соединением индивидуальных черт, которые обусловлены единым правовым статусом, и признаков коллективной работы органов прокуратуры, представляющих единую систему, которая в предусмотренном законом порядке осуществляет установленные Конституцией Украины функции с целью защиты прав и свобод человека, интересов общества и государства.

Современные институциональные особенности формирования местных прокуратур (ст. 12, Приложение к Закону [1]), в частности принцип экстерриториальности построения их сети, связаны с несовпадением их локализации с городскими (районными) отделами Национальной полиции Украины (их следственными подразделениями) и судами первой инстанции в разных административно-территориальных центрах. Вследствие этого возникает

проблема организации работы прокуроров на указанных объектах в режиме нахождения их на значительном расстоянии от руководства местной прокуратуры, которая прежде всего связана с обеспечением управления и контроля на отдаленных рабочих местах.

Приведенные выше обстоятельства обуславливают объективную потребность внедрения методов командообразования в процесс организации прокурорской деятельности.

В современной психологической науке проблемы командного менеджмента в сфере публичного управления начали исследоваться лишь в последнее время. Отдельные аспекты внедрения командных форм и методов работы в организационную практику органов государственной власти нашли свое отображение в научных публикациях. В частности, в контексте возможности внедрения зарубежных моделей командной работы в практику деятельности отечественных организаций, создания условий для развития командного взаимодействия с помощью внедрения инновационных форм делового общения и т. п. [2].

Вместе с тем можно обоснованно констатировать, что проблема внедрения командных форм и методов работы в организацию функциональной деятельности прокуроров представителями юридической психологии не исследовалась.

В недавнем прошлом отдельные руководители органов прокуратуры, понимая необходимость командного взаимодействия прокуроров как единого коллектива, но не зная, как этого достичь, начали называть себя и своих коллег «командой», что на практике искажало самую суть данного понятия. Во многих случаях основанием для таких оценок было лишь то, что прокуроры работают вместе, в одном организационном звене органов прокуратуры (прокуратуре района или города, управлении, отделе региональной прокуратуры). Вместе с тем в каждом случае назначения нового Генерального прокурора Украины практически полностью сменялся корпус его заместителей, состав коллегии Генеральной прокуратуры Украины, значительным изменениям подвергался руководящий состав главных управлений центрального аппарата и региональных прокуратур.

Руководители отдельных органов прокуратуры как регионального, так и местного уровней при переводе на работу в другую область или район перемещали с собой «команду» — прокуроров, с которыми они работали на предыдущем месте. За этим часто скрывалось стремление с помощью звучного названия обойти вопрос субординации и управления, потребность избавиться от авторитарных и коррупционных мотиваций деятельности. Провозглашался лозунг: «Мы — одна команда!», чем создавалось впечатление, что все прокуроры едины и равны в той или иной мере. При этом не существовало дифференциации между членами команды и уровнем их профессиональной компетентности, не складывалось четкого представления о функциональных ролях, потребности в коллективном принятии решений, месте руководителя в такой «команде».

Эти ошибки и связанные с ними бесплодные ожидания становились причиной разочарования всех участников. Такие по сути «квазикоманды» не оправдывали цели своего существования, не могли эффективно решать поставленные перед ними задачи, поэтому в целом отрицательно влияли на имидж органов прокуратуры.

Командообразование, или тимбилдинг (*team building* — англ.), — термин, который большей частью используется в бизнесе и спорте для описания совокупности процессов и технологий, направленных на улучшение ре-

зультатов работы коллектива. Среди средств достижения этой цели рассматриваются воспитание командных игроков, способных эффективно взаимодействовать с другими членами команды и ставить общие интересы выше личных; создание командного духа (*team spirit*), чувство сплоченности, доверия друг к другу, лояльности в отношении команды, принадлежности к образу «Мы» [3, 12].

При подготовке данной статьи нами использовано понятие «командообразование». Его семантическое наполнение в русском, английском и немецком языках означает образование, *building* (построение) и *entwicklung* (развитие) соответственно. Но каждое из них представляется суженным, не раскрывающим всех сторон исследуемого явления и содержащим определенные ограничения хотя бы на уровне восприятия и понимания самого процесса. В украинской же лексике используется понятие «командотворення», которое, на наш взгляд, является более удачным, чем его приведенные выше зарубежные соответствия (*командообразование, teambuilding, teamentwicklung*), поскольку интегрирует основные процессы развития команды. Здесь речь идет о семантической меткости, потому что входящее в состав этого понятия слово «творити» («создавать») имеет широкий спектр значений применительно к тому, что можно делать с командой. По словарным определениям это: «в ходе творческой работы вызывать к жизни что-либо», «строить», «начертать планы», «делать кого-то тем, на что указывает существительное», «осуществлять», «вызвать появление чего-нибудь». Кроме того, украинская семантика целиком созвучна с научным содержанием рассматриваемого понятия, представляющим определенные конструктивные преобразования, которые приводят к тому, что группа становится командой, т. е. переходит на высшую ступень развития, на которой существенным образом возрастает эффективность деятельности.

В общей психологии аксиоматичным является тезис, что личности, работающие вместе в одной группе, могут достичь более весомых результатов, чем это удалось бы каждой в отдельности. Представляется, что именно поэтому рабочие группы по выполнению тех или иных задач прокурорского надзора достаточно часто используются в практике органов прокуратуры.

В теоретическом и практическом плане характерным для любой общей деятельности является наличие различных типов групп: функциональные, целевые и неформальные, или группы по интересам. Функциональная группа — это постоянная группа, созданная организацией для достижения целого ряда организационных целей без ограничения времени. Этот тип группы действует и после того, как достигает текущих целей, поскольку вместо них появятся новые*. Целевая группа — это группа, созданная организацией для достижения сравнительно узкого круга целей в пределах определенного или необходимого времени [4, 88–92].

С позиции юридической психологии целевыми группами являются большинство групп прокуроров по поддержанию государственного обвинения в конкретном уголовном производстве (ч. 1 ст. 37 [5]) и следственных групп (ч. 2 ст. 38 [5]), межведомственных рабочих групп (ч. 2 ст. 25 [1]) по подготовке

* Примером функциональной группы является самостоятельные структурные подразделения органов прокуратуры: департаменты, управления, отделы (ч. 3 ст. 8, ч. 3 ст. 10, ч. 3 ст. 12 [1]). — *Прим. авт.*

и проведению определенного организационного мероприятия (например, координационного или межведомственного совещания) или разработке проекта нормативно-правового акта, в частности приказа Генерального прокурора Украины. Руководитель определяет членов группы и их цель, например процессуальное руководство досудебным расследованием определенного преступления. Время на достижение целей группы или определено в процессуальном законе, или зависит от существующих потребностей (рабочая группа может быть упразднена после того, как она подготовит и проведет определенное мероприятие или разработает проект нормативно-правового документа).

Однако наиболее популярным современным типом признается команда (хотя на практике многие руководители считают командами именно рабочие группы). Здесь необходимо пояснить, что с формальной точки зрения группа — это любая совокупность людей, которые работают вместе для достижения общей цели. Под группой понимают двух или более людей, которые постоянно взаимодействуют в общих целях организации. Группы служат основой для выполнения большого объема работ и существуют как внутри, так и извне обобщенных структурных границ организаций [6, 16–17].

В понятийном аспекте термин «команда» соотносится с термином «группа» как частная и общая категории. В этом смысле команда представляет собой группу сотрудников, которая работает как целостная единица, часто с ограниченным контролем (или вообще без внешнего контроля), для выполнения задач, функций и действий, связанных с функциональным предназначением организации. Особенностью данного психологического типа группы является то, что команда берет на себя ответственность за результаты своей деятельности [7, 182–186].

Например, В. В. Горбуновой команда определяется как малая группа, которая отличается положительной синергией общей консолидированной работы, ориентированной на решение командных задач; взаимодействие на предмет командной деятельности строится на началах компетентности, ролевой целесообразности, а также взаимно распределенной ответственности, межличностные взаимоотношения являются значимыми, содействующими ощущению психологического комфорта и создают возможности для личностного роста [8, 19].

Эффект командной работы заключается в значительно большей эффективности общих усилий по сравнению с суммой индивидуальных. Возникновению и развитию этого феномена способствует ряд признаков, прежде всего связанных со спецификой личностных взаимоотношений в команде. В теоретической психологии выделяются три отличные по критериям группы сущностных признаков команды, которые в определенной мере содержательно совпадают со стратами групповых процессов (по А. В. Петровскому [9]). Это характеристики деятельности и отношения личности к ней, а также нормативно-ролевого и ценностно-ролевого межличностного взаимодействия.

1. Команда имеет четко определенную ролевую структуру; каждому члену команды отведена определенная роль, которую он принимает и в соответствии с ней обеспечивает вклад в достижение общей цели.

2. Команда регламентирует личностное поведение членов команды в соответствии с определенными нормами. К числу таких норм поведения относятся процедуры, регламенты, нормы и правила осуществления деятельности, форменная одежда, график проведения собраний команды и выполнения тех или

иных действий, измерение и оценка эффективности работы каждого члена команды и т. п.

3. Команда характеризуется высоким уровнем сплоченности ее членов. Иными словами, члены команды на личностном уровне все более и более отождествляют себя с командой, и каждый член команды уважает, ценит своих коллег и поддерживает с ними тесное сотрудничество.

4. Некоторые команды выделяют неформальных лидеров среди ее членов, т. е. людей, которых команда наделяет особым социальным статусом и которые могут руководить работой команды, не пользуясь при этом лишь формальными полномочиями.

5. Команда может достичь максимального уровня эффективности при соблюдении определенных условий:

- структура распределения должностных обязанностей в команде сориентирована на повышение эффективности;
- нормы поведения, принятые членами команды, стимулируют высокую результативность совместной деятельности;
- коллектив команды является реально сплоченным;
- неформальные лидеры команды полностью поддерживают достижение целей, поставленных перед организацией.

Напротив, если должностные обязанности в команде распределены неэффективно, отдельными членами не соблюдаются нормы нагрузки, коллектив не является полностью сплоченным и (или) неформальные лидеры не поддерживают целей совместной деятельности, то работа такой команды может оказаться чрезвычайно неэффективной с точки зрения организации в целом [10, 18–19].

6. Состав команды играет важнейшую роль в динамике индивидуального поведения ее членов. Командам с относительно однородным составом присущи такие характеристики, как низкий уровень конфликтности, упрощенный способ общения, более низкий уровень креативности, унифицированные нормы поведения, более высокий уровень сплоченности и прозрачное неформальное лидерство. Вместе с тем команды с разнородным составом характеризуются повышенной конфликтностью, трудностями в общении, высокой креативностью, менее унифицированными нормами поведения, низким уровнем сплоченности и неоднозначным неформальным лидерством [11, 168–174].

Основной психологический вектор внедрения технологии командообразования направлен на развитие самодисциплины и самоорганизации всех участников команды. Здесь основу организационного модуса составляют ключевые принципы [12, 87], в частности:

- принцип коллективного выполнения работы — каждый член команды выполняет ту часть общей задачи, которая ему поручена руководителем, наделенным административными полномочиями (задача административного руководства в рамках команды прокуроров не исключается);
- принцип коллективной ответственности — в команде на каждого участника возлагается ответственность за решение общей задачи;
- принцип единства — создание единых форм распределения задач, организации работы, поощрения; решение этих вопросов внутри команды;
- принцип адекватного стимулирования — в сформированной команде ее участники работают не только за заработную плату; коллективное признание является иногда более ценным стимулом, чем материальное поощрение;
- принцип автономного самоуправления команды, согласно которому управление деятельностью членов команды осуществляется ее лидером, а не про-

курором, наделенным административными полномочиями (часто на практике команды на удаленных рабочих местах управляются прокурорами, которые не наделены административными и процессуальными полномочиями руководителя органа прокуратуры, «первыми среди равных»);

— принцип повышенной дисциплины, которая принимается каждым членом команды как осознанный мотив поведения.

Таким образом, применительно к предмету исследования можно определить, что команда — это группа прокуроров, которая образуется не в силу административных отношений, а в связи с существующими общими целями, задачами и проблемами функциональной деятельности органов прокуратуры, для решения которых объединяются их общие действия.

Командообразование в прокурорской деятельности является процессом определенных конструктивных преобразований, приводящих к переходу группы на высшую ступень развития, на которой возрастает эффективность командной работы прокуроров.

Разработка необходимых для гармонизации командной деятельности прокуроров регуляторных инструментов и технологий командообразования: условий и правил, организационно-правовых процедур, этапности и механизмов их внедрения в процесс организации работы прокуроров, по нашему мнению, создает продуктивное направление для дальнейших научных исследований в сфере юридической психологии.

Список цитированных источников

1. Про прокуратуру: Закон України, 14.10.2014 г., № 1697-VII // Відом. Верхов. Ради України. — 2015. — № 2–3.
2. *Голентовська, О. С.* Огляд зарубіжних та вітчизняних підходів до проблеми командотворення / О. С. Голентовська // Наука і освіта: наук.-практ. журн. Південноукр. нац. пед. ун-ту ім. К. Д. Ушинського. — 2014. — № 5. — С. 24–30.
3. *Исхакова, М. Г.* Тимбилдинг: раскрытие ресурсов организации и личности / М. Г. Исхакова. — СПб.: Речь, 2010. — 256 с.
4. *Blau, P. M.* Formal organizations: a comparative approach / P. M. Blau, W. R. Scott. — Stanford: Stanford Univ. Press, 2003. — 344 p.
5. Кримінальний процесуальний кодекс України: 13 квіт. 2012 р., № 4651-VI // Офіц. вісн. України. — 2012. — № 37. — 1370 с.
6. *Монастирський, Г. Л.* Теорія організації: навч. посіб. / Г. Л. Монастирський. — Київ: Знання, 2008. — 319 с.
7. Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — 368 с.
8. *Горбунова, В. В.* Психологія командотворення: ціннісно-рольовий підхід до формування та розвитку команд: моногр. / В. В. Горбунова. — Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2014. — 380 с.
9. *Петровский, А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив / А. В. Петровский. — М.: Изд-во полит. литературы, 1982. — 256 с.
10. *Паркер, Г.* Формирование команды: сб. упражнений для тренеров / Г. Паркер, Р. Кропп. — СПб: Питер, 2002. — 160 с.
11. Міжнародний менеджмент: навч. посіб. / П. І. Юхименко [та ін.]. — Київ: Центр учб. літератури, 2011. — 488 с.
12. *Зинкевич-Евстегнеева, Т. Д.* Теория и практика командообразования. Современная теория создания команд / Т. Д. Зинкевич-Евстегнеева, Т. М. Грабенко, Д. Ф. Фролов. — СПб.: Речь, 2004. — 304 с.

Дата поступления статьи — 20.06.2016.

В статье автором на концептуальном уровне исследованы и определены основные возможности и формы внедрения командообразования в деятельность органов прокуратуры Украины.

Современные институциональные особенности формирования местных прокуратур, в частности принцип экстерриториальности построения их сети, обуславливают объективную потребность внедрения методов командной работы прокуроров. Эффект команды заключается в значительно более высокой эффективности общих усилий по сравнению с суммой индивидуальных. Поэтому на командной основе должна строиться работа групп прокуроров по поддержанию государственного обвинения в конкретном уголовном производстве и следственных групп (ч. 1 ст. 37, ч. 2 ст. 38 УПК Украины), межведомственных рабочих групп (ч. 2 ст. 25 Закона Украины «О прокуратуре») по подготовке и проведению определенного организационного мероприятия (например, координационного или межведомственного совещания) или разработке проектов нормативно-правовых актов.

В условиях прокурорской деятельности команда — это группа прокуроров, которая образуется не в силу административных отношений, а в связи с существующими общими целями, задачами и проблемами функциональной деятельности органов прокуратуры, для решения которых объединяются их общие действия. Командообразование является организационно-психологическим процессом конструктивных преобразований, приводящих к переходу группы прокуроров на высшую ступень развития, на которой возрастает эффективность их командной работы. Этим объясняется потребность в разработке необходимых для гармонизации деятельности команд прокуроров регуляторных инструментов и технологий командообразования: условий и правил, организационно-правовых процедур, этапности и механизмов их внедрения в процесс организации работы органов прокуратуры.

The author of the article researched and identified at the conceptual level main opportunities and forms of implementation of team building in the activities of prosecution authorities.

Modern institutional features of formation of local prosecutor's offices, in particular the principle of their extraterritoriality network construction, arose from objective demand for implementation of methods of prosecutors' teamwork. The effect of teamwork consists in much higher efficiency of common efforts in comparison with the amount of individuals. Therefore, on the teamwork basis should be based work of *prosecutors and investigators groups* on maintenance of public prosecution in specific criminal proceeding (Ch.1, Art. 37; Ch. 2, Art. 38 of the Criminal Procedure Code of Ukraine), work of inter-agency task forces (Ch. 2, Art. 25 of the Law of Ukraine «On Office of Public Prosecutor») on preparation and carrying out of organizational measures (for example, coordinative or interdepartmental meeting) or on developing projects of statutory instruments.

In the context of prosecutor's activities team is a group of prosecutors, which unites not for the administrative relations, but, combining their common actions, for finding solution of common goals, tasks and problems of functional activity of prosecution authorities. Team building is organizational and psychological process of structural changes, which lead to transition of prosecutor's team to the highest stage of development at which the efficiency of their teamwork increases. This explains the need to develop necessary for harmonization prosecutor's activities of regulatory

tools and technologies of team building; conditions and regulations, organizational and legal procedures, phasing and mechanisms for their implementation in the process of organizing the work of the prosecution authorities.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ВЫЯВЛЕННОГО ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Белокopyтов В. В.

В ходе осуществления контролирующими (надзорными) органами проверок организаций, индивидуальных предпринимателей, нотариусов, а также лиц, осуществляющих адвокатскую деятельность индивидуально, ремесленную деятельность, деятельность в сфере агроэкотуризма, временных (антикризисных) управляющих, не являющихся юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями (далее — проверяемые субъекты), возникают вопросы применения законодательства о возмещении вреда, причиненного указанными выше субъектами государству, юридическим и физическим лицам.

Основным нормативным правовым документом, регламентирующим деятельность контрольных (надзорных) органов Республики Беларусь, является Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» и утвержденное им Положение о порядке организации и проведения проверок, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее — Положение № 510).

Указанное Положение № 510 достаточно обстоятельно регламентирует обязанности субъектов контрольной (надзорной) деятельности по выявлению и возмещению вреда.

В числе обязанностей контролирующих (надзорных) органов и проверяющих (далее — контролирующие органы) является принятие необходимых мер по возмещению вреда, причиненного государству, иным лицам (аб. 15 п. 6).

В свою очередь, проверяемые субъекты, их представители, участники контрольного обмера обязаны принять меры к устранению выявленных контролирующим (надзорным) органом по результатам проверки нарушений, возместить вред, причиненный государству, иным лицам (аб. 14 п. 8).

Размер причиненного вреда (при его наличии) должен быть указан в акте проверки (аб. 12 п. 60). Проверяющий несет ответственность за достоверность фактов и сведений о выявленных нарушениях, а также установленных сумм вреда, указанных в акте проверки (ч. 1 п. 61).

Контролирующий (надзорный) орган при установлении в ходе проверки фактов причинения вреда в размере более 1000 базовых величин, установленных на момент причинения вреда, обязан передать материалы проверки в органы уголовного преследования (п. 76).

Органы уголовного преследования совместно с контролирующими (надзорными) органами обязаны принимать предусмотренные законодательством меры по выявлению вреда и обеспечению его полного взыскания, а при на-

правлении контролирующим (надзорным) органам письменных сообщений о результатах рассмотрения материалов проверок и принятых по ним решениях — отражать данные о суммах взысканного (возмещенного в добровольном порядке) вреда (ч. 2 п. 97–1).

Как следует из вышеприведенных нормативных положений, основу рассматриваемой деятельности составляют вопросы выявления, определения и возмещения вреда, причиненного противоправными деяниями государству, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям.

Вместе с тем понятие «вред» многоаспектно. Действующее законодательство регулирует отношения по возмещению вреда, возникающие на основании гражданско-правовых и иных норм.

В качестве примеров можно привести нормы ст. 938, 939, 948, 953 Гражданского кодекса Республики Беларусь; ст. 15 Закона Республики Беларусь от 09 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» (взыскание ущерба, причиненного потребителю); гл. 13 Положения о страховой деятельности в Республике Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности» (возмещение вреда по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств), Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины», ст. 245, 246, 256 Трудового кодекса Республики Беларусь и т. п.

Применительно к контрольной (надзорной) деятельности действующая редакция п. 6 и 8 Положения № 510 содержит формулировки о возмещении вреда, причиненного государству, иным лицам, абстрактного характера без определения значения данного термина.

Помимо термина «вред» в различных нормах законодательства также используется термин «ущерб».

В частности, пп. 2.1.5. п. 2 Критериев оценки деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями, утвержденных постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь от 30 декабря 2014 г. № 30/1257/2/260, оперирует указанием на размер предотвращенного ущерба экономике государства по материалам органов, осуществляющих борьбу с коррупцией и экономическими правонарушениями.

Утверждаемые законодательными актами либо актами иного уровня положения о материальной ответственности тех или иных категорий военнослужащих, о тех или иных государственных органах (силового и контрольного блоков) содержат выражения о возмещении ущерба государству или материального ущерба, причиненного государству.

Положение о порядке и условиях заключения контрактов нанимателей с работниками, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 сентября 1999 г. № 1476, Декрет Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» и иные акты законодательства по вопросам трудовых отношений оперируют понятием материального ущерба, причиненного государству в результате нарушения действующего законодательства.

Следовательно, в настоящее время при осуществлении контрольной (надзорной) деятельности контролирующими органами используются различные понятия к обозначению причиненного вреда.

Вместе с тем согласно принятым в гражданском законодательстве определениям понятие «вред» включает в себя реальный ущерб и упущенную выгоду (убытки), а также моральный вред.

При применении понятия «реальный ущерб» в том смысле, в котором оно используется в п. 2 ст. 14 Гражданского кодекса Республики Беларусь, в практике контрольной деятельности возникают сложности с определением размера ущерба (вреда), причиненного, например, деяниями должностных лиц, совершаемыми вопреки интересам службы (реализация высоколиквидной продукции с нулевой рентабельностью при наличии возможности ее реализации по более высокой цене, приобретение имущества, в котором отсутствует потребность, закупка заведомо морально устаревшего и неэффективного оборудования, использование заведомо некачественных материалов, проведение работ не в полном объеме, сдача имущества в аренду без взимания платы и так далее).

Расчет размера вреда, причиненного противоправными деяниями, необходим не только для осуществления уголовного преследования, но и для восстановления нарушенных гражданских прав собственника.

Например, для работы правоохранительных органов недостаточно положений ст. 14 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Определение реального ущерба может быть рассмотрено только как составная часть, частный случай вреда (например, для квалификации уголовно наказуемого деяния).

Как отмечалось выше, вред может быть причинен государству, юридическим и физическим лицам.

В этой связи следует также подробнее остановиться на особом объекте, которому может быть причинен вред, — государстве.

Так, помимо вреда, причиненного юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, п. 6 и 8 Положения № 510 предусматривают обязанность по выявлению (для проверяющих) и возмещению (для проверяемых субъектов) вреда, причиненного государству. В частности, причинение вреда государству, а не какому-либо юридическому лицу, имеет место в правонарушениях, связанных с незаконным получением и использованием средств, выделенных из госбюджета.

Причинение ущерба (вреда) государству понимается в широком смысле как посягательство на установленный порядок осуществления той или иной деятельности, в том числе в виде неисполнения обязанностей по уплате тех или иных платежей. Например, постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25 июля 2013 г. № 658 «Об утверждении Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь» определяет террористическую угрозу как потенциальную или реально существующую возможность нанесения ущерба личности, обществу и государству в связи с приготовлением или непосредственным совершением акта терроризма.

Конституционный Суд Республики Беларусь не ограничивает использование термина ущерба государству как имуществу государственных юридических лиц, используя оборот «причинение ущерба не только участникам рынка (ценных бумаг), но и государству, посягая тем самым на установленный порядок осуществления экономической и финансовой деятельности [1].

Наряду с этим Налоговый кодекс Республики Беларусь и иные законодательные акты, устанавливая нормы произведенных определенных выплат в целях

восстановления исполнения установленной актом законодательства обязанности (включая штрафные санкции), часто нормативно не оперируют в своем тексте выражением о вреде (ущербе) государству.

Отдельные законодательные акты используют выражения о возмещении вреда окружающей среде физическими и юридическими лицами в результате незаконного изъятия или уничтожения тех или иных объектов и вредного воздействия на среду их обитания [2], но не оперируют термином «ущерб (вред) государству».

Отсутствие универсального порядка определения размера вреда (в том числе реального ущерба), причиненного государству (а не только государственным юридическим лицам и хозяйственным обществам с долей государства), не исключает расчеты (крайне спорные), (включая оценки политэкономического и иного характера), нанесения ущерба теми или иными распорядительными действиями государственных органов при государственном управлении социально-экономическим развитием республики с дискуссиями об упущенной выгоде государства, с включением в нее интересов только бюджета или государственной собственности либо оценки отрицательных последствий для иных (и частных) субъектов, образующей экономическую основу существования этого государства.

В свете изложенного представляется целесообразным совершенствование законодательства о контрольной (надзорной) деятельности в части корректировки понятия «вред», который выявляют в ходе проверок, в тексте Положения № 510.

Что касается порядка определения размера вреда (в том числе реального ущерба), причиненного государству, юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям противоправными деяниями, то здесь целесообразно ограничиться тем, чтобы установить актом правительства или министерств порядок определения размера реального материального ущерба, причиненного государственным и иным юридическим лицам противоправными деяниями, решая вопросы возмещения:

- ущерба, нанесенного государству нарушением установленного порядка осуществления деятельности, использования бюджетных средств, ущерба физическим объектам, не принадлежащим юридическим и физическим лицам, через соответствующие нормы законодательных актов;

- ущерба, нанесенного индивидуальным предпринимателям как гражданам с использованием инструментариев, предусмотренных Гражданским, Уголовным, Гражданско-процессуальным и Уголовно-процессуальными кодексами Республики Беларусь.

Для этого необходимо предоставить полномочия Совету Министров Республики Беларусь с закреплением возможности делегировать компетентному органу (компетентным органам) полномочий на утверждение порядка определения размера реального ущерба (вреда), выявляемого при осуществлении контрольной (надзорной) деятельности, причиненного юридическим лицам противоправными деяниями, что даст возможность сохранить ныне действующий подход к осуществлению порядка определения выявленного в ходе проверок вреда, установленного постановлением Министерства финансов Республики Беларусь, Министерства экономики Республики Беларусь от 24 марта 2003 г. № 39/69 «Об утверждении Инструкции о порядке определения размера причиненного государственному имуществу вреда в связи с утратой, повреждением (порчей), недостатчей при проведении проверок финансово-хозяйственной деятельности государственных юридических лиц».

Справочно. Указанный нормативный правовой акт принят в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 января 2003 г. № 22 «О размере вреда, причиненного государственному имуществу», которое, в свою очередь, было издано в связи с Указами Президента Республики Беларусь от 15 ноября 1999 г. № 673 «О некоторых мерах по совершенствованию координации деятельности контролирующих органов Республики Беларусь и порядка применения ими экономических санкций» и от 25 мая 2000 г. № 293 «О мерах по усилению ведомственного контроля в Республике Беларусь».

Данное правовое регулирование позволит компетентным органам оперативно решать вопросы совершенствования порядка определения размера реального ущерба с учетом правоприменительной практики, а также иных полномочий указанных государственных органов (например, Министерством экономики — в сфере ценообразования, Министерством финансов — в сфере контроля за соблюдением финансовых интересов государства), корреспондирующих по вопросам возмещения ущерба.

По действующему законодательству возмещению подлежит также вред (ущерб), причиненный иным объектам, которые не могут рассматриваться как юридическое лицо, например, окружающей среде. В связи с чем в законодательстве о контрольной (надзорной) деятельности необходимо предусмотреть отсылочную норму для случаев, когда законодательными актами установлен порядок определения вреда иным объектам.

Таким образом, реализация на практике предложений о совершенствовании законодательства о возмещении вреда позволит применять порядок определения его размера (в том числе реального ущерба), причиненного противоправными деяниями государству, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, не только в ходе проверок, но также при доказывании в ходе расследования уголовных дел и их рассмотрении судом, и не будет требовать для доказывания размера вреда (в том числе реального ущерба) по всем делам, как в уголовном, так и в гражданском процессе, назначения и проведения проверки.

Список цитированных источников

1. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам манипулирования рынком ценных бумаг»: Решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 5 июля 2012 г., № Р-740/2012 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

2. О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ими: Указ Президента Респ. Беларусь, 8 дек. 2005 г., № 580 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.; О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде: Указ Президента Респ. Беларусь, 24 июня 2008 г., № 348 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

Дата поступления статьи — 01.06.2016.

Статья содержит основные проблемные вопросы по выявлению контролирующими (надзорными) органами и проверяющими вреда государству, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, а также определения его размера.

Предлагаются некоторые подходы по совершенствованию законодательства о возмещении реального ущерба, установленного в ходе осуществления контрольной (надзорной) деятельности.

This article contains major issues to identify regulatory (supervisory) authorities and inspecting damage to the state, legal entities and individual entrepreneurs, as well as to determine its size.

Offers some approaches to improve the compensation of actual damages law, established in the implementation of the control (supervisory) activities.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Билялов Б. С.

В настоящее время терроризм является одной из наиболее острых проблем в сфере обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан. Не случайно терроризм, экстремизм и сепаратизм в любых их формах и проявлениях являются одними из основных угроз национальной безопасности, обозначенных в основополагающем законодательном акте «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 г. Произошедшие события в г. Актобе в июне 2016 г. свидетельствуют об особой важности данной проблемы для нашего государства.

В рамках эффективного противостояния терроризму за годы независимости созданы правовые механизмы противодействия. В рамках Конституции Республики Казахстан приняты соответствующие законодательные и иные нормативные правовые акты по противодействию терроризму. Казахстан присоединился к основным международным конвенциям, заключены региональные и двусторонние соглашения в данной сфере.

Национальное законодательство о противодействии терроризму основано на Конституции Республики Казахстан, от 30 августа 1995 г. Основной Закон занимает высший уровень в иерархии всех нормативных правовых актов Республики Казахстан, и поэтому все законы и любые подзаконные нормативные правовые акты в нашей стране не должны и не могут противоречить Конституции Казахстана. В отношении непосредственно противодействия терроризму Основной закон, учитывая высокую степень общественной опасности террористических преступлений, в п. 2 ст. 15 предусматривает смертную казнь как исключительную меру уголовного наказания за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, что свидетельствует об особом отношении государства к террористическим проявлениям. Это обусловлено тем, что смертная казнь является одним из средств противодействия терроризму. Именно поэтому, адекватно угрозам XXI в., Казахстан, по сути, приравнял террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, к особо тяжким преступлениям, совершаемым в военное время [1, с. 12].

Вместе с тем в целях дальнейшей гуманизации уголовной политики государства и в соответствии с п. 1 ст. 15 и п. 2 ст. 40 Конституции Республики Казахстан Указом Главы государства от 17 декабря 2003 г. № 1251 введен мораторий на исполнение смертной казни до решения вопроса о ее полной отмене. В 2014 г. в ходе рассмотрения новой редакции Уголовного кодекса прозвучало предложение исключить из него смертную казнь, однако оно не было поддержано

Генеральной прокуратурой Республики Казахстан. В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 47 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. смертная казнь — расстрел как исключительная мера наказания — устанавливается за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершённые в военное время, с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании. Смертная казнь не назначается лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, женщинам, мужчинам в возрасте шестидесяти трех и свыше лет. В связи с терактом в г. Актобе высказываются предложения об отмене моратория на смертную казнь. Однако мораторий действует, и его может снять только Глава государства.

Казахстан является активным участником международного антитеррористического сотрудничества в глобальном и региональном масштабах. Сотрудничество в этой сфере осуществляется через такие авторитетные международные структуры, как Контртеррористический комитет Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (далее — ООН), Антитеррористический центр Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС), а также в двустороннем формате.

Необходимо отметить, что только наличие международного договора (конвенции) обязывает государства, его заключившие, соблюдать его условия и непосредственно исполнять их. В рамках международного договора государства имеют наибольшие возможности для более детального закрепления своих прав и обязанностей, а также иных положений, подлежащих применению при реализации данного договора. Более того, «любой действительный международный договор имеет юридически обязательную силу для его участников и в этом смысле является нормоустанавливающим» [2, с. 108].

Нужно учитывать, что сами международные договоры по противодействию терроризму подразделяются на несколько видов:

- а) многосторонние конвенции ООН;
- б) региональные соглашения (конвенции);
- в) двусторонние договоры.

Неизбежное разнообразие, сложность и встречающиеся время от времени пробелы, когда каждая страна имеет свой набор двусторонних договоров, способствовали выработке многосторонних конвенций по противодействию терроризму.

Важное место в противодействии терроризму с самого начала своего создания заняла ООН. Еще в 1934 г., будучи Лигой Наций, она сделала первый главный шаг в объявлении этого явления вне закона, было проведено обсуждение проекта Конвенции о предотвращении и осуждении терроризма. Хотя в 1937 г. эту конвенцию все-таки приняли, она так и не вступила в силу. С 1963 г. под эгидой ООН и ее специализированных учреждений международное сообщество разработало 16 международных соглашений (13 контртеррористических конвенций и трех протоколов), которые открыты для участия всех государств-членов. В 2005 г. международное сообщество также внесло существенные изменения в три из этих универсальных документов непосредственно для отражения угрозы терроризма; 8 июля того же года государства приняли Поправку к Конвенции о физической защите ядерного материала, а 14 октября они согласовали Протокол 2005 г. к Конвенции о борьбе с незаконными акта-

ми, направленными против безопасности морского судоходства, и Протокол 2005 г. к Протоколу по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе. В декабре 1994 г. Ассамблея ООН вновь обратила внимание на вопрос терроризма в Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма (A/RES/49/60). В 1996 г. в дополнение к этой декларации (A/RES/51/210) был учрежден Специальный комитет по терроризму. С тех пор Ассамблея рассматривала этот вопрос на постоянной основе [3].

Республика Казахстан, в соответствии со ст. 8 Конституции, уважает принципы и нормы международного права, проводит политику сотрудничества и добрососедских отношений между государствами, их равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга, мирного разрешения международных споров, отказывается от применения первой вооруженной силы. Казахстан, вступивший в 1992 г. в ООН, принимает активное участие в ее деятельности, в том числе и в сфере противодействия терроризму.

Республика Казахстан за годы своей независимости присоединилась к следующим многосторонним конвенциям ООН и ее протоколам:

- Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, заключенной в г. Токио 14 сентября 1963 г. (дата присоединения – 13 мая 1994 г.);

- Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, принятой в г. Гааге 16 декабря 1970 г. (дата присоединения – 13 мая 1994 г.);

- Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, заключенной в г. Монреале 23 сентября 1971 г. (дата присоединения – 13 мая 1994 г.);

- Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, принятой в г. Нью-Йорке 14 декабря 1973 г. (дата присоединения – 23 января 1996 г.);

- Международной конвенции о борьбе с захватом заложников, подписанной в г. Нью-Йорке 18 декабря 1979 г. (дата присоединения – 24 января 1996 г.);

- Конвенции о физической защите ядерного материала, заключенной в г. Вене 3 марта 1980 г. (дата присоединения – 22 декабря 2004 г.);

- Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, и Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, принятым в г. Риме 10 марта 1988 г. (дата присоединения – 27 февраля 2003 г.);

- Конвенции о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения, заключенной в г. Монреале 1 марта 1991 г. (дата присоединения – 13 мая 1994 г.);

- Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом, подписанной в г. Нью-Йорке 12 января 1998 г. (дата присоединения – 4 июля 2002 г.);

- Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, принятой в г. Нью-Йорке 10 января 2000 г. (дата присоединения – 2 октября 2002 г.);

- Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, заключенной в г. Нью-Йорке 14 сентября 2005 г. (дата присоединения – 14 мая 2008 г.);

— Протоколу о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющему Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, принятую в г. Монреале 23 сентября 1971 г., заключенному в г. Монреале 24 февраля 1988 г. (дата присоединения — 13 мая 1994 г.).

8 сентября 2006 г. государствами — членами ООН была принята Глобальная контртеррористическая стратегия. Эта стратегия — в виде резолюции и содержащегося в приложении к ней Плана действий — является уникальным глобальным документом, который укрепит национальные, региональные и международные усилия по борьбе с терроризмом. Впервые все государства-члены согласились с общим стратегическим подходом к борьбе с терроризмом, не только послав четкий сигнал о том, что терроризм неприемлем во всех его формах и проявлениях, но и выразив решимость предпринять практические шаги как в индивидуальном, так и в коллективном плане по предотвращению терроризма и борьбе с ним. Эти практические шаги включают широкий круг мер, варьирующихся от укрепления государственного потенциала в деле борьбы с террористическими угрозами до лучшей координации контртеррористической деятельности системы ООН. С принятием этой Стратегии было выполнено обязательство, принятое руководителями стран мира на Всемирном саммите в 2005 г.; при этом Стратегия задействует многие элементы, предложенные Генеральным секретарем в его докладе от 2 мая 2006 г., озаглавленном «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии» [4].

Вторым видом международных соглашений являются региональные договоры. Региональное сотрудничество государств в области борьбы с терроризмом осуществляется в рамках региональных международных организаций. Менее масштабными и, по крайней мере, теоретически более легкими для выработки являются региональные многосторонние соглашения, принятые в рамках региональных межгосударственных организаций или сообществ (союзов) государств.

Региональные договоры (участники которых, согласно широкому пониманию, объединены политической и географической общностью) обладают огромными преимуществами институционального характера, связаны с сопоставимыми правовыми и политическими культурами, основываются на взаимной осведомленности и доверии к правовым системам других участвующих в них сторон, что сильно облегчает не только переговоры о выработке соответствующего документа, но и соответствующую практику противодействия терроризму.

В рамках СНГ государствами-участниками заключены Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом, подписанный в г. Минске 4 июня 1999 г. (ратифицирован Законом Республики Казахстан от 23 октября 2000 г.), Договор государств — участников СНГ о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма, подписанный 5 октября 2007 г. в г. Душанбе (ратифицирован Законом Республики Казахстан от 29 марта 2011 г.), принято Решение Совета глав государств СНГ от 1 декабря 2000 г. о создании Антитеррористического центра государств — участников СНГ; Решением Совета глав государств СНГ от 26 августа 2005 г. принята Концепция сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма.

Международное сотрудничество по противодействию терроризму регулируется не только многосторонними и региональными конвенциями, но и дву-

сторонними договорами. Необходимо отметить, что именно двусторонние договоры, регулирующие вопросы противодействия терроризму, позволяют более полно учесть характер взаимоотношений между двумя государствами, их интересы по каждой конкретной проблеме.

Особая роль в сфере законодательного регулирования противодействия терроризму принадлежит Уголовному кодексу Республики Казахстан от 3 июля 2014 г., определяющему перечень террористических преступлений и уголовную ответственность за их совершение. В соответствии с уголовным законодательством в связи с высокой общественной опасностью террористических преступлений уголовная ответственность наступает не только за их совершение, но также и за покушение и даже за приготовление к ним. Кроме того, Уголовным кодексом предусмотрены законодательные ограничения при осуждении лица за террористическое преступление, особые положения, касающиеся вопросов освобождения от уголовной ответственности, исчисления сроков давности, условно-досрочного освобождения, и другие исключения, запрещающие применение поощрительных норм.

Базовым законодательным актом в сфере противодействия терроризму является Закон Республики Казахстан «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 г., устанавливающий принципы, правовые и организационные основы противодействия терроризму. Принятие данного законодательного акта позволило выработать систему правовых норм по противодействию терроризму, поставить задачи не только по выявлению, пресечению террористической деятельности, раскрытию и расследованию террористических преступлений, но и прежде всего по профилактике терроризма. Важным представляется наличие в законе определений, заложивших основу понятийного аппарата. Так, законодательно закреплены следующие понятия: акт терроризма, антитеррористическая операция, призыв к совершению акта терроризма, противодействие терроризму, профилактика терроризма, терроризм, террорист, террористическая группа, террористическая деятельность, террористическая организация, террористические материалы, финансирование терроризма и иные. В Законе определено понятие противодействия терроризму, которое состоит из трех основных направлений: профилактика терроризма; выявление, пресечение террористической деятельности, раскрытие и расследование террористических преступлений; минимизация и (или) ликвидация последствий терроризма.

Законом Республики Казахстан «О противодействии терроризму» создана национальная система координации противодействия терроризму, возглавляемая Антитеррористическим центром Республики Казахстан. В рамках профилактики терроризма в регионах созданы антитеррористические комиссии, возглавляемые акимами областей, городов и районов, обладающие соответствующими силами, средствами и финансовыми ресурсами. По аналогии с Законом «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 г. с учетом внесенных изменений и дополнений Закон «О противодействии терроризму» предусматривает четкое разграничение полномочий и компетенции каждого государственного органа. Ранее компетенция по противодействию терроризму была определена лишь у 6 из 21 заинтересованного государственного органа. Отсутствие четкого распределения их полномочий в национальном законодательстве негативно влияло на качество процесса [5, с. 3].

Особое место в системе законодательных актов по противодействию терроризму занимает Закон Республики Казахстан «О противодействии ле-

гализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма» от 28 августа 2009 г. Данный законодательный акт определяет правовые основы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, правовые отношения субъектов финансового мониторинга, уполномоченного органа и других отечественных государственных органов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Интенсивность террористической и экстремистской деятельности напрямую зависит от уровня их финансирования и материально-технической оснащенности. В связи с этим замораживание активов террористических и экстремистских организаций и перекрытие каналов финансирования террористической и экстремистской деятельности признается одним из важнейших инструментов противодействия терроризму и экстремизму.

Особое значение в противодействии терроризму принадлежит Закону Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11 октября 2011 г. Данный законодательный акт основывается на том, что Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским государством, подтверждает право каждого на свободу совести, гарантирует равноправие каждого независимо от его религиозного убеждения, признает историческую роль ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа, уважает другие религии, сочетающиеся с духовным наследием народа Казахстана, признает важность межконфессионального согласия, религиозной толерантности и уважения религиозных убеждений граждан. Закон основан на таких основополагающих принципах, как равенство всех религий, право граждан свободно исповедовать любую религию, отделение государства от религии, а также гарантии равноправия каждого гражданина независимо от его религиозных убеждений.

Таким образом, национальное законодательство о противодействии терроризму, основываясь на Конституции Республики Казахстан, состоит из Уголовного кодекса от 3 июля 2014 г., Закона «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 г., Закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 28 августа 2009 г., Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11 октября 2011 г., Закона «О средствах массовой информации» от 23 июля 1999 г. и иных нормативных правовых актов. На основе национального законодательства выработана система мер обеспечения безопасности общества от угрозы терроризма.

Вместе с тем в связи с произошедшими событиями в г. Актобе Глава государства поручил Правительству в двухмесячный срок выработать пакет законодательных инициатив в сфере противодействия терроризму и экстремизму, оборота, хранения и продажи оружия, в области регулирования миграции и религиозных объединений. В частности, Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым было предложено рассмотреть меры по усилению наказания в отношении казахстанских граждан, участвующих в международных террористических организациях. Кроме того, было предложено упростить возможное проведение специальных оперативных мероприятий по сигналам о террористической угрозе [6].

Список цитированных источников

- 1 Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий. — Алматы: Раритет, 2015.
2. Тункин, Г. И. Теория международного права / Г. И. Тункин. — М., 1970.
3. Международные соглашения по борьбе с терроризмом [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/terrorism/instruments.shtml>. — Дата доступа: 01.07.2016.
4. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/terrorism/strategy-counter-terrorism.shtml>. — Дата доступа: 01.07.2016.
5. Джарасов, Ж. А. Новые механизмы противодействия терроризму // Казахст. правда. — 2013. — 5 янв.
6. Заседание Совета Безопасности под председательством Главы государства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/zasedanie-soveta-bezopasnosti. — Дата доступа: 01.07.2016.

Дата поступления статьи — 06.07.2016.

В данной статье автором рассмотрены положения Конституции, международных актов и законодательных актов Республики Казахстан, составляющих правовую основу противодействия терроризму в Республике Казахстан.

In this article the author considers provisions of Constitution, international legislation and legal acts of the Republic of Kazakhstan, forming a legal framework for terrorism counteraction in the Republic of Kazakhstan.

О НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СОВЕРШЁННОЕ В СОУЧАСТИИ: DE LEGE LATA

Благов Е. В.

В ч. 1 ст. 67 УК РФ предусмотрено, что при назначении наказания за преступление, совершённое в соучастии, учитываются «характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда». В этом последнее обстоятельство самостоятельной роли играть не способно. Цель преступления явно включает и причиненный или возможный вред. Поэтому влияние фактического участия лица в совершении преступления на характер и размер причиненного или возможного вреда не может не охватываться значением участия для достижения целей преступления.

Установление содержания понятий характера и степени фактического участия в совершении преступления оказалось делом достаточно сложным для науки уголовного права. В ней даются разные решения.

Лишь данью традиции можно объяснить то, что после принятия последнего Уголовного кодекса РСФСР и первого России степень участия соучастника в совершении преступления ставится в зависимость от роли лица [1]. Такое решение [2, с. 82] вполне соответствовало уголовному законодательству до 1958 г., особо не выделявшему, в отличие от степени, характер участия в совершении преступления, но вряд ли применимо в условиях существования обоих критериев назначения наказания за преступление, совершённое в соучастии, требующих дробления считавшегося ранее единым целым.

При одних подходах в характер участия включается степень [3, с. 627], а при других, напротив, в степень участия включается характер [4]. Вместе с тем в таком случае выделение именно двух критериев назначения наказания за преступление, совершённое в соучастии, теряет смысл. Достаточно одного из них: того, который охватывает другой.

Чаще всего под характером фактического участия в совершении преступления понимается исполняемая соучастником роль (функция), а под степенью участия — мера активности лица в выполнении его роли [5]. В то же время такое определение степени фактического участия в совершении преступления вызывает ряд сомнений. Во-первых, оно не отражает, в чем именно должна проявляться активность соучастника, и потому лишено прикладного значения. В принципе же она способна отражаться в избранном виде осуществления определенной роли (скажем, пособник может содействовать совершению преступления либо советами, либо указаниями, либо предоставлением информации, либо другими способами, названными в ч. 5 ст. 33 УК РФ) и в объеме ее осуществления (скажем, тот же пособник может содействовать совершению преступления путем предоставления средств совершения преступления и устранения препятствий). Во-вторых, повышение интенсивности действий соучастников способно происходить «за счет одновременного выполнения ими нескольких функций, т. е. за счет совмещения одним соучастником нескольких функциональных ролей — подстрекателя и исполнителя, исполнителя и организатора, подстрекателя и организатора и т. д.» [6, с. 116].

Таким образом, характером фактического участия в совершении преступления действительно следует считать осуществляемую лицом роль, говоря иначе, то, в качестве кого выступает оно при совершении преступления: исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника. Отсюда в п. 1 постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» ошибочно разъяснено, что степень общественной опасности преступления устанавливается в зависимости, в том числе, от «роли подсудимого в преступлении, совершённом в соучастии» [7]. Первое относится к общим началам назначения наказания (ст. 60 УК РФ), а последнее — к назначению наказания за преступление, совершённое в соучастии. Степень же фактического участия в совершении преступления необходимо рассматривать как меру активности лица, проявляющуюся в виде или объеме его поведения при осуществлении определенной роли либо в объеме осуществляемых ролей. Тем самым трудно согласиться с тем, что «нормы ст. 67 УК РФ... не устанавливают принципиальных особенностей назначения наказания за преступления, совершенные в соучастии, по сравнению с общими началами...» [8, с. 139].

Учет характера фактического участия в совершении преступления означает выяснение того, выполнение какой роли в преступлении влечет более строгое или менее строгое наказание вследствие ее большей или меньшей общественной опасности. В теории по этому поводу более или менее ясно, пожалуй, только то, что наименьшей общественной опасностью обладает пособник; наиболее общественно опасным чаще всего считаются организатор или исполнитель, иногда — оба; подстрекатель рассматривается как обладающий большей, равной либо меньшей общественной опасностью, чем исполнитель или организатор [9].

Особенная часть уголовного законодательства сформулирована в расчете на исполнителя, поскольку именно он непосредственно или посредством использования других лиц совершает преступление либо участвует в его совершении

(ч. 2 ст. 33 УК РФ). В результате понятно, что лишь исполнитель входит в контакт с объектом преступления и причиняет ему вред. Тем самым наибольшей общественной опасностью обладает именно данный соучастник преступления.

Подстрекатель, чтобы склонить к совершению преступления (ч. 4 ст. 33 УК РФ), должен действовать до появления у соответствующего лица решимости совершить преступление. Пособник, чтобы содействовать совершению преступления или обещать заранее укрывательство, приобретение или сбыт соответствующих объектов (ч. 5 ст. 33 УК РФ), может действовать только после возникновения у соответствующего лица решимости совершить преступление. Получается, что подстрекатель явно общественно опаснее пособника.

Организатор организует преступление или руководит его исполнением либо создает соответствующие преступные группы или руководит ими (ч. 3 ст. 33 УК РФ), а не просто склоняет других лиц к совершению преступления, как подстрекатель. Стало быть, общественная опасность первого выше, чем у последнего.

Итак, учет характера фактического участия в совершении преступления означает необходимость исходить из того, что общественная опасность соучастников по убывающей определяется их последовательностью, отраженной в ст. 33 УК РФ: исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник. Тем самым очевидно, что при прочих равных условиях общим правилом является назначение самого строгого наказания исполнителю, наиболее строгого из остальных соучастников — организатору, менее строгого — подстрекателю, наименее строгого — пособнику.

Разумеется, не исключено, что в конкретном случае организатор или подстрекатель будут наказаны более строго, чем исполнитель, либо пособник — более строго, чем подстрекатель, и т. п. [10, с. 274–275]. Между тем данный факт не колеблет сформулированного правила, ибо может быть следствием учета не только характера, но и степени фактического участия в совершении преступления и даже обстоятельств, вовсе не относящихся к соучастию (ст. 60 УК РФ). Видимо, расхождения в оценке общественной опасности различных соучастников вольно или невольно обусловлены смешением рассматриваемых обстоятельств, принимаемых во внимание при назначении наказания за преступление, совершённое в соучастии, что неправомерно. При этом появляется слишком большой круг данных, не позволяющих выявить действительную закономерность.

Учет степени фактического участия в совершении преступления означает выявление того, что именно делает соответствующее лицо и как его поведение влияет на его общественную опасность и строгость возможного наказания. Основа — ст. 33 УК РФ.

Исходя из ч. 2 ст. 33 УК РФ, более общественно опасен и заслуживает более строгого наказания исполнитель, который непосредственно совершает деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса, в сравнении с тем, который участвует в совершении преступления совместно с соисполнителями; исполнитель, который совершает деяние посредством использования соответствующих лиц, в сравнении с тем, который сам совершает деяние; исполнитель, который использует лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, в сравнении с тем, который использует лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу невменяемости; исполнитель, который использует последних лиц, в сравнении с тем, который использует лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу отсутствия других обстоятельств. В осталь-

ных случаях все зависит от конкретных обстоятельств дела, в частности от того, какое именно деяние совершает соответствующее лицо, какую именно часть деяния оно выполняет, какую именно часть деяния оно выполняет само и какую — с использованием других лиц, сколько используется так называемых посредственных исполнителей.

Исходя из ч. 3 ст. 33 УК РФ, более общественно опасен и заслуживает более строгого наказания организатор, руководивший исполнением преступления, нежели организовавший совершение преступления, а последний — чем создавший организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководивший ими; организатор, руководивший указанными преступными группами, в сравнении с создавшим их. В остальных ситуациях все зависит от обстоятельств конкретного дела, в частности от того, о какой именно преступной группе идет речь, сколько и каких лиц объединяется в преступные группы, единоличное или коллективное руководство осуществляет организатор.

Исходя из ч. 4 ст. 33 УК РФ, более общественно опасен и заслуживает более строгого наказания подстрекатель, склонивший к совершению преступления путем угрозы, чем уговора или подкупа, говоря иначе, подстрекатель, который склонил к совершению преступления так называемыми принуждающими способами, в сравнении со сделавшим это убеждающими способами, а также путем подкупа, нежели уговора. В остальных случаях все зависит от конкретных обстоятельств дела, скажем, от того, какими именно способами лицо склоняет к совершению преступления, каких лиц, в каком количестве.

Исходя из ч. 5 ст. 33 УК РФ, более общественно опасен и заслуживает более строгого наказания пособник, содействовавший совершению преступления указаниями, чем советами или предоставлением информации, и советами, нежели предоставлением информации, а каждый из них — в сравнении с любым лицом, заранее давшим соответствующее обещание; пособник, заранее давший обещание скрыть преступника (либо средства или орудия совершения преступления, либо следы преступления, либо предметы, добытые преступным путем, обещания скрыть которые перечислены по нисходящей), чем заранее давший обещание сбыть, а тем более приобрести соответствующие предметы; пособник, устранивший препятствие, чем предоставивший средства или орудия совершения преступления, а оба последних — всех ранее указанных лиц, ибо так называемое физическое пособничество, внося «материальный» вклад в преступление, всегда опаснее интеллектуального пособничества. В остальных ситуациях все зависит от обстоятельств конкретного дела: какие именно средства или орудия предоставляются, а препятствия устраняются, какие именно указания или советы даются и какая именно информация предоставляется, что именно обещается скрыть или приобрести и т. п.

Однако степень фактического участия в совершении преступления не сводится исключительно к виду поведения при осуществлении соучастником определенной роли. Как отмечалось, она проявляется еще в объеме поведения по принятой роли и в объеме выполняемых ролей. Уровень общественной опасности и наказуемости соучастника при этом зависит от того, сколько и каких видов поведения в рамках данной роли осуществляет лицо или сколько и каких ролей оно осуществляет.

Так, исполнитель может совершить преступление в одной части сам, а в другой части выступить как посредственный исполнитель. Организатор преступления способен объединить других лиц в соответствующие преступные группы

и руководить исполнением преступления. Подстрекатель может применить убеждающие и принуждающие способы склонения к совершению преступления. Пособник способен варьировать и сочетать интеллектуальное и физическое содействие совершению преступления. Организатор, подстрекатель и пособник иногда выступают как соисполнители преступления, а подстрекатель подчас становится и пособником и т. д.

Любые соединения видов поведения и ролей при совершении преступления повышают общественную опасность определенных соучастников в сравнении с теми, кто осуществляет соответственно один вид поведения или одну роль. Значит, первым должно быть назначено при прочих равных условиях более строгое наказание, чем последним.

В связи с отмеченным высвечивается неточность высказывания о том, что «в значительной мере» степень участия каждого из соучастников в совершении преступления «предопределяется функциями соучастника: организатор обычно вкладывает в преступление большую долю, чем другой соучастник, исполнитель и подстрекатель действуют активнее пособника» [11, с. 70–71]. Дело в том, что по степени фактического участия в преступлении различаются не роли соучастников, а их активность. Говоря иначе, к степени участия не относится характеристика видов соучастников. Она показатель прежде всего разновидностей данного вида: различные исполнители, организаторы, подстрекатели или пособники.

При назначении наказания соучастникам нередко учитывается, являлось ли лицо инициатором или активным участником, принадлежала ли ему в преступлении главная или второстепенная роль [12, с. 101]. Такая практика вполне приемлема. Все указанные обстоятельства характеризуют степень фактического участия соучастника в совершении преступления. Поэтому вряд ли нужно отказываться от понятия инициатора, как иногда полагают в теории [11, с. 70], пока речь не идет о характере фактического участия в совершении преступления или виде соучастника.

Вместе с тем нельзя узко трактовать степень фактического участия соучастника в совершении преступления, считая, что «в процессе расследования и судебного разбирательства совместных деяний в отношении каждого их участника необходимо установить... фактически принадлежавшую ему главную или второстепенную роль» [11, с. 72]. Между главной и второстепенной лежат роли промежуточной значимости, которые также недопустимо не принимать во внимание при назначении наказания соучастникам.

Значение фактического участия для достижения цели преступления явно определяется вкладом соучастника в его совершение. Он же не может не зависеть от характера и степени фактического участия в совершении преступления. Тем самым последними поглощается значение фактического участия для достижения цели преступления. Вероятно, именно поэтому в ч. 1 ст. 34 УК РФ предусмотрено, что ответственность соучастников определяется только характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления.

Порядок учета характера и степени фактического участия в совершении преступления отражен в ч. 1 ст. 67 УК РФ. В законе на первом месте стоит характер, а на втором — степень участия. Действительно, вряд ли возможно учитывать сначала меру активности лица при совершении преступления в соучастии и лишь потом выполняемую им роль. Первично все-таки то, кем был, в качестве кого выступал соучастник при совершении преступления, а не то, как, каким образом выполнял отведенную роль.

В ч. 2 ст. 67 УК РФ предусмотрено, что «смягчающие и отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику». В действующем законе, таким образом, получило отражение то, что ранее решалось лишь на уровне практики и теории [13, с. 482].

Личностными необходимо считать те смягчающие и отягчающие обстоятельства, которые относятся к характеристике только данного соучастника. Среди смягчающих обстоятельств ими, несомненно, являются несовершеннолетие, беременность, наличие детей (п. «б»–«г» ч. 1 ст. 61 УКРФ), а среди отягчающих – рецидив преступлений и особо активная роль в совершении преступления (п. «а» и «г» ч. 1 ст. 63).

Список цитированных источников

1. Советское уголовное право: Общая часть / под ред. Г. А. Кригера, Н. Ф. Кузнецовой. Ю. М. Ткачевского. – М., 1988. – 190 с.; Российское уголовное право / под ред. А. И. Коробеева. – Владивосток, 1999. – Т. 1. – 528 с.
2. Кригер, Г. А. Индивидуализация наказания по советскому уголовному праву / Г. А. Кригер // Применение наказания по советскому уголовному праву / отв. ред. В. Д. Меньшагин, Н. Д. Дурманов. – М., 1958. – 82 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Бойко. – Ростов н/Д, 1996. – 127 с.; Курс советского уголовного права: Часть Общая: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Л., 1968–1970. – Т. 1. – 1968. – 627 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. В. Наумов. – М., 1996. – 121 с.; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / отв. ред. Ю. Д. Северин. – М., 1980. – 39 с.
5. Павлухин, А. Н. Виды и ответственность соучастников преступления / А. Н. Павлухин, Р. С. Рыжов, С. Д. Эриашвили. – М., 2008. – 139 с.; Святенюк, Н. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания за преступление, совершенное в соучастии / Н. Святенюк // Уголов. право. – 2008. – № 3. – С. 47; Чугаев, А. П. Назначение наказания / А. П. Чугаев, Е. Г. Веселов. – М., 2008. – С. 152–153; Энциклопедия уголовного права. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2008. – Т. 9. – С. 555; Жевлаков, Э. Н. Назначение наказания / Э. Н. Жевлаков. – М., 2014. – С. 53.
6. Джекебаев, У. С. Соучастие в преступлении / У. С. Джекебаев, Л. М. Вайсберг, Р. Н. Судакова. – Алма-Ата, 1981. – 116 с.
7. Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. – 2016. – № 2. – С. 17.
8. Степашин, В. М. Специальные правила назначения наказания / В. М. Степашин. – М. Омск, 2011. – 139 с.
9. Захарян, Г. Соучастие и индивидуализация наказания / Г. Захарян // Совет. юстиция. – 1989. – № 5. – С. 9–11; Тельнов, П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П. Ф. Тельнов. – М., 1974. – С. 173–175; Угрехелидзе, Н. Некоторые вопросы наказания соучастников / Н. Угрехелидзе // Совет. юстиция. – 1970. – № 1. – С. 18; Ушаков, А. В. Ответственность за групповые преступления / А. В. Ушаков. – Калинин, 1975. – С. 70; Зайнутдинова, А. Р. Ответственность за организованные формы соучастия в преступлении по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2001. – 22 с.; Егоров, В. С. Курс лекций по Общей части уголовного права / В. С. Егоров. – М.; Воронеж, 2003. – 437 с.; Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. – СПб., 2008. – Т. 1. – 905 с.
10. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М., 2001. – С. 274–275.
11. Тельнов, П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П. Ф. Тельнов. – М., 1978. – С. 70–71.
12. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации. С. 272; Бюл. Верхов. Суда РСФСР. – 1988. – № 11. – С. 13; Постановление Пленума Верховного Суда

СССР от 4 марта 1961 г. № 1 «О судебной практике по применению условного осуждения» // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации с комментариями и пояснениями / отв. ред. В. И. Радченко. — М., 1999. — С. 101 (п. 2).

13. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964–1972 гг. / отв. ред. А. К. Орлов. — М., 1974. — С. 69–70; Курс советского уголовного права: в 6 т. / редкол.: А. А. Пионтковский, П. С. Ромашин, В. М. Чиквадзе. — М., 1970. — Т. 2. — С. 482.

Дата поступления статьи — 12.07.2016.

Рассматриваются нормативные особенности назначения наказания за преступление, совершённое в соучастии. Указывается, что влияние фактического участия лица в совершении преступления на характер и размер причиненного или возможного вреда не может не охватываться значением участия для достижения целей преступления. Характером фактического участия в совершении преступления называется осуществляемая лицом роль, говоря иначе, то, в качестве кого выступает оно при совершении преступления: исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника. Степень фактического участия в совершении преступления раскрывается как мера активности лица, проявляющаяся в виде или объеме его поведения при осуществлении определенной роли либо в объеме осуществляемых ролей. Показывается, как учитываются характер и степень фактического участия в совершении преступления. Делается вывод, что значение фактического участия для достижения цели преступления поглощается характером и степенью фактического участия в его совершении.

The normative features of awarding punishment are examined the crime accomplished in participation. Specified, that influence of actual participation of person in the commission of crime on character and size of the caused or possible harm is embraced by the value of participation for the achievement of aims of crime. Character of the actual participating in the commission of crime is name the role carried out by a person, speaking differently, then, as whom it comes forward at the commission of crime: performer, organizer, instigator or accomplice. The degree of the actual participating in the commission of crime is examined as a measure of activity of person, showing up in a kind or volume of his behavior during realization of certain role or in the volume of the carried out roles. Opens up as character and degree of participating are taken into account in the commission of crime. Drawn conclusion, that the value of actual participation for gaining end of crime is taken in by character and degree of the actual participating in the commission of crime.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Василевич Г. А.

Вступление 30 марта 1994 г. в силу новой Конституции Республики Беларусь означало необходимость конституционализации отраслевого законодательства, т. е. приведения его и правоприменительной практики в соответствие с принципами и нормами Основного Закона. Определенная работа в этом направлении была проделана уже в первые годы действия новой Конституции,

однако она не была быстрой и всеобъемлющей, как это было бы желательно. Пробелы, коллизии, противоречия неоднократно выявлялись на практике, в том числе Конституционным Судом Республики Беларусь при вынесении им своих решений и заключений. Надо сказать, что и многие специалисты, занимающиеся вопросами правоприменения норм уголовного закона, не были готовы к новым требованиям, которые были предусмотрены в Конституции Республики Беларусь.

Реализация прав и свобод граждан не может быть поставлена в зависимость от того, воспроизведена ли конституционная норма в законах и иных актах, предусмотрен ли механизм реализации уже существующего права. Одним из важнейших признаков правового государства является отношение к Конституции как к системообразующему акту, непосредственно влияющему не только на правотворческую, но и на правоприменительную практику.

Деятельность Конституционного Суда Республики Беларусь по конституционализации законодательства, практики его реализации в уголовно-правовой сфере отражает динамика его актов, вынесенных в порядке последующего конституционного контроля и касающихся этих вопросов: в 1994 г. – 2, 1995 – 0, 1996 – 0, 1997 – 2, 1998 – 6, 1999 – 3, 2000 – 5, 2001 – 9, 2002 – 5, 2003 – 6, в 2004 – 1, 2005 – 5, 2006 – 1, 2007 – 1. В последующем Конституционный Суд Республики Беларусь занимался преимущественно предварительным конституционным контролем. Акты, которые приняты в порядке последующего конституционного контроля, оказывали существенное влияние на развитие национальной правовой системы, обеспечивали более полную защиту прав и свобод граждан.

Заключением Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г. признано не соответствующим Конституции примечание к ст. 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) 1960 г. [1]. Проанализировав нормы Конституции Республики Беларусь, включая ст. 27, международно-правовые документы, примечание к ст. 177 УК, в своем особом мнении по данному заключению автор, не согласившись с содержанием заключения Конституционного Суда Республики Беларусь, посчитал необходимым в соответствии со ст. 39 действовавшего на тот момент Закона Республики Беларусь от 30 марта 1994 г. «О Конституционном Суде Республики Беларусь» высказать по данному делу особое мнение [2]. Нами была отмечена необходимость поиска такой конструкции закона, при которой близкие родственники обязаны под угрозой уголовного наказания и во избежание человеческих жертв сообщать о готовящемся террористическом акте, диверсии с правом не указывать конкретных лиц, к ним причастных. Конституционный Суд Республики Беларусь же посчитал, что «ценнее» сохранение «добрых» отношений между родственниками, чем жизнь людей, которые могут погибнуть, если не принять мер по предотвращению особо тяжкого преступления. Звучит, конечно, плохо: родственник, если он не смог сам предотвратить особо тяжкое преступление, должен сообщить о нем (донести) в правоохранительные органы. Но что делать, уже в 1994 г. нами не исключались такие ситуации, которые получили свое развитие через пять – семь лет. Понимаю, что для судей Конституционного Суда Республики Беларусь было не очень радостно, что кто-то идет «не в ногу». Но истина дороже! По законодательству некоторых зарубежных стран, которые, как и наша республика, провозгласили себя правовыми, близкие родственники могут быть наказаны при недоносительстве о наиболее тяжких преступлениях. Это свидетельствует, что наличия родственных связей еще не-

достаточно для полного и безусловного освобождения от ответственности за недоносительство. Согласно Уголовному кодексу Германии лицо, не делающее заявления в отношении его родственника, освобождается от наказания, если оно прилагало серьезные усилия, чтобы удержать его от совершения преступления или предотвратить наступление последствий, за исключением случаев, когда речь идет о тяжком или простом убийстве, геноциде; похищении людей с целью шантажа; взятии заложников при нападении на воздушный транспорт посредством террористической группы.

Конституционный Суд Республики Беларусь не учел, к сожалению, что права и свободы человека и гражданина также имеют свою иерархию. Очень важно соблюдать важнейший принцип правового государства — соразмерность ограничения того или иного права достигаемым целям. Предпочтение всегда должно быть отдано праву на жизнь, аморальным и юридически наказуемым является лишение человека жизни. Нельзя расценивать как нечто безнравственное установление уголовной ответственности для близких родственников преступника в случае непринятия ими мер по предотвращению готовящегося тяжкого преступления, могущего повлечь лишение кого-либо жизни. Работа автора с 1986 г. в Верховном Совете Белорусской ССР, в том числе в период, предшествующий развалу СССР, когда на его просторах стали возникать события наподобие карабахских, уже позволяла ощущать угрозу межнациональных и религиозных конфликтов. События 11 сентября 2001 г. в США, последующая «эпидемия» террористических актов по всему миру, полагаем, убедили в правильности сделанных нами еще в 1994 г. выводов. Плохо, что Конституционный Суд Республики Беларусь не смог, как положено такой инстанции, проявить правовую дальновидность. Тем более что для этого были конституционные основания.

Интересен для практики и с точки зрения последствий подход Конституционного Суда Республики Беларусь к приданию нормативным правовым актам обратной силы. Конституционный Суд Республики Беларусь, исходя из правила обратной силы закона, смягчающего или отменяющего ответственность, установил в своем заключении от 9 июля 1997 г. [3], что более мягкая норма уголовного закона распространяется и на лиц, отбывающих наказание за совершённые преступления. В частности, когда был принят закон, смягчающий ответственность за хищение в особо крупных размерах, по решению Конституционного Суда Республики Беларусь его действие было распространено и на лиц, осужденных до введения в действие этого закона.

В ходе реализации этого решения Конституционного Суда судами пересмотрено более 9 тыс. уголовных дел; освобождены от дальнейшего отбывания наказания 3325 человек, в том числе из мест лишения свободы 534 осужденных; 1363 осужденным срок наказания был изменен в сторону уменьшения; 540 осужденных к лишению свободы переведены в исправительно-трудовые колонии с более легким видом режима. По поводу данного решения Конституционного Суда Республики Беларусь было много критики, суть которой сводилась к тому, что начнется всплеск преступности. Однако рецидив преступности среди этих лиц, как показала практика, составил всего 4 %, в то время как после общей амнистии значительно больше освобожденных вскоре возвращается в места лишения свободы. Эффективность конституционного правосудия налицо.

Заключением от 1 декабря 1998 г. «О соответствии Конституции Республики Беларусь ч. 5 ст. 92 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь»

[4] ч. 5 ст. 92 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) была признана не соответствующей Конституции Республики Беларусь и международно-правовым актам в той мере, в какой в ней отсутствовало правило о содержании обвиняемого под стражей на основании письменного постановления суда или иного органа, определенного законом, в период ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по истечении предельного срока содержания под стражей, предусмотренного ч. 2 ст. 92 УПК.

Самое парадоксальное и интересное — это то, что когда мы стали анализировать нормы УПК и практику их применения, то обнаружили, что по истечении одного года и пяти месяцев, когда должно быть закончено следствие и предъявлены материалы для ознакомления (максимальный срок содержания под стражей был установлен в полтора года), должно быть предъявлено обвинение, затем лицо в течение месяца (условно может быть более месяца) будет знакомиться с материалами дела. Однако оказалось, что нет правового документа, на основании которого лицо находится под стражей по окончании полутора лет. По нормам старого УПК санкционирование пребывания под стражей осуществляется органами прокуратуры, должностными лицами прокуратуры только до полутора лет. Благодаря решению Конституционного Суда Республики Беларусь, ориентированному на международную практику, на стандарты, выработанные Европейским Судом, наше новое уголовно-процессуальное законодательство было усовершенствовано так, чтобы сроки содержания под стражей, а в конечном итоге и срок судебного разбирательства были оптимальными.

Заключением от 13 мая 1999 г. «О соответствии Конституции Республики Беларусь и международно-правовым актам ч. 6 ст. 209 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» [5] ч. 6 ст. 209 УПК признана не соответствующей Конституции Республики Беларусь и Международному пакту о гражданских и политических правах в той мере, в какой она не предусматривает права на обжалование в суд постановления о прекращении уголовного дела. До внесения изменений и дополнений в УПК по вопросам судебного обжалования постановления о прекращении уголовного дела должна применяться норма ст. 60 Конституции Республики Беларусь. В последующем Конституционный Суд Республики Беларусь разъяснял, что право на судебную защиту принадлежит гражданам со дня вступления в силу Конституции Республики Беларусь.

Одним из важнейших принципов является принцип беспристрастного правосудия. На его обеспечение направлено заключение Конституционного Суда Республики Беларусь от 11 декабря 1998 г. по вопросу о конституционности ч. 3 ст. 404 УПК [6].

В соответствии со ст. 404 ранее действовавшего УПК на суд (судью) была возложена обязанность рассмотреть поступившие материалы и, если они будут признаны достаточными для рассмотрения в судебном заседании, вынести определение (постановление) о возбуждении уголовного дела, изложить в нем формулировку обвинения, передать правонарушителя суду, избрать ему в необходимых случаях меру пресечения и рассмотреть дело в судебном заседании. Оценив норму ч. 3 ст. 404 УПК, возлагающую на суд обязанность формулировать обвинение по уголовному делу, возбужденному на основании материалов, полученных в порядке протокольной формы досудебной подготовки, Конституционный Суд Республики Беларусь пришел к выводу о ее неконституционности.

По мнению Конституционного Суда Республики Беларусь, возложение на суд вопреки положениям Конституции Республики Беларусь и принципам

уголовного судопроизводства обязанности формулировать обвинение по уголовным делам может быть расценено как предрешение им вопроса о виновности лица и вынесении обвинительного приговора, поскольку, сформулировав обвинение, судья может оказаться связанным своим решением. Отметим, что уже более четырех лет действовала новая Конституция Республики Беларусь. Даже не внося коррективы в УПК, можно было бы организовать работу судов таким образом, чтобы формулированием обвинения и его рассмотрением занимались разные судьи, но и этого в судебной системе не удалось сделать.

Решением от 4 июля 2000 г. «О некоторых вопросах, связанных с оказанием юридической помощи осужденным» [7] Конституционный Суд Республики Беларусь отметил необходимость исходить из того, что лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, имеют право на получение юридической помощи не только от адвокатов, но и от других лиц, если они были допущены судом в качестве их защитников. При этом оказание юридической помощи этими лицами должно осуществляться в таком же порядке, как предусмотрено Правилами внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений, утвержденными постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20 октября 2000 г. № 174, регулирующими проведение встреч осужденных с адвокатами.

В соответствии со ст. 8 и 62 Конституции Республики Беларусь решением Конституционного Суда Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах обеспечения гражданам конституционного права на получение юридической помощи в уголовном процессе» [8] право на получение в любой момент юридической помощи защитника должно быть обеспечено не только обвиняемому, подсудимому, но и подозреваемому, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Заключением Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 ноября 2001 г. «О соответствии Конституции положения п. 3 ч. 4 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь и основанной на нем практики применения понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий» [9] признано соответствующим Конституции Республики Беларусь положение п. 3 ч. 4 ст. 4 УК, согласно которому к должностным лицам отнесены лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий. В то же время отмечена противоречивость судебной практики по привлечению к уголовной ответственности преподавателей высших и средних специальных учебных заведений в связи с получением ими незаконного вознаграждения за положительные оценки знаний студентов или учащихся на курсовых экзаменах и зачетах, когда в одних случаях они привлекаются к уголовной ответственности за получение взятки, а в других аналогичных ситуациях такие лица не рассматриваются как субъекты данного преступления.

Обращено внимание Верховного Суда Республики Беларусь на необходимость обеспечения в пределах всего государства единого подхода к применению нормы п. 3 ч. 4 ст. 4 УК, имея в виду, что данная норма позволяет привлекать к уголовной ответственности преподавателей высших и средних специальных учебных заведений за получение ими незаконного вознаграждения от студентов или учащихся [10].

В решении от 2 апреля 2001 г. «О праве осужденных к лишению свободы на судебное обжалование примененных к ним мер взыскания» [11], учитывая непосредственный характер действия норм Конституции, Конституционный

Суд Республики Беларусь указал, что до внесения изменений и дополнений в действующее законодательство Республики Беларусь осужденные к лишению свободы, обжаловавшие наложенное на них взыскание и не согласные с принятым в отношении их решением, вправе на основании ст. 60 и 137 Конституции обращаться с жалобами в суд.

Почти пятнадцать лет назад нами обращалось внимание на необходимость сбалансировать карательную уголовную практику. В основе уголовного, как и любого иного, наказания должен лежать принцип справедливости, а значит соразмерности наказания тяжести совершённого деяния. Регулярное и частое принятие законов об амнистии свидетельствует о несбалансированности уголовного закона и практики его применения. В некоторых случаях судам можно было и по-новому взглянуть на суть самих законов об амнистии.

Новый УК Республики Беларусь был оценен как достаточно демократический закон. Действительно, по сравнению с ранее действовавшим (советским) УК это большой шаг вперед в направлении гуманизации и демократизации. Вместе с тем на практике не все его нормы получили однозначное понимание. В ряде случаев сам закон не способствует гуманизации уголовной политики. В результате мы имели неоправданно большое количество лиц, осужденных к лишению свободы. Целый ряд видов наказания, альтернативных лишению свободы, оказались неэффективными на практике. Указанные и иные причины явились основанием для инициирования автором в бытность Генеральным прокурором перед Главой государства подготовки Концепции совершенствования мер уголовной ответственности и системы исполнения наказаний [12, с. 15–18]. В докладной записке на имя Главы государства от 4 декабря 2009 г. обосновывалась необходимость оптимизации мер уголовной ответственности, причем как в плане некоторого совершенствования уголовного закона, так и прежде всего правоприменительной практики. На наш взгляд, именно за счет нового подхода к решению накопившихся проблем можно получить экономический, социальный и идеологический эффект. Концепция на высоком профессиональном уровне была подготовлена специалистами Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Республики Беларусь при непосредственном участии как его директора В. М. Хомича, иных специалистов Центра, так и руководства и сотрудников Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Концепция является отражением государственного подхода к реализации правовой политики государства. К сожалению, анализ реализации Концепции в 2015 г. показывает, что судам многие задачи не удалось выполнить.

В Конституционном Суде Республики Беларусь рассмотрено дело, касающееся права граждан на замену воинской службы альтернативной гражданской. В развитие конституционной нормы в ст. 1 и 4 Закона Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. «О всеобщей воинской обязанности и военной службе» прямо зафиксировано право граждан на замену воинской службы альтернативной. Исходя из анализа конституционных норм и названного Закона, Закона Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях», Конституционный Суд Республики Беларусь поддержал право тех людей, которые в силу религиозных убеждений не желают брать в руки оружие. И самое интересное заключается в том, что негосударственные органы отчасти шли по пути признания такого права. В преддверии вынесения решения выяснилось, что ежегодно около 200 человек проходили

службу в железнодорожных войсках. Они не приносили присягу, не брали в руки оружие, освобождались от некоторых других воинских обязанностей. Заслуга Конституционного Суда Республики Беларусь состоит в том, что он, обобщив обращения граждан, обратил внимание государственных органов на необходимость решения этой проблемы. После принятого Конституционным Судом Республики Беларусь решения лица, которые действительно имеют основания для освобождения от воинской службы, не привлекались к уголовной ответственности. Часть проблемы была решена. В интересах государства ее следовало решить на законодательном уровне. Хотя и со значительным опозданием, но соответствующий закон об альтернативной службе принят.

Несколько слов о праве на получение юридической помощи. Эта проблема тоже была предметом рассмотрения в Конституционном Суде Республики Беларусь. Мы приняли целую серию решений, посвященную реализации конституционного права граждан на получение юридической помощи, в том числе решали вопросы прикладного характера. Считаем, что заслуга Конституционного Суда Республики Беларусь состоит в том, что мы в значительной мере изменили правоприменительную практику. В качестве примера назовем постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь, согласно которому задержанное лицо, находящееся в изоляторе временного содержания, и адвокат могут беседовать в таких условиях, чтобы не было известно содержание их бесед.

Одним из важнейших заключений, к которому постоянно обращаются ученые и практики нашей республики, а также зарубежные специалисты, в том числе работающие в международных организациях (Совете Европы, ОБСЕ и других), является заключение Конституционного Суда Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. «О соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни» [13].

При подготовке Заключения Конституционным Судом Республики Беларусь была проведена глубокая аналитическая работа. Конституционный Суд Республики Беларусь посчитал, что при оценке вопроса о смертной казни следует учитывать правовую систему государства, его традиции и историю, условия, в которых формулировались нормы законов, их изменение, а также состояние преступности на современном этапе. Было отмечено, что, несмотря на применение смертной казни и других суровых наказаний, в республике имел место рост преступных посягательств на жизнь человека. Превентивная же роль смертной казни, взаимозависимость ее применения и уровня совершаемых убийств фактически не прослеживаются.

Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. предвосхитило ту общую тенденцию, которая характерна для развития правовой системы и общественного сознания. Оно принято в русле этой тенденции и точного восприятия конституционных норм, а также принципов и норм международного права.

По некоторым данным, проведенные в последнее время вопросы общественного мнения свидетельствуют о том, что за сохранение смертной казни уже высказывается значительно меньшее число граждан, чем это было при голосовании на референдуме в 1996 г. Так, утверждается, что почти 33 % белорусов не знают, что в Беларуси применяется смертная казнь. Из них 9,7 % считают, что смертная казнь у нас отменена, 7,1 % — что смертная казнь не применялась уже много лет, 5,5 % — что в стране действует мораторий, 10,5 %

вообще затруднились с ответом. К таким результатам пришли авторы исследования, изучавшего отношение белорусов к смертной казни. На прямой вопрос об отмене смертной казни более половины опрошенных жителей Беларуси — 63,8 % — выступают в поддержку ее применения [14].

Если отменять смертную казнь в нашей республике, то какие шаги на этом пути могут быть сделаны? Вариантов решения данного вопроса может быть несколько: от радикальных до «пошаговых». Все они вписываются в конституционные рамки и не требуют корректировки Основного Закона, то есть задержки по этой причине быть не может. Главное здесь — политическая воля руководства государства (Президента Республики Беларусь). Учитывая, что по форме правления наша республика является президентской, выбор вариантов и времени принятия решения — за Главой государства.

На его рассмотрение может быть предложен радикальный вариант — полная отмена смертной казни посредством исключения этого наказания из Уголовного кодекса Республики Беларусь. Второй вариант — ее сохранение, но принятие решения в виде закона или декрета на приостановление исполнения вынесенных приговоров о смертной казни. Третий вариант — принятие закона о временном приостановлении применения норм Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих смертную казнь. Причем возможны два варианта концепции этого закона. Первая — принимается закон о временном приостановлении применения норм о смертной казни до принятия окончательного решения (без указания срока его действия). Вторая — принимается закон, отменяющий смертную казнь на определенный период, например, до 31 декабря 2016 или 31 декабря (1 июля) 2017 г. В преддверии указанной даты государство может принять решение о пролонгации такого решения (закона) либо, исходя из складывающейся ситуации, его не продлевать, и тогда закон автоматически утрачивает юридическую силу, а смертная казнь автоматически восстанавливается. Однако она не может быть применена к тем лицам, которые совершили в период моратория деяние, за которое ранее была предусмотрена смертная казнь, но ее применение было приостановлено.

Государства, входящие в СНГ, Союзное государство, Евразийский экономический союз, на конституционном уровне отменили смертную казнь. Общее количество стран, где применяется высшая мера наказания, как сообщила Amnesty International в своем ежегодном обзорном докладе за 2011 г., сократилось за последнее десятилетие более чем на треть [15].

Отмена смертной казни, на наш взгляд, может сопровождаться, как показывает опыт зарубежных государств, изменением полномочий и практики выполнения служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел. Если сопоставить практику задержания предполагаемых преступников у нас и в США, Западной Европе, то можно увидеть большую свободу действий полицейских за рубежом. Они чаще используют огнестрельное оружие на поражение лица, от которого исходит угроза жизни и здоровью полицейского. Если сопоставить цифры, свидетельствующие о смертной казни (у нас) и гибели людей при задержании, то в данной ситуации Беларусь выглядит лучше. Например, в 2013 г., жертвами сотрудников правоохранительных органов США, как свидетельствуют открытые источники, стал 461 человек. Однако американские эксперты, работающие в области уголовного правосудия, говорят о том, что реальная цифра гораздо выше, поскольку не каждое отделение полиции в США предоставляет данные в ФБР [16].

Обращение лишь к некоторым ранее принятым актам Конституционного Суда, их краткий анализ показывает, насколько существенные происходили изменения в законодательстве и правоприменительной практике. С позиции сегодняшнего дня все кажется само собой разумеющимся и правильным. Однако смеем заметить, что было очень много противодействия, прежде всего со стороны чиновников, по реализации решений Конституционного Суда Республики Беларусь, искажения их цели и смысла. Многим понадобилось время для того, чтобы понять необходимость изменений и дальнейшего развития национального законодательства. Ведь это в интересах всего общества и государства.

Список использованных источников

1. О соответствии Конституции примечания к ст. 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь: заключение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 19 дек. 1994 г., № 3-10/94 // Ведомасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. — 1994. — № 36. — Арт. 578.

2. *Василевич, Г. А.* Особое мнение относительно заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г. «О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь» / Г. А. Василевич // Нар. газ. — 1995. — 18 янв.

3. О соответствии п. 3 разд. III «Заключительные положения» Закона Республики Беларусь от 17 мая 1997 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» Конституции и Международному пакту о гражданских и политических правах»: заключение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 9 июля 1997 г., № 3-57/97 // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. — 1997. — № 25–26. — С. 466.

4. О соответствии Конституции Республики Беларусь ч. 5 ст. 92 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь: заключение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 1 дек. 1998 г., № 3-73/98 // Звязда. — 1998. — № 239.

5. О соответствии Конституции Республики Беларусь и международно-правовым актам ч. 6 ст. 209 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь: заключение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 13 мая 1999 г., № 3-78/99 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 1999. — № 38. — 6/8.

6. О соответствии Конституции Республики Беларусь ч. 3 ст. 404 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь: заключение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 11 дек. 1998 г., № 3-74/98 // Звязда. — 1999. — № 1.

7. О некоторых вопросах, связанных с оказанием юридической помощи осужденным: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 4 июля 2000 г., № Р-100/2000 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2000. — № 64. — 6/247.

8. О некоторых вопросах обеспечения гражданам конституционного права на получение юридической помощи в уголовном процессе: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 13 дек. 1999 г., № Р-91/99 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 1999. — № 95. — 6/204.

9. О соответствии Конституции положения п. 3 ч. 4 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь и основанной на нем практики применения понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий: заключение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 12 нояб. 2001 г., № 3-129/2001 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2001. — № 108. — 6/305.

10. *Василевич, Г. А.* Ответственность за взяточничество в контексте равенства всех перед законом / Г. А. Василевич // Право Беларуси. — 2003. — № 24. — С. 73–76.

11. О праве осужденных к лишению свободы на судебное обжалование примененных к ним мер взыскания: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 2 апр. 2001 г., № Р-111/2001 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2001. — № 34. — 6/273.

12. *Василевич, Г. А.* Практика применения мер уголовной ответственности: вопросы эффективности / Г. А. Василевич // Юстиция Беларуси. — 2010. — № 5. — С. 15–18.

13. О соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни: заключение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 11 марта 2004 г., № 3-171/2004 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2004. — № 41. — 6/398.

14. Исследование: белорусы боятся, что у нас могут расстреливать невиновных. Мнения «за» и «против» смертной казни снова разделились // TUT БАЙ МЕДИА [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.tut.by/society/369588.html>. — Дата доступа: 10.01.2016.

15. Amnesty International: Смертная казнь в 2011 г. // 21.by [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.21.by/world/2012/03/27/491430.html>. — Дата доступа: 11.02.2016.

16. СМИ: в США число жертв полицейских достигло рекордной отметки [Электронный ресурс] // МИА «Россия сегодня». — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20141112/1033038577.html#ixzz3RW1TJgAu>. — Дата доступа: 15.12.2015.

Дата поступления статьи — 12.07.2016.

В статье осуществлен анализ уголовного закона и практики его применения в конце 1990-х, начале 2000-х гг. с точки зрения их соответствия новой Конституции Республики Беларусь. Показана роль актов Конституционного Суда для обеспечения соответствия норм Уголовного кодекса Основному Закону. Высказаны критические замечания относительно несвоевременного выявления противоречий между Конституцией и нормами Уголовного кодекса. Обращено внимание на необходимость повышения ответственности органов государства и должностных лиц, неукоснительное соблюдение требований Конституции.

The article presents the analysis of the criminal law and practice in the late 1990s and early 2000s in terms of their compliance with the new Constitution of the Republic of Belarus. The role of the Constitutional Court acts to ensure compliance with the norms of the Criminal Code of the Basic Law. Expressed criticisms of delayed detection of contradictions between the Constitution and the norms of the Criminal Code. Attention is drawn to the need to improve the state bodies and officials liable strict compliance with requirements of the Constitution.

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Винокуров А. Ю.

Внесение в 2012 г. корректив в номенклатуру научных специальностей, которое привело к изменению в специальности 12.00.11 направления «прокурорский надзор» на «прокурорскую деятельность», обуславливает необходимость определения рамок такой деятельности с учетом присущей российской прокуратуре многофункциональности. Следует отметить, что и в советский период, несмотря на доминирование надзорной функции, что, собственно, и отражалось на названиях как научной специализации, так и одноименной учебной дисциплины, различными учеными предлагались основанные как на нормах действовавшего тогда законодательства, так и на авторских подходах классификации осуществляемых органами прокуратуры функций и иных направлений деятельности.

Так, В. Г. Мелкумов подчеркивал, что советской прокуратуре присущи: 1) надзорная функция; 2) функция расследования преступлений; 3) распорядительная функция (в отношении органов дознания и следствия, частично администраций исправительно-трудовых учреждений); 4) функция поддержания государственного обвинения; 5) аналитическая функция; 6) профилактико-воспитательная функция; 7) управленческая функция [1, с. 113].

В свою очередь, В. П. Рябцев выделял: 1) надзорную функцию; 2) координационную функцию; 3) функцию управления подчиненными прокуратурами; 4) функцию расследования преступлений; 5) функцию пропаганды законодательства [2, с. 132–134].

Интересный подход применял В. В. Долежан, который ввел трехуровневую структуру, обозначив в качестве основной функции прокурорский надзор, а в качестве дополнительных назвал функции: 1) управления; 2) расследования преступлений; 3) государственного обвинения. Кроме того, он же выделял дополнительные функции, способствующие достижению целей надзора, а именно: 1) координирующую функцию; 2) функцию участия в совершенствовании законодательства; 3) правовоспитательную функцию [3, с. 88].

Необходимо отметить, что определенное место функциям прокуратуры, что, собственно, неудивительно, было уделено в двух известных и часто цитируемых научных работах 1990-х гг., изданных в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. Так, в докладе «Прокуратура Российской Федерации. Концепции развития на переходный период» [4, с. 27–45] в разд. IV «Функции прокуратуры» перечисляются: 1) надзорная функция; 2) уголовное преследование; 3) участие в правотворческой деятельности государства. В свою очередь, в докладе «Проблемы развития правового статуса Российской прокуратуры (в условиях переходного периода)» [5, с. 34–60] в гл. IV «Функции прокуратуры» называются: 1) надзор за исполнением законов; 2) надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; 3) надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; 4) участие прокурора в рассмотрении дел судами; 5) надзор за законностью нахождения задержанных в ИВС и при исполнении уголовных наказаний; 6) координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Следует отметить, что за последние пятнадцать лет практически не было серьезных научных работ, посвященных классификации прокурорской деятельности, что, допускаем, во многом обуславливается как отсутствием достаточного интереса к этой проблеме, так и узостью специализации ученых, так или иначе исследующих вопросы организации и деятельности российской прокуратуры. В качестве исключения можно назвать докторскую диссертацию М. С. Шалумова [6] и его же монографию [7]. В определенной мере рассматриваемый вопрос затрагивали в своих статьях В. П. Беляев [8, с. 49–54], В. Г. Бессарабов [9, с. 19–24], А. Ю. Гулягин [10, с. 50–54], Б. В. Коробейников [11, с. 11–18], Е. Л. Никитин [12, с. 26–28], С. А. Осипян [13, с. 9–11] и др.

Начало новому витку научных подходов к классификации прокурорской деятельности и дискуссий на эту тему было положено профессором Н. Н. Карповым, который в своей статье подчеркнул, что внесенные за последние годы в законодательство о прокуратуре изменения «в определенной мере могут приблизить теоретическую дискуссию о функциях прокуратуры к завершению» [14, с. 7–11]. Как будет показано ниже, едва ли этот вывод можно считать обо-

снованным, поскольку к настоящему времени в учебной и научной литературе сложился весьма серьезный плюрализм, фактически носящий бездискуссионный характер. Многие авторы высказывают собственную точку зрения без особой мотивации своих подходов, не вступая в полемику с коллегами.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что, по крайней мере, в отношении четырех функций мнения абсолютного большинства ученых едины. Правда, при этом одну и ту же функцию разные авторы называют по-разному. Речь идет:

1) о прокурорском надзоре. В. П. Рябцев называл эту функцию «надзор за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов» [15, с. 87], В. Г. Бессарабов — «надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации» [16, с. 114], Н. П. Кириллова — «надзор за законностью» [17, с. 96]. А. Ю. Гулягин попытался обосновать наличие у прокуратуры самостоятельной функции «надзора за исполнением законов органами административной юрисдикции» [18, с. 8–10], хотя в лучшем случае речь здесь могла бы идти об отрасли (подфункции) прокурорского надзора, поскольку наличие у прокуратуры сразу двух функций надзора — это, мягко говоря, ненаучно.

Говоря о прокурорском надзоре, нельзя не упомянуть о его подфункциях (отраслях), к которым в ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) отнесены:

а) надзор за исполнением законов (гл. 1 разд. III Закона о прокуратуре), а также проведение антикоррупционной экспертизы (ст. 9.1 Закона о прокуратуре) и согласование прокурором внеплановых выездных проверок в рамках ст. 10 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и ст. 77 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»);

б) надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (гл. 2 разд. III Закона о прокуратуре). Противником выделения этой отрасли в качестве самостоятельной и сторонником объединения ее с надзором за исполнением законов является профессор В. П. Рябцев [19, с. 3–5];

в) надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие (гл. 3 разд. III Закона о прокуратуре, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а также надзор за исполнением федеральных законов от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации», от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»). Сторонником выделения в самостоятельную отрасль надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, являлся А. Ф. Козусев [20];

г) надзор за исполнением законов судебными приставами (п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре, федеральные законы от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах», от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»);

д) надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу (гл. 4 разд. III Закона о прокуратуре, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы РФ, Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», федеральные законы от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», от 07 мая 2009 г. № 92-ФЗ «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением», Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденный Указом Президента РФ от 25 марта 2015 г. № 161).

В разрабатывавшемся в 2010–2012 гг. в Генеральной прокуратуре РФ проекте Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» планировалось дополнить перечень самостоятельных отраслей прокурорского надзора следующими позициями с выделением самостоятельных глав: а) надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность; б) надзор за исполнением законов при производстве по делам об административных правонарушениях; в) надзор за исполнением законов органами государственного контроля (надзора) и муниципального контроля;

2) об уголовном преследовании. Здесь абсолютное большинство авторов обходятся без излишних импровизаций, однако имеются расхождения во взглядах на объем реализации прокурорами этой функции. Авторы одного из учебников называют уголовное преследование в досудебной и судебной стадиях уголовного судопроизводства, но при этом говорят не о функции, а о виде деятельности как внешнем выражении законодательно определенных путей реализации функций [21, с. 101]. Отметим также, что профессор В. П. Рябцев в одной из работ наряду с функцией уголовного преследования за совершение преступлений выделял самостоятельную функцию предварительного расследования преступлений [22, с. 72];

3) о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В. П. Рябцев рассматривает эту функцию как «координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и коррупцией» [23, с. 89], а авторы учебного пособия без должных обоснований выделяют «координацию и взаимодействие в борьбе с преступностью» [24, с. 133–140];

4) об участии прокурора в рассмотрении дел судами. Среди интерпретаций этой функции встречаются названия: «участие во всех видах судопроизводства» [23, с. 89], «участие в предусмотренных федеральным законодательством процессуальных формах в конституционном, гражданском, арбитражном и уголовном судопроизводстве» [21, с. 101]. Кроме того, Н. П. Кириллова говорит об особых видах деятельности [17, с. 104]: а) участии прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел; б) участии прокурора в судебном рассмотрении гражданских дел; в) участии прокурора в арбитражном судопроизводстве.

Подчеркнем, что отдельные авторы относят к функциям прокуратуры международное сотрудничество и участие прокурора в правотворческой деятельности. И здесь имеет место определенное разнообразие в названиях, несколько отличающиеся от закрепленных в ст. 2 и 9 Закона о прокуратуре. Например, в первом случае выделяют «международное сотрудничество прокуратуры Рос-

сийской Федерации с соответствующими органами других государств и международными организациями» [24, с. 15] и «международное сотрудничество по вопросам борьбы с преступностью и оказанию правовой помощи и участие в разработке международных договоров Российской Федерации» [21, с. 101].

Во втором случае называют «участие в правотворчестве (правотворческую деятельность)», куда включается проведение антикоррупционной экспертизы [17, с. 104], а также «участие в правотворческой и законотворческой деятельности» [21, с. 101].

В качестве функций в последнее время рассматривают также предусмотренные ст. 9.1, 10 и 51 Закона о прокуратуре: 1) проведение антикоррупционной экспертизы [25, с. 33–37; 14, с. 7–11; 26, с. 26]; 2) рассмотрение и разрешение в органах прокуратуры заявлений, жалоб и иных обращений [27, с. 123; 34, с. 26]; 3) деятельность по ведению государственного единого статистического учета [34, с. 26; 21, с. 101].

Кроме того, отдельные авторы как функции рассматривают:

- предупреждение нарушений закона (профилактическая функция) [6, с. 279];

- участие прокуроров в заседаниях федеральных органов законодательной и исполнительной власти, представительных (законодательных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления [35, с. 123];

- возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования [34, с. 26];

- участие в организации проведения (регулирования) проверок деятельности хозяйствующих субъектов [21, с. 101].

Говоря о функциях, нельзя не коснуться Модельного закона о прокуратуре, принятого 16 ноября 2006 г. Постановлением 27-6 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, ст. 5 которого называется «Функции прокуратуры» и относит к таковым:

- 1) надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; надзор за исполнением законов (при этом объекты надзора за исполнением законов устанавливаются в каждом государстве самостоятельно);

- 2) уголовное преследование и привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления, в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством государства;

- 3) участие в рассмотрении дел судами;

- 4) координацию правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью;

- 5) участие в правотворческой деятельности;

- 6) взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами и организациями по обеспечению прав и свобод человека и гражданина;

- 7) международно-правовое сотрудничество по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, в борьбе с преступлениями и другими правонарушениями, по оказанию правовой помощи.

При этом необходимо подчеркнуть, что в п. 2 ст. 2 Модельного закона о прокуратуре к задачам прокуратуры среди прочих относятся уголовное преследование и привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления; координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; участие во всех видах судопроизводства, т. е. разработчики этого

законодательного акта не видели различий между задачами и одноименными функциями, что, безусловно, не подчиняется никакой логике.

Следует отметить, что ни в одном источнике не удалось найти вразумительной характеристики иных (помимо функций) направлений (участков) прокурорской деятельности и их классификации. Тем не менее мы придерживаемся позиции о наличии у российской прокуратуры как функций (основных направлений ее деятельности), так и иных направлений (участков), которые призваны обеспечивать реализацию функций. Исходя из данного подхода, наша авторская классификация прокурорской деятельности выглядит следующим образом.

1. К функциям прокуратуры относятся:

1) прокурорский надзор (пять отмеченных выше отраслей);
2) уголовное преследование (в досудебном и судебном производстве, оказание правовой помощи по уголовным делам, вопросы экстрадиции в части выдачи лиц для уголовного преследования);

3) координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (включая координацию по борьбе с коррупцией);

4) участие прокурора в судах в рамках конституционного, гражданского и административного судопроизводства (здесь же участие прокурора в арбитражном процессе и в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях, возбужденных не прокурором);

5) административное преследование (возбуждение прокурором дела об административном правонарушении, участие в привлечении к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, участие в рассмотрении дела об административном правонарушении, возбужденного прокурором, оспаривание прокурором постановлений по делам об административных правонарушениях, вынесенных по возбужденным прокурором делам, оказание правовой помощи по делам об административных правонарушениях);

6) контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам (Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»).

2. Иные направления (участки деятельности) прокуратуры:

1) международное сотрудничество (только в рамках, предписанных ст. 2 Закона о прокуратуре);

2) содействие выполнению задач уголовно-исполнительного законодательства (гл. 54 УПК РФ в части выдачи для исполнения приговора, Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 191-ФЗ «О передаче и принятии Российской Федерацией лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых имеется решение суда о применении принудительных мер медицинского характера»);

3) участие в правотворческой деятельности (включая реализацию права законодательной и нормотворческой инициативы, согласование Генеральным прокурором РФ издаваемых федеральными органами исполнительной власти нормативных правовых актов);

4) мониторинг правоприменения (Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»);

5) государственный учет (ст. 51 Закона о прокуратуре, а также ст. 9 и 13.3 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических

лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и ст. 77 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»);

6) представительство в органах публичной власти (ст. 7 Закона о прокуратуре, представительство в Конституционном Суде РФ и Верховном Суде РФ);

7) взаимодействие с органами публичной власти и институтами гражданского общества (договоры и соглашения с государственными и иными органами и организациями, научно-методические и научно-консультативные советы, общественные комиссии, взаимодействие со средствами массовой информации);

8) предупреждение правонарушений (включая правовое просвещение);

9) работа с обращениями и прием населения (ст. 10 Закона о прокуратуре, Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»).

Безусловно, предложенная классификация не может претендовать на истину в последней инстанции, однако, по нашему мнению, она более детально и объективно раскрывает содержание (структуру) прокурорской деятельности, которая с учетом возможных изменений в законодательстве может подлежать корректировке.

Список цитированных источников

1. Мелкумов, В. Г. Функции советской прокуратуры / В. Г. Мелкумов // Совет. государство и право. — 1980. — № 11. — С. 113.

2. Рябцев, В. П. Функции прокуратуры: формы и методы их реализации // Совет. государство и право. — 1980. — № 7. — С. 132–134.

3. Долежан, В. В. Проблемы компетенции прокуратуры: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11 / В. В. Долежан. — М., 1991. — 88 л.

4. Прокуратура Российской Федерации. Концепции развития на переходный период. — М.: Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1994. — С. 27–45.

5. Проблемы развития правового статуса Российской прокуратуры (в условиях переходного периода). — М.: Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1998. — С. 34–60.

6. Шалумов, М. С. Проблемы функционирования российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11 / М. С. Шалумов. — Екатеринбург, 2002.

7. Шалумов, М. С. Система функций российской прокуратуры: моногр. / М. С. Шалумов. — Кострома, 2003.

8. Беляев, В. П. Надзорная и иные функции прокуратуры — совместимы ли они? / В. П. Беляев // Рос. следователь. — 2006. — № 4. — С. 49–54.

9. Бессарабов, В. Г. Функции современной российской прокуратуры (состояние и перспективы правовой регламентации) / В. Г. Бессарабов // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. — 2009. — № 1 (9). — С. 19–24.

10. Гулягин, А. Ю. Правовая природа функций прокуратуры / А. Ю. Гулягин // Рос. юстиция. — 2011. — № 11. — С. 50–54.

11. Коробейников, Б. В. О некоторых функциях прокуратуры / Б. В. Коробейников // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. — 2013. — № 4 (36). — С. 11–18.

12. Никитин, Е. Л. Функции прокуратуры и отрасли прокурорской деятельности: понятие, сущность, классификация / Е. Л. Никитин // Тр. С.-Петерб. юрид. ин-та Генер. прокуратуры Рос. Федерации. — 2004. — № 6. — С. 26–28.

13. Осипян, С. А. Функции прокуратуры и предмет надзора / С. А. Осипян // Законность. — 2006. — № 1. — С. 9–11.

14. *Карпов, Н. Н.* Прокуратура: надзор или деятельность? / Н. Н. Карпов // Законность. — 2014. — № 8. — С. 7–11.

15. *Рябцев, В. П.* Функции и направления деятельности органов прокуратуры / В. П. Рябцев // Прокурорский надзор: учеб. для вузов / под ред. А. Я. Сухарева. — 4-е изд. — М.: Норма: Инфра-М, 2011. — 87 с.

16. *Бессарабов, В. Г.* Прокурорский надзор: учеб. / В. Г. Бессарабов. — М.: ТК Велби: Проспект, 2007. — 114 с.

17. *Кириллова, Н. П.* Прокурорский надзор: учеб. и практикум для прикладного бакалавриата / Н. П. Кириллова. — М.: Юрайт, 2016. — 96 с.

18. *Гулягин, А. Ю.* Надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции как отдельная функция в системе функций органов прокуратуры / А. Ю. Гулягин // Адм. право и процесс. — 2012. — № 6. — С. 8–10.

19. *Рябцев, В. П.* Предмет надзора нуждается в дополнительной регламентации / В. П. Рябцев // Законность. — 2011. — № 3. — С. 3–5.

20. *Козусев, А. Ф.* Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: современные проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11 / А. Ф. Козусев. — М., 2001.

21. Прокурорский надзор: учеб. и практикум для акад. бакалавриата / под ред. А. Ф. Смирнова и А. А. Усачева. — М.: Юрайт, 2016. — 101 с.

22. *Рябцев, В. П.* Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. / В. П. Рябцев; под ред. А. А. Чувилева. — М.: Юрист, 1999. — 72 с.

23. *Рябцев, В. П.* Прокурорский надзор: учеб. / В. П. Рябцев; под ред. А. Я. Сухарев. — 4-е изд. — М.: Норма: Инфра-М, 2011. — 89 с.

24. Основные функции прокуратуры Российской Федерации: учеб. пособие для магистрантов. — М.: Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2014. — С. 133–140.

25. *Кудашкин, А. В.* Реализация прокуратурой новых полномочий при проведении антикоррупционной экспертизы / А. В. Кудашкин // Законность. — 2010. — № 7. — С. 33–37.

26. *Бобров, В. К.* Прокурорский надзор: учеб. для прикладного бакалавриата / В. К. Бобров. — 2-е изд. — М.: Юрайт, 2016. — 26 с.

27. Прокурорский надзор: учеб. / под ред. О. А. Галустяна, А. В. Ендольцевой, Н. Х. Сафиуллина. — 5-е изд. — М.: ЮНИТИ, 2008. — 123 с.

Дата поступления статьи — 01.06.2016.

В статье на основе анализе научной и учебной литературы по вопросам прокурорского надзора и иным проблемам организации и функционирования прокуратуры советского и последующих периодов рассматриваются сложившиеся в науке подходы к классификации функций и иных направлений деятельности прокуратуры. Автором подчеркивается, что, несмотря на развитие прокурорской науки на протяжении нескольких десятилетий, до настоящего времени не сформировалось единых подходов к определению того, что можно считать функцией прокуратуры, а что относится к другим направлениям деятельности. Более того, как в учебной, так и в научной литературе допускаются весьма вольные интерпретации названий видов деятельности, имеющих вполне определенное закрепление на законодательном уровне. Дается авторская классификация прокурорской деятельности с конкретизацией объема реализуемых в рамках каждого вида деятельности вопросов.

In article on the basis of analysis of scientific and educational literature on issues of prosecutorial supervision and other organization and functioning of Prosecutor's office of the Soviet and subsequent periods are considered in current science approaches to the classification of functions and other activities of the Prosecutor's office. The author emphasizes that, despite the Prosecutor's

development of science for several decades, has so far not formed a unified approach to determining what can be considered a function of the Prosecutor's office, and that applies to other areas. Moreover, both in educational and in science literature allowed a very free interpretation of the names of the types of activities that have a definite fixation on the legislative level. It gives the author's classification of the Prosecutor's activities with specification of the amount implemented under each activity questions.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ЗАТРАТ НА ЛЕЧЕНИЕ ГРАЖДАН, ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Головки И. И.

Медицинское страхование в России появилось с зарождением трудовых правоотношений. Государство определяло права и обязанности участников правоотношений и гарантии обеспечения граждан социальной помощью. Первый закон в этой сфере был издан в 1861 г., в дальнейшем в XIX в. создавались вспомогательные товарищества при казенных горных заводах; в 1903 и 1912 гг. изданы законы, регулирующие обеспечение пострадавших от несчастного случая на производстве; после революции 1917 г. были изданы декреты СНК о социальном страховании работающих по найму и КЗoТ РСФСР 1922 г.; в советский период социальное страхование регулировало законодательство о труде [1, с. 3,14].

В настоящее время в силу п. 1 ст. 3 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ) обязательное медицинское страхование (далее — ОМС) — вид обязательного социального страхования, представляющий собой систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на обеспечение при наступлении страхового случая гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи за счет средств ОМС в пределах территориальной программы ОМС и в установленных приведенным Федеральным законом случаях [2].

Управление средствами ОМС организует государство, организационно-распорядительные полномочия Российской Федерации в данной сфере могут передаваться органам государственной власти субъектов Российской Федерации (ст. 5, 6 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ), для их реализации создаются федеральный и территориальные фонды ОМС (далее — ФОМС и ТФОМС).

Средства ОМС принадлежат государству (ст. 13 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165 — ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» [3]), бюджет Фонда ОМС является бюджетом бюджетной системы Российской Федерации, предназначенным для исполнения расходных обязательств Российской Федерации (ст. 10, 13 Бюджетного кодекса Российской Федерации [4]).

Таким образом, надлежащее исполнение бюджета ФОМС является основой исполнения обязательств публичных образований, а обеспечение финансовой

устойчивости обязательного медицинского страхования — одним из основных направлений деятельности Федерального фонда [5]. В связи с этим необходимо обеспечить полноту поступления средств в бюджет ФОМС и законность их расходования.

Важнейшее направление расходования бюджетных средств ОМС, закрепленное ст. 41 Конституции Российской Федерации [6], — оказание лицам, пострадавшим от преступных деяний, медицинской помощи в государственных и муниципальных медицинских организациях. Действующее российское законодательство сохранило исторически устоявшееся обязательство виновного лица по возмещению причиненного здоровью граждан вреда (п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [7]). Действует также требование ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1973 г. № 4409-VIII о том, что средства, затраченные на стационарное лечение граждан в случаях причинения вреда их здоровью в результате умышленных преступных действий, подлежат взысканию в доход государства с лиц, осужденных за эти преступления.

Данные средства медицинским организациям возмещают Федеральный ФОМС и ТФОМС, значит, преступления, в результате которых наносится вред здоровью потерпевшего, причиняют убытки бюджету ФОМС. Федеральный ФОМС ежегодно выступает одним из главных администраторов доходов бюджета Фонда, в связи с этим он обязан обеспечить исполнение доходной части бюджета в части поступления средств, взысканных с виновных в совершении преступлений [8].

Порядок взыскания основывается на следующей нормативной базе.

В силу ч. 1 ст. 965, ст. 970 ГК РФ страховщик вправе требовать возмещения убытков с ответственного за их причинение лица. Правомочия ФОМС и страховых медицинских организаций по взысканию средств, потраченных на лечение потерпевших по уголовным делам, закрепляют ч. 1 ст. 31, ст. 34, 35 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ, иные акты [9].

Послужившие основой данных положений правила возмещения расходов на лечение граждан, пострадавших в результате преступных деяний, разрабатывались в течение длительного периода развития Российского государства. Статья 1496 Уложения о наказаниях, являющегося томом 15 Свода Законов Российской империи [10] (в редакции 1854 г.), указывала, что сверх наказаний и взысканий за причинение вреда здоровью по требованию потерпевших, родителей, детей, супругов, родственников, опекунов, поверенных виновные могут быть приговорены к оплате расходов на лечение пострадавших и компенсации причиненных убытков и вреда.

В период СССР нормативные акты закрепляли правило, что суммы, затраченные на лечение потерпевших, взыскиваются с осужденных в интересах потерпевших, органов страхования по предъявленным искам [11, 12, 13, 14].

Судебная практика формировалась в этом же направлении [15, 16, 17].

Принятие в 1993 г. Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан [18], которые в ст. 67 устанавливали, что средства, затраченные на оказание медицинской помощи гражданам, потерпевшим от противоправных действий, взыскиваются с виновных в пользу учреждений государственной или муниципальной системы здравоохранения, понесших расходы, либо в пользу учреждений частной системы здравоохранения, если лечение проводилось в таких учреждениях, вызвало противоречия в судебной практике. Суды приходили к выводу об отсутствии у прокурора права на иск

либо на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1973 г. № 4409-VIII «О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий», который не был отменен, удовлетворяли иски прокурора [19].

В настоящее время вред (формулировка ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ [20]) возмещается в уголовном судопроизводстве на основании гражданского иска либо после постановления обвинительного приговора — при рассмотрении гражданского дела.

Гражданский иск в уголовном процессе предъявляется физическим или юридическим лицом, которое в силу ст. 44, 54 УПК РФ приобретает статус и полномочия гражданского истца. О признании лица гражданским истцом выносятся определение суда либо постановление судьи, следователя, дознавателя. Иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве дела судом.

Статистика показывает, что судами Российской Федерации за причинение вреда здоровью граждан по ст. 111–113, 115, 118, ч. 1 ст. 264 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) были осуждены за 2012 г. 50 056 лиц; за 2013 г. — 50 284; за 2014 г. — 46 737; за 2015 г. — 43 705 лиц [21].

В силу п. 11 ч. 7 ст. 34 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ ТФОМС вправе предъявлять иск к лицам, ответственным за причинение вреда здоровью застрахованного лица, в целях возмещения расходов на оказание медицинской помощи застрахованному лицу. Отметим, что в норме не содержится ограничение по виду судопроизводства — уголовное или гражданское. При этом иски по возмещению затрат на медицинскую помощь лицам, пострадавшим от преступных действий, предъявлялись ФОМС с 1998 г. в 20 субъектах Российской Федерации, в 1999 г. — в 46 субъектах Российской Федерации [22]. В 2011 г. исковая работа осуществлялась в 55 субъектах России, предъявлены 7327 исков, в 2013 г. в 67 субъектах России предъявлены 8024 иска и всего ФОМС получены 94,5 млн руб., в 2014 г. в 69 субъектах России предъявлены 8528 исков и получены 117,9 млн руб. [23]. Таким образом, по искам ФОМС возмещается незначительная часть бюджетных средств.

В силу ч. 3 ст. 44 УПК РФ гражданский иск в защиту интересов государства вправе предъявить прокурор. Реализуя данное право, прокуроры обращаются с исками в интересах Российской Федерации в лице ФОМС, которые судами удовлетворяются [24, 25, 26]. Суды соглашаются с требованиями прокурора при постановлении приговора в особом порядке [27].

Однако имеются неразрешенные проблемы, которые затрудняют взыскание средств в бюджет в рамках уголовного судопроизводства. Эти вопросы были актуальными и требовали теоретико-правового решения еще в советский период [28], не решены они и в настоящее время [29, 30].

В первую очередь требует разработки порядок предъявления исков, определяемых уголовным преследованием виновных лиц, который во многом зависит от вида иска в интересах государства в лице ФОМС, страховых медицинских организаций (далее — СМО). В научной литературе такие иски определяют как регрессные [31] или в рамках суброгации [22]. В ст. 44 УПК РФ подчеркивается, что вред гражданскому истцу причинен непосредственно преступлением, и не говорится о возможности предъявления регрессного иска в уголовном процессе. Это обстоятельство повлекло противоположные мнения в науке о возможности предъявления регрессного иска. Возможность предъ-

явления регрессного иска в уголовном деле соответствует ст. 52 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует компенсацию причиненного ущерба, прямо не исключается УПК РФ, обеспечивает доступ к правосудию, в связи с рассмотрением всех требований в одном деле способствует процессуальной экономии времени [32, 30], обеспечивает своевременность привлечения к ответственности виновного лица, обеспечивает защиту собственности Российской Федерации.

Требует решения проблема возмещения ущерба бюджету в случае применения мер медицинского характера и освобождения подсудимого от уголовной ответственности, в связи с чем суды не удовлетворяют гражданские иски [33].

Также не вполне понятна логика законодателя при разделении порядка взыскания средств по искам ФОМС и СМО, которые выступают в интересах государства по одним и тем же искам. В отличие от иска ФОМС на основании ч. 5 ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ иск СМО предъявляется в гражданском процессе. Нельзя признать верной практику отказа в иске прокурору в интересах Российской Федерации в лице СМО [34], так как суды не учитывают, что средства, взысканные по искам СМО, не являются их собственностью, а принадлежат государству и в силу ч. 6 ст. 14 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ являются бюджетными целевыми средствами. Такой же вывод сформировала и эксперт ФОМС С. Ю. Канева, которая определяет СМО «агентами по переводу бюджетных средств от ТФОМС медицинским организациям» [22]. Следовательно, прокурор вправе направить иск в интересах Российской Федерации в лице ТФОМС или СМО. Однако отсутствие нормативного закрепления права прокурора затрудняет защиту публичных интересов. В связи с этим надлежит поддержать предложения о закреплении в ст. 44 УПК РФ права родственников, СМО, ФОМС предъявить иск в уголовном деле —лиц, которые не пострадали непосредственно от преступления, но понесли расходы в связи с восстановлением здоровья потерпевшего или погребением умершего [35], а также прокурора в защиту публичных интересов в лице СМО и ФОМС.

Не исключены случаи, когда гражданский истец не привлекается к участию в деле, не выносится соответствующий акт.

Не всегда ФОМС, СМО извещается о возбуждении уголовного дела и признается потерпевшим. В этом случае возможность предъявить регрессный иск в уголовном деле отсутствует. А если данные организации не обладают сведениями о вынесенном приговоре, то не смогут обратиться с иском и в порядке гражданского судопроизводства.

В связи с данными обстоятельствами для предъявления иска бесспорна важность сведений о возбуждении уголовного дела либо о поступлении уголовного дела в суд, поэтому обоснованно предлагается включить в ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ порядок обмена информацией между правоохранительными органами, прокуратурой, судами и участниками системы обязательного медицинского страхования [22].

Отметим, что в Волгоградской области ТФОМС активно обращается в суд с регрессными исками, а также взаимодействует с органами прокуратуры и СМО области. Выработан следующий порядок взаимодействия ТФОМС и прокуратуры (правоохранительных органов) [36]. Органы прокуратуры (органы следствия) на основании информации о возбуждении уголовного дела запрашивают в ТФОМС области выписки из реестров счетов с указанием

затрат на лечение, подтверждающие документы об оплате медицинской помощи, акт по результатам экспертизы. Указанные документы приобщаются к материалам уголовного дела и используются прокурорами для предъявления регрессных исков в уголовных делах. Исполнение решений судов находится под контролем ТФОМС.

Отметим, что в порядке гражданского судопроизводства иски прокуроров в публичных интересах в лице ТФОМС удовлетворяются. Необходимым является вступление приговора в законную силу [37, 38] и наличие акта экспертизы качества медицинской помощи (ч. 2 ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ). По мнению авторов научных публикаций, данная экспертиза не отражает связь причиненного вреда здоровью с преступным деянием и расходов на лечение пострадавших. Предлагается проводить медицинскую экономическую экспертизу, акт по результатам которой представлять в материалы иска [22]. В практике органов прокуратуры расходы на лечение подтверждаются справками с расчетом стоимости лечения, которые представляют медицинские организации.

Иной порядок взыскания расходов государства на лечение пострадавших лиц установлен законодательством Республики Беларусь. Ст. 45 Конституции Республики Беларусь [39] гарантирует гражданам бесплатное лечение в государственных организациях здравоохранения за счет государственных бюджетных средств. В силу ст. 933, 950 Гражданского кодекса Республики Беларусь [40], ст. 64 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» [41] лица, причинившие ущерб здоровью граждан, должны возместить расходы государства на их лечение.

Порядок взыскания ущерба в связи с лечением потерпевших установлен п. 1 и ч. 3 п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности» [42]. Нотариусы совершают исполнительные надписи по бесспорным требованиям о взыскании с виновных лиц в пользу организаций здравоохранения средств, которые были затрачены на лечение потерпевших. Исполнительная надпись является исполнительным документом.

В силу п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 366 требования о взыскании средств в пользу организаций здравоохранения в судебном порядке не разрешаются.

В научных публикациях и практике прокуратур отмечаются некоторые проблемные вопросы, снижающие эффективность возмещения средств государства, в числе которых называют неполноту сбора доказательств по уголовному делу, в том числе доказательств расходов на лечение граждан [43]. Пострадавшие от преступных деяний лица несвоевременно признаются потерпевшими и гражданами истцами [44].

Для восполнения пробелов в законодательстве необходимо законодательно определить порядок возмещения затрат на лечение граждан в случае отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения его по реабилитирующим основаниям [45].

По информации прокуратуры Брестской области, не в полной мере налажена работа организаций здравоохранения по систематическому обращению к нотариусам, в связи с чем возмещается не весь ущерб [46].

Требует совершенствования механизм обмена информацией лечебных организаций с прокуратурой Республики Беларусь, судами, органами предвари-

тельного следствия. В частности, информация о возбуждении уголовного дела не всегда направлялась в организации здравоохранения, данные организации не всегда участвуют в уголовном судопроизводстве [43].

В связи с неподведомственностью изучаемых вопросов судам прокуроры используют надзорные полномочия при выявлении бездействия организаций здравоохранения, вносят представления и предписания, контролируют их исполнение и при наличии оснований инициируют привлечение виновных лиц к ответственности по ст. 23.1 КоАП Республики Беларусь [43].

С целью обеспечения межведомственного взаимодействия прокуратурой Могилевской области, УВД Могилевского облисполкома, управлением Следственного комитета Республики Беларусь по Могилевской области и управлением здравоохранения области принято совместное постановление о взаимодействии по возмещению затрат на лечение граждан, пострадавших от преступных посягательств. В постановлении определены задачи органов прокуратуры при осуществлении надзора за соблюдением законности при производстве предварительного следствия (в материалах уголовных дел необходимо проверять наличие документов о лечении потерпевших и его стоимости, при их отсутствии возвращать уголовное дело и направлять следователю указания о проведении дополнительных процессуальных действий); гособвинители направляют копии вступивших в силу приговоров в медицинские организации; участвующие в гражданском процессе прокуроры проверяют исполнение исполнительных надписей и реальное взыскание по ним. Правоохранительным органам поставлена задача по каждому процессуальному решению по факту причинения вреда здоровью граждан устанавливать размер ущерба, информировать организации здравоохранения. Медицинским организациям предписано определить лиц, ответственных за работу по взысканию бюджетных средств; организовать учет сведений о лечении потерпевших [45].

Изучение порядка возмещения бюджетных средств, затраченных на лечение лиц, которым причинен вред здоровью в результате преступных деяний, показало, что в Российской Федерации и Республике Беларусь применяются различные подходы для регулирования данных правоотношений.

Однако имеются сходные проблемы обеспечения надлежащей эффективности возмещения бюджетных средств. Опыт прокуратуры Республики Беларусь показал, что их устранению способствует своевременный обмен информацией и взаимодействие прокуратуры и уполномоченных органов, закрепленные соответствующим правовым актом.

Важная роль принадлежит надлежащему прокурорскому надзору за исполнением законов органами медицинского страхования, организациями здравоохранения и органами, осуществляющими предварительное следствие. В случае выявления фактов бездействия или незаконных действий прокуроры должны добиваться восстановления законности и правопорядка.

Нельзя не сказать о правозащитном потенциале участия прокуроров Российской Федерации в рассмотрении уголовных и гражданских дел судами. Учитывая сроки исковой давности и количество предъявленных ТФОМС исков, представляется целесообразным продолжение работы по предъявлению исков в публичных интересах.

В связи с этим необходимо выработать и закрепить в нормативном акте порядок предъявления прокурором гражданских исков, предопределяемых уголовным преследованием виновных лиц.

Отметим, что с 2011 г. ТФОМС Волгоградской области совместно с прокуратурой области применяет сходный механизм взыскания средств ОМС с лиц, привлеченных к административной ответственности по ст. 12.24 Кодекса об административных правонарушениях РФ. В России за 2015 г. из-за нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств в ДТП причинен вред здоровью 207 985 человек, за январь — май 2016 г. пострадали 66 346 человек [47]. В связи с этим необходимо возмещать затраты значительных сумм бюджетных средств путем предъявления исковых заявлений. Таким образом, деятельность прокурора по защите публичных интересов получает дальнейшее развитие и требует создания соответствующей нормативной базы.

Список цитированных источников

1. Резниченко, С. Г. Российское законодательство об обязательном медицинском страховании во второй половине XIX — XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Г. Резниченко. — СПб., 2007. — 27 с.
2. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федер. закон, 29 нояб. 2010 г., № 326-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
3. Об основах обязательного социального страхования: Федер. закон, 16 июля 1999 г., № 165-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
4. Отчет о деятельности системы обязательного медицинского страхования в Российской Федерации в 2014 году // Обязат. мед. страхование в Рос. Федерации. — 2015. — № 4. — С. 8.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации: 31 июля 1998 г., № 145-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: офиц. текст: с изм. от 30 дек. 2008 г. — М.: Собр. законодательства РФ, 2014. — 4398 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
8. О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2016 год: Федер. закон, 14 дек. 2015 г., № 365-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
9. О возмещении расходов на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью: письмо Федер. фонда ОМС, 5 мая 2012 г., № 3220/30-3/и // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
10. Свод законов Российской империи // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
11. О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.: введ. в действие постановлением ВЦИК 11 нояб. 1922 г. // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
12. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
13. Об усилении ответственности за хулиганство: Указ Президиума Верхов. Суда СССР, 26 июля 1966 г., № 5362-VI // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
14. О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий: Указ Президиума Верхов. Суда СССР, 25 июня 1973 г., № 4409-VIII // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

15. О солидарной ответственности осужденных за причиненный материальный ущерб: постановление Пленума Верхов. Суда СССР, 21 июня 1935 г. // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

16. О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением: постановление Пленума Верхов. Суда СССР, 28 мая 1954 г., № 6 // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

17. О практике исполнения судебных приговоров и решений в части возмещения ущерба, причиненного преступлениями государственным, кооперативным и общественным организациям: постановление Пленума Верхов. Суда СССР, 25 мар. 1964 г., № 1 // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

18. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан: утв. ВС РФ, 22 июля 1993 г., № 5487-1 // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

19. Кальницкий, В. О возмещении средств, затраченных на лечение потерпевших от преступных действий граждан / В. Кальницкий, А. Михеев, А. Ножкина // Рос. юстиция. — 1997. — № 11. — С. 22–23.

20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

21. Отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 12 месяцев 2013, за 12 месяцев 2014 и за 12 месяцев 2015 годов // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418>. — Дата доступа: 12.06.2016.

22. Канева, С. Ю. Правовые проблемы реализации регрессных требований в обязательном медицинском страховании Российской Федерации (в условиях международной правоприменительной практики) / С. Ю. Канева // Мед. право. — 2014. — № 3. — С. 27–32.

23. Отчеты о деятельности системы обязательного медицинского страхования в Российской Федерации в 2011, 2013, 2014 годах // Официальный сайт журнала «Обязательное медицинское страхование» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://omsjournal.ru/?page_id=17. — Дата доступа: 12.06.2016.

24. Решение Дзержинского районного суда г. Нижний Тагил Свердловской области от 21.02.2011 № 1–90/2011.

25. Решение Тракторозаводского районного суда г. Челябинска от 30.06.2011 № 1–401/2011.

26. Решение Ижемского районного суда Республики Коми от 08.06.2012 № 1–27/2012.

27. Решение Сергиев-Посадского городского суда Московской области от 16.03.2010 № 1–158/2010.

28. Курмакаева, С. М. Регрессный иск в уголовном деле: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. М. Курмакаева. — Ленинград, 1989. — 20 л.

29. Туров, С. Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция (Теоретико-методологический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Ю. Туров. — Челябинск, 2013. — 32 л.

30. Пузырёва, А. А. Регрессные требования в механизме финансового обеспечения обязательного социального страхования / А. А. Пузырёва, М. Г. Седельникова // Вестн. ОмГУ. Сер. «Право». — 2016. — № 1 (46). — С. 185–190.

31. Сушина, Т. Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике / Т. Е. Сушина // Журн. рос. права. — 2016. — № 3. — С. 136–147.

32. Шхагапсоев, З. Л. Допустимость в уголовном деле регрессных исков / З. Л. Шхагапсоев // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. — 2005. — № 4. — С. 121–122.

33. Постановление Президиума Омского областного суда от 25.04.2011 № 44-У-220/п.

34. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.02.2016 № 5-АПУ 15-114.

35. *Супрун, С.* Возмещение по уголовному делу вреда в порядке регресса / С. Супрун // Уголов. право. — 2010. — № 3. — С. 94–97.

36. *Самарина, Т. В.* Практика применения регрессных исков в сфере обязательного медицинского страхования Волгоградской области / Т. В. Самарина, О. Н. Гребенькова // Обязат. мед. страхования в Рос. Федерации. — 2015. — № 1. — С. 24–30.

37. Решение Советского районного суда г. Томска от 29.05.2013 2-1250/2013.

38. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 07.11.2014 № 33-13605/2014.

39. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. и 17 окт. 2004 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru/index.fwx>. — Дата доступа: 12.06.2016.

40. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text&regnum=НК9800218#load_text_none_1_1. — Дата доступа: 12.06.2016.

41. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text&regnum=V19302435#load_text_none_1_1. — Дата доступа: 12.06.2016.

42. О некоторых вопросах нотариальной деятельности: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2011 г., № 366 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.etalonline.by/?type=text&regnum=P31100366#load_text_none_4_1. — Дата доступа: 12.06.2016.

43. *Стененков, А.* Медицинскую помощь другим оказали, а о защите собственных интересов забыли, или Почему не соблюдается принцип неотвратимости ответственности за причинение вреда государству / А. Стененков // Законность и правопорядок. — 2014. — № 3 (31). — С. 13–18.

44. *Вишняк, И.* Причиненный преступлением вред должен быть возмещен / И. Вишняк // Законность и правопорядок. — 2015. — № 3. — С. 23–27.

45. На межведомственном совещании в прокуратуре Могилевской области разработан алгоритм возмещения затрат на лечение граждан, пострадавших от преступных посягательств // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=86982#doc>. — Дата доступа: 12.06.2016.

46. Прокуратурой Брестской области проверено исполнение законодательства о взыскании расходов на оказание медицинской помощи лицам, потерпевшим от преступлений // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=55109#doc>. — Дата доступа: 12.06.2016.

47. Сведения о состоянии безопасности дорожного движения // Официальный сайт Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/stat/2015/>. — Дата доступа: 12.06.2016.

Дата поступления статьи — 14.06.2016.

Статья посвящена исследованию деятельности прокуроров Российской Федерации и Республики Беларусь по возмещению бюджетных средств, затраченных на лечение лиц, пострадавших от преступных деяний. Проанализированы научные положения о возмещении данных затрат и возможность регрессного гражданского иска в уголовном деле. Изучено законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь. Подобраны и проанализированы статистические данные о результатах возмещения бюджетных средств.

Проведено изучение прокурорской практики защиты публичных интересов путем обращения с исками в уголовном и гражданском процессе. В ходе исследования выявлены факторы, снижающие эффективность работы по возмещению бюджетных средств, — бездействие уполномоченных органов и неполнота нормативной базы. На основании обобщения результатов прокурорской практики предлагаются способы устранения выявленных проблемных вопросов с целью совершенствования правозащитной деятельности прокурора.

The article investigates the activities of the Russian Federation and the prosecutors of the Republic of Belarus to compensate for the budget spent on the treatment of victims of criminal acts. Analyzed scientific data provision on compensation costs and the possibility of recourse a civil action in a criminal case. Studied the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. Are picked up and analyzed statistical data on the results of budget compensation. The study of prosecutorial practice of protecting the public interest by referring to the claims in the criminal and civil proceedings. The study identified factors that reduce the effectiveness of the compensation for the budget, — inaction of the authorized bodies and incomplete regulatory framework. On the basis of summarizing the results of prosecutorial practice suggests ways to address the identified problematic issues with the aim of improving the human rights activities of the prosecutor.

КРЫМІНАЛАГІЧНЫ АСПЕКТ РЭКЛАМНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ ВЫТВОРЦАЎ ПЛАДОВЫХ ВІН У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

Гучок А. Я.

Узровень продажаў спіртных напояў у Рэспубліцы Беларусь у перыяд з 2000 па 2014 г., быўшы пералічаным у абсалютны алкаголь, характарызуецца ваганнямі ў межах 10–12 л на душу насельніцтва. Калі выказаць здагадку, што спажыванне алкагольнай прадукцыі адпавядае пазначаным паказчыкам, то гэта відавочна перавышае парогавы ўзровень (8 л), вызначаны Сусветнай арганізацыяй аховы здароўя [1, с. 1]. Толькі па прадстаўленых дадзеных сітуацыя з алкагалізацыяй насельніцтва ў Рэспубліцы Беларусь можа ацэньвацца як вельмі складаная.

На гэтым фоне выклікае цікавасць рэкламная дзейнасць вытворцаў спіртных напояў, асабліва пладовых і пладова-ягадных він, накіраваная на прасоўванне сваёй прадукцыі на рынак краіны, у прыватнасці, пытанне адносна таго, наколькі такая дзейнасць улічвае некаторыя крыміналагічныя аспекты. Адзначым, што рэклама можа значна ўплываць не толькі на павелічэнне аб’ёмаў продажаў алкаголю, але і на пашырэнне колькасці асоб, якія пакутуюць ад алкагольнай залежнасці, а таксама асоб, якія здзяйсняюць правапарушэнні ў стане алкагольнага ап’янення.

У якасці гіпотэзы ў дачыненні да даследавання акрэсленай праблемы можна выказаць здагадку аб тым, што рэкламная дзейнасць вытворцаў недарагіх пладовых і пладова-ягадных він у большай ступені арыентавана на асоб, якія не маюць прыхільнасці да алкаголю і не пакутуюць ад алкагольнай залежнасці (у большасці сваёй гэта моладзь), што правакуе рост колькасці ўпершыню пастаўленых на ўлік грамадзян, у якіх дыягнастуецца алкагалізм і алкагольныя псіхозы. Што тычыцца пастаянных спажывцоў названай прадукцыі, сутнасць гіпотэзы складаецца ў тым, што азначаная апошняя катэгорыя грамадзян мае

ўласныя падахвочванні (у выглядзе алкагольнай залежнасці і абстынентнага сіндрому) да набыцця недарагога алкаголю і не мае патрэбы ў якой-небудзь інфармацыі рэкламнага характару.

Апроч таго, мы мяркуем, што рэкламная дзейнасць не проста з'яўляецца крымінагенна небяспечнай у пазначаным вышэй ракурсе, але і парушае дзеючае заканадаўства.

У якасці такой сітуацыі разгледзім прэцэдэнт выпуску адным з прыватных прадпрыемстваў Рэспублікі Беларусь з сімвалічнай назвай «Рост» віна пладовага мацаванага палепшанай якасці «Незнакомка» з вельмі арыгінальным пазначаннем на этыкетках некаторых яго спажывецкіх уласцівасцяў і аб'ёму тары.

Нескладана заўважыць, што аб'ём бутэлек на этыкетках пазначаны двойчы — праз напісанне слоў «Большая» для бутэлькі 0,7 л і «Маленькая» для бутэлькі 0,5 л, а таксама з указаннем «намінальнага аб'ёму 0,7 л» (і 0,5 л) з выкарыстаннем выявы ордэна Кастрычніцкай Рэвалюцыі.

Такія спажывецкія якасці, як утрыманне спірту (18 %) і цукру (65 г/л), прадстаўлены на этыкетцы з дапамогай выявы ордэнаў Леніна.

Характэрна, што надпісы «Большая» і «Маленькая» выкананы ў стылі назвы газет «Правда» (ўзнагароджана двума ордэнамі Леніна і ордэнам Кастрычніцкай Рэвалюцыі), зараз органа Цэнтральнага Камітэта Камуністычнай партыі Расійскай Федэрацыі, і «Комсомольская правда» — у мінулым інфармацыйна-маладзёжнага выдання камсамола (1925–1990 гг.) (ўзнагароджана ордэнам Леніна, ордэнам Кастрычніцкай Рэвалюцыі, ордэнам Айчыннай вайны 1-й ступені і двойчы ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга).

У разглядаанай сітуацыі неабходна звярнуцца да даведкавых матэрыялаў адносна скарыстаных прадпрыемствам-вытворцам на этыкетках пладовага віна знакаў і стылю напісання.

Так, ордэн Леніна з'яўляецца вышэйшай ўзнагародай Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік, якая была заснавана Пастановай Прэзідыума ЦВК СССР ад 6 красавіка 1930 г.

Паводле Пастановы Прэзідыума ЦВК СССР ад 23 мая 1930 г. першым ордэнам Леніна № 000001 была ўзнагароджана газета «Комсомольская правда» за «актыўнае спрыянне ва ўзмацненні тэмпаў сацыялістычнага будаўніцтва і ў сувязі з пяцігоддзем з дня заснавання».

Практычна ўсе савецкія кіраўнікі і военачальнікі вышэйшага рангу былі ўзнагароджаны ордэнам Леніна, некаторыя з іх па 9–11 разоў. Гэтай ўзнагародай адзначаліся населеныя пункты і арганізацыі. Ордэн Леніна ўручаўся ўсім асобам, удасноеным ганаровых званняў Героя Савецкага Саюза, Героя Сацыялістычнай працы, а таксама гарадам і крэпасцям, якім прысвоена званне «Горад-герой» або «Крэпасць-герой».

Усяго за час Вялікай Айчыннай вайны гэтай ўзнагароды было ўдасноена каля 41 тыс. чалавек (з іх каля 36 тыс. — за баявыя заслугі), а таксама 207 воінскіх падраздзяленняў.

Пасля распаду СССР прадстаўленняў да ўзнагароды ордэнам Леніна не было. З моманту заснавання ордэна Леніна было праведзена 431 418 ўзнагароджанняў [9].

Ордэн Кастрычніцкай Рэвалюцыі быў заснаваны Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 31 кастрычніка 1967 г. у азнаменаванне 50-годдзя Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі. Ён негалосна займае другое месца ў табелі аб рангах савецкай ўзнагароднай сістэмы (пасля ордэна Леніна).

Ордэнам Кастрычніцкай Рэвалюцыі ўзнагароджваліся грамадзяне СССР, прадпрыемствы, установы, арганізацыі і іншыя калектывы працоўных, воінскія часткі і злучэнні, рэспублікі, краі, вобласці і гарады, а таксама і замежныя грамадзяне за:

актыўную рэвалюцыйную дзейнасць, вялікі ўклад у станаўленне і ўмацаванне Савецкай улады;

выдатныя заслугі ў пабудове сацыялізму і будаўніцтве камунізму;

выдатныя дасягненні ў галіне развіцця народнай гаспадаркі, навукі і культуры;

асаблівыя адвагу і мужнасць, праяўленыя ў баях з ворагамі Савецкай дзяржавы;

выдатныя заслугі ва ўмацаванні абароннай моцы СССР;

асабліва плённую дзяржаўную і грамадскую дзейнасць;

актыўную дзейнасць, накіраваную на развіццё і паглыбленне ўсеакавых сяброўскіх сувязяў паміж народамі Савецкага Саюзу і іншых дзяржаў, умацаванне міру паміж народамі.

Ордэн Кастрычніцкай Рэвалюцыі носіцца на левым баку грудзей і размяшчаецца пасля ордэна Леніна.

У адпаведнасці з указамі Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 4 лістапада 1967 г. першымі ордэнамі Кастрычніцкай Рэвалюцыі былі ўзнагароджаны гарады Ленінград (ордэн № 1) і Масква (ордэн № 2).

У сувязі з 60-годдзем газеты «Правда», заснаванай У. І. Леніным, за выдатныя заслугі ў камуністычным выхаванні працоўных, прапагандзе марксізму-ленінізму, мабілізацыі савецкага народа на выкананне задач гаспадарчага і культурна-будаўніцтва Прэзідыум Вярхоўнага Савета СССР Указам ад 4 мая 1972 г. ўзнагародзіў яе ордэнам Кастрычніцкай Рэвалюцыі.

Па стане на 1 студзеня 1995 г. было праведзена 106 462 ўзнагароджанні ордэнам Кастрычніцкай Рэвалюцыі [10].

Неабходна адзначыць, што пазіцыя дзяржавы ў дачыненні да дзяржаўных ўзнагарод, у тым ліку і СССР, знайшла адлюстраванне ў шэрагу заканадаўчых актаў, у тым ліку і ў Крымінальным кодэксе Рэспублікі Беларусь. Адказнасць за парушэнне заканадаўства аб дзяржаўных ўзнагародах рэгламентавана арт. 75 Закона Рэспублікі Беларусь ад 18 мая 2004 г. «Аб дзяржаўных ўзнагародах Рэспублікі Беларусь», арт. 23.44 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб адміністрацыйных правапарушэннях, арт. 387 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь.

Нашэнне ордэна, медаля Рэспублікі Беларусь, СССР і БССР, нагруднага знака да ганаровага звання Рэспублікі Беларусь, СССР ці БССР асобай, якая не мае права на іх нашэнне, цягне папярэджанне або накладанне штрафу ў памеры да дзесяці базавых велічынь з канфіскацыяй прадмета адміністрацыйнага правапарушэння або без канфіскацыі. Незаконныя набыццё або збыт ордэна, медаля Рэспублікі Беларусь, СССР ці БССР, нагруднага знака да ганаровага звання Рэспублікі Беларусь, СССР ці БССР цягнуць накладанне штрафу ў памеры да пяцідзесяці базавых велічынь з канфіскацыяй прадмета адміністрацыйнага правапарушэння або без канфіскацыі.

Так, падробка з мэтай збыту або збыт паддробленых ордэна, медаля, нагруднага знака да ганаровага звання Рэспублікі Беларусь або СССР караюцца штрафам, або арыштам, ці абмежаваннем волі на тэрмін да двух гадоў, або пазбаўленнем волі на той жа тэрмін.

Неабходна таксама звярнуць увагу і на п. 4 Заўвагі да гл. 24 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь «Злачынствы супраць уласнасці», у якім устаноўлена, што не падлягае крымінальнай адказнасці асоба, якая ўчыніла раскраданне

маёмасці юрыдычнай асобы шляхам крадзяжу, махлярства, злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі, прысваення або растраты ў суме, якая не перавышае дзесяціразовага памеру базавай велічыні, устаноўленага на дзень учынення дзеяння, за выключэннем крадзяжу ордэна, медаля, нагруднага знака да ганаровага звання Рэспублікі Беларусь або СССР, або раскрананне маёмасці фізічнай асобы шляхам крадзяжу, махлярства, злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі, прысваення або растраты ў суме, якая не перавышае двухразовага памеру базавай велічыні, устаноўленага на дзень учынення дзеяння, за выключэннем крадзяжу ордэна, медаля, нагруднага знака да ганаровага звання Рэспублікі Беларусь або СССР альбо крадзяжу, здзейсненага групай асоб, або шляхам крадзяжу, учыненага з адзення або ручной паклажы, што знаходзіліся пры ім, альбо з пранікненнем у жыллё. Гэта паказвае на прызнанне заканадаўцам павышанага ўзроўню грамадскай небяспекі крадзяжу ордэна, медаля, нагруднага знака да ганаровага звання Рэспублікі Беларусь або СССР незалежна ад вартасных характарыстык разгляданых аб'ектаў.

Відавочна, што дзеянне прыведзеных нормаў не ахоплівае канкрэтную аналізаваную сітуацыю. Аднак у дачыненні да разглядаванага прэцэдэнта ўстанаўленне небяспечнасці рэкламнай дзейнасці ў крыміналагічным плане і парушэнняў заканадаўства можа пачынацца з ацэнкі пэўных фактаў з пазіцый нормаў маралі, г. зн. адпаведнасці рэкламнай інфармацыі, якая размяшчаецца на этыкетках (упакоўцы) тавару, патрабаванням ч. 3 арт. 26 Закона Рэспублікі Беларусь ад 10 мая 2007 г. «Аб рэкламе».

Што тычыцца магчымых юрыдычных наступстваў такога роду вольнасцяў у некарэктным выкарыстанні розных знакаў і сімвалаў, то юрыдычнай службе прыватнага прадпрыемства «Рост» (калі такая, вядома, ёсць у яго структуры) варта было б спрагназаваць рэакцыю афіцыйных прадстаўнікоў Камуністычнай партыі Расійскай Федэрацыі, заснавальнікаў і, галоўнае, юрыдычных службаў газеты «Правда» і Выдавецкага дома «Комсомольская правда» (якія дакладна ёсць у іх структуры). Не варта выключачь, што сумы да спагнання па пададзеных ісках могуць перавысіць не тое што гадавы бюджэт прадпрыемства «Рост», але і кошт усіх яго актываў. Неабходна было б улічыць таксама і магчымасць звароту з адпаведнымі іскамі да вытворцы віна «Незнакомка» асоб, арганізацый і іншых суб'ектаў, узнагароджаных такімі ордэнамі.

З пазіцый дзеючага заканадаўства Рэспублікі Беларусь прававая ацэнка сітуацыі, якая складваецца, не менш цікавая. Пры яе аналізе прыярытэтным з'яўляецца пытанне пра тое, ці распаўсюджаюцца патрабаванні Закона Рэспублікі Беларусь «Аб рэкламе» на інфармацыю, якая змяшчаецца на этыкетцы.

І.А. Гаўрыльчык лічыць, што разам з абавязковай для давядзення да спажывцоў інфармацыяй адпаведнымі стандартамі [5, 6] дапускаецца нанясенне на тавар і інфармацыі рэкламнага характару. Пры гэтым адзначаецца, што зыходзячы з азначэння рэкламы, якое змяшчаецца ў арт. 2 Закона Рэспублікі Беларусь «Аб рэкламе», вынікае, што інфармацыя адносіцца да рэкламнай пры сукупнасці наступных умоў:

- наяўнасць аб'екта рэкламавання;
- распаўсюджванне ў любой форме з дапамогай любых сродкаў;
- скіраванасць на прыцягненне ўвагі да аб'екта рэкламавання, фарміраванне або падтрыманне цікавасці да яго, прасоўванне яго на рынку.

Неабходна пагадзіцца, што рэкламай будуць з'яўляцца слованы, тэксты пра гісторыю вытворцы або прадукта, малюнкі ўзнагарод, атрыманых вытворцам

на конкурсах або выставах, вершы, жарты, змест якіх эмацыйна падтрымлівае цікавасць да тавару, і г. д.

У выніку робіцца цалкам справядлівая выснова аб тым, што ўся рэкламная інфармацыя, якая размяшчаецца (распаўсюджваецца) на этыкетках (упакоўцы) тавару, павінна адпавядаць патрабаванням арт. 26 Закона Рэспублікі Беларусь «Аб рэкламе». Так, калі рэкламадавец выкарыстоўвае ў рэкламе словы, якія адлюстроўваюць найвышэйшую ступень якасці тавару або пэўныя вынікі даследаванняў, якія дэманструюць карыснасць прадукта, ён павінен мець адпаведныя дакументы, якія пацвярджаюць правамернасць іх выкарыстання. Калі ў рэкламе размяшчаюцца, напрыклад, анекдоты або жарты, павінны ўлічвацца нормы маралі, прынятыя ў грамадстве, і г. д. [4].

Разглядаючы сукупнасць умоў аднясення інфармацыі да рэкламнай у дачынненні да аналізуемай сітуацыі, адзначым бясспрэчную наяўнасць аб'екта рэкламавання, зразумелых формаў і сродкаў распаўсюджвання інфармацыі, выяўленую скіраванасць скарыстаных вытворцаў прыёмаў прыцягнення ўвагі да аб'екта рэкламавання і фарміравання цікавасці да яго, а адпаведна, і відавочную актыўнасць у прасоўванні яго на рынку.

Пры гэтым і без прымянення спецыяльных ведаў відавочна зневажанне нормаў маралі, што з'яўляецца парушэннем патрабаванняў арт. 26 Закона Рэспублікі Беларусь «Аб рэкламе», а адпаведна, павінна пацягнуць за сабой неадкладнае рэагаванне органаў пракуратуры.

У якасці падставы прымянення мер пракурорскага рэагавання ў ходзе ажыццяўлення нагляду за выкананнем заканадаўства прама разглядаецца ўстанаўленне парушэнняў заканадаўства. Пры выяўленні відавочных фактаў парушэнняў заканадаўства пракурор у межах сваёй кампетэнцыі ва ўстаноўленым парадку ўносіць прадстаўленні, выносіць прадпісанні і афіцыйныя папярэджанні, абавязковыя для выканання адпаведнымі дзяржаўнымі органамі і іншымі арганізацыямі, службовымі асобамі і іншымі грамадзянамі, у тым ліку індывідуальнымі прадпрыемствамі.

Вынікі аналізу адзінакавага факта парушэння Закона Рэспублікі Беларусь «Аб рэкламе» ў разглядаанай сферы ставяць пытанне аб неабходнасці вывучэння дзейнасці вытворцаў спіртных напояў па прасоўванні сваёй прадукцыі на спажывецкі рынак, у тым ліку і захавання пры гэтым нормаў маралі, прынятых у грамадстве.

Праведзеныя назіранні паказваюць, што назвы спіртных напояў, якія прапануюцца, выклікаюць здзіўленне і абурэнне. Некаторыя з іх, верагодна, рэалізаваўшы маркетынжавы патэнцыял, зніклі з прылаўкаў крам і засталіся ў гісторыі («Три богатыря», «Для милых дам», «Спортивное», «Верный друг», «Товарищ Бендер», «Вечный Зов», «Вкус детства», «Чарли Чаплин», «Имею право», «Последнее утро» і г. д.). Іншыя прадаюцца і па цяперашні час («Веселый дуэт», «Волшебная флейта», «Журавлиная песня», «Маэстро», «Купалинка», «Белая вежа», «Рагнеда», «Александр і я», «Над Сожам. Лайт», «Неверная», «Вкус любви», «Мужики. Fog men», «Зятек», «На дорожку», «Релакс», «IQ», «Дедушкин погребок» і інш.). Характэрна, што названыя брэндзі маюць свае класіфікацыі. Лічыцца, што назва «Волшебная флейта» адносіцца да ўмоўнай надзвычай папулярнай у Рэспубліцы Беларусь групы «музычна-танцавальных» назваў пладовых він [12].

Да ліку «арыгінальных» у маркетынгамым аспекце назваў можна аднесці і назвы моцных спіртных напояў, у прыватнасці, гарэлкі — «Голкипер», «Бабы слёзы», «Ну что? Ежедневная» і інш.

У дачыненні да асобных з прыведзеных назваў іх неадпаведнасць нормам маралі не выклікае сумненняў, што павінна цягнуць за сабой пэўныя юрыдычныя наступствы.

Прадстаўленая ацэнка разгляданай сітуацыі патрабуе атрымання адказу на наступнае пытанне: а ці маюць наогул значэнне назвы пладовых і пладова-ягадных він і наколькі істотна яны ўплываюць на аб'ёмы продажаў такой прадукцыі ў абстаноўцы, калі асноўнымі яе спажывцамі з'яўляюцца грамадзяне, якія злоўжываюць спіртнымі напоямі, а таксама грамадзяне, якія пакутуюць ад алкагольнай залежнасці?

Існуе меркаванне, што беларускія вытворцы палепшылі якасць пладовых і пладова-ягадных він, але знешні выгляд тавару і яго прасоўванне пакідаюць жадаць лепшага [8]. У Мінгандлю таксама лічаць, што прадпрыемствы гандлю павінны прыцягваць спецыялістаў, якія могуць кваліфікавана займацца выкладкай тавараў з улікам пераваг спажывца, арганізоўваць дэгустацыі і іншыя мерапрыемствы па прыцягненню пакупнікоў [7].

Пошук арыгінальных назваў падштурхоўвае вытворцаў да прыцягнення шырокіх народных мас да вырашэння гэтай надзённай праблемы. Напрыклад, па паведамленні рэсурса region4.by, Слоні́мскі вінавод аб'яўляў адкрыты конкурс дызайну вінных этыкетак для ўсіх жадаючых, мяркуючы, што «ўжо самі рамантычныя і экстравагантныя назвы він: “Грэзы Афродіты”, “Нить Ариадны”, “Сладкий грех”, “Искусный обман”, “Запретная любовь”, “Тайное желание” — стануць крыніцай натхнення для ўдзельнікаў конкурсу» [11].

Павышэнне актыўнасці маркетологаў і мерчандайзераў, несумненна, забяспечыць павелічэнне аб'ёмаў продажаў прасоўваемай прадукцыі, аднак гэта таксама несумненна будзе спрыяць атрыманню і некалькі іншых вынікаў — пашырэнню кола спажывцоў такіх напояў, а адпаведна, і пашырэнню групы рызыкі — патэнцыйных алкаголікаў.

Праведзеныя назіранні, а таксама звесткі, атрыманыя з іншых крыніц, дазваляюць канстатаваць, што экстравагантнасць назвы пладовых і пладова-ягадных він не можа разглядацца як дамінуючы фактар, які вызначае аб'ёмы іх продажаў. Так, пры набыцці пладовых і пладова-ягадных він іх назву амаль ніхто не прамаўляе, агучваючы толькі словы: «віно», «фаўст», «большая», «маленькая» [3].

Улічваючы негатыўную сітуацыю з празмерным спажываннем алкаголю ў Рэспубліцы Беларусь (у сярэднім у год беларускі мужчына выпівае 27,5 л чыстага спірту: напой, які ўжываюцца, пералічаны на абсалютны алкаголь) [2], мы мяркуем пра дастатковасць адлюстравання на этыкетцы толькі інфармацыі аб тым, што прапанаваны напой — спіртамяшчальная вадкасць, якая прызначана для пераральнага прыёму з мэтай дасягнення стану алкагольнага ап'янення, з указаннем у адпаведнасці з дзеючымі стандартамі асноўных спажывецкіх якасцей і без указання якіх-небудзь назваў. Пры гэтым не менш за 50 % этыкеткі павінна займаць інфармацыя пра шкоду алкаголю і негатыўныя наступствы яго ўжывання.

На нашу думку, правядзенне эксперыменту па продажы пладовых і пладова-ягадных він з такімі этыкеткамі на асобных гандлёвых кропках і тэрыторыях можа прадэманстраваць адсутнасць неабходнасці распрацоўкі і выкарыстання ідэнтыфікавальных назваў такой прадукцыі, забяспечыць спажывца аб'ектыўнай, нейтральнай інфармацыяй аб прапанаваным тавары і дазволіць зрабіць чарговы крок у справе прадзізяння распаўсюджванню п'янства і алкагалізму ў Рэспубліцы Беларусь.

Акрамя таго, перспектыўным у сферы крыміналагічных даследаванняў нам бачыцца рэалізаваны пры вывучэнні разгледжанай сітуацыі падыход, сутнасць якога заключаецца ў першапачатковым аналізе маральнага боку пэўных фактаў з наступным глыбокім вывучэннем праблемы на прадмет выяўлення магчымых парушэнняў дзеючага заканадаўства. Перспектыўнасць такога падыходу бачыцца ў тым, што ў выпадках немагчымасці даць прававую ацэнку вызначаным сітуацыям з прычыны адсутнасці адпаведных нормаў заканадаўства можа быць абгрунтавана і ініцыявана іх распрацоўка.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Андреева, Л. А. Медицинская профилактика чрезмерного употребления алкоголя: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.02.03 / Л. А. Андреева; Респ. НПЦ мед. технологий, информатизации, управления и экономики здравоохранения. — Минск, 2015. — 22 с.
2. Более 27 литров спирта на мужчину. Беларусь официально признана самой пьющей страной в мире [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <http://news.tut.by/society/398755.html>. — Дата доступа: 13.05.2014.
3. Выгодные «чернила» покупают с помощью кодовых слов: «Фауст», «1680», «вино» [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: <http://euroradio.fm/ru/report/vygodnye-chernila-pokupayut-s-pomoshchyu-kodovyh-slov-faust-1680-vino-123607>. — Дата доступа: 05.08.2015.
4. Гаврильчик, И. А. О некоторых аспектах проводимой рекламы / И. А. Гаврильчик // Налоги Беларуси. — 2014. — № 16. — С. 24–34.
5. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 1100–2007 «Пищевые продукты. Информация для потребителя. Общие требования», утвержденный и введенный в действие постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 21 января 2009 г. № 3.
6. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 1400–2009 «Товары непродовольственные. Информация для потребителя. Общие требования», утвержденный и введенный в действие постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 12 апреля 2007 г. № 23.
7. Минторг против стереотипов о низком качестве плодовых вин [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: <http://sputnik.by/society/20150723/1016368242.html>. — Дата доступа: 03.07.2015.
8. Минторг решил продвигать плодовые вина [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: <http://www.profi-forex.by/news/entry5000028872.html>. — Дата доступа: 03.08.2015.
9. Орден Ленина — Высшая награда Союза Советских Социалистических Республик — учрежден постановлением Президиума ЦИК СССР от 6 апреля 1930 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://medalww.ru/nagrady-sssr/ordena-sssr/orden-lenina/>. — Дата доступа: 03.08.15.
10. Орден Ленина начал свою историю 8 июня 1926 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mondvor.narod.ru/OOctRev.html>. — Дата доступа: 03.08.15.
11. Шумицкая, П. Слонимский винзавод объявил открытый конкурс дизайна винных этикеток / П. Шумицкая // region4.by [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: <http://people.onliner.by/2013/09/11/slonimskij-vinzavod>. — Дата доступа: 03.08.15.
12. Топ-10 необычных названий «чернил». Версия-2011 / Н. Чернявский [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: http://gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=40180. — Дата доступа: 03.08.2015.

Дата поступления статьи — 15.07.2016.

У артыкуле на аснове прымянення метаду індукцыі, шляхам аналізу адзінкавага, асобнага прэцэдэнту крымінагенна небяспечнага рэкламавання алкагольнай прадукцыі праведзена даследаванне агульных негатыўных тэндэн-

цій рекламній діяльності виробців плодових і плодово-ягідних вин. Вивчення інформації рекламного характеру на предмет адекватності як нормам моралі дозволило виявити порушення певних норм законодавства, зазначити необхідність реагування на такі прецеденти і сформулювати пропозиції, націлені на удосконалення підходів до рекламування плодових і плодово-ягідних вин.

В статті на основі застосування методу індукції, за допомогою аналізу єдиного, часткового прецедента криміногенно небезпечного рекламування алкогольної продукції проведено дослідження загальних негативних тенденцій рекламної діяльності виробників плодових і плодово-ягідних вин. Дослідження інформації рекламного характеру на предмет відповідності її нормам моралі дозволило виявити порушення конкретних норм законодавства, вказати на необхідність реагування на такого роду прецеденти і сформулювати пропозиції, націлені на удосконалення підходів до рекламування плодових і плодово-ягідних вин.

In article on the basis of application of a method of an induction, by means of the analysis of individual, private precedent criminogenic unsafe advertising of alcoholic production research of the general negative tendencies of advertising activity of manufacturers of low-price fruit wines is conducted. Studying of the information of advertising character about conformity to its norms of morals has allowed to reveal infringements of concrete norms of the legislation, to specify in necessity of reaction to such precedents and to formulate the offers directed on perfection of approaches to advertising of low-price fruit wines.

ЭВОЛЮЦИЯ АППАРАТНОЙ ГОЛОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Дмитренко Д. И.

Дифференцированные области современной науки и техники постоянно нуждаются в модернизации методологической основы научно-технического знания в целом. Среди всего множества инновационных методов исследования реальности голографические методы занимают приоритетное место в силу того, что являются перспективными. Это определенным образом влияет на развитие криминалистики, которая ставит перед собой задачу совершенствовать методы собирания, фиксации и исследования доказательств путем внедрения новых прогрессивных технологий. Так происходит постепенное формирование голографической отрасли криминалистики, или криминалистической голографии [5, с. 4–5].

В настоящее время одними из наиболее прогрессивных методов, используемых для фиксации и исследования криминалистических объектов, являются голографические методы, криминалистическая сущность которых раскрывается в контексте их применения в следственной и экспертной практике. Анализ вопросов современной эмпирической актуализации голографии в различных отраслях криминалистической техники показывает, что нынешняя криминалистика нуждается в системном построении и обосновании подхода, направленного, прежде всего, на создание трехмерных моделей обстановки места происшествия на основе голографирования материальных следовых

отображений преступного события в конкретном исследуемом пространстве [10, с. 53–54]. То есть речь идет о голографическом исследовании материальной структуры преступления (далее — МСП), к числу элементов которой, по А. Е. Гучку, относятся: а) субъект, совершающий преступление; б) объект преступного посягательства; в) средство совершения преступления; г) предмет преступного посягательства; д) предмет преступления [7, с. 62].

Между ними в структуре системы преступления принято выделять и различные виды связей — причинно-следственные, пространственно-временные, коммуникационные связи, связи взаимодействия и др. (рис. 1) [6, с. 55].

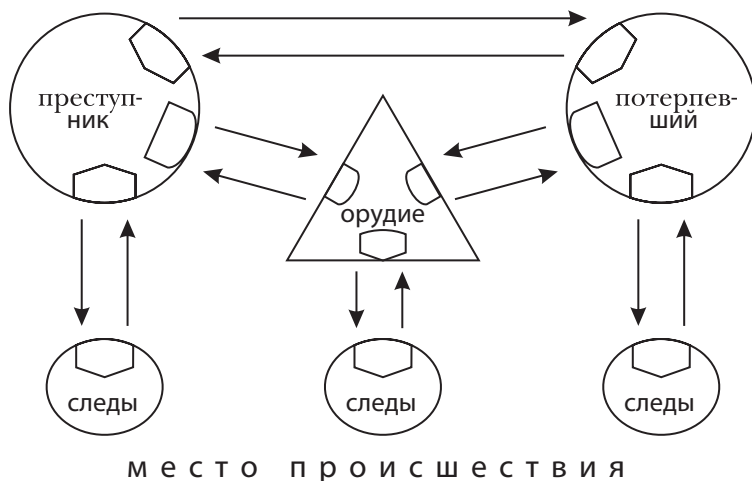

Рисунок 1 — Схема элементов МСП по А. Е. Гучку

Современная голография как физическое явление развивается по различным технологическим направлениям. Прогрессирование новых форм исследования реальности не может не интересовать субъектов криминалистической гностики, среди которых особое место принадлежит следователям и экспертам. Криминалистика всегда вбирает в себя лучшее от иных областей науки и техники и открыта для формирования новейших или обновления прежних своих отраслей. Однако речь идет не о простом заимствовании инноваций, а о научном обосновании целесообразности их теоретического и прикладного применения в практике расследования преступлений. Так, «совершенствование имеющихся и разработка новых технических средств является... одним из основных блоков технико-криминалистического обеспечения противодействия преступности, а также приоритетным направлением развития криминалистической техники как раздела науки криминалистики» [7, с. 182].

Эффективные результаты развития голографических технологий на криминалистической платформе, как было замечено ранее, должны быть очевидны

прежде всего для следователей, специалистов и экспертов, использующих «для установлении истины по делу ряд оптимизированных под нужды следствия технических аппаратно-программных средств прямого или опосредованного голографического назначения» [9, с. 135], поскольку призвание криминалистической голографии состоит в совершенствовании методологических подходов к полноценному изучению преступления как системного явления, т. е. к объемному исследованию его материальной структуры.

Ретроспективный обзор поступательного становления технологий объемной визуализации в целом, включая приоритет голографических технологий, обнаруживает следующие этапы развития данного процесса.

1. *Создание первых опытных стереоизображений параллельно развитию обычной двумерной фотографии.* Стерефотография — способ получения стереопары изображения при помощи фотографирования, где стереопара — это изображения одного объекта, снятого с разных точек зрения, обеспечивающие при просмотре получение бинокулярного эффекта псевдообъемного восприятия, как при использовании стереоскопа (рис. 2).

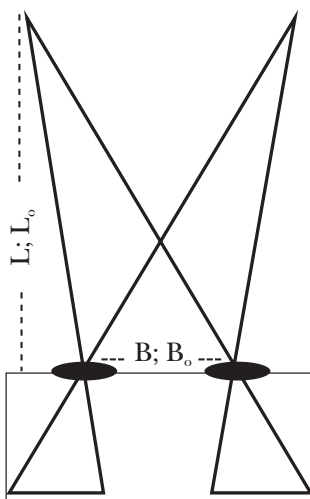

Рисунок 2 — Схема получения стереопары

Первые качественные попытки создания компактных стереофотокамер относятся к 50-м гг. XX в. (хотя эксперименты со стереопарами ставились еще ранее), а в 1961 г. в СССР появился стереофотоаппарат «Спутник». Как результат развития данной технологии — закрепление стереоскопической съемки в криминалистической практике.

Стереоизображение является предтечей так называемой 3D-объемной фотографии.

2. *Достижения в сфере физики полупроводников и лазерной физики.* В 1947 г. в ходе экспериментов по увеличению разрешающей способности электронного микроскопа Д. Габором была получена первая голограмма. В 1960 г. Н. Г. Басов, А. М. Прохоров и Ч. Таунс [13, с. 12] создали первый лазер, а Т. Маймам скон-

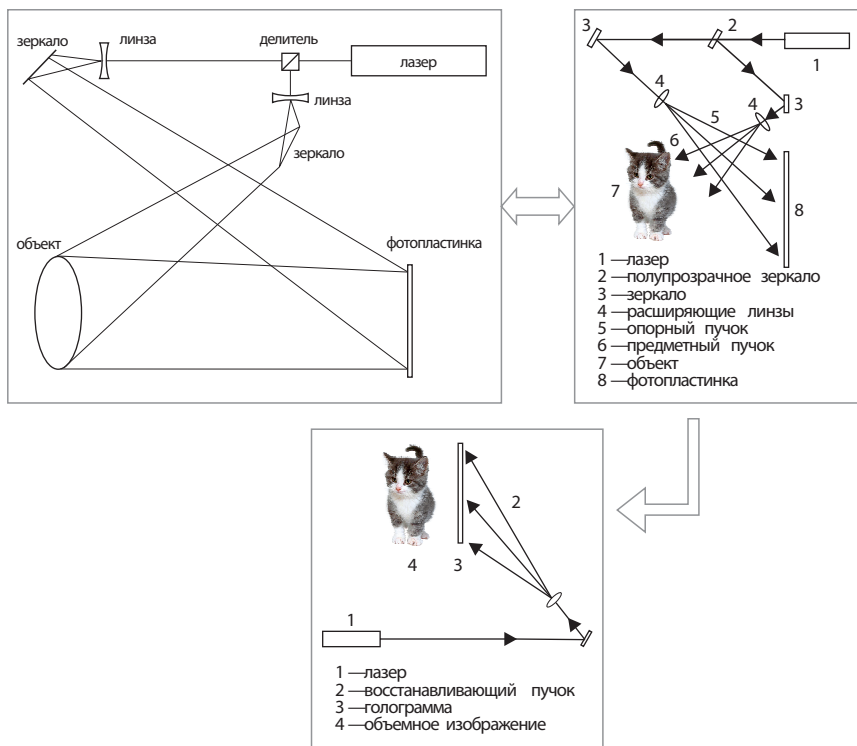

Рисунок 3 — Схема построения пропускающей голограммы

струировал импульсный лазер на рубине, который позволил запечатлеть на голограмме подвижные объекты. Э. Лейт и Ю. Упатниекс в 1962 г. спродуцировали первую объемную пропускающую голограмму [8, с. 54–56], восстанавливаемую в лазерном свете (рис. 3) [12; 2].

В это же время (60–70-е гг. XX в.) Ю. Н. Денисюк впервые получил отражательные голограммы; лазер уже использовался как для записи голограммы, так и для ее восстановления, продуцируя объемные изображения в обычном, белом свете [5, с. 10–11]. То есть речь идет о создании технологических предпосылок переноса голографии как физического явления объемной визуализации в криминалистику.

3. *Псевдостерео- или 3D-объемная фотосъемка* (опытное ответвление в целях создания объемных изображений), а также появление когерентной оптической процессорной техники, сопряженной с генерацией стерео- и псевдостереозффекта. Еще до момента возникновения криминалистической голограммы и уже со времени ее первых шагов можно выявить ее своеобразных технологических попутчиков, развивающихся параллельно голографическому методу, — стереофотографию и 3D-объемную фотосъемку. Продуцирование 3D-объемной фотографии (как и прежде продуцирование стереоизображения) осуществляется при помощи

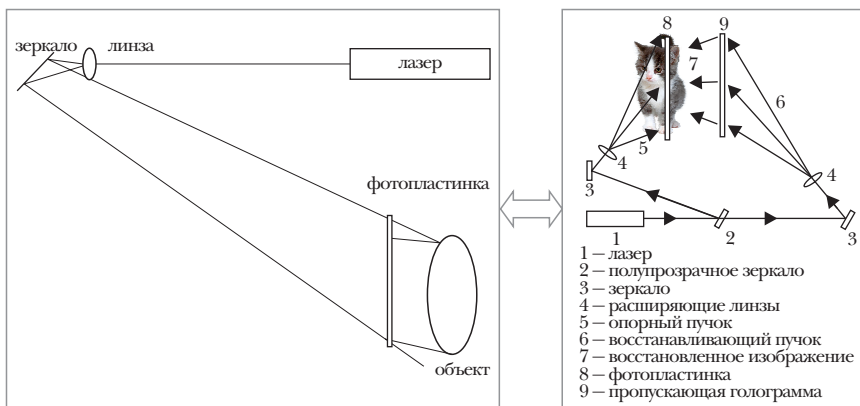

Рисунок 4 — Схема создания отражательной голограммы

псевдообъемного эффекта. Снимки, полученные путем съемки так называемыми цифровыми 3D-фотоаппаратами, обнаруживают практически объемные изображения объектов, однако по своей сути по-настоящему объемными не являются. Таким образом, наблюдается лишь прогрессирующий псевдостереоэффект, раскрывающийся в иллюзии объемности сфотографированных объектов. Сегодня у криминалистов имеется возможность использовать такую новейшую цифровую фототехнику, как, например, 3D-камеры FinePix REAL 3D W1 и FinePix REAL 3D W3 (Fujifilm, Япония) для создания псевдотрехмерных изображений.

4. *Голографическое трехмерное статическое изображение единичного объекта (его части), имеющего криминалистическое значение.* В экспертной практике, начиная с 70–80-х гг. XX в., подобное часто реализуется преимущественно за счет построения аналоговых голограмм трех типов — либо объемных пропускающих голограмм по типу Э. Лейта и Ю. Упатниекса, либо объемных отражательных голограмм [8, с. 92–93] по типу Ю. Н. Денисюка (рисунок 4) [11; 3], либо (что реже) объемных акогерентных голограмм по типу Дж. Кокрэна.

В большинстве случаев голографические проекции позволяют выстраивать именно объемные изображения [1, с. 12–13] одиночных объектов, т. е. изображения, объекты на которых, включая их микрорельефный вариант, наблюдаются именно трехмерными вне зависимости от угла зрения и локализации точки наблюдения. Хотя иногда голография прибегает и к псевдообъемному эффекту — при криминалистическом анализе следов удара и давления (отжима) и их сравнении с рабочими поверхностями проверяемых оружий взлома, при исследовании отпечатка бойка на капсюле гильзы и др. В настоящее время совершается поступательный переход к построению уже *цифровой голограммы* как более информативной и более управляемой модели *единичного криминалистического объекта (его части)*.

5. *Пространственная голографическая статика (моделирование целостной объектовой картины статического характера, идентичной месту происхождения).* Голографические изображения единичных криминалистических объектов, как правило, получают с помощью когерентного света посредством активных лазеров. В отличие от

Рисунок 5 — Схема построения ахогерентной голограммы

них голографирование по типу Дж. Кокрэна (рис. 5) [4] позволяет получить голограмму не только единичного объекта с места происшествия, но и места происшествия в целом. К сожалению, подобное направление в криминалистической практике прорабатывается весьма медленно в силу устоявшейся традиционности исполнения ориентирующей, обзорной и узловых фотографии.

6. *Пространственная голографическая динамика (моделирование целостной объектовой картины подвижного, динамического характера, идентичной схеме течения преступного события на месте происшествия, включая механизм слеодообразования).* Данный этап ближайшего технологического будущего реализуется путем построения интерактивной управляемой голограммы целостной следовой картины места происшествия в рамках ретроспективного анализа происхождения, развития и разрыва следовых связей между элементами МСП.

Известные сегодня методы голографии являются, на наш взгляд, одними из самых оптимальных способов содержательного представления моделируемого преступления, по сравнению с которым обычная графическая фотовизуальная схема в виде простой двумерной фотографии, стереоснимка или 3D-снимка с псевдообъемным эффектом не совсем адекватно отражает действительность и снижает качество восприятия реальности картины преступления. Вследствие этого работники правоохранительной системы, следователи и эксперты, наблюдая искаженные информационные модели, часто не в состоянии полноценно определить в них отображения количественного и качественного состава элементов МСП, как и не в состоянии выделить из подобной модели весь спектр существующих между ними связей.

Криминалистическая голография последних лет эволюционно подошла к двум предпоследним этапам своего развития. Результаты современного аппаратного голографирования и параллельно развивающееся цифровое компьютерное моделирование, основанное на так называемой 3D-графике, при условии их интеграции открывают перспективы появления новых прикладных направлений голографии в части построения виртуальных объектовых статических и динамических 3D-голограмм на интерактивной цифровой платформе (этап пространственной голографической динамики).

Компьютерное 3D-моделирование, как и голографирование, — это процесс создания трехмерной модели объекта. Главная задача этих двух типов продуцирования искусственных вариаций реальности — разработать визуальный объемный образ желаемого объекта. Поэтому с помощью трехмерной графики, выполненной на основе синтеза компьютерной и голографической методики, можно создать и точную копию конкретного предмета и разработать новое, предположительное (версионно-вариативное) представление объекта, существовавшего ранее (как, например, претерпевшего деформацию на месте происшествия в результате совершённого преступления).

В настоящее время существуют два принципиальных типичных варианта создания объемной голограммы:

- 1) *традиционный (аналоговый),*
- 2) *цифровой.*

Традиционный тип построения трехмерных голограмм хорошо освещен в работах В. Л. Григоровича, Ю. Н. Денисюка, Г. В. Федорова, Г. Колфида и др. Традиционная оптическая голограмма, как правило, формируется в ходе двух этапов: получение голограммы и нецифровое восстановление изображения объекта с ограниченным углом обзора.

В свою очередь, создание цифровых объемных голограмм основано на построении голографической проекции трехмерных моделей объектов с помощью специализированных программ и при участии компьютерной цифровой техники.

Алгоритм получения трехмерного голографического изображения криминалистического следового объекта в пространстве (на плоскости) включает следующие шаги (рис. 6) [14]:

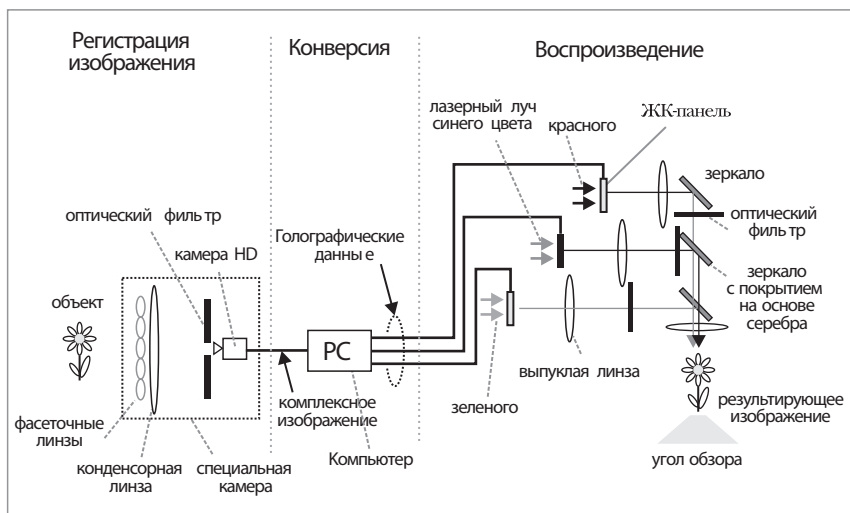

Рисунок 6 — Принцип действия комплекса средств цифровой голографической визуализации в настоящее время

1 — *сканирование*, или *регистрация*. Производится путем использования современных лазерных квантовых сканеров с оптикой «Leica», ранее разработанных для фиксации ландшафта в рамках геодезических работ, либо оптических лазерных регистраторов, либо HD-камер с высоким разрешением, имеющих мелкомасштабные дифракционно-сегментные фасеточные линзы, соединенные на основе конденсорной линзы, посредством которых происходит первичная регистрация объекта, имеющего важное криминалистическое значение;

2 — *конверсия*. Имеется в виду цифровая обработка и передача голографических данных, содержащих комплексное изображение зарегистрированного объекта с места происшествия на блок генерирования, посредством программно-компьютерных систем; перед непосредственным воспроизведением формируемой модели поток данных проходит следующие стадии: пре моделирование; текстурирование; освещение; анимация; динамическая симуляция; визуализация или рендеринг, т. е. построение программно-компьютерной проекции и ее подготовка к голографической демонстрации в соответствующей среде; компоновка или композитинг, т. е. финальная доработка цифровой модели к началу ее голографической демонстрации;

3 — *воспроизведение*. Основывается на построении в ограниченном пространстве (на плоскости) объемного голографического изображения цифрового типа на основе работы оптического квантового генератора либо проектора-голографа, интегрированного в программно-компьютерную систему. Данный этап является демонстрационным, в его рамках протекает процедура проецирования полученного изображения, т. е. созданной трехмерной модели, на устройство вывода — графическую 3D-плоскость — или в некое ограниченное пространство. Собственно голографическая демонстрация полученной цифровой модели искомого криминалистического объекта происходит за счет работы квантового лазерного генератора, продуцирующего в мелкомасштабных ЖК-средах трехканальные лазерные лучи типа RGB (R — красный, G — зеленый, B — синий) с последующим прохождением их через сбалансированную оптико-отражающую систему. Построенная подобным способом голографическая модель имеет угол обзора 2° , реже 5° – 7° .

Таким образом, технологии объемной визуализации, пройдя многие этапы развития, неизбежно приближаются к эпохе создания интерактивно управляемых трехмерных голографических моделей обстановки места происшествия. Из двух принципиальных типичных вариантов построения трехмерных голограмм наиболее прогрессивный характер для исследования криминалистических объектов и их следовых характеристик присущ именно цифровому типу. В условиях современного развития цифровых технологий трехмерная графика способна продуцироваться уже не только на плоскость монитора или 3D-панель. Речь идет о первых опытных образцах виртуальной голографической платформы, способной проявить в демонстрационном пространстве ограниченную в визуальном объеме трехмерную модель нужного объекта или места происшествия в целом с углом обзора 360° . Синтезирование голографии на цифровой основе помогает в построении точных визуальных статических копий конкретных криминалистических объектов и предвосхищает новый генезисный этап по созданию динамических пространственных голографических моделей. Подобные информационные модели результатов посткриминальной действительности посредством качественной цифровой визуальной алгоритмизации процессов

восприятия помогут прогрессивным ученым-криминалистам и специалистам-практикам, работающим в правоохранительной сфере, более точно и полно представлять себе материальную структуру преступления и исследовать ее в качестве системного явления, значение которого для современной криминалистики невозможно переоценить.

Список цитированных источников

1. Оптическая голография: в 2 т. / Ж. Апрель [и др.]; под ред. Г. Колфида. — М.: Мир, 1982. — Т. 2. — 376 с.
2. Воробьев, С. 25 уроков голографии: Схема записи импульсных голограмм / С. Воробьев // Голография.ру: Виртуальная галерея [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <http://www.holography.ru/les13rus.htm>. — Дата доступа: 08.06.2016.
3. Воробьев, С. 25 уроков голографии: Схема копирования отражающей голограммы / С. Воробьев // Голография.ру: Виртуальная галерея [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <http://www.holography.ru/les22rus.htm>. — Дата доступа: 08.06.2016.
4. Голограмма без лазера // Мировая тема: Популярное интернет-издание [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <http://zaccaria.info/gologramma-bez-lazera/>. — Дата доступа: 08.06.2016.
5. Григорович, В. Л. Голография в криминалистике / В. Л. Григорович, Г. В. Федоров. — Минск: Амалфея, 2003. — 192 с.
6. Гучок, А. Е. Криминалистическая структура преступления / А. Е. Гучок. — Минск: БГУ, 2007. — 151 с.
7. Гучок, А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления / А. Е. Гучок. — Минск: Тесей, 2012. — 228 с.
8. Денисюк, Ю. Н. Принципы голографии: лекции / Ю. Н. Денисюк. — Л., 1979. — 126 с.
9. Дмитриенок, Д. И. Введение в теорию голографического исследования материальной структуры преступления / Д. И. Дмитриенок // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.]; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск, 2014. — Вып. 7. — С. 130–136.
10. Дмитриенок, Д. И. Голографическое исследование материальной структуры преступления: современные аппаратные возможности / Д. И. Дмитриенок // Борьба с преступностью: теория и практика: тез. докл. III Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 20 марта 2015 г.: в 2 ч. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь»; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. — Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2015. — Ч. 2. — С. 51–54.
11. Егоров, И. Схема записи голограмм Денисюка / И. Егоров // Груздофф.ру: Интернет-энцикл. [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Denisuk.gif>. — Дата доступа: 08.06.2016.
12. Егоров, И. Схема записи голограмм Лейта-Упатниекса / И. Егоров // Груздофф.ру: Интернет-энцикл. [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <http://gruzdoff.ru/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Leit-upatnieks.gif>. — Дата доступа: 08.06.2016.
13. Кок, У. Лазеры и голография / У. Кок. — М.: Мир, 1971. — 136 с.
14. Строганов, А. Голография станет доступнее / А. Строганов // Бфото.ру: Фотобанк проф. фотографа-художника Строганова Алексея [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <http://www.bfoto.ru/news/golografiya-stanet-dostupnee.html>. — Дата доступа: 08.06.2016.

Дата поступления статьи — 15.06.2016.

В настоящее время одной из наиболее прогрессивных отраслей криминалистики, используемых для фиксации и исследования криминалистических

объектов, является голография. Данная статья посвящена исследованию криминалистической сущности указанной отрасли в контексте ее реализации в следственной и экспертной практике. Анализируя вопросы современной эмпирической актуализации применения голографии в исследовании материальной структуры преступления, автор выделяет несколько этапов эволюции аппаратной голографической среды, каждый из которых оказал существенное влияние на модернизацию криминалистических технологий фиксации и исследования источников доказательственной информации. Автор приходит к выводу о необходимости построения трехмерных моделей обстановки места происшествия на основе голографического создания материальных следовых отображений преступного события в конкретном исследуемом пространстве. Формулируется авторское предложение по внедрению в криминалистическую теорию и следственно-экспертную практику комплексной цифровой голографии, позволяющей создавать интерактивные управляемые статические и динамические модели материальной структуры преступления.

At the present time one of the most progressive branch of the forensic science for fixing and research of forensic facilities used is the holography. This article is devoted to the research of forensics essence of this branch in the context of its use in the investigation and expert practice. Analyzing the questions of modern empirical actualization of the holography in the research of the crime material structure, the author reveals the several evolution stages of the holographic hardware environment, all of which strongly influenced by modernization of the fixing and research forensic technologies of the sources of evidence. The author come to the conclusion that the creation of three-dimensional models of the incident place situation on the basis of a holographic modeling of material trace reflections of the criminal events in particular the space. Is formulated by the author's proposal for the implementation in the criminalistic theory and the investigative-expert practice a complex digital holography, which allows to create interactive controlled static and dynamic models of the crime material structure.

ПРАВОСОЗНАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

Ескендилов А. А.

Правосознание представляет собой основу и органическую составную часть правовой жизни организованного в государство общества. На формирование и развитие правосознания как одну из форм общественного сознания оказывают воздействие социально-политические, экономические и культурные факторы, оно взаимосвязано и взаимодействует с политическим сознанием, моралью, искусством, религией, философией и наукой [2, с. 272–274].

В свою очередь, правосознание как система взглядов, ценностных ориентаций, идей и других духовных проявлений прямо пропорционально выражает отношение граждан к закону и праву. Правосознание — это отражение правовой жизни общества, правоотношений, сущности и роли правовых установлений в сознании общества, гражданина и личности.

Подростки — одна из наиболее морально и психологически уязвимых возрастных групп населения. Недостаточность опыта интеграции с окружаю-

щим миром, обусловленная подростковым возрастом, приводит к появлению противоречий в неустойчивом сознании и возникновению асоциального поведения. Преступность несовершеннолетних как индикатор ситуации в обществе и государстве свидетельствует о признаках социального неблагополучия семей, падения уровня жизни взрослого населения страны и криминализации подростковой среды.

Изучению подростковой преступности, особенностям ее причинного комплекса посвящены исследования многих советских ученых, например Ю. М. Антоняна, Н. И. Ветрова, А. И. Долговой, В. Д. Ермакова, Г. М. Миньковского и др. Однако работы указанных авторов базируются на криминологических исследованиях, проведенных в 70–90-х гг. XX в., и поэтому могут не отражать реалий современной действительности. Вместе с тем, с учетом реформ политического, социально-экономического и правового характера, реализованных за последние двадцать лет, исследования данных авторов необходимо продолжить и развить.

Вопросы превенции и коррекции девиантного поведения несовершеннолетних рассматриваются с различных точек зрения:

- психолого-педагогические аспекты: Беларусь – С. П. Кацубо, Л. И. Смагина, С. С. Бубен, Л. А. Козинец, Ю. В. Мелешко и др., Казахстан – Б. А. Абдыкаримов, С. Бекмамбетова, Ж. Б. Байсеитова, С. С. Оспанов и др., Россия – Т. Д. Брагинская, В. В. Веселова, С. Б. Думов, В. В. Королев, В. И. Петрищев, В. Ф. Пирожков и др.;

- социальные аспекты: Беларусь – В. А. Ананич, В. М. Хомич, Е. Н. Ярмоц и др., Казахстан – Б. А. Жетписбаев, А. Х. Миндагулов, Т. И. Литвинова и др., Россия – В. С. Афанасьев, В. Г. Бочарова, Я. И. Гилинский, В. Н. Кудрявцев, Ю. Б. Леонтьев, А. С. Новоселова, Н. М. Романова, А. М. Яковлев и др.;

- биологические аспекты: Россия – Б. С. Братусь, Л. Л. Вдовиченко, В. П. Кащенко, А. Е. Личко и др.

Однако, несмотря на большое количество и разносторонность исследований, остаются до сих пор неразрешенными ряд вопросов и противоречий, к примеру:

- между обострением криминальной ситуации в подростковой среде, с одной стороны, и исчерпанностью подходов к предупреждению и коррекции девиантного поведения, с другой стороны;

- между большим количеством теорий причин и роста девиантного поведения подростков, разнообразием теоретических направлений, форм и методов воспитательной работы, имеющихся в науках по психологии и педагогике, с одной стороны, и недостаточным внедрением их в практическую деятельность, с другой стороны [2, с. 20].

Данные противоречия ясно свидетельствуют о низкой эффективности профилактики подростковой преступности, о недостатках изучения ее причинности, что, в свою очередь, определяет необходимость проведения социально-психологического изучения личности несовершеннолетних преступников с целью выявления влияния субъективной оценки несовершеннолетними правонарушителями качества жизни на уровень их правосознания.

Состояние правосознания несовершеннолетнего отражается на его личностном уровне. Кризис образованности и правовой безграмотности определяется тем, насколько нарушена мера социальности и культурности. И, конечно, функциональная миссия права заключается в недопущении трансформации поведения в преступление. Однако право не всегда способно «навязать» личности нравственные цели и мотивы поведения [3, с. 97].

Ведущую роль в возникновении и развитии отклонений характера, по мнению Ю. М. Антоняна и В. В. Юстицкого, играет комплекс факторов, включающий:

а) накопление характерологических последствий неудовлетворительного решения жизненных проблем самим индивидом и лицами, играющими ведущую роль в его воспитании и социализации, в первую очередь родителями;

б) процессы одностороннего развития личности, особенно активно протекающие по достижении акцентированной черты определенного уровня качественной выраженности;

в) нарушение психических и социально-психологических процессов, обеспечивающих социальный контроль и регулирование количественной выраженности черты характера [4, с. 54–55].

А. Х. Миндагулов пишет, что «формируют личность окружающая среда жизни и практическая деятельность. Личность проявляется в многообразных отношениях с окружающим миром, действительностью, в общении с другими людьми, в конкретных поступках и поведении» [5, с. 63].

Неблагоприятная среда играет двоякую роль в социализации несовершеннолетнего: с одной стороны, она оказывает отрицательное воздействие на подростка, чьи взгляды, сознание, характер находятся в стадии формирования, а с другой — создает вокруг несовершеннолетнего пагубный микроклимат, способствующий развитию и упрочению у него отрицательных нравственных и психологических качеств и возникновению антиобщественной направленности. Поэтому особое значение в профилактическом плане приобретает раннее выявление отрицательных влияний на несовершеннолетнего уже начиная с семейного окружения, так как существует не просто корреляция между правонарушениями подростка и неблагоприятной обстановкой в семье, а причинная зависимость между данными обстоятельствами и правонарушениями несовершеннолетних.

При наличии отрицательных влияний окружающей среды, а также негативных психических особенностей индивида, свойств темперамента и психических процессов, формирующихся в зависимости от социально типичных отношений личности, процесс социализации несовершеннолетнего может протекать в неблагоприятной обстановке. Как справедливо пишет В. Н. Кудрявцев, именно влияние указанных факторов может привести несовершеннолетнего к конфликту с обществом, одним из выражений которого служит его противоправное поведение [6, с. 41].

Если среда, в которой вращается несовершеннолетний и в которой он стремится утвердить себя, оценивает его антиобщественный и противоправный поступок «благоприятно», то в дальнейшем, естественно, следует ожидать от него рецидива подобных отрицательных поступков. В его поведении, таким образом, будет закрепляться стойкая антиобщественная направленность, которая впоследствии явится одним из самых неблагоприятных обстоятельств психологического порядка, негативно влияющих на процесс его социализации. Отсутствие реакции среды на противоправное поведение несовершеннолетнего (т. е. равнодушие либо пассивное допущение такого поведения) также является обстоятельством, способствующим устойчивой выработке и закреплению у несовершеннолетнего антиобщественной направленности.

Многим несовершеннолетним, видящим вокруг себя голод и нищету, трудно понять, почему нельзя взять имущество, принадлежащее другому человеку, или

почему необходимо с уважением относиться к чувствам других людей. Они еще не могут этого понять. До тех пор, пока все существование ребенка будет наполнено мерзостью, невежеством, бедностью и социальными пороками, помочь ему будет нелегко. Надо менять условия его жизни.

Подростки-правонарушители имеют большее количество несовпадений самооценок с оценками окружающих по сравнению с подростками — представителями социальной нормы. Цинизм и особая аморальность поведения, разложение личности неминуемо сказываются на ее представлении о себе самой и на степени адекватности этого представления объективной оценке.

Изменчивая структура психики и моральных качеств несовершеннолетнего вызвана следующими факторами:

- отсутствие социальной направленности (т. е. отсутствие понимания смысла жизни);
- отсутствие трудовой занятости и специальности (профессии);
- незавершенность процесса становления нравственно-волевых качеств;
- отсутствие жизненного опыта [7].

Нередко подростки следуют правилам поведения, принятым в их группе, даже если они расходятся с общепринятыми правилами и нормами. Поэтому особенно важно знать и учитывать особенности поведения подростков-нарушителей, обычно соответствующие «морали» улицы [8, с. 35–36].

Особого внимания требуют подростки 16–17 лет. Цифры показывают, что около 73 % преступлений, совершенных несовершеннолетними, приходится именно на эту возрастную группу [9].

Крайне угрожающее положение 16–17-летних детей объясняется тем, что на этот возраст приходится один из основных этапов становления человека, как личности. Окончив школу, юноша или девушка стоит перед выбором будущего. Свое будущее молодой человек может определить продолжением учебы, выбором профессии, построением семьи и т. д. Однако для некоторых подростков будущее принимает иные формы. Это говорит нам о том, что общество и государство не смогли своевременно оказать воздействие на отклоняющееся поведение подростка еще в 14–15-летнем возрасте, а может и ранее.

Особенности интересов, потребностей, отношений в сфере ведущей деятельности, характерные для несовершеннолетних преступников, включают стойкую утрату связей со школьным коллективом, полное игнорирование их правовых и нравственных оценок. Несмотря на то что по уровню образования, определяемому по формальным показателям прохождения школьного обучения, отстают от сверстников лишь 8–10 % несовершеннолетних преступников, среди них в 5–6 раз больше доля лиц, не успевающих из-за отсутствия прилежания. Будучи выражением и следствием соответствующих ценностных ориентаций, негативного отношения, складывающегося в этом виде деятельности, такое отношение существенно затрудняет как социализацию, так и ресоциализацию подростков в процессе их исправления.

В отличие от личности с позитивными, одобряемыми обществом интересами и потребностями, развитие их у правонарушителей часто идет как бы в обратном направлении. Стремление к достижению успехов в учебе, общественной деятельности у правонарушителей замещено, как правило, досуговыми потребностями и низменными интересами. Сама система оценок и предпочтений у таких людей все больше ориентируется на эту сферу. Беспечное и пустое времяпрепровождение формирует соответствующий негативный интерес. Он

закрепляется в привычках, которые, в свою очередь, ведут к формированию социально-негативных потребностей. Соответственно искаженному развитию потребностей на поведенческом уровне вырабатываются привычки к общепризнанно опасным, противоправным способам их удовлетворения.

В соответствующей микросреде высокой оценкой пользуются наркотики, алкоголь, секс, тусовки, хулиганские выходки и т. п. И дело здесь не просто в ограниченности интересов подростков, а именно в весьма раннем по возрасту их замещении интересами и потребностями явно асоциальными.

К числу характерных личностных особенностей несовершеннолетних преступников относятся и существенные деформации их нравственных и правовых ценностных ориентаций. Понятия чести, долга, совести и т. п. переосмысливаются этими подростками исходя из групповых интересов. Жизненные цели смещаются у них в сторону психологического комфорта группового характера (компания), сиюминутных удовольствий и потребностей. Совершая аморальные и противоправные поступки, они стремятся всячески «облагораживать» их мотивы, искаженно, негативно оценивать поведение потерпевших. У них четко фиксируется позиция одобрения или «понимания» большинства преступлений, отрицания и полного игнорирования собственной ответственности за противоправное поведение.

В среде несовершеннолетних правонарушителей признается допустимым нарушение уголовного либо другого правового запрета, если очень нужно, в том числе если этого требуют интересы группы. Необходимость соблюдения требований закона соотносится главным образом со степенью вероятности наказания за допущенные нарушения.

В эмоционально-волевой сфере несовершеннолетних, совершивших преступления, чаще всего фиксируется ослабление чувства стыда, равнодушное отношение к переживаниям других, несдержанность, грубость, лживость, отсутствие самокритики.

Эмоциональная неуравновешенность, упрямство, бесчувственность к страданиям других людей и агрессивность также можно отнести к наиболее распространенным характерологическим чертам несовершеннолетних преступников. При этом речь вновь идет не о возрастных особенностях, которые были бы присущи основной массе подростков вообще, а именно о криминогенных сдвигах и деформациях в морально-нравственной сфере, характерных именно для лиц, совершающих уголовные правонарушения.

В заключение хотелось бы сказать, что в абсолютном большинстве несовершеннолетний преступник — это лицо, обладающее привычками, склонностями и устойчивыми стереотипами преступного поведения:

- привлекательность образа жизни лиц, совершающих преступления, нахождение в нем определенного интереса и одобрительно-сочувствующее отношение к ним (так называемая уголовная романтика);
- безразлично-отрицательное отношение к противоправным деяниям старших и ровесников;
- культивирование вражды к иным группам несовершеннолетних (по возрасту, по национальности, по религии или по иным критериям).

Для остальных характерны:

- постоянная демонстрация пренебрежения к нормам человеческого общения (брань, появление в нетрезвом виде, приставание к гражданам, порча общественного имущества и т. д.);

- пристрастие к алкоголю, наркотикам и их аналогам и т. п.;
- систематические побеги из дома, уклонение от учебы и т. п.;
- ранние половые связи, половая распущенность;
- систематическое проявление, в том числе и в бесконфликтных ситуациях, злобности, мстительности, грубости, актов насильственного поведения;
- виновное создание конфликтных ситуаций, постоянные ссоры в семье, терроризирование родителей и других членов семьи.

Список цитированных источников

1. Джанибекова, Н. А. Место правового воспитания в формировании правосознания молодежи / Н. А. Джанибекова, Ш. А. Зарипов // Молодой ученый. — 2013. — № 7.
2. Скрипченко, Н. Ю. Проблемы правосознания несовершеннолетнего преступника: психолого-криминологические аспекты / Н. Ю. Скрипченко, Н. Н. Симонова, Я. А. Корнеева // Криминол. журн. БГУЭП. — 2014. — № 2.
3. Криминология: учеб. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. — М., 1994. — 304 с.
4. Антонян, Ю. М. Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера: учеб. пособие / Ю. М. Антонян, В. В. Юстицкий. — М.: ВНИИ МВД Рос. Федерации, 1993. — 225 с.
5. Миндагулов, А. Х. Личность преступника: учеб. пособие / А. Х. Миндагулов. — Алматы: КазГЮУ, 2003. — 241 с.
6. Кудрявцев, В. Н. Причины правонарушений / В. Н. Кудрявцев. — М., 1976. — 229 с.
7. Таранов, А. А. Несовершеннолетние правонарушители в условиях перехода к рынку: групповой портрет / А. Н. Таранов // Бизнес и право. — 1994. — № 1.
8. Борьба с групповыми правонарушениями несовершеннолетних: моногр. / отв. ред. И. П. Лановенко. — Киев: Наук. думка, 1982.
9. Сведения о возрасте несовершеннолетних, совершивших уголовные правонарушения в Республике Казахстан (2010–2015 гг.) // Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. — Астана.

Дата поступления статьи — 11.07.2016.

Правосознание личности понимается как интегративная совокупность психологических свойств личности, относящихся к ее когнитивной сфере, которые обуславливают субъективное отражение явлений социально-правовой действительности и детерминируют юридически значимое поведение индивида. В качестве его основных составляющих следует выделить: правовые знания и социально-правовые представления; оценочные отношения к явлениям правовой действительности; социально-правовые ожидания; личностные нормы поведения, которые соотносимы с правовыми нормами (соответствуют или противоречат им). Указанные структурные элементы не исчерпывают всей структуры правосознания, а являются основными, обуславливающими субъективное отражение и ценностно-нормативную регуляцию в психологическом механизме юридически значимого поведения. Статья рассматривает природу формирования жизненных и оценочных критериев в сознании несовершеннолетнего преступника, разрушения моральных рамок человеческого поведения и отторжения правил гражданского общества.

The sense of justice of the personality is understood how integrative set of the psychological properties of the personality relating to its cognitive sphere which cause subjective reflection of the phenomena of social and legal reality and determine legally significant behavior of the individual. As its main components it is necessary

to allocate: legal knowledge and social and legal representations; estimated relations to the phenomena of legal reality; social and legal expectations; personal standards of behavior which are correlated to precepts of law (correspond or contradict them). The specified structural elements don't settle all structure of sense of justice, and are the main, causing subjective reflection and valuable and standard regulation in the psychological mechanism of legally significant behavior. Article considers the nature of formation of vital and estimated criteria in consciousness of the minor criminal, destruction of a moral framework of human behavior and rejection of rules of civil society.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ И ПОВРЕЖДЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Зарубин А. В.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, одним из направлений укрепления национальной безопасности в области культуры выступает усиление государственного контроля за состоянием объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), повышение ответственности за нарушение требований их сохранения, использования и государственной охраны.

Немаловажную роль в этом процессе играет уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия от преступных посягательств. В 2013 г. существенно изменена редакция ст. 243 УК РФ. Введена уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, либо выявленных объектов культурного наследия (ст. 243.1 УК РФ), за незаконные поиски и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ) и за уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере (ст. 243.3 УК РФ).

Кроме недостатков законодательной техники УК РФ ученые, исследующие данную проблему, указывают на проблемы разграничения преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, со смежными составами преступлений [1, с. 6].

Разграничение составов преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ и ст. 243 УК РФ, осуществляется по признакам объекта и предмета преступления. Основным непосредственным объектом преступления по ст. 164 УК РФ выступают общественные отношения в сфере собственности в отличие от общественных отношений, обеспечивающих сохранность памятников истории и культуры (объектов культурного наследия).

Предметом преступления по ст. 164 УК РФ выступают предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную

ценность. В соответствии с п. 25 постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» особая историческая, научная, художественная или культурная ценность похищенных предметов или документов (ст. 164 УК РФ) определяется на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, искусства или культуры [2].

Так, по ст. 164 УК РФ были оправданы граждане, совершившие незаконный поиск и изъятие исторических ценностей. При этом эксперт в качестве обоснования особой исторической и научной ценности найденных предметов указал лишь то, что в случае восстановления уровня водохранилища, на дне которого проводились поиски, памятник вновь окажется затопленным и будет недоступен для исследования на неопределенное время [3].

В другом случае суд признал одну из икон православного храма, созданную в конце XIX в., имеющей по заключению эксперта особое историко-культурное значение и являющейся святыней для православных христиан [4].

В случае, когда у виновного имеется умысел на хищение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, когда способ хищения связан с повреждением предмета преступления, деяние должно быть квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 243 УК РФ не требует, поскольку санкция ч. 2 ст. 164 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет, а ч. 2 ст. 243 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет.

Отличия ст. 167, 168 УК РФ от ст. 243 УК РФ также заключаются в объекте и предмете преступного посягательства. Предметом преступления по ст. 243 УК РФ выступают лишь объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов РФ, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также выявленные объекты культурного наследия, природные комплексы, объекты, взятые под охрану государства, культурные ценности.

Вандализм (ст. 214 УК РФ) сходен с рассматриваемыми составами преступлений по признакам объекта, предмета преступления, а также по способу совершения преступления. От умышленного уничтожения или повреждения имущества вандализм ограничивается по основному объекту преступления [5]. Для квалификации различие между данными составами преступлений также следует проводить по признаку предмета преступления.

Предметом преступления по ст. 214 УК РФ выступают здания, иные сооружения при их осквернении, имущество на общественном транспорте (в автобусах, трамваях, троллейбусах, электропоездах и т. п.) или в иных общественных местах (в кинотеатрах, концертных залах, учебных аудиториях и т. п.) в случае их порчи. Имущество, являющееся предметом вандализма, предназначено для общественного пользования.

Разграничение между составами преступлений, предусмотренных ст. 243 и 214 УК РФ, следует проводить и по признакам объективной стороны состава преступления. Способами совершения вандализма выступают порча и осквернение имущества.

Под порчей имущества, по нашему мнению, следует понимать прежде всего его уничтожение или повреждение. К уничтожению или повреждению имущества следует относить при совершении вандализма разборку сборных предметов

и разбрасывание их, поскольку восстановление таких предметов во многих случаях затруднительно или невозможно. К повреждению следует относить также нанесение ударов, после которых образовались вмятины.

При этом необходимо заметить, что порча охватывает собой не только два указанных выше способа. К порче имущества следует отнести, например, нанесение на имущество, вещи трудноудаляемых веществ. Так, виновные краской нанесли на фасад здания надписи экстремистского характера, чем осквернили и обезобразили его внешний вид [6].

Действия виновного следует признавать вандализмом с учетом субъективного и объективного критериев. Субъективный критерий необходим прежде всего для установления состава вандализма при совершении его в форме осквернения зданий или иных сооружений и состоит, с одной стороны, в характере (смысле) оскверняющего изображения, а с другой стороны, в значении, характере самого здания или иного сооружения, на которое они нанесены.

Объективный критерий следует применять в равной степени для установления состава вандализма в обеих формах. При оценке общественной опасности деяния в судебной практике учитывается: площадь оскверняющего изображения, существенность повреждения имущества; локализация расположения изображения или порчи (повреждений) на здании, ином сооружении, имуществе, находящемся на общественном транспорте или в ином общественном месте; место расположения изображения (порчи имущества) относительно других зданий, сооружений, ландшафта местности; яркость, отчетливость изображения.

Другим преступлением, которое наиболее сходно с вандализмом, уничтожением или повреждением чужого имущества, уничтожением или повреждением объектов культурного наследия, является надругательство над телами умерших и местами их захоронения по ст. 244 УК РФ.

По нашему мнению, разграничение рассматриваемых преступлений должно проводить по предмету преступления, которым по ст. 244 УК РФ выступают: тела умерших, места захоронения (в том числе, думается, и неофициальные), надмогильные сооружения [7, с. 34], кладбищенские здания, предназначенные для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением.

Поэтому иные здания и сооружения, находящиеся на кладбище, могут быть предметом вандализма либо уничтожения или повреждения чужого имущества.

Отметим, что преступления экстремистской направленности, в том числе вандализм и надругательство над телами умерших или местами их захоронения, могут быть сопряжены с такими действиями, которые преследуют цель возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства.

Поэтому при квалификации исследуемых преступлений важно учитывать разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что «в случаях совершения вандализма, уничтожения или повреждения памятников истории и культуры, надругательства над телами умерших и местами их захоронения по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы содеянное квалифицируется соответственно по ст. 214, 243 или 244 УК РФ. Если наряду с указанными деяниями совершены действия, предусмотренные ст. 282 УК РФ (например, если на памятники нанесены надписи или рисунки соответствующего содержания, в присутствии посторонних лиц высказывались националистиче-

ские лозунги), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных соответственно ст. 214, 243 или 244 УК РФ и ст. 282 УК РФ» [8].

Вместе с тем изучение уголовных дел свидетельствует о том, что органы предварительного расследования испытывают трудности при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 214, 243, 244 и 282 УК РФ, а также при решении вопроса о квалификации содеянного по совокупности соответствующих уголовно наказуемых деяний.

В некоторых приговорах не принимается во внимание, что к предмету преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, могут относиться также и скульптурные или архитектурные сооружения, посвященные борьбе с фашизмом или жертвам фашизма (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ).

При этом не учитывается, что скульптурные или архитектурные сооружения, посвященные борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, могут находиться в любом месте, а не только в местах захоронения жертв фашизма или участников борьбы с фашизмом. Игнорирование данного обстоятельства может приводить к юридической оценке содеянного по ст. 214 УК РФ, а не по ст. 244 УК РФ [9].

Преступления, предусмотренные ст. 243 и 243.1 УК РФ, в качестве объекта посяательства имеют одни и те же общественные отношения. В данном случае совпадают все виды объектов. Родовым объектом рассматриваемых преступлений являются общественные отношения, охраняющие общественную безопасность и общественный порядок.

Видовым объектом данных преступлений выступают общественные отношения, обеспечивающие общественную нравственность, как общественные отношения, затрагивающие взгляды человека на эстетику, достоинство, уважение и память о культурных достижениях предшествующих поколений. Непосредственным объектом преступлений выступают общественные отношения, обеспечивающие сохранность памятников истории и культуры (объектов культурного наследия).

Предмет преступлений, предусмотренных ст. 243 и 243.1 УК РФ, выступает в качестве обязательного признака. Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры), включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленные объекты культурного наследия обозначены в качестве предмета преступления каждого из рассматриваемых преступных деяний. Однако перечень категорий, входящих в предмет преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, несколько шире, поскольку помимо указанного включает также природные комплексы, объекты, взятые под охрану государства.

Кроме того, в ч. 2 ст. 243 УК РФ определен квалифицированный состав преступления, а именно совершение преступления в отношении объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в Список всемирного наследия, историко-культурных заповедников или музеев-заповедников, объектов археологического наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов археологического наследия.

Для определения признаков предмета рассматриваемых преступлений необходимо, учитывая бланкетный характер диспозиций норм, обратиться

к законодательству, регламентирующему порядок использования и охраны объектов культурного наследия и природных комплексов и объектов, взятых под охрану государства.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) определены в ст. 3 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» как объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Природные комплексы и объекты, взятые под охрану государством, определены в Федеральном законе от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», где указано, что особо охраняемые природные территории — участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы или объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного пользования и для которых установлен режим особой охраны.

С учетом особенностей режима особо охраняемых природных территорий выделяются следующие их категории: государственные природные заповедники, в том числе биосферные заповедники; национальные парки; природные парки; государственные природные заказники; памятники природы; дендрологические парки и ботанические сады.

При квалификации рассматриваемых преступлений необходимо учитывать, что особый правовой статус предмета преступления должен находить свое отражение либо в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо в Списке всемирного наследия, либо в нормативных правовых актах федерального, регионального или местного значения.

Помимо определения правового статуса предмета преступления, для правильного уточнения объективных признаков составов преступлений необходимо обращаться к иным нормативным правовым актам, регулирующим правила сохранения и использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, в том числе и объектов археологического наследия. Для привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, в процессуальных документах необходимо указывать, какие конкретно правила нарушены лицом, совершившим преступление [10, с. 146].

Осознание признаков предмета преступления, имеющего особый правовой статус, является обязательным компонентом субъективной стороны рассматриваемых составов преступлений. Умышленная форма вины характерна для преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ. Лицо, совершающее преступление, должно осознавать общественно опасный характер своих действий,

направленных на причинение вреда, тогда как преступление, предусмотренное ст. 243.1 УК РФ, предполагает наличие неосторожной формы вины.

Лицо, нарушающее требования сохранения или использования объектов культурного наследия, может как осознавать это нарушение, так и не осознавать его. Однако само по себе нарушение таких требований при отсутствии указанных в законе последствий не является преступным. Отношение к последствиям у лица неосторожное, что прямо указано в законе.

Список цитированных источников

1. *Мартышева, О. М.* Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук / О. М. Мартышева. — Омск, 2015. — 6 л.

2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ, 27 дек. 2002 г., № 29: в ред. от 24.05.2016 № 9 // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

3. Приговор Шигонского районного суда Самарской области от 14 августа 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sudact.ru>. — Дата доступа: 01.04.2016.

4. Приговор Сахалинского областного суда по делу № 219/2014 от 31 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sudact.ru>. — Дата доступа: 01.04.2016.

5. *Лопашенко, Н. А.* Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н. А. Лопашенко. — М.: ЛексЭст, 2005. — 402 с.

6. Приговор Новомосковского городского суда Тульской области № 1-214/2014 от 15 окт. 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sudact.ru>. — Дата доступа: 04.04.2016.

7. *Джемелинский, В. А.* Первоначальный этап расследования надругательств над телами умерших и местами их захоронения / В. А. Джемелинский, А. И. Натура. — М.: Юрлитинформ, 2006. — 34 с.

8. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: пункт 11 постановления Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 28 июня 2011 г., № 11 // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

9. Справка Пензенского областного суда по результатам изучения судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, а также об иных преступлениях экстремистской направленности, рассмотренным в 2013 г. // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

10. *Брунер, Р. А.* Основные критерии разграничения преступлений, предусмотренных статьями 243 и 243.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / Р. А. Брунер, Я. С. Калининская // Соврем. право. — 2015. — № 5. — С. 146.

Дата поступления статьи — 20.06.2016.

В статье рассматриваются некоторые проблемы разграничения уничтожения и повреждения объектов культурного наследия со смежными составами преступлений. Основное внимание в статье уделяется разграничению составов преступлений, предусмотренных статьями ст. 167, 214, 243, 243.1, 244 Уголовного кодекса Российской Федерации. Разработаны предложения по совершенствованию практики квалификации уничтожения и повреждения объектов культурного наследия.

In article some problems of differentiation of destruction and damage of objects of cultural heritage with adjacent crime components are considered. The main

attention in article is paid to differentiation of the crime components provided by articles of Art. 167, 214, 243, 243.1, 244 of the Criminal code of the Russian Federation. Suggestions for improvement of practice of qualification of destruction and damage of objects of cultural heritage are developed.

СОСТОЯНИЕ ЗАКОННОСТИ И ПРАКТИКА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОБ ОХРАНЕ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Какителашвили М. М.

Атмосферный воздух является жизненно важным компонентом окружающей среды, неотъемлемой частью среды обитания человека.

По данным Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, состояние атмосферного воздуха в России в последние годы остается неблагоприятным, значительная доля городского населения страны проживает в городах со сверхнормативными уровнями загрязненности атмосферного воздуха. В 174 городах с общим населением более 60 млн человек среднегодовая концентрация одного или нескольких химических веществ, в том числе радиоактивных, иных веществ и микроорганизмов в атмосферном воздухе (далее — ПДК) превышает их предельно допустимые концентрации. Наибольший уровень загрязненности атмосферы отмечается в городах Братске, Дзержинске, Красноярске, Норильске, Челябинске, Чите и др. [4].

Состояние окружающей среды и отдельных ее компонентов, как и состояние законности в этой сфере, в последние годы в Российской Федерации остается неудовлетворительным [5, с. 214].

При этом совершенно очевидно, что «от того, как исполняется экологическое законодательство, напрямую зависит состояние окружающей природной среды как в стране в целом, так и в ее отдельных регионах, а следовательно, и состояние здоровья граждан» [2, 3].

Органы прокуратуры, осуществляя надзор за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании, способствуют восстановлению нарушенных экологических прав человека и гражданина, создают условия для предупреждения (недопущения) посягательств на природные объекты и системы, служащие основой поддержания благоприятного состояния окружающей среды в интересах настоящего и будущего поколений [3].

Прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов в рассматриваемой сфере на основании Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре)*. Кроме того, Генеральным прокурором РФ издан приказ от 1 апреля 2014 г. № 165 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании», который ориентирует нижестоящих прокуроров при организации и проведении проверок исполнения законодательства об охране атмосферного воздуха обращать особое внимание на деятельность наиболее крупных предприятий на поднадзорной территории, осуществляющих выбросы загрязняющих веществ в атмосферу,

* СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

решительно пресекать случаи бездействия контролирующих органов по выявлению и устранению нарушений при таких выбросах без разрешительной документации либо с нарушением установленных нормативов, привлечению виновных лиц к ответственности.

Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране атмосферного воздуха направлен прежде всего на обеспечение соблюдения всеми субъектами правоотношений требований законодательства Российской Федерации в области охраны атмосферного воздуха в целях улучшения качества атмосферного воздуха и предотвращения его вредного воздействия на здоровье человека.

В системе органов прокуратуры функционируют специализированные природоохранные прокуратуры, включая межрайонные природоохранные прокуратуры и Волжскую межрегиональную природоохранную прокуратуру. Кроме того, надзор за исполнением законов об охране атмосферного воздуха в той или иной мере и при определенных, чаще критических ситуациях осуществляют также транспортные и военные прокуроры, прокуроры прокуратур по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах, прокуроры по надзору за исполнением законов в уголовно-исполнительной сфере [8].

Анализ прокурорской практики свидетельствует, что одной из основных причин высокой загрязненности атмосферного воздуха является нарушение субъектами хозяйственной деятельности законодательства об охране атмосферного воздуха, в том числе норм, устанавливающих обязанность предприятий по исполнению требований о его охране, обеспечении эффективной работы очистных установок и средств контроля.

Типичными нарушениями, выявляемыми прокурорами в данной сфере, являются: функционирование предприятий, имеющих стационарные источники выбросов загрязняющих веществ, без специального разрешения либо с истекшим сроком действия такого разрешения; отсутствие проекта нормативов предельно допустимых выбросов; превышение нормативов предельно допустимых выбросов в атмосферный воздух; эксплуатация оборудования предприятий в отсутствие режимных карт и экологических паспортов; отсутствие на предприятиях производственного контроля за охраной атмосферного воздуха, непроведение лабораторных исследований загрязнения атмосферного воздуха; эксплуатация предприятий в отсутствие разработанных мероприятий по регулированию выбросов при неблагоприятных метеорологических условиях; отсутствие разработанных санитарно-защитных зон на предприятиях, осуществляющих выбросы в атмосферный воздух. Кроме того, прокурорами выявлялись факты, когда производственный контроль предприятий был направлен на укрытие реальной информации о состоянии выбросов вредных веществ в атмосферный воздух и создание ложной информированности органов надзора о якобы надлежащем производственном контроле и соответствии качества выбросов нормативу либо приближению к нормативам путем проведения природоохранных мероприятий [7].

Практика прокурорского надзора свидетельствует о том, что нередко только после вмешательства органов прокуратуры предприятиями принимались меры к устранению нарушений законодательства об охране атмосферного воздуха.

Так, например, по инициативе прокуратуры области Законодательным Собранием Омской области принят закон «Об охране атмосферного воздуха в Омской области», содержащий мероприятия по снижению уровня загрязнения атмосферы в регионе.

Основаниями для предъявления большинства исков в рассматриваемой сфере Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой послужило незаконное осуществление хозяйствующими субъектами деятельности в отсутствие разработанных и утвержденных проектов предельно допустимых выбросов (ПДВ), разрешений на выброс загрязняющих веществ в атмосферный воздух, проектов организации санитарно-защитных зон объектов (СЗЗ).

В 2015 г. прокуратурой Забайкальского края были выявлены факты ненадлежащего обеспечения производственного контроля за загрязнением атмосферного воздуха, в частности, таковое пресечено в деятельности крупнейших промышленных организаций – ОАО «ТГК-14», ОАО «Улан-Удэнский авиационный завод».

Прокуратурой Вологодской области продолжена практика предъявления исков об обязанности отремонтировать воздухоочистные сооружения, обеспечить доведение выбросов вредных веществ до нормативов в соответствии с проектом ПДВ и разрешением на выброс загрязняющих веществ, обеспечить производственный контроль источников выбросов, разработать план мероприятий по уменьшению выбросов в периоды неблагоприятных метеорологических условий.

Проведенная Западно-Байкальской межрайонной природоохранной прокуратурой проверка в филиале ОАО «РУСАЛ Братск» в г. Шелехов показала, что предприятием на недостаточном уровне организована работа по сокращению выбросов вредных веществ при неблагоприятных метеорологических условиях.

Саратовским межрайонным природоохранным прокурором установлены факты неисполнения предприятиями, осуществляющими выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, требований законодательства об охране атмосферного воздуха в части разработки плана мероприятий по уменьшению выбросов в периоды неблагоприятных метеорологических условий. В связи с тем, что данные нарушения не были устранены в добровольном порядке по представлению прокурора, в суды направлено 11 исковых заявлений, которые рассмотрены и удовлетворены.

В Забайкальском крае в 2015 г., учитывая высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха, прокурорами пресечено более 80 фактов эксплуатации хозяйствующими субъектами стационарных источников, в процессе которой происходит выброс загрязняющих веществ в атмосферный воздух, без специального разрешения, в отсутствие утвержденного проекта нормативов ПДВ загрязняющих веществ, а также бездействие по осуществлению производственного экологического контроля.

Относительно новым направлением прокурорской деятельности является проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в соответствии со ст. 9.1 Закона о прокуратуре. Наличие коррупциогенных норм создает благоприятную почву для активизации «самодеятельности» государственных и муниципальных служащих, расширяет границы зон повышенного коррупционного риска в сфере управления охраной окружающей среды. Так, например, Н. И. Хлуденева указывает на коррупциогенность норм Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по предоставлению государственной услуги по выдаче разрешений на выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух (за исключением радиоактивных веществ), предусматривающей процедуру выдачи разрешений на выбросы вредных (загрязняющих) веществ

в атмосферный воздух, чему предшествует утверждение нормативов предельно допустимых выбросов (временно согласованных выбросов) вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух [9].

Анализ материалов проверок органов государственного экологического надзора свидетельствует об неудовлетворительной деятельности этих органов. Прокурорами выявляются факты ненадлежащего исполнения обязанностей должностными лицами территориальных органов Росприроднадзора или Роспотребнадзора: об их пассивности в работе, уклонении от проведения проверок, о непринятии мер по устранению правонарушений в области охраны атмосферного воздуха, а также о превышении полномочий при наложении административных взысканий и выдаче предписаний и об отсутствии должного контроля за их исполнением субъектами хозяйственной и иной деятельности. Нередко специально уполномоченные государственные органы даже при обнаружении грубых нарушений законодательства об охране атмосферного воздуха ограничиваются лишь внесением предложений об их устранении.

Так, например, в 2015 г. Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой было принесено 75 протестов на приказы об утверждении нормативов в сфере обращения с отходами и охраны атмосферного воздуха, а также о выдаче разрешений на выбросы, в суды направлено 18 заявлений в порядке ст. 254 ГПК РФ о признании решений Управления Росприроднадзора по Волгоградской области незаконными, которые рассмотрены и удовлетворены.

В целях пресечения нарушений законодательства об охране атмосферного воздуха Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой только в 2015 г. в суды общей юрисдикции направлено 113 исков и заявлений, из них 88 рассмотрено и удовлетворено, остальные — на рассмотрении.

Так, в Управлении Росприроднадзора и Комитете природных ресурсов и экологии Волгоградской области установлены факты утверждения нормативов в сфере охраны атмосферного воздуха, а также выдачи разрешений на выбросы на основании фиктивных документов. В частности, выявлены материалы, в составе которых заявителями представлены протоколы лабораторных исследований промышленных выбросов, проведенных ЗАО «ВМЗ „Красный Октябрь“». При этом лабораторией указанного предприятия данные исследования не выполнялись. Результаты проверки послужили основанием для направления в порядке ст. 37 УПК РФ 15 материалов в органы предварительного следствия по 115 эпизодам мошенничества (ст. 159 УК РФ) либо использования заведомо подложных документов (ч. 3 ст. 327 УК РФ), по 12 материалам возбуждены и расследуются уголовные дела, по 3 проводятся процессуальные проверки.

При относительно высоком уровне загрязненности атмосферного воздуха и широкой распространенности нарушений закона в этой сфере значительная их часть остается безнаказанной. Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 251 УК РФ (Загрязнение атмосферы), чрезвычайно низкое и составляет порядка 0,02–0,03 % от всех экологических преступлений, что свидетельствует о слабой эффективности уголовных норм (см. рис. 1).

Стоит заметить, что к административной ответственности по ст. 8.21 КоАП РФ (Нарушение правил охраны атмосферного воздуха) привлекают гораздо чаще (см. рис. 2).

Статья 8.21 КоАП РФ предусматривает наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 80 тыс. до 250 тыс. руб. или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток. Размер

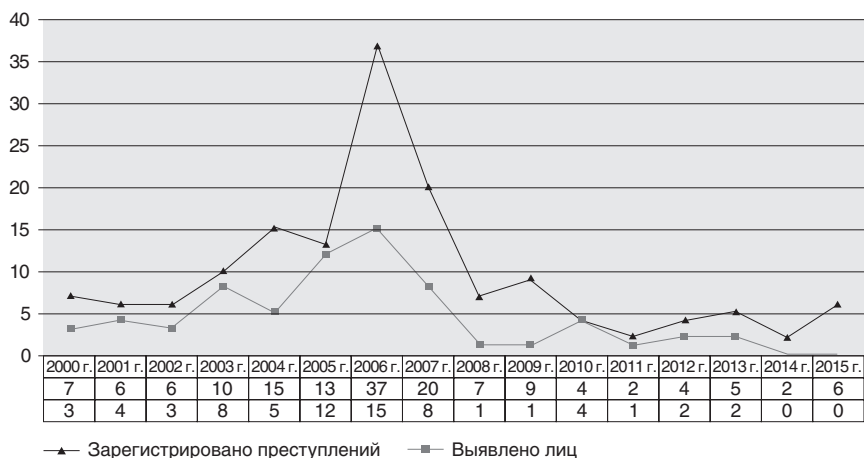

Рисунок 1 — Ст. 251 УК РФ (Загрязнение атмосферы)

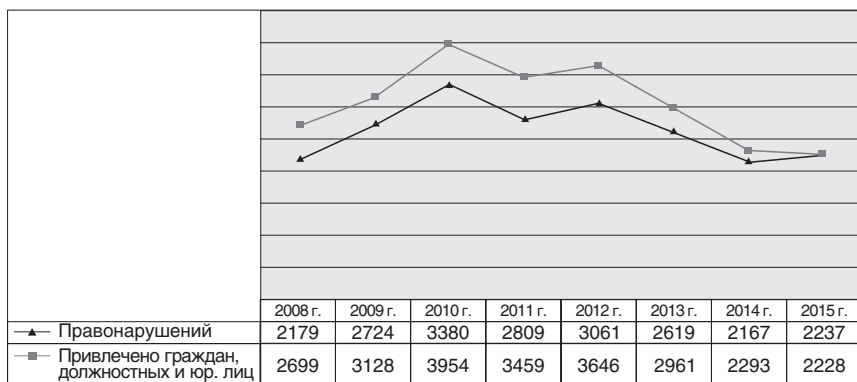

Рисунок 2 — Ст. 8.21 КоАП РФ (Нарушение правил охраны атмосферного воздуха)

административного наказания за подобного рода правонарушения явно не соответствует экологическому ущербу и прибыли предприятия. Целью привлечения к административной ответственности является предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами (ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ).

Однако не стоит полагать, что достаточно только ввести закон, да пожестче — и вредное явление, за которое он наказывает, исчезнет. Необходимо не только совершенствовать КоАП РФ в части ужесточения штрафов по данной категории дел, но и повышать эффективность применения норм.

Как показывает анализ материалов прокурорской практики, чаще к административной ответственности привлекаются должностные лица. В ряде случаев должностные лица привлекаются к административной ответственности «по договоренности», так как размер административных штрафов для юридических лиц существенно выше, чем для физических лиц. В результате коррупционных схем предприятие — загрязнитель атмосферного воздуха уклоняется от ответственности.

Однако следует учитывать, что согласно ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ назначение административного наказания физическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное юридическое лицо. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» отмечается, что КоАП РФ не предусматривает в подобных случаях каких-либо ограничений при назначении административного наказания, судья вправе применить к юридическому и должностному лицу любую меру наказания в пределах санкции соответствующей статьи, в том числе и максимальную, учитывая при этом смягчающие, отягчающие и иные обстоятельства, влияющие на степень ответственности каждого из этих лиц (п. 15) [6, 460].

В то же время во многом неоднозначна судебная практика по данной категории дел. Так, например, возникает вопрос об ответственности владельцев автомобильной стоянки, в том числе административной, за выброс вредных веществ в атмосферный воздух автотранспортом, им не принадлежащим. Конфликты и споры по этому поводу возникают регулярно в связи с неясностью, кто же должен нести ответственность [1, 57].

Подводя итог, не претендуя на абсолютную истину, сделаем ряд выводов.

Во-первых, специфика надзора за исполнением законодательства об охране атмосферного воздуха требует привлечения к проводимым проверкам как должностных лиц территориальных органов Росприроднадзора и Роспотребнадзора, так и институтов гражданского общества. В настоящее время существует большое количество некоммерческих общественных организаций экологической направленности, обладающих значительным потенциалом специалистов-экологов.

Во-вторых, загрязнение атмосферного воздуха как одного из компонентов окружающей среды влечет негативные последствия для других компонентов: воды, земли, животного мира, водных биоресурсов и др. В связи с этим необходимо внедрение практики привлечения к ответственности и взыскания причинного ущерба не только за загрязнение атмосферного воздуха, но и за негативные последствия, наступившие вследствие этого для других компонентов окружающей среды (воды, земли, животного мира и водных биоресурсов).

Представляется целесообразным при выявлении нарушений правил охраны атмосферного воздуха прокурорам привлекать к административной ответственности по ст. 8.21 КоАП РФ одновременно и должностное лицо, и юридическое лицо.

В-третьих, стоит указать и на неопределенность самой прокурорской статистики. В сводном отчете прокурора по форме ОН* в одной графе содержится информация о выявленных нарушениях законов об охране как атмосферного воздуха, так и вод, что, на наш взгляд, некорректно.

* Приказ Генерального прокурора РФ от 14 декабря 2012 г. № 454 «Об утверждении и введении в действие статистического отчета “Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина” по форме ОН и Инструкции по его составлению».

Приведенный анализ прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране атмосферного воздуха в сфере охраны атмосферного воздуха не может претендовать на всеохватность. Тем не менее, органы прокуратуры вносят достойный вклад в обеспечение права на благоприятную окружающую среду.

Список цитированных источников

1. Боголюбов, С. А. Вопросы административной ответственности за нарушение правил охраны атмосферного воздуха / С. А. Боголюбов, А. Б. Панов // Вестн. ВАС РФ. — 2013. — № 8. — С. 57–63.
2. Винокуров, А. Ю. Природоохранная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации: моногр. / А. Ю. Винокуров. — М.: Изд-во МосГУ, 2006. — С. 3.
3. Добрецов, Д. Г. Прокурорский надзор как средство защиты экологических прав человека и гражданина: дис. ... канд. юрид. наук / Д. Г. Винокуров. — М., 2002.
4. Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова [Электронный ресурс] // Росгидромет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.meteorf.ru/product/infomaterials/ezhegodniki/>. — Дата доступа: 09.03.2016.
5. Законность: состояние и тенденции в 2010–2014 гг. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению: науч. докл. / под общ. ред. О. С. Капинус. — М.: Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2015. — С. 214–225.
6. Илий, С. К. Административные правонарушения коррупционной направленности / С. К. Илий // Адм. и муницип. право. — 2015. — № 5. — С. 460–468.
7. Нестерова, А. Ю. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране атмосферного воздуха // Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства: пособие / под общ. ред. А. В. Паламарчука. — М., 2014. — С. 281–307.
8. Стащенко, В. Д. Организационные аспекты в деятельности органов прокуратуры по надзору за исполнением законов об охране атмосферного воздуха / В. Д. Стащенко // Рос. следователь. — 2012. — № 5. — С. 44–46.
9. Хлуденева, Н. И. Коррупционные факторы в экологическом законодательстве / Н. И. Хлуденева // Журн. рос. права. — 2015. — № 6. — С. 98–105.

Дата поступления статьи — 14.06.2016.

В статье приводится анализ состояния законности и практики прокурорского надзора в сфере исполнения законов об охране атмосферного воздуха. Анализируется работа органов прокуратуры за последние годы, указаны типичные нарушения закона, выявляемые прокурорами в этой сфере, и основные их причины. Высказываются предложения, направленные на укрепление законности в сфере исполнения законов об охране атмосферного воздуха.

The article provides an analysis of the law and practice of prosecutorial supervision of execution of laws on protection of the atmospheric air. Analyses the work Prosecutor's office in recent years, the typical law violations detected by prosecutors in this area, and their main causes. Proposals aimed at strengthening the rule of law in the sphere of execution of laws on protection of the atmospheric air.

БАЗА ДАННЫХ «ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ»

Ковган Ж. И.

Одним из объектов криминалистического изучения являются следы материального и нематериального (психофизического) характера, которые возникают в результате совершения преступления: следы рук, следы ног, следы орудий взлома, следы транспортных средств и др. [9, с. 106].

В сфере экономической деятельности возникают специфические следы, которые являются результатом контакта лица через технические средства или письменные принадлежности с документами бухгалтерского учета и отчетности и представляют собой буквенно-числовую информацию, свидетельствующую «о факте совершения хозяйственной операции», «праве на ее совершение», «объеме имущества (обязательств), состояние которого при этом изменилось» [7, с. 129]. При этом документы могут рассматриваться как средства совершения экономических преступлений, а также и как объекты, воспринявшие определенные отражения в виде следов.

Г.А. Шумак отмечает: «Использование документов как доказательств по уголовным делам в процентном отношении к другим видам доказательств постоянно возрастает». Такая тенденция обусловлена тем, что все «больше встречается случаев использования документов для подготовки, совершения и сокрытия преступлений» [8].

По результатам анкетирования 221 сотрудника органов уголовного преследования большинство (83 %) считает, что основную доказательственную базу по экономическим преступлениям составляют документы (в частности, документы бухгалтерского учета и отчетности). Кроме того, полнота представления документов для производства экспертизы (в частности, финансово-экономической) определяет результат предстоящего исследования, т.е. возможность дать ответы на поставленные в постановлении (определении) вопросы.

Анализ 50 экспертных заключений показал, что причинами составления мотивированных сообщений о невозможности дачи заключения по отдельным вопросам (исследовано 180 вопросов) является непредставление органом, назначившим производство экспертизы, всех необходимых для проведения исследования документов (24 %).

Документы в зависимости от носителя информации бывают письменные и электронные. Анализ 46 уголовных дел и 150 экспертных заключений по экономическим экспертизам показал, что в 99 % случаев при проведении исследований используются письменные документы. Анкетный опрос 25 экспертов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, проводящих экономические экспертизы, показал, что только в 20 % случаев документы на проведение экспертиз поступают на электронных носителях. При этом часть респондентов считает, что введение электронного документооборота положительно сказалось бы на существующей системе назначения финансово-экономических экспертиз (28 % проанкетированных) и способствовало бы уменьшению сроков ее проведения (12 % проанкетированных).

Несмотря на приведенные статистические данные, сегодня форма электронного документооборота постепенно приобретает обязательный характер, что закреплено на законодательном уровне. Закон Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 28 декабря 2009 г. № 113-З устанавливает правовые основы применения электронных документов и электронной подписи, определяет основные требования к ним. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 4 апреля 2013 г. № 157 «О внесении изменений и дополнений в некоторые указы Президента Республики Беларусь» внедрение электронного документооборота обязательно в государственных органах и иных организациях. Так, банковские учреждения переходят преимущественно на дистанционное обслуживание с использованием компьютерных или телефонных сетей для оказания банковских услуг при по-

мощи различных программно-аппаратных средств (систем электронных платежей «Клиент-банк» — для юридических лиц, систем «Интернет-банкинг» — для физических лиц), что позволяет сэкономить не только время, но и деньги, необходимые для содержания банковской системы (например, за счет уменьшения расходов на содержание обслуживающего персонала). Однако большинство документов остаются на бумажных носителях либо существуют параллельно на бумажных носителях и в форме электронного документа.

Традиционно правоохранительные и судебные органы используют в качестве источников доказательств бумажные носители, со сбором и исследованием которых связаны определенные сложности.

Документы на бумажных носителях могут быть не пригодны для проведения исследования в рамках экономической экспертизы, проверки по причине их внешнего состояния: ветхость, выцветание чернил и т. д.

Нередко документы могут отсутствовать вследствие ряда причин и обстоятельств, которые требуют установления в рамках проводимой проверки или процесса расследования: пожара, увольнения работника, отвечающего за документы, и т. д.

Кроме того, поиск необходимых документов увеличивает время на проведение следственных действий, а также сроки проведения предварительного расследования.

На практике имеют место быть случаи, когда судом назначается проведение финансово-экономической экспертизы, а документы, которые необходимы для проведения экспертизы, субъектом хозяйствования переданы органам уголовного преследования. Иными словами, возникают ситуации, когда одни и те же документы необходимы для проведения расследований, находящихся в ведении разных государственных органов. Так, по уголовному делу № 1-718-11 судом Минского района было назначено проведение финансово-экономической экспертизы. После изучения материалов дела эксперт заявил ходатайство, которое не было удовлетворено по причине нахождения документов у органов уголовного преследования в производстве [1].

В то же время использование в качестве доказательств электронных документов сопряжено с рядом трудностей.

В законодательстве Республики Беларусь не определен обязательный единый программный продукт для автоматизации бухгалтерского учета хозяйствующих субъектов. Сегодня для этих целей используются: 1С: Предприятие, Галактика, БЭСТ, Анжелика и т. д., а некоторые хозяйствующие субъекты разрабатывают собственные программные продукты. По этой причине расшифровка информации, хранящейся в них (программных продуктах), довольно проблематична. Кроме того, сложно судить о правдивости информации в электронной форме, так как в нее можно легко внести несанкционированные изменения. Одним из возможных вариантов выхода из описанной ситуации является использование электронных ресурсов удаленного доступа.

О положительном эффекте от использования электронных ресурсов удаленного доступа в судебной практике пишут Н. А. Иванов и А. И. Усов. Авторы выделяют следующие преимущества электронных информационных ресурсов перед печатными документами: более короткие сроки поступления в распоряжение соответствующих субъектов, разнообразие доступа, возможность копирования, возможность одновременного использования одного и того же документа несколькими пользователями, удобство в хранении и т. д. [цит. по: 3].

Криминалистические аспекты использования информационных технологий в процессе расследования преступлений обсуждались целым рядом авторов. В рассматриваемой проблемной области проводили исследования Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Р. В. Бондаренко, Л. П. Климович, А. Ф. Волынский, Г. Л. Грановский, Е. П. Ищенко, Ю. Г. Корухов, А. М. Ромашов, Е. Р. Росинская, А. Р. Шляхов, А. А. Эйсмэн и ряд других авторов. Можно выделить только отдельные диссертационные исследования, посвященные вопросам применения информационных технологий при назначении экономических экспертиз [4]. Однако ни в одной работе не исследованы вопросы использования информационных технологий на этапе создания документов бухгалтерского учета и отчетности для последующего их использования при проведении расследования преступлений.

Считаем целесообразным создать единую общегосударственную электронную базу данных для хранения контрольных файлов документов субъектов хозяйствования, функционирующую по принципам криминалистических учетов.

В криминалистических учетах аккумулируется информация «о различных объектах, материально фиксированных отображениях их признаков или других сведениях о них» и иное. Ее объектами являются: лица определенных категорий и сведения о них, животные и их трупы, неопознанные трупы людей и т. д. Криминалистические учеты представлены в виде картотек, журналов, коллекций, дисков и т. д. Их используют для «розыска и отождествления различного рода объектов, получения о них определенной информации» [5, с. 195–197].

Криминалистический учет документов представлен оригиналами бланков строгой отчетности, которые используются в качестве эталона для сравнения их с исследуемым объектом [9, с. 184]. Однако учет документов бухгалтерского учета и отчетности, а именно информации, содержащейся в ней, не ведется. Обозначенный факт отрицательно сказывается на практике проведения проверок, экспертиз (в частности, экономических), которые декодируют экономическое содержание названных документов и разъясняют органу, назначившему их проведение, смысловое содержание объектов исследования.

Предлагаемый учет представляется целесообразным назвать экономико-криминалистическим, так как для его ведения необходимы экономические знания, а использоваться он может для решения криминалистических задач (идентификационных, диагностических, классификационных и профилактических).

На наш взгляд, для реализации поставленной задачи следует создать единую электронную базу данных документов субъектов хозяйствования — БД «Электронный документ». Определим основные требования, которым она должна удовлетворять.

Всех пользователей БД «Электронный документ» возможно разделить на три группы: администратора — субъекта, управляющего базами данных; внутренних пользователей — подучетных субъектов хозяйствования, которые будут вносить информацию в базу данных; внешних пользователей — субъектов, пользующихся информацией, содержащейся в базе данных.

Создание, внедрение, распространение и администрирование единой электронной базы данных документов субъектов хозяйствования должно быть возложено на государственный орган, который осуществляет регулирование в сфере бухгалтерского учета и отчетности. Анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность государственных органов, показал следующее. Министерство финансов Республики Беларусь (далее — Минфин) регулирует

бухгалтерский учет и отчетность [2]. Следовательно, оно может наиболее правильно определить перечень контрольных документов (с учетом изменений, происходящих в законодательстве), которые необходимо разместить субъектам хозяйствования в предлагаемой нами БД «Электронный документ». Однако вопрос об определении администратора единой электронной базы данных документов субъектов хозяйствования требует тщательной проработки на межведомственном уровне с учетом всех заинтересованных субъектов.

Любые документы субъекта хозяйствования являются коммерческой тайной, и объемы информации в зависимости от его размеров могут быть различными (например, документация какого-нибудь индивидуального предпринимателя и промышленного гиганта ОАО «МАЗ»). По этой причине считаем, что внутренними пользователями могут быть только отдельные категории субъектов хозяйствования (подучетных субъектов хозяйствования), которые нарушили требования законодательства при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности (согласно сведениям, полученным от Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь, Национального банка Республики Беларусь и органов уголовного преследования [6]). Сведения общего характера о внутренних пользователях (в частности, регистрационный номер единого государственного регистра, вид деятельности и т. д.) с целью их регистрации в БД «Электронный документ» администратор может получать из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

На наш взгляд, подучетные субъекты хозяйствования в БД «Электронный документ» должны размещать следующие контрольные файлы документов: внутренние локальные нормативные документы (в том числе учетную политику), первичные учетные документы (частично), регистры бухгалтерского учета, отчетность. В данный перечень не включаем все первичные учетные документы, так как они в основном составляются на бумажных носителях и содержат подписи и оттиски печатей различных контрагентов. Например, товарная накладная включает в себя подписи и печати грузоотправителя (например, кладовщика организации-продавца) и грузополучателя (например, директора организации-покупателя). По этой причине считаем, что перевести все первичные документы в электронный вид с сохранением всех реквизитов довольно проблематично. В перспективе, когда электронные документы полностью заменят бумажные документы, можно будет все первичные документы также включить в список контрольных документов.

Каждый субъект хозяйствования с помощью своего ключа сможет заходить в свой рабочий кабинет через удаленный сервис со своего компьютера (посредством глобальной информационной сети Интернет) или пункт приема информации (инфокиосков с USB-разъемами для USB-флеш-накопителей). Передача информации через удаленные серверы может осуществляться по защищенным каналам связи в виде электронных файлов (контрольных документов) с периодичностью один раз в месяц. Добавление, удаление и редактирование контрольных документов должно быть разрешено субъектам хозяйствования только по определенным паролям (например, личным) и за ограниченный период времени (например, за предшествующие 3 месяца).

Проверка достоверности, информации в контрольных документах будет осуществляться автоматически, поэтому они должны удовлетворять следующим требованиям: быть в формате ex1, иметь электронные подписи должностных лиц (бухгалтера и руководителя).

Проверка на достоверность документов, помещенных в БД «Электронный документ», может осуществляться путем сопоставления данных итоговых цифр из бухгалтерской отчетности с данными из других документов за соответствующий период.

В связи с тем, что с установленной законодательством периодичностью субъект хозяйствования сдает отчетность о своей финансово-хозяйственной деятельности в территориальные органы Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь, которые ее проверяют, считаем, что названный государственный орган можно предложить назначить внешним пользователем, который по защищенным каналам связи будет получать бухгалтерскую и налоговую отчетность из предлагаемой БД «Электронный документ» и контролировать ее достоверность.

Сами контрольные документы представляется целесообразным хранить в БД «Электронный документ», защищенные паролем, в течение 5 лет с даты осуществления субъектом хозяйствования финансово-хозяйственной деятельности без нарушений законодательства.

Доступ к БД «Электронный документ» внешним пользователям (органам уголовного преследования, суду) следует предоставлять по выделенным каналам связи с предварительного разрешения, например, генерального прокурора Республики Беларусь. Предлагаемая база данных позволит изымать необходимые документы (путем их скачивания) не выходя из кабинета и передавать их в необходимом количестве для проведения экспертиз.

Администратора следует уполномочить выдавать ключи доступа к БД «Электронный документ» внутренним и внешним пользователям.

Поиск информации в рассматриваемой БД «Электронный документ» может осуществляться по следующему алгоритму. Внешний пользователь (орган уголовного преследования, суд) находит интересующий его субъект хозяйствования в БД «Электронный документ», после этого по ключевому слову (часть или полное название интересующего документа) находит необходимые документы, которые затем сможет передать эксперту для проведения экспертизы.

Работа эксперта с информацией из БД «Электронный документ» возможна по следующим схемам.

Первый случай — отсутствие документов у субъекта хозяйствования. В данной ситуации орган уголовного преследования проводит выборку необходимых для проведения исследования документов из БД «Электронный документ», сохраняя при этом необходимую информацию на сменном электронном носителе (например, контрольном USB-флеш-накопителе). После чего предоставляет указанную информацию эксперту, который проводит ее исследование.

Второй случай — имеется только часть или все необходимые для проведения исследования документы. В такой ситуации орган уголовного преследования предоставляет эксперту имеющиеся документы на бумажных носителях и контрольные документы из БД «Электронный документ» на сменном электронном носителе. Эксперт при проведении исследования проводит сопоставление указанных в представленных объектах данных (иными словами, проводит идентификацию) и в случае наличия расхождений отражает это в своем экспертном заключении. Такая ситуация требует от органа уголовного преследования проведения дополнительных следственных действий. Например, назначение почерковедческой экспертизы, которая позволит определить лиц, причастных к искажению данных в исследованных экспертом бумажных документах.

Перечисленные предложения положительно скажутся на эффективности расследования преступлений, сократив время на поиск и сбор необходимой информации, и не повлекут за собой существенных затрат на решение технических вопросов создания и эксплуатации такой базы данных. Следует также закрепить предлагаемую БД «Электронный документ» на законодательном уровне.

Таким образом, документы могут рассматриваться как средства совершения экономических преступлений и как следы преступления, которые могут быть выполнены на бумажных и (или) электронных носителях. Первые постепенно утрачивают свои позиции, и на смену им приходят вторые. Такое положение дел требует их использования во всех сферах деятельности человека, в том числе и при расследовании преступлений. С этой целью представляется целесообразным создание БД «Электронный документ», содержащей контрольные документы субъектов хозяйствования.

Список цитированных источников

1. Архив суда Минского района за 2011 г. — Дело № 1-718-11.
2. Вопросы Министерства финансов Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 окт. 2001 г., № 1585; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь, 10 дек. 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
3. *Евсиков, К. С.* Использование информационных технологий в судебно-бухгалтерской экспертизе в процессе расследования преступлений в экономической сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К. С. Евсиков // dissercat — электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/ispolzovanie-informatsionnykh-tekhnologii-v-sudebno-bukhgalterskoi-ekspertize-v-protsesse-rassledovaniya-prstupleniy-v-ekonomicheskoy-sfere> — Дата доступа: 31.05.2016.
4. *Иванов, Н. А.* Допустимость использования электронных ресурсов удаленного доступа в судебной практике / Н. А. Иванов, А. И. Усов // Федерация судебных экспертов [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://sud-expertiza.ru/library/dopustimost-ispolzovaniya-elektronyh-resursov-udalennogo-dostupa-v-sudebnoy-praktike/>. — Дата доступа: 31.05.2016.
5. Криминалистика: учеб. / под ред. Г. Н. Мухина; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. — Минск, 2006. — 863 с.
6. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 26.07.2012 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
7. *Стражев, В. И.* Теория бухгалтерского учета: учеб. пособие / В. И. Стражев, О. В. Латыпов. — Минск: Выш. шк., 2003. — 205 с.
8. *Шумак, Г. А.* Криминалистическое понятие и значение собирания и исследования документов / Г. А. Шумак // Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]. — 2006. — Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/9784/1/Szumak_5.pdf. — Дата доступа: 31.05.2016.
9. *Яблоков, Н. П.* Криминалистика: учеб. / Н. П. Яблоков. — М.: Норма, 2002. — 371 с.
Дата поступления статьи — 10.06.2016.

При проведении расследования органы уголовного преследования сталкиваются с необходимостью предоставления достаточного количества документов для проведения полноценного исследования в рамках экономических экспертиз. Однако на практике возникают сложности с их поиском

(в частности, имеют место случаи уничтожения документов), внешним видом (например, ветхость, выцветание), что не позволяет установить интересные следствие обстоятельства. Одним из направлений решения указанной проблемы является создание базы данных «Электронный документ», которая будет содержать контрольные документы субъектов хозяйствования для последующего их использования при проведении экономических экспертиз. Предлагаемая электронная база данных позволит сократить сроки поиска объектов исследования и передачи их экспертам, а также обеспечить последних необходимым количеством информации.

In conducting the investigation prosecution authorities are faced with the need to provide a sufficient number of documents for a full investigation in the framework of economic expertise. However, in practice there are difficulties in finding them (in particular, have a place to be cases of destruction of documents), appearance (eg, dilapidated, color fading), which does not allow for the investigation to establish the circumstances. One of the solutions to this problem is to create a database «Electronic Document», which will contain the control documents of business entities for their subsequent use in the conduct of economic expertise. The proposed electronic database will allow to reduce the time to search for locations and transfer their research experts, as well as to provide the required amount of recent information.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО В ЖИЗНИ СОЦИУМА

Козаченко И.Я.

Среди всеобщих законов диалектического развития всего сущего на планете Земля особое место занимает закон перехода количества в качество. Объясняется данное обстоятельство в определенной мере тем, что любое развитие есть суть процесса накопления определенного количества, которое, достигнув критической точки, превращается в нечто качественное и не всегда похоже на ее составляющие количественные компоненты. И если никто не знает, на каком этапе (в какой момент) такого процесса произойдет (происходит) превращение количества в качество, то, что это рано или поздно произойдет, — это данность. Оно закономерно и потому неизбежно. Упомянутому закону присуща способность развиваться (а вернее, реализовываться) в параметрах двух заданных природой (в том числе и социальной) амплитудных режимов. Первый из них (объективный) задает ритм амплитудных колебаний между критическими точками перехода количества в качество. Временная протяженность колебания может быть сколь угодно различной: от мгновения (например, при взрыве) до неопределенно долгого промежутка времени (например, при смене общественных формаций). Согласно этому амплитудному режиму переход количества в качество происходит объективно, т. е. независимо от воли и сознания человека, общества, государства. Так, в частности, происходит смена дня и ночи, времен года, фазы Луны и т. д. Суть второго амплитудного режима (субъективного) выражается в том, что необходимую ритмику перехода количества в качество задает (пытается задать) человек, общество, государство, исходя из какой-нибудь обоснованной (а нередко и необоснованной) мотивации. В подобных

ситуациях чаще всего наблюдается рассогласование размахов объективного и субъективного колебания. В этой связи нежелательными (если не сказать вредными) могут оказаться две крайности. Одна из них заключается (может заключаться) в том, что объективно момент перехода количества в качество произошел, но на него не было своевременной и адекватной реакции со стороны человека, общества, государства. Например, смена цветового режима светофора с зеленого на красный объективно требует от участников движения (человека, управляющего транспортным средством, или пешехода) сменить режим своего движения (сделать остановку или начать движение в заданном направлении). В противном случае неизбежно дорожно-транспортное происшествие. Второй амплитудный режим (субъективный) находит свое выражение в том, что человек, люди, общество или государство обозначили факт перехода количества в качество там и тогда, где и когда такого перехода не произошло (не происходило). Однако ими была сделана попытка (естественно, неудачная) приурочить к этому несостоявшемуся переходу какое-либо действие, событие. Например, ответственные чиновники однажды пришли к выводу (так можно с большой долей уверенности предполагать) о том, что в результате систематического унижения чести и достоинства отдельного человека либо какой-нибудь его общности эти самые честь и достоинство у простого людя отсутствуют вообще. А потому и решили, в частности, ст. 130 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за оскорбление, из Уголовного кодекса исключить. В результате получилось то, что получилось: чиновника (нередко циника и хама) оскорблять нельзя (так как ст. 319 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за оскорбление представителя власти), а простолюдина — можно! Слава богу, что хоть в некоторых зданиях и помещениях еще официально произносится: «Ваша честь!», но куда-то канула в Лету гордая и чеканная фраза: «Честь имею!».

Естественно, что названный всеобщий закон перехода количества в качество действует и в сфере правопонимания, правотворчества и правоприменения. Об этом свидетельствует отечественная историческая действительность, которая была очень чувствительной ко всякого рода качественным изменениям в жизни наших предков. Неиссякаемое стремление человека в процессе своей жизни познать себя и все, что его окружает, свидетельствует о здоровой его физической конституции, богатой познавательными порывами душе и сильным философски осмысленном уме, без чего невозможно уловить тонкие мыслительные процессы, влияние и взаимосвязь неосознаваемых и нередко не поддающихся наблюдению явлений социальной жизни людей, общества, государства. В периоды бурного развития социума стремительно развиваются все науки, и уголовное право не является исключением. Однако это одна из тех наук, которые имеют неизменным свой фундамент, являющийся по сути консервативным. Основные теоретические взгляды на сущность уголовного права были высказаны великими предшественниками-правоведами много веков назад; именно их суждения явились базой для дальнейшего развития уголовного права. И сколько бы представителей науки уголовного права ни разрабатывало свои уголовно-правовые концепции, все они, тем не менее, будут опираться, опровергать или поддерживать труды великих правоведов прошлых столетий. Глубокая научная разработка проблем уголовного права связана с творчеством отечественных криминалистов прошлого. Их диалектический подход означал новый шаг вперед в познании всей социально-правовой

и уголовно-правовой проблематики, в том числе через призму исторических событий. И хотя они еще не знали (только лишь предположение) такого понятия, как модернизация вообще, а тем более модернизация уголовного законодательства, практически в силу своего природного опыта чувствовали дух перемен и относительно четко определяли «момент истины» — время необходимого для качественной фиксации численно накопившегося уголовно-правового материала. Отдельные правовые суждения, толкования мелкими ручейками сливались по всей огромной территории в бурные потоки обычаев, традиций, ритуалов, которые, в свою очередь, образовывали великие потоки могучих исторических источников права. Уголовное право можно смело отнести к уникальным явлениям социально-правовой действительности. Эта уникальность прежде всего заключается в его многоаспектном смысловом и функциональном значении. Если не вдаваться в подробности, то можно заметить, что уголовное право, воздействуя на сознание и волю отдельного человека и любой общности людей, проявляет себя в следующих основных социальных формах и ролях:

1. Как исторически непреходящая реалья, свидетельствующая о неразрывности и многообразии форм реализации процесса уголовно-правового воздействия на жизнь отдельных людей, общества и государства, а также на криминальную действительность, складывающуюся на соответствующих исторических этапах развития общества. Как **историческое явление** уголовное право позволяет прикоснуться к предметным источникам информационного характера, которые выступали предтечей зарождения, развития и становления такого важного и необходимого социально-правового регулятора общественных отношений человека с себе подобными, с обществом и с государством. Благодаря древним источникам уголовного права мы можем сегодня довольно квалифицированно рассуждать об уголовно-правовой природе, скажем, таких памятников отечественного права, как договоры русских князей Олега и Игоря с греками, «Русская Правда» и других. На вопрос обывателя: «Зачем ворошить историю, есть проблемы и поважней?» можно ответить просто — чтобы не допускать ошибок прошлого, чтобы помнить о тех, кто стоял у истоков возникновения уголовного права, чтобы почерпнуть опыт из бесконечного кладезя мудрости наших предков, чтобы проецировать разумное и милосердное будущее. Как верно заметил А. Ф. Кистяковский, только история может дать объяснение причин как современного состояния уголовного права, так и состояния его в предшествовавшие периоды. Без света истории как науки, трактующей о постепенном развитии рода человеческого, уголовное право прежних формаций являлось бы во многих пунктах произведением умупомешанного [1, с. 10]. Исторический подход к изучению уголовного права позволяет рассматривать его в движении, изменении и развитии, без чего невозможна модернизация уголовного законодательства. История, по мнению Л. Н. Гумилева, — постоянные изменения, вечная перестройка кажущейся стабильности [2, с. 7]. Как известно, любые процессы и явления в своей исторической эволюции проходят три основных этапа: рождение, развитие и гибель. Применима ли подобная характеристика к уголовному праву? В определенной степени — да! Зародившись однажды и исчерпав себя, уголовно-правовая норма утрачивает свое значение. На смену ей приходит другая, более совершенная норма уголовного права. Но значит ли это, что уголовное право в целом на определенном этапе исторического развития отдельного общества либо всей человеческой цивили-

лизации получит возможности, говоря словами М. И. Ковалева, «перековать свой карающий меч на плуг»? Думаю, вряд ли. Утверждать обратное — значит верить в несбыточное. Уголовному праву суждено жить и умереть вместе с цивилизацией, история которой, по мнению отдельных авторов, «началась десять тысяч лет назад...» [3].

2. Уголовное право как социальная ценность (реалия), выступающая своеобразным лакмусом, отражающим, с одной стороны, нравственную прочность общественных устоев против напора зла (преступности), с другой, — одновременно указывающим на суровую необходимость и милосердные способы борьбы с преступными проявлениями уголовно-правовыми средствами. Как **социальная ценность** оно неразрывно с нравственным здоровьем общества, без чего любые уголовно-правовые веления воспринимаются как беспомощные окрики официальной власти, устрещающий заряд которых не попадает в цель, а предписания уголовно-правового характера остаются благими намерениями самого законодателя, которыми, как известно, была вымощена дорога в ад. Выступая в роли социальной ценности, уголовное право формирует уважительное отношение со стороны граждан к уголовным законам и укрепляет индивидуальный и общественный авторитет уголовно-правового механизма в целом. В идеале социальная ценность уголовного права должна достичь степени искусства, которое призвано порождать у людей неиссякаемый источник позитивной деятельности и благородных поступков. Как фрагменты действительной жизни, отображенные в искусстве, носят условный характер и потому не могут непосредственно его почитателей побудить к немедленному включению в художественно изображенное событие, так и уголовно-правовое предписание не ведет к всеобщему его признанию и соблюдению. Однако сказанное отнюдь не означает, что искусство, как и уголовно-правовая норма, не влияет на наши мысли и поступки. Действительно, на театральной сцене изображается, например, убийство Дездемоны, и никто не думает звать стража порядка на помощь. Так же не все люди, ознакомившиеся с содержанием какого-либо уголовного закона, тут же спешат его соблюдать или, скажем, вступить в единоборство с явным или предполагаемым преступником. Если это действительно так, то назвать сценическое представление просто жизнью или бытием мы никак не можем, как не можем назвать социальным бытием ту или иную уголовно-правовую норму. Но сказать, что искусство и нормы уголовного права не имеют никакого отношения к жизни, мы тоже не можем, так как иначе в сфере искусства разрушится наблюдаемый нами художественный образ, который повелительно вмешивается в нашу жизнь и преобразует ее идейность, а в уголовно-правовой сфере наступит вакханалия криминального беспредела. Вот почему вместе с изменениями социальной действительности неизбежно изменяется уголовно-правовая материя, как изменяется и преступник. Например, уже сегодня истинно профессиональный преступник избегает воровского жаргона, так и татуировок, которые еще вчера воспринимались им как высший атрибут преступного авторитета. Однако обусловлено это далеко не тем, что нынешний преступник, достигший вершин криминального искусства, стал более благородным и воспитанным, — скорее тем, что сегодня он вынужден мимикрировать, если ставит далеко идущие криминальные планы. В связи с тем, что нормы уголовного права существуют и реализуются в целях борьбы с преступными проявлениями, подрывающими личностно-бытовые, общественные или государственные устои,

они выступают необходимым звеном социально-правовой жизни общества. Именно в этом плане об уголовном праве можно говорить как о социальной ценности. Известно, что необходимость в существовании уголовного права осознается, а тем более воспринимается далеко не всеми членами общества, однако уголовное право не утрачивает от этого своих социально-ценностных свойств. Как раз наоборот: уголовное право утратило бы свое основное назначение, если бы оно ориентировалось только на принцип добровольности исполнения его велений. Разумным требованием уголовно-правовых норм должно признаваться любое его предписание, направленное на защиту благ, имеющих общенародное значение, без умаления этой значимости для отдельного человека. Уголовное право предстает как объективно существующая социальная реальность, заключающая в себе предписания, устанавливающие строгие границы дозволенного поведения людей. И в этом, собственно, заключается социальная сущность уголовного права. Именно из этого следует исходить, утверждая, что уголовное право является элементом духовной культуры соответствующего народа, корни которой питаются его моралью, религией, национально-исторической самобытностью.

3. Как научное явление уголовное право аккумулирует в себе самые разумные и прогрессивные идеи, питающие законотворческую и правоприменительную деятельность государства. В роли **науки** уголовное право прежде всего сопряжено с уголовно-правовой культурой нации, с правотворческой деятельностью государства, с разработкой перспективной концепции противодействия преступной идеологии и преступности в обществе. Уголовное право как наука, в отличие от уголовного права как отрасли права, заключается в выработке уголовно-правовых идей, взглядов и знаний об уголовном законе, принципах, истории и перспективах развития отечественного и зарубежного уголовного права, о преступлении, наказании и других мерах уголовно-правового воздействия. Иными словами, суть науки уголовного права выражается в систематизации всей совокупности знаний, относящихся ко всем институтам уголовного права. Особенность науки уголовного права определяется тем, что она изучает основные институты уголовного права как правовые явления в их историческом развитии и через проявление их в законодательной и правоприменительной практике. Развивая уголовно-правовые теории, изучая зарубежное законодательство и международно-правовой опыт противодействия преступности, наука уголовного права способствует совершенствованию отечественного уголовного законодательства, его модернизации. Анализируя отдельные нормы уголовного права, обобщая правоприменительную практику, наука уголовного права разрабатывает рекомендации по совершенствованию системы мер профилактики как отдельных видов преступлений, так и преступности в целом. В этих целях наука уголовного права использует ряд конкретных методов: исторический, систематический, обобщения практики применения уголовного закона, анализа уголовной статистики, сравнительного правоведения. Наука уголовного права успешно использует достижения других отраслей знания, криминологии, психиатрии, психологии, социологии, логики и т.д. Можно заключить, что как научная категория уголовное право способствует укреплению национальной гордости за создание в стране силами ученых-юристов солидной научной школы, которой под силу решать на уровне мировых стандартов самые сложные уголовно-правовые проблемы.

4. Уголовное право необходимо воспринимать как **мыслительное явление**, как своеобразный «мир мысли». Любой уголовно-правовой институт, термин или любое понятие включает в себе определенный смысл, и потому для его уяснения необходимо осмысление, что под силу лишь творчески развитой личности, подтверждением чему выступает неисчислимое количество следственных-судебных ошибок в сфере толкования уголовного закона и его применения.

5. Как отрасль права уголовное право свидетельствует о наличии у общества и государства необходимого уголовно-правового инструментария, способного эффективно влиять на реальные поступки людей, исключая из них или ограничивая преступные. Уголовное право как **отрасль права** выступает тем необходимым уголовно-правовым инструментарием, с помощью которого устраняется криминальный вирус, внедрившийся в здоровый (к сожалению, не совсем здоровый) общественный организм. Важность уголовного права как отрасли права заключается в том, что оно генерирует в себе все остальные функции этого емкого по содержанию и многоаспектного по форме проявления фактора социальной жизни людей. Иными словами, уголовное право, которое формирует содержание уголовного законодательства, выступает концентрированным выражением степени способности или неспособности нации противостоять процессу криминализации его основных официальных институтов, без которых общество утрачивает свою государственность. Уголовное право как отрасль права находит свое выражение в том, что оно обуславливает содержание уголовных законов, определяющих принципы и основания уголовной ответственности, признаки и свойства конкретных преступлений и наказания за них, а равно предусматривающих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания.

6. И, наконец, уголовное право во всем своем многообразии предстает и как предмет творческого познания, т. е. как учебная дисциплина, способная помочь любознательному юристу обрести комплекс необходимых знаний для решения серьезных уголовно-правовых проблем. Как **учебная дисциплина** (предмет познания) уголовное право сориентировано на подготовку профессиональных юристов, основной функцией которых является обоснованное и своевременное правоприменение, без чего борьба с преступными проявлениями утрачивает свой динамизм и в конечном счете замирает на роковой для нации отметке. Наличие высококвалифицированных юристов в стране, хорошо знающих свое дело, — это гарант успеха в укрощении криминальной стихии и создании в стране профессиональной правовой школы, которой некогда гордилась Отчизна и восхищался весь мир.

Социальная ценность уголовного права как раз и заключается в богатстве форм его проявления. Не потому ли, будучи социально-правовой реальией, а не только понятием абстрактного характера, уголовное право необходимо проявляет свою многоликость? Указанные грани уголовного права ценны в социальном смысле не только (а может быть, и не столько) своим наличным бытием, своим существованием, сколько тем, что они как элементы реальной действительности прямо или косвенно, локально или своими совокупными свойствами влияют на поведение людей. Причем каждый из названных аспектов уголовного права имеет свой специфический механизм воздействия на индивидуальное и коллективное поведение людей. Указанные свойства уголовного права в своей совокупности вполне логично обладают определенной привлекательностью — дух детективности пронизывает многие его

институты и положения; достаточной сложностью — объемный и не всегда поддающийся легкой расшифровке материал его содержания; практической потребностью — оно обуславливает обязательный комплекс знаний от любого и каждого уважающего себя и свою профессию сотрудника криминальной юстиции. Кроме того, представляется вполне обоснованным тезис о том, что уголовное право в силу своей многогранности вполне органично по многим положениям взаимодействует с уголовным правом многих зарубежных государств, и прежде всего бывших союзных республик, к которым, в частности, относится и Республика Беларусь.

Список цитированных источников

1. Кистяковский, А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права / А. Ф. Кистяковский. — Киев, 1882.
2. Гумилев, Л. Н. От Руси до России / Л. Н. Гумилев. — М.: АСТ: Хранитель, 2006. — 346 с.
3. Валентинов, А. Кто на очереди после — «гомо сапиенс»? / А. Валентинов // Рос. газ. — 1998. — 19 июня.

Дата поступления статьи — 02.06.2016.

В статье с философских и социальных позиций оценивается функциональная и культурологическая ценность уголовного права в жизни социума. Автор отмечает, что необходимость существования уголовного права осознается, а тем более воспринимается далеко не всеми членами общества, однако оно не утрачивает от этого своих социально-ценностных свойств. Как раз наоборот, уголовное право утратило бы свое основное назначение, если бы оно ориентировалось только на принцип добровольности исполнения его велений. Однако разумным требованием уголовно-правовых норм должно признаваться любое его предписание, направленное на защиту благ, имеющих общенародное значение, без умаления этой значимости для отдельного человека.

The functional and cultural value of the Criminal Law in life of the society is examined in the article from philosophical and social points of view. The author argues that the necessity of existence of the Criminal Law is not realized and apprehended by all members of the society, but the Criminal Law does not lose its social and value traits because of this reason. On the contrary, the Criminal Law would lose its core features, if it guided solely by the principle of voluntary implementation of its provisions. Nevertheless, any provision of the Criminal Law should be recognized as a reasonable requirement, if the provision aimed at protection of nationwide values and do not diminish their significance for every citizen.

ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ И ГРУППЫ ЛИЦ; ИМЕЮТСЯ ЛИ СОВПАДЕНИЯ?

Кругликов Л. Л.

Ежегодно в России каждое третье-четвертое преступление совершается в соучастии и группой лиц. Отсюда определение искомых понятий важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Оно позволяет ориентировать судебно-следственную практику в надлежащем направлении, помогает избежать ошибок, прежде всего в квалификации преступления, а ошибки в этой сфере занимают одно из главенствующих мест.

Так, в уголовно-правовой теории констатируется, что по каждому третьему делу о преступлении, совершённом несколькими лицами, допускаются ошибки, повлекшие (либо способные повлечь) отмену или изменение судебного приговора [1, с. 3–4]; половина из 350 анкетированных сотрудников органов предварительного расследования и суда сталкивается с затруднениями при квалификации группового посягательства [2, с. 4]; 71 % практических работников из 150 опрошенных подтвердили, что испытывают значительные трудности относительно разграничения группы лиц со сложным соучастием [3, с. 14].

И такое положение не случайно. Достаточно длительное время в российской советской науке господствовало развиваемое рядом ученых и поддерживаемое Пленумом Верховного Суда СССР (РСФСР) утверждение, что группа лиц не обязательно обладает всеми признаками соучастия: она налицо и в том случае, если могущее нести уголовную ответственность лицо совершает преступление совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности ввиду недостижения возраста (малолетними), с невменяемыми, невиновно действующими и т. п. [4, с. 217, 290]. В последующем по тому же вопросу позиция Пленума Верховного Суда была скорректирована: «Действия лиц ... следует квалифицировать ... по признакам “группа лиц по предварительному сговору” или “организованная группа”, если в совершении преступления совместно участвовали два или более исполнителя, которые в силу ст. 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное». Если же не подлежат уголовной ответственности в силу указанных обстоятельств, действия виновного (при отсутствии иных квалифицирующих признаков) следует квалифицировать «как действия непосредственного исполнителя преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ)» [5, с. 180–181].

Отвлекаясь от некоторых спорных высказываний (в цитате речь сводится только к фигурам исполнителей), можно констатировать, что по ряду вопросов соотношения соучастия и группы лиц акценты Пленумом расставлены правильно: группа лиц обладает всеми признаками соучастия; она представляет собой видовое, а соучастие по отношению к ней — родовое понятие. Отсюда вытекает следующее: прежде чем констатировать наличие группы лиц, необходимо установить все ее родовые признаки по принадлежности к соучастию.

Каковы же эти родовые признаки, которые имманентно присущи и группе лиц, и всякому иному соучастию?

Ныне в ст. 32 УК РФ названо три признака, составляющих предметное содержание вины при соучастии. Это: количественный признак — участие двух или более лиц в совершении преступления; качественный признак — совместность участия лиц в преступлении; и совершение ими общего, т. е. одного и того же, преступления.

Относительно количественного признака обоснованно, на наш взгляд, предложено — во избежание разночтений и ввиду существования ряда весьма спорных разъяснений по конкретным делам Пленума Верховного Суда, «подправляющих» законодателя, — изменить редакцию ст. 32, указав в ней: соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц (субъектов преступления) в совершении умышленного преступления.

Однозначность толкования необходимо обеспечить и относительно второго объективного признака — совместности участия в преступлении такого рода лиц. Совместность означает осуществление преступления «вместе», объединен-

ными усилиями. Недопустимо понимать под этим только соисполнительство преступления, как это нередко толкуется в теории и на практике; возможно распределение ролей, и если одно лицо выполняет функцию исполнителя, то другое (другие) может осуществлять и иные функции — организатора, пособника или подстрекателя. По одному из конкретных дел Верховный Суд указал, что поскольку С., заранее пообещав реализовать похищенное, сам в изъятии чужого имущества участия не принимал, он не может быть признан исполнителем хищения, его действия должны квалифицироваться как пособничество [6, с. 4].

И в этих случаях правомерно вести речь о том, что лица действовали вместе, совершали преступление объединенными усилиями, хотя не все они — исполнители преступления.

Итак, на первом этапе для констатации соучастия требуется установить совокупность упомянутых трех объективных признаков, и только при их сочетании следует далее касаться психического к ним отношения с возможной фиксацией в дальнейшем наличия всех объективных и субъективных признаков. В этой связи обратим внимание на два момента. Во-первых, на то, что названные три признака составляют при соучастии предметное содержание вины. Во-вторых, состав соучастия в преступлении предполагает умышленную противоправную деятельность, а в умышленном преступлении, как известно, каждый объективный признак должен осознаваться [7, с. 151].

Применительно к соучастию это означает, что должно быть осознание того, что а) виновные лица действуют не в одиночку, а вкупе с другими лицами, что б) при этом их усилия объединяются, наличествует признак совместности, и что в) они вершат одно и то же преступление. Иначе говоря, субъективные признаки соучастия образуют соответствующую объективным признакам параллельную сеть [7, с. 152].

Изложенное подводит нас к выводу, что трем объективным признакам, составляющим предметное содержание умысла, должно корреспондировать соответствующее психическое отношение к каждому из них, т. е. в тексте уголовного закона следует ожидать троекратного упоминания об осознании (умысле). Между тем в ст. 32 «Понятие соучастия в преступлении» имеется лишь двукратное упоминание об умысле: соучастием в преступлении признается

- умышленное совместное участие двух или более лиц;
- в совершении умышленного преступления.

С точки зрения законодательной техники мы ничего «страшного» в такой редакции ст. 32 УК не усматриваем, поскольку первое упоминание об умысле касается сразу двух предметов: количественного (наличие не менее двух лиц — субъектов преступления) и качественного (совместность деятельности). Здесь, однако, возникает один дискуссионный вопрос, имеющий важное теоретическое и практическое значение: обязательно ли необходима при соучастии двусторонняя субъективная связь субъектов совместной деятельности?

По мнению А. Р. Зайнутдиновой, умысел при соучастии предполагает взаимную осведомленность между соучастниками, этот признак обязателен; тем самым исключается односторонняя субъективная связь [8, с. 151]. При этом подчас приводится тот довод, что «привлечение к уголовной ответственности за совершение преступления в соучастии субъекта, сознание которого не охватывало того обстоятельства, что он действует не один, ведет к объективному мнению, что противоречит принципу вины» [9, с. 47]. Но никто ведь не предлагает считать совершившим преступление в соучастии то лицо, которое

не осознавало факта совместности. Речь идет об уголовно-правовой оценке действий лиц, которые такой факт осознавали.

Заметим, что точка зрения об обязательности двусторонней субъективной связи является достаточно распространенной в юридической литературе, но она явно небесспорна. У тех, кто ее разделяет, интересно было бы узнать: как с их позиции надлежит квалифицировать действия лица, случайно узнавшего о намерении исполнителя убить определенного потерпевшего и, желая также смерти последнего, как бы ненароком, без уведомления исполнителя, подложившего исполнителю орудие убийства? Может быть, такой «помощник», будучи пособником, вообще не подлежит уголовной ответственности? По нашему мнению, двусторонняя субъективная связь обязательна лишь при такой разновидности соучастия, как группа лиц: при ней наблюдается согласованность действий, что бессмысленно при наличии односторонней связи (осведомленности).

И еще один спорный момент, затрагиваемый в работах по уголовному праву относительно субъективных признаков соучастия — применительно к требованию совместности. С. А. Балеев, в частности, полагает, что волевой момент умысла соучастников выражается в желании совместного достижения преступного результата [9, с. 44], при этом об иных позициях в теории уголовного права умалчивается. Характеризуя конкретные виды соучастников, автор в дальнейшем, однако, допускает косвенный умысел при исполнении преступления и соисполнительстве [9, с. 81–84], что представляется правильным. Но тогда это противоречит основному выводу упомянутого автора, ибо, насколько можно понять из содержания его научного труда, он считает соисполнительство разновидностью соучастия [9, с. 57]. Да и применительно к сложному соучастию вряд ли вывод автора верен, когда речь идет о преступлениях с материальным составом: пособник или, скажем, подстрекатель могут не желать, а только допускать либо безразлично относиться к конечному результату (например, желая «наказать» потерпевшего, допускают причинение ему как тяжкого — что и может быть в конкретном случае, так и иного вида вреда здоровью).

По утверждению Б. С. Никифорова, психическое отношение виновного к отдельным признакам состава включает интеллектуальный элемент, наблюдаемый в двух формах: лицо сознает наличие соответствующего объективного признака или не сознает (но может и должно сознавать). При этом первая форма — сознание — может варьировать в пределах следующих представлений субъекта: данный признак а) не исключен, б) возможен, в) вероятен, г) неизбежен [10].

Даже в своей минимальной границе выраженности — «данный признак не исключен» — следует вести речь об осознании (а по терминологии законодателя в ст. 32 УК РФ — об умысле). Так что если лицо просто не исключало в своем сознании, что оно действует совместно с другим лицом (лицами), уже можно вести речь о наличии соучастия.

Относительно третьего объективного признака соучастия — совершение общего для виновных преступления — законодатель впервые в Уголовном кодексе РФ 1996 г. прямо указал, что речь идет о совершении умышленного преступления. В полном соответствии с этим в юридической литературе обычно указывается, что «подлинному соучастию присущи специфические субъективные признаки, которые являются дополнительными... и характеризуются только умыслом»; соответственно, соучастие трактуется как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [1, с. 12, 21]. По мнению же А. Р. Зайнутдиновой, «в указании на умышленный характер

преступления, совершаемого в соучастии, нет надобности», оно носит избыточный характер, хотя, с другой стороны, проведенное диссертантом исследование «позволило сделать вывод о том, что в УК РФ (ст. 32) дано вполне приемлемое определение соучастия», оно «отвечает выработанным стандартам современного уголовного права с точки зрения принципов вины, субъективного вменения», а отсутствие в прежнем Кодексе указания на умышленный характер преступления «полностью не снимало сомнения» в теории и на практике относительно возможности участия в неосторожном преступлении [8, с. 9, 18–19].

Думается, указание на умысел применительно к третьему объективному признаку далеко не лишне. Ведь в прежние годы (до появления ст. 32 УК РФ) были неоднократные попытки легализовать категорию неосторожного соучастия (сопричинения). К сожалению, они встречаются и поныне. Так, предлагается дополнить ст. 32 частью 2 следующего содержания: «Если при совершении единого неосторожного преступления в нем взаимосвязанно и взаимообусловленно участвовали несколько лиц, что повлекло создание угрозы или наступление единого для них преступного последствия, предусмотренного конкретной нормой Особенной части настоящего Кодекса, то совершенное должно быть определено как неосторожное сопричинение. Каждому из сопричинителей вменяется полностью состав совершенного преступления. Различная степень сопричинения связана лишь с дифференциацией и индивидуализацией ответственности и наказания» [11, с. 45]. Близкую к этому позицию занимает А. Тайбаков, выступивший за дополнение упомянутой статьи частью второй с таким содержанием: «Сопричастностью в преступлении признается неосторожное участие двух или более лиц в совершении неосторожного преступления» [12, с. 43].

Наконец, упомянем позицию А. П. Козлова, который причинение вреда по неосторожности несколькими лицами предлагает считать неосторожным соучастием [13, с. 15].

Как видим, делаются попытки расширить границы соучастия за счет неосторожного сопричинения, поэтому указание на умышленный характер преступления, совершаемого в соучастии, представляется необходимым.

Подводя итог рассмотрению вопроса о законодательной дефиниции соучастия, необходимо констатировать, что споры ведутся преимущественно вокруг субъективных признаков понятия: надо ли говорить в законе об умышленном характере совместно совершаемого лицами преступления; совершается ли это преступление только с прямым либо мыслим и косвенный умысел соучастников; является ли двусторонняя субъективная связь непременно (обязательным) признаком соучастия. Все эти моменты не новы, и касающиеся их рекомендации по-прежнему не бесспорны. Применительно к объективным признакам большинство расхождений относится к пониманию признака «участие двух или более лиц».

Выделив все родовые признаки, обратим далее внимание на видовые признаки группы лиц, прежде всего — на два момента.

Во-первых, и без того занимавшая лидирующие позиции среди квалифицирующих обстоятельств «группа лиц» имеет очевидную тенденцию к увеличению своей численности. Так, в Особенной части УК РФ имелись ссылки: на «простую» группу лиц — 15 раз, на группу лиц по предварительному сговору — 95 раз, на организованную группу — 104 раза. Следовательно, необходимость в единообразном понимании группы лиц и ее разновидностей еще более возрастает.

Во-вторых, в ст. 35 УК РФ (ч. 1–4) раскрываются только виды группы лиц, но нет ни общего названия этих видов, ни дефиниции группы в целом. Общее наименование, однако, в Особенной части УК встречается и может быть использовано в целях ст. 35. Так, в ч. 4 ст. 150 состав особо квалифицированного вовлечения несовершеннолетнего в преступление называет признак — «вовлечение в преступную группу». При групповом способе совершения преступления возрастает вероятность причинения а) самого вреда (нарушения объекта уголовно-правовой охраны) или б) большего вреда (его размера). Можно утверждать, что данный признак соответствует всем критериям отбора обстоятельств в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего): он характерен для многих видов преступлений (типичен) и в то же время не является нормой для большинства преступлений с основным составом; обладает строго определенной направленностью и обязательностью влияния на степень общественной опасности содеянного; мера влияния на степень опасности — значительная, в силу чего возникает потребность в установлении новых (усиленных) пределов наказуемости, иной (повышенной) санкции с учетом наличия группового характера преступления. Отсюда вполне понятно и естественно включение той или иной разновидности признака «группа лиц» в составы преступлений, формулирование с их учетом новых пределов назначения наказания, повышенной санкции.

Шесть родовых признаков преступной группы как особой формы соучастия выше нами уже назывались. Казалось бы, характеристику отдельных разновидностей группы лиц ст. 35 УК содержит и достаточно лишь обобщить выделяемые их признаки, чтобы сформулировать общее видовое понятие группового преступления. В действительности все обстоит не так просто.

Как следует из содержания ч. 1 ст. 35, простая группа лиц (действующая без предварительного сговора) связана исключительно с соисполнительством: ее могут составить только лица, каждое из которых выполняло в преступлении функцию исполнителя (обязательный признак). Начиная с группы лиц по предварительному сговору, законодатель не считает эту черту строго обязательной: достаточно совместного участия двух или более лиц в едином преступлении (ч. 2–4 ст. 35). Такова воля законодателя. Иначе, однако, трактует эти разновидности Пленум Верховного Суда: вопреки тексту закона он, как уже упоминалось, ориентирует суды на то, что и при группе лиц по предварительному сговору, и при организованной группе в преступлении участвуют как минимум два исполнителя. Признак же совместного участия игнорирован.

Жаль также, что, во-первых, Пленум сложное соучастие приравнивает к соисполнительству, хотя это и разные формы, и, во-вторых, не выделяет четко те «привески», которые свидетельствуют о преобразовании, превращении обычного соучастия в групповое. Каковы же они?

1. Два или более лица — количественный признак, присущий и родовому понятию соучастия, и группе лиц. Различие же мы усматриваем в том, что сложное соучастие (т. е. сопряженное с распределением ролей), как видно из приведенного чуть выше примера Пленума Верховного Суда, может составить групповое преступление, в то время как соисполнительство немислимо вне групповой формы, оно всегда одновременно носит групповой характер, что вытекает и из ч. 1 ст. 35 УК РФ.

2. Далее. Сложное соучастие, как и соисполнительство, непременно обладает качественным родовым признаком соучастия — оно представляет

собой «совместное участие». Но, в отличие от обычного соучастия, в групповом преступлении этот признак преобразуется в согласованность поведения двух или более лиц — черту, все чаще выделяемую в последнее время Верховным Судом РФ. Вот и в цитированном выше положении Пленума говорится о совершении в группе с распределением ролей согласованных действий. Это не просто объединение усилий, что достаточно для совместности, а скоординированность действий членов группы лиц, солидаризированность их усилий.

3. Из второго признака видового понятия логично следует еще один: обязательное наличие двусторонней осведомленности, что для обычного соучастия является факультативным признаком, в силу чего и можно говорить о принципиальной допустимости одностороннего обычного соучастия (когда только одному соучастнику известно о присоединении, объединении им усилий с исполнителем преступления).

4. На наш взгляд, из двух последних признаков вытекает наличие применительно к группе лиц и еще одного признака — принципиальной готовности каждого члена группы выполнить любую диктуемую характером преступления функцию. Так, если запор взламываемой двери хранилища одному из похитителей не поддается, в процесс тут же включается другое лицо; роль «сторожа», следящего за внешней обстановкой во время кражи, может быть, исходя из соображений удобства, наличия навыков и т. д., возложена по взаимному согласию участников кражи не на то, а на другое лицо — члена группы.

Думается, приведенные признаки видового понятия соучастия — группового преступления — могут послужить базой для заинтересованного обсуждения и достижения единства мнений в столь дискуссионном и важном в теоретическом и практическом плане вопросе: о соотношении родового понятия соучастия с его видовым понятием — групповым преступлением.

Список цитированных источников

1. *Соболев, В. В.* Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Соболев. — Краснодар, 2000.
2. *Жих, Ю. И.* Уголовная ответственность за групповое хулиганство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. И. Жих. — Волгоград, 1998.
3. *Яровой, А. А.* Уголовно-правовая борьба с хищениями, совершаемыми организованными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Яровой. — Краснодар, 2000.
4. Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / отв. ред. В. И. Радченко. — М., 1999.
5. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам / сост. Г. А. Есаков. — М., 2010.
6. Бюл. Верхов. Суда РСФСР. — 1975. — № 7; Бюл. Верхов. Суда РФ. — 2000. — № 11. — С. 18; 2002. — № 10. — С. 11.
7. *Кудрявцев, В. Н.* Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2006.
8. *Зайнутдинова, А. Р.* Ответственность за организованные формы соучастия в преступлении по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук / А. Р. Зайнутдинова. — Казань, 2001.
9. *Балеев, С. А.* Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Балеев. — Казань, 2000. — 22 с.

10. *Никифоров, Б. С.* Об умысле по действующему уголовному законодательству // Совет. государство и право. — 1965. — № 6; Применение общего определения умысла к нормам Особенной части УК // Совет. государство и право. — 1966. — № 7; Субъективная сторона в «формальных» преступлениях // Совет. государство и право. — 1971. — № 3.

11. *Нерсисян, В.* Уголовная ответственность сопричинителей вреда по неосторожности / В. Нерсисян // Рос. юстиция. — 1999. — № 10.

12. *Тайбаков, А.* Сопричастность при неосторожной вине / А. Тайбаков // Законность. — 2000. — № 6.

13. *Козлов, А. П.* Соучастие: традиции и реальность / А. П. Козлов. — Красноярск, 2000.

Дата поступления статьи — 18.06.2016.

В статье подвергаются анализу дискуссионные моменты в понимании указанных в заголовке понятий. Обращается внимание, что наряду с совпадающими признаками имеются признаки, специфичные для каждого из анализируемых понятий.

In article the debatable moments in understanding of the concepts specified in heading are exposed to the analysis. The attention is paid that along with coinciding signs there are signs specific to each of the analyzed concepts.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРИМЕНЕНИЯ В УКРАИНЕ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

Лиховая С. Я., Рощина И. А., Кочнева А. А.

4 ноября 1950 г. в г. Риме 15 западноевропейских государств подписали Европейскую конвенцию о защите прав человека и основополагающих свобод (далее — Европейская конвенция). 17 июля 1997 г. эту Европейскую конвенцию и протоколы к ней ратифицировала и Украина, а также признала обязательной юрисдикцию Европейского суда по правам человека (далее — Европейский суд) во всех вопросах, касающихся толкования и применения Европейской конвенции. Ратификация Украиной Европейской конвенции предопределяет пересмотр отдельных положений национального уголовного права. Это прежде всего касается имплементации норм Европейской конвенции и практики Европейского суда в уголовное право Украины. Для Украины это совершенно новый механизм защиты прав человека, введение которого осложняется многими факторами, в частности, сплошной коррупцией судебной системы и проблемами реформирования самой судебной системы в Украине. Это осложняется еще и тем, что Украина является страной с континентальной системой права, в то время как право Европейского суда — прецедентное, а значит, перед судьями Украины остро стоит проблема изучения и применения не только норм Европейской конвенции, но и прецедентных решений Европейского суда.

Проблема судебного правотворчества была объектом внимания еще в России в дореволюционный период. Характерно, что в ст. 12 Устава уголовного судопроизводства России от 20 ноября 1864 г. указано, что все судебные установления обязаны решать дела по точному пониманию существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, которыми судимое

деяние запрещается под страхом наказания, должны основывать решение на общем смысле законов [1].

Еще в конце XIX в. известный русский юрист, сенатор, профессор Санкт-Петербургского университета И. Я. Фойницкий, анализируя ст. 12 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г., ставил вопрос, в каком объеме принадлежит судебным местам право толкования законов. Постановления нашего законодательства по этому предмету недостаточно между собой согласованы [2, с. 171].

Советская юридическая наука категорически не признавала прецедентную форму права. В настоящее время в бывших союзных республиках, в том числе и в Украине, принцип судебного прецедента является одним из наиболее спорных в судебном правотворчестве. Одни авторы поддерживают применение судебного прецедента, другие отрицают такую возможность, а третьи утверждают, что прецедентная практика сегодня фактически имплементируется в национальную правовую систему и т. д.

Доктрина судебного прецедента впервые появилась в английском праве и была закреплена еще в XIX в. как обязанность судей придерживаться решений, принятых их предшественниками. Принцип, который обязывает придерживаться ранее принятых судьями решений, называется *stare decisis* (стоять на решенном). Поэтому получается, что нормы, содержащиеся в судебных решениях, подлежат применению как *lex specialis* (специальный закон) и являются непосредственным источником регулирования процессуальных отношений. Тем не менее роль законов в регулировании отношений также является достаточно большой.

Доктрина (лат. *doctrina*) — учение, научная или философская теория, политическая система, руководящий теоретический или политический принцип [3].

Английская концепция прецедента является старейшей и наиболее полно разработанной. Прецедент, по определению Г. Давида, — решение по конкретному делу, которое является обязательным для судов той же или низшей инстанции при решении аналогичных дел, либо служащее примерным образцом толкования закона, не имеющим обязательной силы [4, с. 301].

Сегодня судебный прецедент является основным источником англо-американского права. Например, в Англии насчитывается около 800 тыс. судебных прецедентов, и каждый год к ним добавляется около 20 тыс. новых [5, с. 151].

Прецедентное право (прежде всего в его понимании классической англо-американской доктриной и практикой) совсем не предполагает наличия множественности однообразных судебных решений как предпосылки создания прецедента. Прецедентное право может создаваться и единичным судебным решением по конкретному делу. Об этом свидетельствуют многие решения Европейского суда.

Принцип судебного прецедента является исключительно важным принципом Европейской конвенции. Европейский суд твердо стоит на позиции доктрины судебного прецедента, ссылаясь на предшествующую прецедентную практику в своих решениях. Характерным примером применения судебного прецедента является дело Андрианова и других против Украины, которое было рассмотрено Европейским судом 12 декабря 2013 г. В своем решении Европейский суд по этим делам указал, что, учитывая сложившуюся практику по рассмотрению дел относительно невыполнения решений национальных судов (см. решение

от 15 октября 2009 г. по делу «Ю. М. Иванов против Украины»), имело место нарушение п. 1 ст. 6, ст. 13 Европейской конвенции и ст. 1 Первого протокола к Европейской конвенции [6].

Решая вопрос о целесообразности применения судебного прецедента в Украине, прежде всего следует отметить, что принцип судебного прецедента опережает в своем развитии законодательный процесс. Он более оперативно учитывает изменяющуюся правовую действительность. В связи с несовершенством действующего законодательства у судьи часто не оказывается необходимого закона, а отказать в правосудии он не может и обязан разрешить спор, основываясь на принципе судебного прецедента.

Судебный прецедент в английской правовой системе был создан и разработан не только на другом историческом этапе, но и с той степенью логичности и отточенности, которые единственно возможны как результат сплава высокой образованности, логики и многовековой практики. В Украине таких компонентов сейчас, к сожалению, нет. Но это не значит, что в Украине нет возможности применять судебный прецедент.

Возможность и необходимость принципа судебного прецедента выступать источником права в рамках украинской правовой системы также обусловлена прежде всего сменой приоритетов государственной политики, ее целевой направленности. Изменение официальной идеологии публичной власти, провозглашение в качестве высшей ценности человека, его жизни и здоровья, чести и достоинства, неприкосновенности и безопасности, а главной задачей государства — их признание, соблюдение и защиту (ст. 3 Конституции Украины) обуславливают необходимость научного поиска путей достижения указанных целей.

Принимая решение о признании прецедента источником права, необходимо четко понимать, что свою позитивную роль судебный прецедент может играть только в условиях, когда законодательство отвечает задачам современности, а все органы государства, включая и суд, действуют в строгих рамках законности. В случае полной коррумпированности судебной системы, какой она является в Украине, судебный прецедент не будет давать положительного результата в защите прав человека.

Проблемы применения в Украине практики Европейского суда исследовали Т. И. Дудаш, Ю. Е. Зайцев, Б. В. Малышев, Н. М. Пархоменко, И. А. Турчак, Д. Ю. Хорошковская, С. В. Шевчук и другие.

Анализ этих научных работ, касающихся судебного прецедента, показывает, что научный мир фактически разделился на два лагеря: сторонников и противников официального признания судебного прецедента источником украинского права.

Д. Ю. Хорошковская считает, что прецедентное право международных судов является частью системы права Украины как «источник права по вопросам толкования норм международных договоров». Следовательно, поскольку Европейская конвенция является источником права в Украине, постольку и официальное ее толкование, сформулированное Европейским судом, обязательно для отечественного правоприменителя; решения Суда имеют обязательную силу для украинских судов в контексте толкования положений Европейской конвенции [7, с. 6, 13].

Т. И. Дудаш предлагает практику Европейского суда рассматривать как «прецедент конкретизации» Европейской конвенции [8, с. 175].

Ю. Е. Зайцев считает, что новые правовые позиции, сформулированные Европейским судом в его решениях, подлежат безоговорочному применению в судопроизводстве независимо от того, какой страны касается соответствующее решение и, что является еще более существенным, выполнен ли его официальный перевод на украинский язык [9, с. 7, 8].

С. В. Шевчук считает, что, учитывая специфику преобразований в правовой сфере, происходящих в современной Украине, и необходимость обеспечения юридическими средствами нашего европейского выбора, важнейшим вопросом является признание и применение прецедентного права (правовых позиций Европейского суда) [10, с. 32].

Прав А. В. Соловьев, отмечая, что Европейская конвенция была ратифицирована в форме закона Украины, и она (уже как составляющая национального законодательства) равна законам Украины по своей юридической силе. Это позволяет утверждать, что юридическая обязательность ее предписаний обеспечивается теми же санкциями, которые предусмотрены для защиты лиц от нарушений законов Украины, определяющих права человека. Изложенным обусловлена закономерность применения в Украине Конвенции именно как составляющей ее национального законодательства [11, с. 137].

Есть и другие мнения. Так, Н. М. Пархоменко отмечает, что проникновение прецедентных начал в отечественную правовую систему противоречит отечественной правовой доктрине, согласно которой судебные органы власти не имеют правотворческих полномочий; об утверждении судебной практики источником права в Украине говорить преждевременно. По мнению автора, признание судебного прецедента источником права в современных условиях способно разбалансировать систему распределения власти; судебная практика может быть лишь фактором правотворческой деятельности законодательных органов [12, с. 311, 315, 317].

По мнению Б. В. Мальшева, судебные правоположения не являются нормами права, поскольку на данный момент законы Украины не содержат предписаний, которые бы предоставляли правоположения общеобязательного характера; такие правоположения не являются прецедентами, они лишь влияют на направление развития законотворческой деятельности в Украине [13, с. 262, 263].

И. А. Турчак вообще считает, что наличие коллизий между нормативно-правовыми актами, неполное нормативное регулирование отдельных вопросов договорного права, наличие разных подходов к решению одинаковой категории судебных споров обуславливают важность принятия высшими судебными инстанциями рекомендательных разъяснений по вопросам применения законодательства при решении дел и разъяснения применения законодательства на основе обобщения судебной практики и анализа судебной статистики и их применения, которые следует рассматривать как важный источник регулирования отношений, возникающих из договора поставки [14].

Не только в научном мире нет единого понимания относительно возможности применения в Украине практики Европейского суда, но и в законодательстве Украины также есть достаточно большие противоречия относительно обоснованности применения национальными судами практики Европейского суда.

Согласно ч. 2 ст. 58 Конституции Украины «никто не может отвечать за деяния, которые на время их совершения не признавались правонарушениями» [15].

Аналогичного рода требования изложены также и в других статьях Конституции Украины. В частности, ч. 2 ст. 19 Конституции Украины констатирует,

что органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать лишь на основании, в пределах полномочий и способов, что предусмотрены Конституцией и законами Украины [15].

Часть 2 ст. 8 Конституции Украины указывает, что Конституция Украины имеет наивысшую юридическую силу. Законы и другие нормативно-правовые акты принимаются на основе Конституции Украины и должны соответствовать ей [15].

В то же время, согласно ч. 1 ст. 9 Конституции Украины, действующие международные договоры, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины [13].

Уголовный кодекс Украины также не содержит каких-либо указаний на применение судебного прецедента Европейского суда. Так, ст. 1 Уголовного кодекса Украины (Задачи Уголовного кодекса Украины) указывает что:

1. Уголовный кодекс Украины имеет своей задачей правовое обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного устройства Украины от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

2. Для осуществления этой задачи Уголовный кодекс Украины определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями и какие наказания применяются к лицам, их совершившим [16].

Еще более конкретнее о привлечении лица к уголовной ответственности сказано в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Украины (Основание уголовной ответственности), а именно: «Основанием уголовной ответственности является совершение лицом общественно опасного деяния, которое содержит состав преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» [16].

Следовательно, согласно вышеуказанным статьям Конституции Украины и Уголовного кодекса Украины, к уголовной ответственности можно привлечь лицо только тогда, когда ее деяние содержит состав преступления, предусмотренный одной из статей Уголовного кодекса Украины.

В ст. 17 Закона Украины «О выполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» указано, что суды применяют при рассмотрении дел Конвенцию и практику Суда как источник права [17], что явно противоречит ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 19 и ч. 2 ст. 58 Конституции Украины, а также ст. 1 и ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Украины.

Следовательно, для применения судебного прецедента в Украине прежде всего необходимо в национальном законодательстве полностью устранить противоречия по этому вопросу, а именно:

1) исключить ч. 2 ст. 58 Конституции Украины;

2) ч. 2 ст. 1 и ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Украины дополнить словами: «а также применяют при рассмотрении дел Европейскую конвенцию и практику Европейского суда как источник права».

Список цитированных источников

1. Устав уголовного судопроизводства. 20 нояб. 1864 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/ust_ugprav.php. – Дата доступа: 01.06.2016.

2. Фойницький, *И. Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И. Я. Фойницький. — СПб.: Альфа, 1966. — Т. 1. — 552 с.

3. Матеріал з Вікіпедії — вільної енциклопедії [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://yandex.ua/yandsearch?lr=143&ornd=8792784730&text=%D0%B4%D0%>. — Дата доступу: 01.06.2016.

4. Давид, *Р.* Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. В. А. Туманова. — М.: Междунар. отношения, 1998. — 399 с.

5. Порівняльне правознавство: підруч. / за заг. ред. акад. НАПрН України О. В. Петришина. — Харків: Право, 2012. — 272 с.

6. Рішення Європейського суду. Справа Андріанов та інші проти України. Заява № 10319/04. Страсбург, 12.12.2013 р. [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/974_969. — Дата доступу: 01.06.2016.

7. Хорошковська, *Д. Ю.* Роль судової практики в системі джерел права України: теоретико-правове дослідження: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д. Ю. Хорошковська. — Київ, 2006. — 20 с.

8. Дудаш, *Т.* Юридична природа рішень Європейського суду з прав людини (загальнотеоретичний аспект) / Т. Дудаш // Право України. — 2010. — № 2. — С. 173–179.

9. Зайцев, *Ю. Є.* Про тонкощі використання в українській судовій практиці рішень Європейського суду з прав людини / Ю. Є. Зайцев // Бюл. М-ва юстиції України. — 2010. — № 11. — С. 5–8.

10. Шевчук, *С.* Порівняльне прецедентне право з прав людини / С. Шевчук. — Київ: Реферат, 2002. — 344 с.

11. Соловійов, *О. В.* Міжнародні договори та міжнародно-судова практика їх застосування як джерела національного права / О. В. Соловійов // Пр. Льв. лабораторії прав людини і громадянина. Сер. 1, Дослідж. та реф. — Київ: АОК, 2012. — Вип. 26. — 165 с.

12. Пархоменко, *Н. М.* Джерела права: проблеми теорії та методології / Н. М. Пархоменко. — Київ: Юрид. думка, 2008. — 335 с.

13. Малишев, *Б. В.* Судовий прецедент у правовій системі Англії / Б. В. Малишев. — Київ: Праксіс, 2008. — 344 с.

14. Турчак, *І. О.* Правове регулювання договорів поставки в умовах ринкових реформ в Україні (цивільно-правовий аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / І. О. Турчак. — Одеса, 2009. — 19 с.

15. Конституція України: чинне законодавство зі змінами та доповненнями станом на 15 бер. 2016 р. [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр>. — Дата доступу: 01.06.2016.

16. Кримінальний кодекс України: за станом на 01 трав. 2016 р. [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>. — Дата доступу: 01.06.2016.

17. Про виконання рішень та застосування практики Європейського суду з прав людини: Закон України [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T063477.html. — Дата доступу: 01.06.2016.

Дата поступлення статті — 13.06.2016.

Статья посвящена анализу действующего законодательства Украины, касающегося использования судебного прецедента в судебной практике Украины, а также предложение конкретных мероприятий по устранению противоречий между законодательством Украины и нормами Европейской конвенции.

Советская юридическая наука категорически не признавала прецедентную форму права. В настоящее время в бывших союзных республиках, в том числе и в Украине, принцип судебного прецедента является одним из наиболее спорных в судебном правотворчестве. Одни авторы поддерживают применение судебного прецедента, другие отрицают такую возможность.

В то же время судебный прецедент является исключительно важным принципом Европейской конвенции. Европейский суд твердо стоит на позиции доктрины судебного прецедента, ссылаясь на предшествующую прецедентную практику в своих решениях. Поэтому для применения судебного прецедента в Украине прежде всего необходимо в национальном законодательстве полностью устранить противоречия по этому вопросу. С этой целью авторами предложены конкретные изменения в законодательстве Украины.

This article analyzes the current legislation of Ukraine on the use of judicial precedent in judicial practice of Ukraine, as well as the proposal of concrete measures to address the contradiction between the legislation of Ukraine and norms of the European Convention.

Soviet jurisprudence did not recognize a form of legal precedent. Currently, the former Soviet republics, including Ukraine, the principle of judicial precedent is one of the most controversial in the judicial lawmaking. Some authors support the use of judicial precedent, others deny such a possibility.

At the same time, judicial precedent is a very important principle of the European Convention. The Court firmly on the position of the doctrine of judicial precedent, referring to previous case-law in their decisions. Therefore, the use of judicial precedent in Ukraine, first of all it is necessary to completely eliminate the contradictions in the national legislation on this issue. To this end, the authors proposed specific amendments to the legislation of Ukraine.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНОГО СОСТАВА ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Лосев В. В.

Значение проблем криминализации преступлений против интересов службы определяется важностью борьбы с коррупцией в государстве. Результаты противодействия коррупции зависят от комплекса принимаемых общественно-политических, социальных и экономических мер, в том числе от правильного определения признаков коррупционных преступлений в уголовном законе. Вместе с тем изменение уголовного законодательства не всегда происходит последовательно, отдельные признаки преступлений формулируются не совсем удачно, что влечет неправильное понимание уголовного закона на практике. Это, в свою очередь, приводит в одних случаях к необоснованному расширению уголовной репрессии, в других же позволяет должностным лицам, совершающим коррупционные по сути деяния, уклониться от уголовной ответственности.

Затруднения в толковании уголовного закона, возникающие вследствие недостатков криминализации, требуют продолжения его совершенствования, прежде всего с учетом опыта других государств, для чего проведен сравнительно-правовой анализ криминализации злоупотребления властью или служебными полномочиями в Уголовном кодексе Республики Беларусь и аналогичных, в принципе, деяний в уголовном законодательстве наших ближайших соседей — Российской Федерации и Украины. Однако, несмотря на внешнюю схожесть,

перечни и содержание обязательных (криминообразующих) признаков злоупотребления в уголовном законодательстве Беларуси, России и Украины различны.

Законодательное определение понятия уголовно наказуемого злоупотребления властью или служебными полномочиями сформулировано в ч. 2 ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) [1]: это умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекших причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам (в соответствии с изменениями, внесенными в ст. 424 Законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-З).

Тем самым в тексте УК Республики Беларусь закреплены обязательные признаки основного состава преступления: 1) понятие деяния, т. е. собственно злоупотребления властью или служебными полномочиями, включающее способ его совершения, 2) умышленная форма вины, 3) альтернативные мотивы, 4) альтернативные общественно опасные последствия, а также 5) специальный субъект — должностное лицо. Эти признаки позволяют разграничивать преступление и должностной проступок, отграничивать злоупотребление властью или служебными полномочиями от иных преступлений.

В Беларуси предусмотрена равная ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями в одной ст. 424 УК Республики Беларусь для всех должностных лиц — работников как государственных, так и негосударственных учреждений, организаций, предприятий, т. е. независимо от формы собственности и публично-правовых или частно-правовых по содержанию функций.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) [2] к числу преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления отнесены злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и такие частные случаи злоупотребления, как нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285–1 УК РФ), нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285–2 УК РФ) и внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (ст. 285–3 УК РФ). Преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях признаются злоупотребление лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, полномочиями (ст. 201 УК РФ) и злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ).

Определение понятия «злоупотребление должностными полномочиями» содержится в ч. 1 ст. 285 УК РФ: использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

В Модельном Уголовном кодексе для государств — участников СНГ (далее — Модельный УК СНГ) [3] ст. 301 названа «Злоупотребление служебным положением», которое в ч. 1 определяется как использование публичным служащим предоставленных ему полномочий вопреки интересам службы, если оно совершено из корыстной, иной личной или групповой заинтересованно-

сти и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства (изменения, внесенные в Модельный УК СНГ постановлением Межпарламентской ассамблеи СНГ от 27 ноября 2015 г. № 43–15 по вопросам борьбы с коррупцией, понятия злоупотребления не коснулись).

В Уголовном кодексе Украины (далее — УК Украины) [4] сейчас три статьи предусматривают уголовную ответственность за злоупотребление: ст. 364 «Злоупотребление властью или служебным положением», ст. 364–1 «Злоупотребление полномочиями должностным лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы» и ст. 365–2 «Злоупотребление полномочиями лицами, предоставляющими публичные услуги». Различаются эти составы прежде всего по непосредственному объекту посягательства и специальному субъекту.

Злоупотребление властью или служебным положением определено в ч. 1 ст. 364 УК Украины как умышленное, с целью получения любой неправомерной выгоды для самого себя или другого физического или юридического лица, использование служебным лицом власти или служебного положения вопреки интересам службы, если оно причинило существенный вред охраняемым законом правам, свободам и интересам отдельных граждан, государственным или общественным интересам, или интересам юридических лиц.

Прежде всего обратим внимание на само понятие этого преступления и описание противоправного действия: в названии ст. 424 УК Республики Беларусь говорится о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, в тексте этой статьи — о совершении должностным лицом действий с использованием своих служебных полномочий.

Статья 364 УК Украины названа «Злоупотребление властью или служебным положением», в тексте также говорится об использовании должностным лицом власти или служебного положения. Тем самым в Украине понятием злоупотребления служебным положением охватывается любое умышленное использование должностным лицом вопреки интересам службы не только своих прав, но также авторитета и возможностей, связанных с должностью, как это было ранее и у нас. Однако в Беларуси уже давно не является злоупотреблением и не влечет уголовную ответственность использование должностным лицом не конкретных своих полномочий, определенных нормативно, а авторитета предоставленной ему власти (должности). Тем самым, как представляется, в УК Республики Беларусь более четко определены границы криминализации злоупотребления и меньше остается простора для усмотрения правоприменителя. Что характерно, в ст. 364–1, 365–2 УК Украины говорится уже о злоупотреблении полномочиями, а не положением.

В Модельном УК СНГ ст. 301 называется «Злоупотребление служебным положением», а в тексте этой статьи говорится об использовании публичным служащим предоставленных ему полномочий. Тем самым допущено смешение понятий: злоупотребление служебным положением — понятие более широкое, чем злоупотребление служебными полномочиями, поскольку, как указано выше, включает еще авторитет предоставленной власти (должности) и возможности, связанные с должностью. Так определялось понятие злоупотребления в ранее действовавших УК БССР и УК РСФСР. Возможно, следует привести название

ст. 301 Модельного УК в соответствии с ее содержанием как «Злоупотребление служебными полномочиями».

В ч. 1 ст. 285 УК РФ, которая называется «Злоупотребление должностными полномочиями», деяние определяется как использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, т. е. ни в названии статьи, ни в ее тексте о власти не говорится. В других названных статьях глав 23 и 30 УК РФ уже не упоминается власть, а говорится только о должностных полномочиях.

Власть и служебные полномочия — это устойчивое словосочетание в теории уголовного права и уголовном законодательстве Беларуси, когда идет речь о преступлениях против интересов службы. Однако не является ли упоминание о власти в названии ст. 424 УК Республики Беларусь излишним?

Структура служебных полномочий законодательно определена при формулировании понятия должностного лица путем перечисления признаков этого специального субъекта в ч. 4 ст. 4 УК Республики Беларусь. В состав служебных полномочий должностных лиц входят: 1) властные полномочия (представителей власти), 2) организационно-распорядительные полномочия, 3) административно-хозяйственные полномочия и 4) полномочия на совершение юридически значимых действий. Обладание каждым из этих полномочий достаточно для признания работника должностным лицом. Тем самым власть или властные полномочия — это служебные полномочия одной из категорий должностных лиц — представителей власти. Власть и служебные полномочия — это не понятия одного уровня, которые исключают друг друга и поэтому могут перечисляться в одном ряду как равнозначные, а часть и целое, где целым является понятие «служебные полномочия».

Кроме того, понятие «власть» в практике правоприменения может трактоваться расширительно с включением в него не только властных полномочий, определенных законодательством, но и авторитета власти, так же как авторитета должности представителя власти. Однако в настоящее время использование авторитета власти уже не может признаваться злоупотреблением служебными полномочиями или их превышением.

В самом тексте ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь власть при определении понятия злоупотребления не упоминается. Поэтому, как представляется, отсутствует необходимость использования этого термина — «власть» и в наименовании ст. 424 УК Республики Беларусь, достаточно назвать это преступление «злоупотреблением служебными полномочиями».

В качестве обязательных признаков основного состава злоупотребления в ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь и в ч. 1 ст. 285 УК РФ названы одинаковые альтернативные мотивы — корыстная или иная личная заинтересованность. Понятие корыстных побуждений сформулировано в ч. 10 ст. 4 УК Республики Беларусь: это мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершённого преступления для себя или для близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат. В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)» указано: «Корыстная заинтересованность может выражаться в стремлении получить выгоду имущественного характера без незаконного безвозмездного обращения государственных или общественных средств в свою собственность или собственность других лиц (например,

сокрытие образовавшейся в результате служебной халатности недостачи путем запутывания учета с целью избежать материальной ответственности). Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т. п.» [5].

Тем самым и в Беларуси, и в России должностное злоупотребление, совершённое в интересах конкретного гражданина или юридического лица не из корысти и не из иной личной заинтересованности (а также когда такие личные мотивы не установлены (не доказаны)), пусть даже причинившее общественно опасные последствия, преступлением не является.

В ст. 301 Модельного УК в качестве альтернативного мотива дополнительно к корыстной и иной личной заинтересованности называется еще групповая заинтересованность.

В ст. 364 УК Украины обязательными признаками субъективной стороны состава злоупотребления названы не мотивы, а цель «получения любой неправомерной выгоды для самого себя или другого физического или юридического лица». Причем, как видно, в отличие от УК Республики Беларусь и УК РФ, не обязательна цель получения какой-либо именно личной (корыстной или иной) выгоды.

По нашему мнению, заслуживает обсуждения возможность дополнения обязательных признаков субъективной стороны преступления в ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь, наряду с мотивами, включением в понятие злоупотребления служебными полномочиями еще и альтернативной цели «получения любой неправомерной выгоды для самого себя или другого физического или юридического лица», независимо от личных или групповых интересов должностного лица. Злоупотребление как по названным в уголовных законах Республики Беларусь и РФ мотивам, так и с подобной целью, предусмотренной в УК Украины, представляет одинаковую общественную опасность.

В ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь в качестве криминообразующих последствий злоупотребления служебными полномочиями, позволяющими отграничить преступление от должностного проступка, названы: 1) ущерб в крупном размере или 2) существенный вред правам и законным интересам граждан, или 3) существенный вред государственным интересам, или 4) существенный вред общественным интересам. Тем самым в белорусском уголовном законе при определении альтернативных последствий злоупотребления сразу были упущены в качестве охраняемых уголовным законом неимущественные интересы коммерческих и некоммерческих юридических лиц негосударственной (частной) формы собственности, в том числе иностранных и совместных.

Причинение им вреда представляет одинаковую по сравнению с государственными и общественными интересами, а также правами и законными интересами граждан степень общественной опасности, т. е. такой вред можно считать существенным. Однако злоупотребление, повлекшее существенный вред названным юридическим лицам, осталось уголовно не наказуемым. В таком виде ст. 424 УК Республики Беларусь не согласуется с конституционным положением о том, что «государство... гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности» (ст. 13 Конституции Ре-

спублики Беларусь). Российское и украинское уголовные законодательства в этой части более совершенны: говорится о причинении существенного вреда не только интересам отдельных граждан, общества или государства, но еще и интересам организаций в ст. 201, 202, 285–285–3 УК РФ; в части 1 ст. 364, 364–1 и 365–2 УК Украины — о причинении существенного вреда интересам юридических лиц.

Поскольку в Беларуси вне пределов криминализации остались случаи причинения в результате должностного нарушения существенного вреда юридическим лицам негосударственной (частной) формы собственности, что логичным и обоснованным назвать никак нельзя, представляется необходимым дополнить таким последствием ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь.

В заключение представляется возможным с учетом опыта законодательного определения понятия и признаков должностного злоупотребления в уголовном законодательстве Беларуси, России и Украины предложить изменения в ст. 424 УК Республики Беларусь:

1) изменить наименование ст. 424 УК Республики Беларусь на «Злоупотребление служебными полномочиями»;

2) при определении в ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь субъективной стороны злоупотребления дополнить мотивы — «корыстная или иная личная заинтересованность» еще и альтернативной целью «получения любой неправомерной выгоды для самого себя или другого физического или юридического лица»;

3) в ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь дополнить перечень последствий уголовно наказуемого злоупотребления: «повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан, либо государственным или общественным интересам, либо интересам юридических лиц (независимо от формы собственности)».

Системный подход к криминализации преступлений против интересов службы позволит обеспечить соответствие между формой закона (текстом) и его сущностью (замыслом законодателя) и тем самым правильное понимание закона на практике, соблюдение принципа законности при привлечении должностных лиц за нарушения по службе к уголовной и иным видам ответственности.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ: с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

3. Модельный Уголовный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств: утв. постановлением Межпарламент. Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, 17 февр. 1996 г. — Режим доступа: <http://www.iacis.ru/upload/iblock/753/019.pdf>. — Дата доступа: 14.06.2016.

4. Уголовный кодекс Украины: Закон Украины, 5 апр. 2001 г., № 2341-III [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/page>. — Дата доступа: 14.06.2016.

5. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК): постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь 16 дек. 2004 г., № 12: с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

Дата поступления статьи — 20.06.2016.

В статье проведен сравнительно-правовой анализ криминализации злоупотребления властью или служебными полномочиями в Уголовном кодексе Республики Беларусь и аналогичных, в принципе, деяний в уголовном законодательстве Российской Федерации и Украины. Несмотря на внешнюю схожесть, перечни и содержание обязательных (криминообразующих) признаков злоупотребления в Уголовных кодексах Беларуси, России и Украины различны. Сформулированы предложения об изменении ст. 424 УК Республики Беларусь, в частности: об изменении наименования этой статьи на «Злоупотребление служебными полномочиями»; о дополнении субъективной стороны злоупотребления наряду с мотивами еще и альтернативной целью «получения любой неправомерной выгоды для самого себя или другого физического или юридического лица»; о дополнении перечня последствий уголовно наказуемого злоупотребления существенным вредом интересам юридических лиц (независимо от формы собственности).

In the article the comparative legal analysis of the criminalization of the abuse of power or authority in the Criminal code of the Republic of Belarus and similar, in principle, acts in the criminal legislation of the Russian Federation and Ukraine. Despite the apparent similarities, lists and content compulsory (crime forming) signs of abuse in the Criminal codes of Belarus, Russia and Ukraine are different. Formulated proposals for the amendment of article 424 of the criminal code of the Republic of Belarus, in particular: to change the name of this article on «Abuse of power»; the addition of the subjective element of abuse along with the motives and even alternative purpose of «gaining any illegal benefit for himself or another physical or legal entity»; on amendments to the list of consequences of the criminal offense of abuse of substantial harm to the interests of legal entities (regardless of ownership).

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ КОНТРОЛЯ КАК ГАРАНТИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОМ, ОБВИНЯЕМОМ УСЛОВИЙ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Малярчук Н. В.

В Уголовном процессуальном кодексе Украины (далее — УПК Украины) введена новая, ранее неизвестная украинскому законодательству мера пресечения — домашний арест. В то же время следует указать, что домашний арест как меру пресечения — ограничение свободы в виде изоляции по месту жительства, с назначением охраны или без таковой — предусматривал УПК УССР 1922 г.

Исследованием вопроса мер пресечения и их видов занимались многие ученые, в частности, Ю. П. Аленин, А. Ф. Безрукова, С. И. Викторский, В. Г. Гончаренко, Ю. М. Грошовый, М. В. Духовский, Л. М. Лобойко, П. И. Люблинский,

В. Т. Маляренко, В. В. Назаров, В. Т. Нор, Ю. Г. Овчинников, И. Л. Петрухин, В. О. Попелюшко, В. В. Сташис и другие.

УПК Украины в ст. 181 дает определение домашнего ареста как меры пресечения. Согласно этой статье домашний арест заключается в запрете подозреваемым, обвиняемым покидать жилье круглосуточно или в определенный период суток. Домашний арест может быть применен к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, за совершение которого законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы [1]. Следует сказать, что, согласно ч. 2 ст. 181 УПК, домашний арест может применяться и к лицам, мерой наказания которых может быть лишение свободы на срок больше 10 лет или пожизненное заключение. Обращаем внимание, что в каждом конкретном случае суд решает, к кому можно применять домашний арест, учитывая обстоятельства согласно ст. 177 и 178 УПК Украины. Также отмечаем, что меры пресечения в виде личного обязательства, личной поруки, домашнего ареста, залога не могут быть применены к лицам, которые подозреваются или обвиняются в совершении преступлений, предусмотренных ст. 109–114–1, 258–258–5, 260, 261 УПК Украины [1].

С уверенностью можно согласиться с суждением А. Ф. Безруковой, О. С. Шелякина, что не следует применять такую меру пресечения, как домашний арест, к лицам, которые подозреваются в совершении криминального правонарушения, за которое предусматривается наказание в виде лишения свободы больше чем на 10 лет, в связи с высокой вероятностью нарушения его запретов и обязательств. В таких случаях следует применять более жесткую меру пресечения (содержание под стражей).

Особенностью соответствующей меры пресечения является то, что домашний арест может быть выбран только во время проведения досудебного следствия при расследовании преступлений. Эти ограничения вытекают также из содержания ст. 299 УПК, где указано о запрете его применения при производстве дознания при расследовании уголовных проступков.

Необходимо сказать, что контроль над лицом, которое находится под домашним арестом, осуществляется сотрудниками Национальной полиции, которым предоставлено право являться в жилье арестанта и, кроме того, требовать предоставить устные или письменные объяснения по вопросам, связанным с выполнением возложенных на него обязательств, а также использовать электронные средства контроля (далее — ЭСК).

По сравнению с УПК 1960 г. введен принципиально новый способ осуществления контроля за подозреваемым с помощью применения электронных средств контроля.

К сожалению, действующий УПК Украины требует многих изменений, поправок и усовершенствований. Среди последних также использование и внедрение применения электронных средств контроля в отношении подозреваемого, обвиняемого в соответствии со ст. 195 УПК Украины. ЭСК позволяют отслеживать и фиксировать местонахождение подозреваемого. Такое устройство должно быть защищено от самостоятельного снятия, повреждения или иного вмешательства в его работу с целью уклонения от контроля и сигнализировать о попытках человека осуществить такие действия.

Следует сказать, что не допускается применение ЭСК, которые существенно нарушают нормальный уклад жизни подозреваемого, вызывают значительные неудобства в их ношении или могут представлять опасность для жизни

и здоровья подозреваемого, который их использует. Запрещается применять ЭСК, которые не прошли сертификацию в соответствии с действующим законодательством.

ЭСК в соответствии с ч. 2 ст. 195 УПК Украины применяются следователем на основании постановления следственного судьи, суда об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения, не связанной с лишением свободы.

Законодатель предусматривает обязанность следователя, работника органа внутренних дел перед применением ЭСК под роспись разъяснить подозреваемому, обвиняемому правила пользования устройством, технику безопасности обращения с ним и последствия его снятия или неправомерного вмешательства в его работу с целью уклонения от контроля (ч. 5 ст. 195 УПК Украины) [1]. В случае невыполнения требований ст. 195 УПК Украины подозреваемым, обвиняемым согласно приказу Министерства внутренних дел Украины от 9 августа 2012 г. № 696 «Об утверждении Положения о порядке применения электронных средств контроля» пункта 3.4 предусматривается применение положений ст. 179 УПК Украины [2]. Так, при таких обстоятельствах к личности подозреваемого, обвиняемого может быть применена более жесткая мера пресечения, а также может быть наложено денежное взыскание в размере от 0,25 минимальной заработной платы до 2 размеров минимальной заработной платы. По нашему мнению, такой вид санкции в случае нарушения требований ношения ЭСК является неэффективным. И по поводу этого есть некоторые печально известные примеры. Такие действия были совершены ректором Налоговой академии П. Мельником, или другой случай, когда электронный браслет был снят без разрешения на то командиром «Беркута» Дмитрием Садовником, а это все резонансные дела, особенно в отношении Д. Садовника относительно его действий во время «Революции достоинства». Такие инциденты влияют на общество и заставляют его отчаиваться и не верить в справедливый суд, в надлежащую деятельность правоохранительной системы в целом и в то, что каждый, кто совершил уголовное преступление, должен быть привлечен к ответственности в меру своей вины и чтобы к каждому участнику уголовного производства была применена надлежащая правовая процедура.

Из вышесказанного с уверенностью можно утверждать, что положений ч. 2 ст. 179 недостаточно для того, чтобы предупредить совершение таких противоправных действий, как снятие ЭСК подозреваемым или обвиняемым. Соответствующая статья, на наш взгляд, должна содержать более жесткие меры, нежели применение другого вида меры пресечения и денежного взыскания. Одним из способов предотвращения нарушения норм УПК Украины в контексте снятия или неправомерного вмешательства в работу электронных средств контроля с целью уклонения от контроля возможно путем введения уголовной ответственности за такие действия. Представляется целесообразным внести изменения в ст. 195 УПК Украины, дополнив ее нормой, информирующей о неотвратимости уголовной ответственности за умышленное снятие или неправомерное вмешательство в работу ЭСК с целью уклонения от контроля. В свою очередь, положения ч. 2 ст. 179 УПК Украины вступали бы в действие в случае нарушения правил пользования устройством или нарушения обязанностей, предусмотренных такими мерами пресечения свободы лица, как задержание лица в виде личного обязатель-

ства, личного поручительства, залога или домашнего ареста. Таким образом, в случае снятия ЭСК подозреваемого, обвиняемого можно было подвергнуть уголовной ответственности по ст. 382 Уголовного кодекса Украины, в которой речь идет об умышленном невыполнении приговора, решения, постановления суда, вступивших в законную силу, или препятствовании их выполнению [3]. Также законодатель может отметить важность института ЭСК и предусмотреть охрану последнего путем дополнения раздела XVIII «Преступления против правосудия УК Украины» отдельной статьей «Умышленное снятие или неправомерное вмешательство в работу электронного средства контроля».

Правильным является мнение А. В. Мудрецькой о том, что кроме использования ЭСК можно использовать и традиционные средства контроля за соблюдением наложенных судом ограничений [4, с. 314]. Также можно согласиться с мнением С. А. Торопова, Д. А. Сафонова по поводу эффективности применения смешанных типов мониторинга по примеру других стран [5, с. 97].

Также надо сказать, что в США разрабатываются и тестируются миниатюрные устройства слежения. Они могут быть имплантированы под кожу, отслеживать местоположение лица, а также осуществлять мониторинг физиологических признаков. Хотя они могут быть удалены с помощью простой хирургической процедуры, потенциал гражданского иска для любых неблагоприятных последствий операции или самого имплантата требует серьезного рассмотрения, прежде чем такие разработки воплощать в жизнь. Профессиональные этические вопросы возникают для врачей, участвующих в процедурах имплантации и удаления. Несмотря на сказанное, правительство Великобритании всерьез рассматривает использование хирургически имплантированных устройств для осужденных педофилов [6, с. 405].

Еще более сложное устройство включает в себя миниатюрную видеокамеру, которая позволяет наблюдать за чиновниками, их местонахождением и деятельностью, а другие устройства могут измерять биохимические характеристики, такие, например, как уровень алкоголя в крови владельца [6, с. 405].

Стоит заметить, что в Беларуси в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь «Об определении перечня электронных средств контроля» от 13 апреля 2015 г. № 298 [7] кроме ЭСК могут применяться приборы аудиовизуального контроля, предназначенные как для визуальной, так и для голосовой идентификации подозреваемого, обвиняемого.

Следующее, на что надо обратить внимание, — это проблемы внедрения института электронного средства слежения, в частности, такие как: порядок введения в действие соответствующей технологии слежки в Украине; подготовка персонала органов внутренних дел; проблемы с нехваткой ЭСК на основании недостатка средств и тому подобное.

Принятие и введение института ЭСК в Украине — это необходимый шаг, который должен разгрузить изоляторы временного содержания, что даже только с точки зрения экономии выгодно для государства и должно быть эффективным гарантом надежности пребывания подозреваемого, обвиняемого под домашним арестом. К сожалению, правоохранительные органы еще технически не обеспечены в полной мере такими устройствами в связи с их высокой стоимостью — примерно 17 200 гривен за комплект (за рубежом цена может достигать 2500 евро [8, с. 55]). Украина не производит такие устройства, а потому вынуждена покупать их в других странах (Израиль). Остается непонят-

ным, почему за 15 лет работы над новым УПК Украины законодатель и органы исполнительной власти не смогли предусмотреть необходимость разработки соответствующих технологий отечественного производства, пользуясь при этом опытом внедрения и применения соответствующего института в таких странах, как США, Великобритания, Австралия и др.

Вполне справедливым является мнение народного депутата Украины VI и VII созывов В. Ф. Пилипенко о том, что следует арендовать соответствующие ЭСК в компаниях производителей, а не закупать их. Старые приборы по истечении срока их эксплуатации заменяются, а оплата осуществляется только за аренду приборов. Думаем, что такие действия оправданны, если все-таки параллельно разработать соответствующие технологии отечественного производства.

Таким образом, несмотря на проблемы по применению и внедрению института ЭСК в Украине, последние, безусловно, являются такими, которые возможно преодолеть. И так как Украина уверенно идет к евроинтеграции, это лишь еще один стимул к тому, чтобы этот институт получил достойное место в работе правоохранительных органов и являлся безоговорочным гарантом соблюдения назначенных мер пресечения свободы следственным судьей, судом в отношении подозреваемого, обвиняемого.

Список цитированных источников

1. Уголовный процессуальный кодекс: 13 апр. 2012 г., № 4651-VI // Ведомости Верхов. Рад Украины. — 2013. — № 9–10, 11–12, № 13. — С. 88.
2. Об утверждении Положения о порядке применения электронных средств контроля: приказ М-ва внутр. дел Украины, 9 авг. 2012 г., № 696 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1503-12>. — Дата доступа: 01.06.2016.
3. Уголовный кодекс Украины: 5 апр. 2001 г., № 2341-III // Офиц. вестн. Украины. — 2001. — № 25–26. — С. 131.
4. Мудрецька, Г. В. Проблемы применения домашнего ареста как меры пресечения в уголовном производстве / Г. В. Мудрецька, К. И. Садикова // Сравн.-аналит. право. — 2014. — № 2. — С. 312–314.
5. Торопов, С. А. Некоторые проблемы, вопросы и перспективы применения домашнего ареста / С. А. Торопов, Д. А. Сафонов // Европ. перспективы. — 2013. — № 5. — С. 96–99.
6. Smith, R. G. Human Rights Infringement in Digital Age / R. G. Smith // Cyber Criminology: Exploring internet Crimes and Criminal Behavior. — Boca Raton, 2011. — P. 393–411 [Electronic resource]. — Mode of access: https://books.google.com.ua/books?id=cWQQWx4QPFYC&pg=PA405&lpg=PA405&dq=implanted+the+skin+and+can+track+an+individual%27s+location+as+well+as+monitor+physiological+signs&source=bl&ots=EZvYaKpTkH&sig=wKvkO5PxxhJdCbsuxSN_TQo8c&hl=ru&sa=X&ved=0CCcQ6AEwAWoVChMIqr2su3QxwIVy10sCh1sLw_D#v=onepage&q=implanted%20beneath%20the%20skin%20and%20can%20track%20an%20individual's%20location%20as%20well%20as%20monitor%20physiological%20signs&f=false. — Date of access: 01.06.2016.
7. Об определении перечня электронных средств контроля: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 апр. 2015 г., № 298. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=194633>. — Дата доступа: 01.06.2016.
8. Колбасова, Е. В. Механизм применения электронных средств контроля и надзора за осужденными к ограничению свободы / Е. В. Колбасова // Юрид. наука. — 2011. — № 3. — С. 54–56.

Дата поступления статьи — 13.06.2016.

В статье исследуются некоторые проблемы правового регулирования, а также их решения во время применения домашнего ареста как меры пресечения в криминальном процессе, а также использование электронных средств контроля как одна из гарантий выполнения подозреваемым, обвиняемым условий домашнего ареста. Предоставлены способы предотвращения нарушения норм УПК Украины в контексте снятия или неправомерного вмешательства в работу электронных средств контроля с целью уклонения от контроля.

The paper investigates some of the problems of legal regulation, as well as their solutions with the use of house arrest as a preventive measure in the criminal process, as well as the use of electronic monitoring as one of the guarantees of performance of the suspect, accused conditions of house arrest. Providing a way to prevent violations of the Criminal Procedure Code of Ukraine in the context of removal or undue interference in the operation of electronic monitoring with a view to evading controls.

СТРАТЕГИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ О ПУБЛИЧНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

*Навроцкий В. А., Авраменко А. В., Коваленко В. П.,
Красницкий И. В., Лащук Н. Р., Луцки В. В.,
Марин А. К., Маритчак Т. Н., Созанский Т. И.,
Хилук С. В., Яремко Г. З.*

Наверно, нет ни одного государства, работники правоприменительных органов которого, научное сообщество и все население были бы удовлетворены состоянием действующего законодательства об ответственности за преступления. Не является исключением и Украина. Хотя Уголовный кодекс Украины принят сравнительно недавно — в 2001 г., он явно не оправдывает возлагаемых на него надежд — выступить в качестве эффективного средства противодействия преступности. Среди замечаний, высказываемых в его адрес, наиболее часто звучат указания на нестабильность (около $\frac{2}{3}$ его норм подверглось изменению), противоречивость, несогласованность с другими нормативно-правовыми актами, сложность в применении. При этом постоянно идет речь о необходимости «разгрузить» уголовное законодательство от малозначительных посягательств, перевести их в разряд иных правонарушений.

Ситуация усугубляется тем, что законодательство Украины об административной ответственности пребывает еще в худшем состоянии. Оно состоит не только из Кодекса Украины об административных правонарушениях, принятого еще в 1984 г. (изменения в него вносились 393 раза), но и других многочисленных законов, преимущественно узковедомственного характера, и о наличии карательных норм, о существовании которых сложно даже догадаться. Несколько сот субъектов властных полномочий имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях (среди них собственники частных предприятий, контролеры общественного транспорта, на должности которых принимают и иностранцев...), и почти все из них вправе налагать взыскания.

Между тем концепция «уголовного правонарушения», сформулированная Европейским судом по правам человека в контексте Конвенции о защите прав

и основных свобод (1950 г.), включает в это понятие не только собственно преступления, но и правонарушения, которые по законодательству Украины и других государств, образованных на постсоветском пространстве, относятся к административным [1, с. 4]. Значительная часть решений Европейского суда против Украины как раз и касается нарушений прав человека в ходе привлечения к ответственности за уголовные правонарушения, которые в нашем понимании являются административными.

Один из возможных выходов из сложившейся ситуации в Украине некоторые ученые видят во введении в законодательство нового вида правонарушения — уголовного проступка и принятие отдельного кодекса уголовных проступков. Установление ответственности за уголовный проступок как правонарушения, пограничное между преступлением и административным правонарушением, было предусмотрено Концепцией реформирования уголовной юстиции в Украине (утвержденной Указом Президента Украины от 8 апреля 2008 г. № 311/2008). С учетом существования такого вида правонарушений построен Уголовный процессуальный кодекс Украины 2012 г., подготовлен ряд проектов кодексов уголовных проступков, один из которых находится на рассмотрении Верховного Совета Украины. Одновременно ведется подготовка законопроектов о совершенствовании уголовного закона и законодательства об административных правонарушениях. Возможно, на определенном этапе, в ближайшей перспективе, такой способ регламентации и совершенствования ответственности за правонарушения является оправданным.

Вместе с тем традиционный и, казалось бы, испытанный временем подход, согласно которого ответственность за правонарушения устанавливается в нормативно-правовых актах разных отраслей законодательства, представляется малопродуктивным. Недостатки такой регламентации ответственности усматриваются в громоздкости законодательного материала, отсутствии согласованности между нормами об однородных правонарушениях, в терминологическом разном и т. п. К тому же отсутствие общепризнанных правил установления соотношения между нормами об административных правонарушениях и преступлениях нередко ставит неразрешимые проблемы [2, с. 412–416].

Выход из сложившейся ситуации усматривается в переходе от отраслевой кодификации норм карательного характера к их систематизации на новых принципах. В основе предлагаемой идеи лежит гипотеза о существовании феномена публичного правонарушения — синтетического правового явления, понятие которого объединяет понятия целого ряда правонарушений (преступлений, деяний, предполагаемых к выделению в качестве уголовных проступков, административных правонарушений, некоторых дисциплинарных правонарушений, отдельных мер влияния за процессуальные нарушения) и которое одновременно отличается от частных (частных) правонарушений.

Понятие публичного правонарушения имеет глубокие исторические корни. Известно, что основы разделения правонарушений на публичные (*delictum publicum*) и частные (*delictum privatum*) были заложены еще в римском праве. Современный период развития права также характеризуется тем, что в целом существует разделение права на частное, где основным методом правового регулирования является диспозитивность, и публичное, базирующееся на императивном методе правового регулирования. Каждому из этих

видов права присущи свои виды правонарушений — публичные и приватные [3, с. 11–19].

Существование публичного правонарушения как самостоятельного и обособленного может быть обоснованно, если удастся выделить его единые родовые признаки, превалирующие над видовыми отличиями отдельных посягательств, являющихся видами этого понятия, а также четко и однозначно отграничивающиеся от приватных правонарушений. Анализ позволяет указать на такие характерные признаки публичных правонарушений.

- они посягают на публичные права и интересы государства, общества и физических лиц. Приватные правонарушения, наоборот, причиняют вред только интересам отдельных лиц;

- ответственность публичная заинтересованность в установлении ответственности и преследований за такие правонарушения на основании заранее определенных условий в общегосударственных правовых актах, тогда как регламентация и наступление ответственности за приватные правонарушения наступает только по инициативе заинтересованного лица (в договоре, трудовом контракте либо в ином непубличном способе);

- ответственность наступает перед государством в целом в лице его уполномоченных органов. Для приватных правонарушений характерно то, что ответственность за них наступает перед контрагентом по соглашению;

- ответственность является личной и наступает лишь при наличии вины. Напротив, в приватных правонарушениях возможной является ответственность и без вины.

По этим признакам можно довольно четко выделить из всех правонарушений те, которые являются публичными. Единство и обособленность публичного правонарушения являются предпосылками для унификации ответственности за такие правонарушения. Таким образом, существуют логико-юридические основания создания единого нормативно-правового акта о публичных правонарушениях.

Предложение о создании единого нормативно-правового акта должно базироваться и на технико-кодификационном обосновании — доказывании того, что на основе имеющегося уровня знаний и приемов юридической техники можно создать нормативно-правовой акт, который охватит все разновидности публичных правонарушений. Кроме того, важно продемонстрировать, какие преимущества единого акта являются более существенными, чем вероятные недостатки.

Нормативно-правовой акт, создание которого предлагается, призван заменить УК, КУоАП и ряд других нормативно-правовых актов в части, касающейся ответственности за публичные правонарушения. Речь идет о консолидации, систематизации, унификации тысяч правовых норм, их согласовании еще с десятками тысяч актов так называемого регулирующего законодательства. Проработка такого объема информации раньше была невозможна, учитывая ее разрозненность и объемность. Однако при современном использовании существующих компьютерных баз данных и создании новых (в первую очередь правового тезауруса, перечня сквозных понятий, списка квалифицирующих признаков и тому подобное) есть возможность успешно реализовать такую цель.

Преимущества единственного нормативно-правового акта в этой сфере многочисленны и разнообразны. В частности, это:

- существенное сокращение общего объема нормативного материала (по предварительным оценкам, примерно в два-три раза);
- устранение дублирований, пробелов, «разрывов» в правовой регламентации. Даже больше — предлагаемое решение даст возможность предотвращать появление таких деструктивных явлений;

- преодоление или по меньшей мере значительное сокращение коллизий и конкуренции между нормативными положениями;
- введение в конце концов единой терминологии;
- унификация критериев для определения содержания оценочных понятий.

Можно предположить, что предлагаемые изменения и специалисты в области права, и население воспримут как положительные и такие, которые будут способствовать повышению уровня правопорядка в государстве. Тем более следует ожидать поддержки от правоприменителей, хотя им и придется в очередной раз привыкать к новой системе правовых норм, овладевать навыками ее применения. Поэтому констатируется социально-психологическое восприятие предлагаемых новелл.

Преимущества кодификации законодательства о публичных правонарушениях могут и должны быть реализованы в едином нормативно-правовом акте. Его предлагается назвать Кодексом публичных правонарушений (КПП). Хотя предложенное название не окончательное, есть и другие варианты.

Какими же чертами должен характеризоваться предлагаемый нормативно-правовой акт? Прежде всего обеспечивающими целостность, единство и стабильность закона об ответственности за публичные правонарушения, а именно:

- монистичность — единственным формальным источником законодательства в сфере ответственности за публичные правонарушения является КПП;

- стабильность — предлагается ввести правило, согласно которому изменения и дополнения к КПП могут быть осуществлены не чаще одного раза в год (например, ежегодно до 1 июля), а вступить в действие не раньше, чем через полгода (с 1 января следующего года);

- защищенность от фактических изменений содержания КПП через его толкование. Для этого предлагается ограничить число органов, которые вправе давать официальные толкования этого закона;

- ограничение бланкетности. Бланкетные диспозиции КПП могут содержать ссылку лишь на законы (по крайней мере, диспозиции статей о преступлениях).

Важную роль имеют и черты, характеризующие технику изложения нормативного материала, в частности, соотношение между Общей и Особенной частями КПП. Предполагается, что Общая часть КПП получит опережающее развитие. В частности, в Общей части КПП предлагается регламентировать:

- определения «сквозных» понятий, которые будут использоваться в КПП;
- типовые санкции для каждого вида и разряда публичных правонарушений;
- квалифицирующие признаки с «оценкой» влияния каждого из них на ужесточение наказания;

- привилегиирующие признаки, с учетом которых будет происходить смягчение ответственности и наказание;

- условия освобождения от ответственности в случае позитивного постделиктного поведения (в частности, относительно отказа от обладания оружием, наркотиками и другими подобными предметами; прекращение участия в преступных организациях);

- принципы и правила квалификации деяний, предусмотренных КПП;
- правила толкования статей КПП.

Общая часть КПП, будучи единой для всех видов и разрядов публичных правонарушений, в то же время будет указывать на специфику применения ее положений относительно отдельных таких правонарушений.

Особенная часть КПП не будет иметь разделения на несколько книг, томов отдельно относительно каждого вида правонарушений. Она будет поделена на разделы по предметному признаку. Количество разделов должно быть достаточным для того, чтобы не включать в один раздел статьи о посягательствах на несколько объектов.

Статьи (части статей) Особенной части КПП не будут иметь санкций с указанием на виды и размеры наказания. В них лишь будет указываться разряд публичного правонарушения, типичная санкция за которое определена в Общей части КПП. За счет перенесения в Общую часть ряда положений и ее расширение объем статей можно будет уменьшить. В то же время это даст возможность более точно сформулировать диспозиции путем их расширения и указания на обязательные признаки составов соответствующих правонарушений.

Статьи и Общей, и Особенной частей будут иметь цифровую нумерацию каждой из их частей и буквенное обозначение альтернативных признаков. Это даст возможность точно указывать в формуле квалификации и формулировке обвинения на суть допущенного публичного правонарушения.

Предлагается оптимизировать соотношение общих и специальных норм, а также норм, охватывающих посягательство «в целом» и часть этого посягательства.

Ради облегчения применения КПП предусматривается широкое применение ссылок между отдельными статьями Общей и Особенной частей.

В основе систематизации положений законодательства о публичных правонарушениях будет находиться классификация таких посягательств. Публичные правонарушения, учитывая характер и размер антисоциального вреда, разделяются на виды. С учетом вида публичного правонарушения дифференцируется процессуальная форма осуществления относительно их. Вместе с тем названия правонарушений условны и являются скорее данью традиции.

В зависимости от того, причиняется ли вред местным интересам (местной территориальной общины) либо всего общества, будут различаться правонарушения местные и общегосударственные. Среди последних (общегосударственных), в свою очередь, выделяются общественно вредные посягательства — проступки и общественно опасные — преступления. Следовательно, все публичные правонарушения будут иметь разделение на три вида: а) местные правонарушения; б) проступки; в) преступления.

При этом местными правонарушениями предлагается признавать умышленные и неосторожные посягательства, состоящие в несоблюдении предписаний нормативно-правовых актов, которые имеют публичный характер, не повлекли причинения реального вреда, однако создали угрозу существующему правопорядку на местном уровне. За местные правонарушения будет предусматриваться наказание по большей части в виде общественных неоплачиваемых работ или штрафа.

Проступками предлагается признавать умышленные и неосторожные посягательства, которые заключаются в причинении действительного (реального) вреда интересам, правам и свободам лица, общества и государства либо созданию угрозы причинения такого вреда. Проступки не будут содер-

жать дополнительного определения, наподобие «уголовные», «общественно вредные», «общественно опасные». Этим подчеркивается, что ввод такого вида публичного правонарушения не означает расширения криминализации в Украине. Напротив, к категории проступков могут и должны быть отнесены те деяния, которые, по отечественному законодательству, традиционно считались преступлениями, однако их общественная опасность (как угроза самому существованию государства, общества, лица) оценивалась как незначительная или была крайне сомнительной, что засвидетельствовала многолетняя карательная практика (за них обычно не назначалось реальное лишение свободы). К проступкам могут быть отнесены такие, как причинение вреда жизни и здоровью лица по неосторожности, причинение нетяжелого умышленного вреда здоровью, управление транспортными средствами в состоянии опьянения, нарушение специальных правил безопасности и осуществления отдельных видов деятельности, умышленное причинение имущественного вреда, другие посягательства, сопряженные с причинением вреда или возникновением опасности его причинения. В то же время проступками не будет признаваться неосторожное причинение имущественного вреда независимо от размера — такие деяния представляют гражданские деликты и не принадлежат к публичным правонарушениям. За проступки предлагается устанавливать, как правило, наказание в виде ограничения свободы (в частности, на длительные сроки) или имущественные наказания.

Предполагается решительно ограничить круг деяний, признаваемых преступлениями, и относиться к ним лишь умышленные посягательства на основные права, свободы и интересы человека, общества и государства.

Критерием признания публичных правонарушений преступлениями являются:

- характер деяния;
- потерпевший;
- последствия (физический вред — от средней тяжести телесных повреждений);
- направленность на причинение вреда национальной или международной безопасности, экологической безопасности, конституционным правам граждан;
- способ посягательства, средства, орудия (насилие, использование общеперенятых орудий или средств);
- мотив, цель (расовая нетерпимость, религиозные, сексуальные и т. п.).

Основным и обязательным наказанием за преступление предполагается установить лишение свободы. Лишь после отбывания определенной части назначенного наказания в виде лишения свободы допускается замена его неотбытой части другими наказаниями.

Публичные правонарушения каждого вида, в свою очередь, получают разделение на несколько разрядов по степени тяжести. Деление правонарушений на разряды является сплошным (неразрывным). Всего предусматривается установить 7–10 разрядов публичных правонарушений, а относительно каждого разряда публичного правонарушения будет предусматриваться типичная санкция.

Наказание за публичное правонарушение должен компенсировать причиненный вред. Следовательно, его «стоимостный» компонент (штраф, стоимость конфискованного имущества) распределяется равными частями между потерпевшим от преступления (если такое лицо имеется), государством и Фондом

возмещения потерпевшим от преступлений. Если совершённое деяние представляет публичные правонарушения нескольких видов или несколько публичных правонарушений одного вида, то ответственность наступает отдельно за каждое из них, а назначенные наказания суммируются.

Публичные правонарушения каждого вида имеют свои особенности, касающиеся ответственности за: незаконченные деяния; совершение деяний в соучастии; обстоятельств, исключающих преступность правонарушения; использования медиации и соглашений со стороны обвинения; probation во время исполнения наказания, правовых последствий отбывания наказания.

Реформа законодательства об ответственности за публичные правонарушения имеет и свой процессуальный компонент — единому акту материального законодательства должен соответствовать и унифицированный процессуально-правовой акт. Одна из главных предлагаемых новелл процессуального характера касается процедуры рассмотрения местных правонарушений. Насущной задачей является ликвидация существующего положения, при котором должностные лица одного и того же ведомства и выявляют правонарушение, и составляют протокол, и назначают взыскание. Предлагается же передать рассмотрение дел о таких правонарушениях на рассмотрение мировых судей, избираемых населением территориальной общины.

Предлагаемые изменения — дело не ближайшего будущего. Они могут быть реализованы в течение 10–15 лет. За это время предстоит:

- подготовить словарь, предложить определения сквозных понятий;
- составить перечень квалифицирующих признаков и признаков, смягчающих ответственность;
- выверить список бланкетных актов и сформировать систему отсылок;
- проверить, в какой мере учтены международно-правовые обязательства;
- сформировать таблицу соответствия норм разных отраслей (компьютерная модель связей и установления «соответствующих» норм);
- определить наличие критериев криминализации относительно дискуссионных ситуаций (в частности, провести социологические исследования);
- изучить практику реального назначения наказания и определения типичных санкций;
- создать теоретическую модель КПП.

Концепция создана членами Львовского форума уголовной юстиции — общественной организации, состоящей из преподавателей права, судей, адвокатов, работников правоохранительных органов.

Список цитированных источников

1. Гомьен, Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак. — М., 1998. — 221 с.
2. Хомич, В. М. Систематика ответственности за преступления и правонарушения в белорусском праве / В. М. Хомич // Процессуальные, криминалистические, уголовно-правовые и криминологические проблемы ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления в России и Германии: материалы науч.-практ. форума Юда Германии в России 2012/13, Казань, 4–5 апр. 2013 г. / отв. ред. А. Г. Никитин, Э. Ю. Латышова. — Казань: Познание, 2013. — С. 412–416.
3. Клепицкий, И. А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской Конвенции о правах человека / И. А. Клепицкий // Государство и право. — 2000. — № 3. — С. 11–19.

Дата поступления статьи — 16.06.2016.

В статье излагаются основные положения Концепции реформирования законодательства об ответственности за публичные правонарушения Украины, подготовленной членами Львовского форума уголовной юстиции. Сущность Концепции — в создании единого кодекса публичных правонарушений, который должен заменить многочисленные правовые акты об ответственности за преступления, административные правонарушения, некоторые дисциплинарные проступки. Обосновывается существование феномена публичного правонарушения и выделяются его признаки. Характеризуются виды правонарушений, которые охватываются соответствующим понятием. Дается логико-юридическое, технико-кодификационное и социально-психологическое обоснование целесообразности создания единого Кодекса публичных правонарушений, а также характеристика перспективной модели реформированного законодательства Украины о публичных правонарушениях. Обращено внимание на приоритетное развитие Общей части предлагаемого кодекса, показаны подходы к систематизации положений его Особенной части.

The article deals with basic provisions of the Conception of the reform of Ukrainian legislation on liability for public offences that have been developed by the members of Lviv Criminal Justice Forum for the period of 10–15 years. The essence of the Conception is to draft the sole codified legislative act on public offences instead of a great number of legal acts on responsibility for crimes, administrative and discipline offences. The existence of public offence phenomena is substantiated by singling out its characteristic features. The types of public offences are characterized. The authors present all sorts of legal reasoning to prove the possibility and expediency of the Code On Public Offence creation. The academics give general characteristic of prospective model of Ukrainian legislation on public offences reform. A lot of attention is paid to the preferred development of the General Part of aforementioned Code, also different approaches to the systematization of its Special Part provisions are shown.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА

Поляцук Н. А.

Эффективность действия того или иного института или явления с самого начала обусловлена четкостью определения его понятия. Несмотря на достаточно широкое использование различных видов мониторинга в Республике Беларусь, мониторинг в правовой сфере не получил пока своего должного развития и применения. В то же время не исключено, что при разработке теоретико-правовых основ правового мониторинга в некоторой степени могут быть использованы исследования и данные, полученные по результатам других видов мониторинга, в связи с чем изначально представляется целесообразным проанализировать понятие «мониторинг».

В науке существуют разнообразные варианты использования обозначенного термина применительно к различным сферам деятельности. Исходя из этимологии слова, мониторинг трактуется как «предостережение, наблюдение, отслеживание». В этой связи мониторинг может рассматриваться как:

1) специально организованное, систематическое наблюдение за состоянием объектов, явлений, процессов с целью их оценки, контроля или прогноза [1, с. 188];

2) процесс систематического наблюдения, объяснения и предсказания некоторого явления [2, с. 403];

3) постоянное наблюдение за каким-либо процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату или первоначальному предположениям [3, с. 392];

4) система наблюдений, оценки, прогноза состояния и динамики какого-либо явления, процесса или иного объекта с целью его контроля, управления его состоянием, охраны, выявления его соответствия желаемому результату или на основе разработанных и утвержденных в установленном порядке нормативных и методических документов [4, с. 545].

В энциклопедических словарях встречаются более развернутые описания «мониторинга», согласно которым мониторинг представляет собой систему сбора и обработки информации, используемой для улучшения процесса принятия решения, а также для информирования общественности в качестве инструмента обратной связи в целях реализации проектов, оценки стратегий или выработки политики в той или иной сфере жизнедеятельности.

Изначально мониторинг применялся в естественных науках и получил широкое распространение в метеорологии, почвоведении, затем в экологии и других смежных науках, связанных с охраной окружающей среды. Сам термин «мониторинг» впервые появился в рекомендациях специальной комиссии (научный комитет по проблемам окружающей среды) при ЮНЕСКО в 1971 г., а в 1972 г. уже появились первые предложения по Глобальной системе мониторинга окружающей среды (Стокгольмская конференция ООН по окружающей среде) для определения системы повторных целенаправленных наблюдений за элементами окружающей природной среды в пространстве и времени [5, с. 42]. С середины 80-х гг. XX в. мониторинг начал активно входить в общественные науки, обозначая систему отслеживания социальных процессов с целью своевременного выявления неблагоприятных тенденций и предупреждения нежелательных событий.

В сфере социального управления мониторинг рассматривается как способ познавательной и предметно-практической деятельности, обеспечивающей комплексную оценку социальных ситуаций, позволяющую осуществлять эффективное прогнозирование и выработку оптимальных управленческих решений. При этом выделяются следующие функции мониторинга в управлении общественными системами и процессами:

- определение состояния предмета исследования по заданным параметрам в определенных временных интервалах и выявление на этой основе динамики и направленности его развития;

- выявление причинно-следственных связей и зависимостей между наблюдаемыми явлениями, а также возникающих в ходе их развития возможных дисфункций и противоречий;

- прогнозирование развития исследуемых процессов на основе данных мониторинга;

- информационное обеспечение постановки управленческих задач, разработки программ и проектов;

— систематический контроль за ходом процессов и их коррекция в желательном для управляющей системы направлении [6, с. 56].

В настоящее время сферы применения мониторинга различны. Помимо технических наук он изучается и используется в экологии, педагогике, социологии, экономике, медицине, психологии и т. д. В результате следует отметить, что осталось мало областей, где в той или иной мере не использовался бы мониторинг. Многочисленные системы мониторинга обладают некоторыми общими характеристиками, что дает возможность говорить о мониторинге как о целостном самостоятельном научно-практическом феномене.

Во многих сферах деятельности проведение мониторинга закрепляется на государственном уровне. Например, законодательство Республики Беларусь содержит легальные определения таких самостоятельных видов аналитико-оценочной деятельности, как социально-гигиенический мониторинг, ветеринарный, градостроительный, инновационно-технологический, мониторинг окружающей среды, включающий мониторинг земель, мониторинг лесов, мониторинг поверхностных вод и мониторинг подземных вод, радиационный мониторинг, мониторинг атмосферного воздуха, мониторинг озонового слоя, мониторинг животного мира, мониторинг растительного мира и др. Кроме того, в результате изменений и дополнений, внесенных в 2012 г. в Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь», появилось и легальное определение мониторинга как формы контроля (надзора), закрепленное в Положении о порядке проведения мониторинга, утвержденном названным Указом [7].

Принят также ряд нормативных правовых актов, посредством которых регулируются организация и проведение и иных видов мониторинговых мероприятий. Речь идет, например, об Указе Президента Республики Беларусь от 14 сентября 2003 г. № 408 «Об образовании Департамента финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь», постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 28 сентября 1999 г. № 1494 «О создании Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров в Республике Беларусь», постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 14 января 1998 г. № 47 «О ведении мониторинга социально-трудовой сферы республики», постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 19 ноября 2004 г. № 1466 «Об утверждении Положения о системе мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 22 февраля 2007 г. № 226 «Об организации мониторинга важнейших показателей экономической безопасности Республики Беларусь», постановлении Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 7 августа 2008 г. № 70 «О некоторых вопросах организации проведения мониторинга атмосферного воздуха» и т. п.

Следует также отметить, что некоторые виды мониторинга регулируются не отдельными (самостоятельными) актами, а рассматриваются в качестве направлений деятельности, полномочий или задач того или иного органа, организации или учреждения. Например, статьи 35–1 Банковского кодекса Республики Беларусь предусмотрен мониторинг финансовой стабильности; мониторинг и контроль в области предупреждения инвалидности

и реабилитации инвалидов — статьей 41 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов»; мониторинг качества и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов — статьей 7 Закона Республики Беларусь от 29 июня 2003 г. «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека» и др.

Таким образом, содержательный анализ работ и нормативных правовых актов, посвященных мониторингу в различных сферах, показал, что в большинстве случаев он определяется с позиций систематического отслеживания различных параметров объектов наблюдения в динамике для выявления их трансформаций, и в самом общем виде мониторинг представляет собой систематический сбор и обработку информации, которая может быть использована для улучшения процесса принятия решения, а также как инструмент обратной связи в целях осуществления проектов, оценки программ или выработки стратегии развития.

Определение сущности мониторинга направлено на характеристику его особенностей применительно к различным объектам и свидетельствует о его неоднозначности и сложности. Как отмечает Ж. Г. Танеева, сложность формулировки определения понятия «мониторинг» связана также с принадлежностью его как сфере науки, так и сфере практики. Он может рассматриваться и как способ исследования реальности, используемый в различных науках, и как способ обеспечения сферы управления различными видами деятельности посредством представления своевременной и качественной информации [8, с. 30].

Правовой мониторинг — относительно новое направление социального мониторинга, являющееся предметом внимания ученых-теоретиков только последнее десятилетие, поскольку юридическая наука непосредственно к проблемам правового мониторинга обратилась сравнительно недавно. В советский период рассматривались отдельные аспекты данной проблемы: изучались особенности юридического прогнозирования и эффективности правовых норм, которые связаны с правовым мониторингом, но не отождествляются с ним.

При выборе понятия и определении содержания правового мониторинга, которое наиболее полно отражало бы сущность мониторинговой деятельности в правовой сфере, в последние годы не прекращаются дискуссии. В связи с этим следует констатировать, что на сегодняшний день отсутствует единый подход к определению правового мониторинга, более того, даже в терминологии наблюдается разнообразие: наряду с правовым мониторингом употребляются такие понятия, как «мониторинг правового пространства», «мониторинг правового поля», «мониторинг закона», «мониторинг нормативных актов», «мониторинг законодательства и правоприменительной практики», «мониторинг правоприменения» и др.

На первый взгляд, все эти термины, применяемые отдельно, не охватывают либо стадию нормотворчества, либо стадию правоприменения, однако, как отмечают специалисты, «те, кто употребляет эти термины, процесс нормотворчества и правоприменения при проведении мониторинга не только не отрицают, но подразумевают и учитывают. Поэтому в целях достижения единства терминологии чаще всего предлагается использовать понятие „правовой мониторинг“, которое охватывает собой различные стадии юридической

деятельности: и правотворческий процесс, и оценку качества действующих нормативных правовых актов, и правоприменительный процесс» [9, с. 16]. Кроме того, оптимальным представляется использование термина «правовой мониторинг» еще и потому, что «данная формулировка не ограничивает пределов мониторинговой деятельности по объекту (закон, нормативный акт, правоприменительная практика), не используя при этом абстрактные понятия (правовое пространство, правовое поле)» [10]. В свою очередь, прилагательное «правовой» в данном случае акцентирует внимание на сфере осуществления мониторинга, его «специализации» (в отличие от финансового, экологического и иных видов мониторингов).

В результате использование понятия «правовой мониторинг» считается наиболее универсальным и позволяет не только единообразно толковать мониторинговую деятельность юристами (учеными и практиками), но и использовать единообразную терминологию в нормативных правовых актах, которые должны установить основы и процесс организации и проведения правового мониторинга, а также в названиях государственных органов (их структурных подразделений), которые осуществляют мониторинговую деятельность [11, с. 5].

Следует также отметить, что анализ содержания имеющихся научных исследований (преимущественно российских авторов) и в первую очередь диссертаций, посвященных правовому мониторингу, показывает, что он, как правило, исследуется не в «чистом» виде, а рассматривается в связи с другими юридическими явлениями — государственной политикой, правовой политикой, правотворчеством и др. [5, 12, 13]. К другой группе исследований можно отнести работы, которые посвящены частным, отдельным вопросам правового мониторинга (например, его отдельным функциям или видам) [14].

Содержание некоторых нормативных правовых актов также свидетельствует о том, что отдельные составляющие правового мониторинга рассматриваются и при исследовании и применении таких юридических технологий, как юридическая (правовая) и криминологическая (антикоррупционная) экспертизы проектов правовых актов (либо уже действующих правовых актов), прогнозирование последствий принятия нормативных правовых актов, оценка (анализ) регулирующего воздействия, оценка фактического воздействия нормативных правовых актов, систематизация законодательства и др.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что правовой мониторинг (мониторинг законодательства и правоприменения) рассматривается и воспринимается и как вид юридической деятельности, и как функция государственных органов, и как элемент государственной (антикоррупционной, правовой, в том числе и правотворческой) политики, и как метод осуществления государственного контроля, и как способ обеспечения законности, являясь мерой борьбы с преступностью в целом и коррупцией в частности. Однако, по нашему мнению, в данном случае речь идет о различных аспектах (элементах, видах, функциях) института правового мониторинга.

Мониторинг служит связующим звеном между подсистемами в государственном управлении и позволяет координировать разнонаправленный характер правотворческой (нормотворческой) и правоприменительной деятельности. Мониторинг является необходимой функцией управления общественными отношениями, которая обеспечивает выполнение других общих и специфических функций.

Таким образом, с одной стороны, анализ научных трудов и зарубежного законодательства позволяет констатировать, что на сегодняшний день создан определенный фундамент для изучения различных аспектов мониторинга законодательства и правоприменительной практики. С другой стороны, отсутствие нормативного закрепления института правового мониторинга в Республике Беларусь отрицательно сказывается на обеспечении качества законодательства и эффективности его реализации (применения).

В Республике Беларусь одна из ключевых проблем использования механизма правового мониторинга на практике состоит в том числе и в отсутствии проработанных и выверенных критериев, показателей и методики оценки эффективности нормативно-правового регулирования и правоприменения, поэтому даже при отмечаемой и юристами-теоретиками, и практиками ценности и значимости проведения правового мониторинга все же нельзя признать, что к настоящему времени в Республике Беларусь окончательно сформированы теоретико-правовые аспекты правового мониторинга.

Учитывая, что конечной целью правового мониторинга является создание эффективного механизма правотворчества (нормотворчества), реализации его результатов и совершенствование правовой системы в целом, представляется целесообразным закрепить хотя бы общие нормы о правовом мониторинге в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», включая его определение.

Наиболее оптимальным и всеохватывающим, по нашему мнению, может быть следующее определение правового мониторинга (мониторинга законодательства и правоприменения): правовой мониторинг — это регулярная комплексная аналитико-оценочная деятельность, включающая в себя наблюдение, анализ, обобщение, оценку информации о качестве принимаемых и действующих нормативных правовых актов, практике их применения, выработку предложений об устранении выявленных недостатков нормотворчества и правоприменения, прогнозирование направлений развития правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений и последствий принятия нормативных правовых актов, способствующая также предупреждению правонарушений и укреплению законности и правопорядка, обеспечению обратной связи между нормотворческими органами (должностными лицами) и субъектами, непосредственно реализующими и применяющими нормы права.

Более детальная регламентация и непосредственно порядок проведения правового мониторинга могут быть установлены на уровне Указа Президента Республики Беларусь «О правовом мониторинге», в котором должны быть обозначены организационное, кадровое, финансовое и материально-техническое обеспечение организации и проведения правового мониторинга, закреплены его понятие, цели и задачи, принципы, объект(ы), субъект(ы), включая орган, координирующий деятельность по осуществлению правового мониторинга, виды, формы, стадии (элементы), в том числе вопросы, связанные с планированием мониторинговой деятельности, статусом результатов мониторинга законодательства и правоприменения и механизмом их использования. Кроме того, в акте о правовом мониторинге должны быть предусмотрены виды (перечень) необходимой информации, подлежащей анализу и оценке при проведении правового мониторинга, порядок ее предоставления, критерии (показатели), на основании которых должна анализироваться поступившая

информация и готовится итоговый документ о результатах мониторинга, а также форма этого итогового документа (например, отчет, аналитическая справка, доклад), сроки, в течение которых должны осуществляться различные стадии правового мониторинга, включая сроки предоставления необходимой информации, подготовку итогового документа о проведенном мониторинге и др.

Следует также иметь в виду, что принятие (издание) данного акта повлечет необходимость корректировки действующих нормативных правовых актов, регулирующих деятельность субъектов, уполномоченных осуществлять правовой мониторинг (отдельные его стадии), с целью приведения этих актов в соответствие с Указом Президента Республики Беларусь «О правовом мониторинге». На основании изложенного полагаем, что дальнейшее нормативное регулирование института правового мониторинга в Республике Беларусь будет развиваться и в рамках локальных актов (так называемых административных регламентов), закрепляющих методику его проведения различными субъектами. В данном случае важно, чтобы это была единая для всех субъектов методика, содержащая по возможности единообразные требования и критерии проведения правового мониторинга.

Таким образом, несмотря на всплеск интереса к теме правового мониторинга в последнее десятилетие, именно понятийно-категориальный аппарат продолжает оставаться предметом самых острых дискуссий, в связи с чем предлагаются и различные подходы к организации и проведению правового мониторинга, определению его элементов и стадий, статусу его результатов. В свою очередь, интенсивность научных разработок о правовом мониторинге, многообразие изучаемых аспектов этого явления свидетельствует об осуществляющемся в настоящее время процессе формирования нового научного направления в юриспруденции, способствующего совершенствованию механизмов правового регулирования.

Список цитированных источников

1. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г. В. Осипов. — М.: Норма — ИНФРА М, 1998. — 488 с.
2. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2003. — 960 с.
3. Современный словарь иностранных слов / редкол.: Е. Н. Захаренко [и др.]. — М.: Рус. яз., 1992. — 740 с.
4. Тихомиров, М. Ю. Юридическая энциклопедия / М. Ю. Тихомиров, Л. В. Тихомирова; под ред. М. Ю. Тихомирова. — 6-е изд., доп. и перераб. — М.: Изд. Тихомирова М. Ю., 2009. — 1088 с.
5. Негрбов, В. Л. Мониторинг российского законодательства как элемент правовой политики: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В. Л. Негрбов. — Белгород, 2008. — 206 л.
6. Стороженко, И. В. Методологические основы антикоррупционного мониторинга в криминологическом значении / И. В. Стороженко // Рос. юстиция. — 2010. — № 9. — С. 56–60.
7. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 08.02.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
8. Ганеева, Ж. Г. Определение понятия «мониторинг» в различных сферах его применения / Ж. Г. Ганеева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2005. — Т. 8, № 1. — С. 30–33.

9. Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие; под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. — М.: Юриспруденция, 2009. — 416 с.

10. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: моногр. / Д. Б. Горохов; под ред. Н. Н. Черногора. — М.: Изд-во Междунар. юрид. ин-та, 2010. — 232 с. // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

11. *Горохов, Д. Б.* О результатах правового мониторинга: постановка проблемы / Д. Б. Горохов // Законодательство и экономика. — 2010. — № 12. — С. 5–9.

12. *Наконечный, Я. Е.* Мониторинг в правотворчестве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Я. Е. Наконечный. — Владимир, 2008. — 202 с.

13. *Невеселов, А. А.* Правовой мониторинг и государственная политика: теоретико-правовые основы взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. А. Невеселов. — Ростов н/Д, 2009. — 180 л.

14. *Фадеева, А. С.* Аналитическая функция правового мониторинга: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. С. Фадеева; Рос. ун-т кооперации. — М., 2011. — 28 с.

Дата поступления статьи — 11.07.2016.

В современной юридической науке отсутствует единая позиция по вопросу определения понятия «правовой мониторинг». Более того, многие теоретические и практические вопросы правового мониторинга в настоящее время остаются спорными и дискуссионными, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на обеспечении качества законодательства и эффективности его применения.

В статье представлены различные определения мониторинга, обозначены проблемы внедрения и использования механизма правового мониторинга в Республике Беларусь, обоснована необходимость нормативного закрепления института правового мониторинга в Республике Беларусь, сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства в анализируемой сфере общественных отношений, включая определение правового мониторинга.

There is no unified position regarding the definition of «legal monitoring» in the modern jurisprudence. Moreover, many theoretical and practical issues of the legal monitoring are still disputable and debatable nowadays; this, in turn, has an adverse effect on quality assurance of the legislation and on the efficiency of its application.

In the article various determinations of monitoring are provided, the problems of implementation and use of the mechanism of legal monitoring in the Republic of Belarus are designated, the necessity of standard fixing of the institute of legal monitoring in the Republic of Belarus is proved, specific suggestions on improvement of the legislation in the analyzed sphere of the public relations, including the definition of the legal monitoring, are formulated.

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ О СНОСЕ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ

Порохов М. Ю.

Как было указано в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», прокуратура РФ как государственная структура, не

имеющая своего ведомственного интереса в защите какой-либо социальной, экономической или иной отрасли, призвана обеспечить соблюдение закона и баланса частных и публичных интересов участниками экономических отношений [1].

Под самовольной постройкой для целей применения санкций по сносу объекта путем обращения в судебные органы необходимо понимать имущество, обладающее признаками недвижимого, что однозначно закреплено п. 1 ст. 222 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ). Так, ученые справедливо отмечают то, что в данном случае термин «недвижимость» употреблен не в правовом значении, поскольку самовольная постройка не может быть объектом какого-либо права [2]. Как видно из материалов судебной практики, судами не применяются нормы ст. 222 ГК РФ при рассмотрении требований относительно объектов, не подпадающих под определение недвижимого имущества [3].

Статьей 52 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ) закреплены полномочия прокурора по обращению в арбитражный суд с исковыми заявлениями. В дополнение к указанной норме Приказом Генерального прокурора РФ от 25 мая 2012 г. № 223 «Об обеспечении участия прокуроров в арбитражном процессе» также регламентирован ряд вопросов, касающихся права обращения прокурора в арбитражный суд. Кроме того, процессуальные полномочия прокурора закреплены в положениях Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского судопроизводства, когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет и поддерживает в суде или арбитражном суде иск в интересах пострадавших. Вместе с тем прокурор имеет право на обращение в суд с заявлением в случаях, когда этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства [4]. При этом необходимо отметить, что законодателем не раскрыты понятия «значительного числа граждан» и «особого общественного значения». Таким образом, становится непонятно, как квалифицировать нарушение лица, к которому предъявляются требования прокурором, и определить полномочия прокурора на обращение в суд или арбитражный суд. Данные понятия являются оценочными, и прерогатива их толкования принадлежит суду в каждом конкретном случае.

Арбитражным процессуальным законодательством РФ, а именно ст. 52 АПК РФ, четко не закреплено полномочие прокурора на обращение в суд с иском о сносе самовольной постройки ввиду того, что закрепленный указанной статьей перечень исков является закрытым. Данный пробел законодательства вызывает определенные трудности при принятии искового заявления прокурора арбитражными судами.

Гражданским процессуальным кодексом РФ (далее — ГПК РФ), в отличие от АПК РФ, предусмотрена возможность прокурора по обращению в суд с соответствующим заявлением при условии невозможности самостоятельного обращения гражданина в суд ввиду его состояния здоровья, возраста, недееспособности, а также по иным уважительным причинам (ст. 45 ГПК РФ).

Следует учитывать, что прокурор не обладает правом на обращение в суд с требованием о сносе самовольной постройки в случае выявления наруше-

ний прав и законных интересов законного владельца земельного участка, на котором возведен объект недвижимости (например, в случаях, когда отсутствует волеизъявление собственника на осуществление строительства), так как для реализации такого права прокурором необходимо установление наличия угрозы жизни и здоровью граждан. При этом следует оговориться, что речь идет о случаях, когда в результате самовольного строительства упомянутый правообладатель не лишился владения земельным участком [5].

Вместе с тем отсутствие права прокурора на обращение в суд с иском о сносе самовольной постройки в вышеуказанном случае не препятствует собственнику земельного участка самостоятельно обратиться в суд. Так, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что само по себе установление перечня дел, по которым вправе обратиться в арбитражный суд прокурор, не исключает возможности реализации гражданами и их объединениями конституционного права на защиту прав и свобод путем самостоятельного обращения [6].

Однако при указании в исковом заявлении на основания, предусмотренные ст. 45 ГПК РФ, исковое заявление прокурора должно быть принято к производству судом.

Широкое толкование права прокурора на обращение в органы судебной власти с исковым заявлением о сносе самовольной постройки дано Верховным Судом Российской Федерации и Высшим Арбитражным судом Российской Федерации (далее – ВАС РФ) в совместно принятом постановлении от 29 апреля 2010 г. [7]. Как было справедливо отмечено в проекте информационного письма Президиума ВАС РФ по спорам, связанным с применением ст. 222 ГК РФ, размещенном на сайте ВАС РФ, право на предъявление таких исков прокурором может быть обусловлено необходимостью повышенной защиты интересов неопределенного круга лиц, в том числе граждан. Иное толкование указанных положений привело бы к ограничению органов прокуратуры в реализации их функций по защите общественных интересов, следствием чего стала бы невозможность судебной защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц в рассматриваемой сфере правоотношений.

Также в указанном постановлении разъяснено, что прокурор, а также уполномоченные органы в соответствии с федеральным законом вправе обратиться в суд с иском о сносе самовольной постройки в публичных интересах. Такое же положение о праве прокурора на предъявление иска о сносе самовольной постройки в арбитражный суд содержится в п. 2 информационного письма Президиума ВАС РФ от 9 декабря 2010 г. № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – информационное письмо № 143) [8].

23 марта 2012 г. Пленум ВАС РФ принял постановление № 15, в котором разъяснены отдельные вопросы участия прокурора в арбитражном процессе.

Согласно п. 1 указанного постановления прокурор наделен полномочиями на обращение в арбитражный суд с соответствующим требованием о ликвидации юридического лица, которым неоднократно или грубо были нарушены исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, а также с требованием о сносе самовольной постройки в целях защиты публичных интересов (ст. 1253, 222 ГК РФ) [9].

Таким образом, следует сделать вывод, что отсутствие в ст. 52 АПК РФ прямого указания на право прокурора обращаться в арбитражный суд с требованием о сносе самовольной постройки не лишает его права заявить соответствующее требование путем подачи искового заявления в арбитражный суд в интересах неопределенного круга лиц, в том числе граждан.

К примеру, прокурор наделен правом на обращение в арбитражный суд с исковым заявлением к юридическому лицу (индивидуальному предпринимателю) о сносе постройки, возведенной с нарушением строительных норм и правил. Обусловлено это прежде всего тем, что нарушение строительных требований может стать причиной обрушения объекта недвижимости, что, в свою очередь, создает угрозу жизни и здоровью граждан. В указанном случае в качестве основания для предъявления искового заявления могут выступать обращения граждан, проживающих рядом со спорным объектом.

Следует отметить, что право прокурора обращаться с иском о сносе самовольной постройки при отсутствии прямого указания на это в ст. 52 АПК РФ критикуется некоторыми авторами [10].

Полагается, что определять право прокурора на обращение в арбитражный суд с исковым заявлением о сносе самовольной постройки необходимо исходя из наличия нескольких признаков, а именно: выражения волевого согласия собственника земельного участка на возведение незаконной постройки и выявления нарушений градостроительных норм при возведении такого строения.

В первом варианте возникает ситуация, когда собственник либо иной уполномоченный собственником правообладатель не давали согласия на застройку земельного участка, однако объект недвижимости был возведен. Представляется, что уже одно отсутствие такого согласия должно служить презумпцией того, что возведение самовольной постройки нарушает права и законные интересы указанных лиц.

Вместе с тем необходимо отметить, что правом на обращение в суд для защиты своих прав и законных интересов обладают именно эти субъекты (собственник, иной правообладатель земельного участка). Такую позицию выражает п. 2 информационного письма № 143, в котором признан справедливым вывод суда о наличии права прокурора на обращение в арбитражный суд с требованием о сносе самовольной постройки только при условии действия в публичных интересах. При этом указано на отсутствие полномочий прокурора на предъявление требований в отношении зданий и сооружений, созданных с нарушением исключительно гражданского права законного владельца земельного участка.

Совершенно иное положение складывается в ситуации, когда на создание самовольной постройки имелось согласие уполномоченного правообладателя земельного участка, однако само строительство было осуществлено с нарушениями существующих правил и норм.

Представляется, что в таком случае нарушение прав и законных интересов собственника (иного правообладателя) земельного участка далеко не так очевидно и потому не может презюмироваться. Несомненно то, что указанные субъекты могут требовать сноса самовольной постройки, но в отличие от рассмотренной выше первой ситуации они должны доказать уже иные юридически значимые обстоятельства, а именно то, что создание постройки осуществлено без получения необходимых разрешений либо с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

Далее, если в первой обозначенной ранее ситуации требование о сносе самовольной постройки вправе заявить только правообладатель земельного участка, то в данном случае круг таких субъектов гораздо шире. К ним, помимо упомянутого правообладателя, следует отнести уполномоченные государственные и муниципальные органы, а также некоторых должностных лиц (абз. 3 п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»). К таким органам и должностным лицам могут быть, в частности, отнесены: прокурор, государственный орган, осуществляющий строительный надзор (п. 2 и 3 информационного письма № 143).

Следует подчеркнуть, что прокурор обладает безусловным правом на предъявление иска о признании постройки самовольной и сносе объекта недвижимости в случаях:

- если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд;
- если нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение;
- этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства;
- при строительстве были существенно нарушены строительные нормы и правила, следствием чего может стать обрушение этих объектов, а сохранение постройки создает угрозу жизни и здоровью граждан.

При этом в абз. 4 п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 указано, что в случаях, если прокурор обращается в арбитражный суд с иском о признании (заявлении) по делам, не предусмотренным федеральным законом, суд прекращает производство по делу применительно к п. 1 ч. ст. 150 АПК РФ. Таким образом, при предъявлении соответствующего искового заявления прокурору надлежит указывать на наличие нарушений прав и законных интересов неопределенного круга лиц, а также на нарушение градостроительных норм при возведении самовольной постройки.

Вместе с тем судебная практика указывает на применение судами буквально толкования нормы ст. 150 АПК РФ в ее связи со ст. 52 АПК РФ, что влечет долгий процесс обжалования решения суда и препятствует своевременному восстановлению нарушенных прав.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным прямое закрепление процессуального права прокурора на предъявление иска в арбитражный суд о сносе самовольной постройки путем внесения изменений в ст. 52 АПК РФ и дополнения ч. 1 указанной статьи абз. 5 следующего содержания: «с иском о сносе самовольной постройки в интересах неопределенного круга лиц, в том числе граждан».

Список цитированных источников

1. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”» // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

2. Никитин, А. В. Самовольные постройки: несколько спорных вопросов / А. В. Никитин // Юрист. — 2015. — № 10. — С. 37–41.

3. *Калининченко, К. С.* О некоторых вопросах применения статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации / К. С. Калининченко // Арбитраж. споры. — 2014. — № 3. — С. 71–87.

4. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 // Собр. законодательства РФ, 20.11.1995. — № 47. — 4472 с.

5. *Никитин, А. В.* Самовольные постройки: несколько спорных вопросов / А. В. Никитин // Юрист. — 2015. — № 10. — С. 37–41.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 18.11.2004 N 367-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Владимир и Ольга” на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 52 и частью 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.

7. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верхов. Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22, 29 апр. 2010 г. // Рос. газ. — 2010. — 21 мая.

8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.12.2010 № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестн. ВАС РФ. — 2011. — № 2.

9. О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе: постановление Пленума ВАС РФ, 23 марта 2012 г., № 15 // Вестн. ВАС РФ. — 2012. — № 5.

10. *Халатов, С. А.* Отдельные замечания к Постановлению Пленума ВАС РФ от 23.03.2012, № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» / С. А. Халатов // Закон. — 2012. — № 7. — С. 66–76.

Дата поступления статьи — 20.06.2016.

Вследствие развития как экономической деятельности, так и социального уровня субъектов строительство и модернизация объектов недвижимости в настоящее время требуют особого внимания и защиты со стороны государственных контрольно-надзорных органов. Зачастую строительство, осуществляемое гражданами и субъектами предпринимательской деятельности, проводится с существенным нарушением законодательных норм и правил, что может существенно нарушить права и законные интересы третьих лиц. Органы Прокуратуры Российской Федерации в силу п. 3 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» наделены правом участия в рассмотрении дел судами, арбитражными судами в соответствии с процессуальным законодательством. В настоящей статье автор рассматривает проблемные вопросы правового регулирования предъявления иска о сносе самовольной постройки прокурором.

Due to the development as an economic activity as social level of the subjects of the law the construction and modernization of real estate at the moment requires special attention and protection by control and monitoring authorities. Often, construction, arranging by citizens and business entities made with a rules violations that may significantly violate the rights and legal interests of third parties. Authorities Prosecutor's Office of the Russian Federation, by virtue of para. 3 of Art. 1 of the Federal Law «On the Procuracy of the Russian Federation» are entitled to participate in the consideration of cases by courts, arbitration courts in accordance with the procedural law. In this article the author reviews the problematic issues of legal regulation of submitting a claim on the demolition of unauthorized buildings by the prosecutor.

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ В УКРАИНЕ: ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Присяжнюк И. И.

Права и свободы человека, а также их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства. Данный постулат нашел отражение в ст. 3 Конституции Украины [1]. Возможность выполнения этого требования предопределяет средства и способы, применение которых носит не эпизодический, а программный и целенаправленный характер. Среди них особое место занимает политика государства в сфере борьбы с преступностью, которая является составной частью общегосударственной политики. Преступность как один из вызовов безопасности любого общества обуславливает функционирование многоярусной системы, ей противостоящей.

Одним из инструментов такой системы является воздействие на субъектов преступного поведения уголовно-правовыми средствами, в том числе угрозой и / или реальным применением уголовного наказания, что и станет объектом исследования в рамках данной статьи.

Методика предложенного исследования предусматривает применение общенаучных методов познания социально-правовых явлений, а также таких научных методов познания, как историко-юридический, сравнительно-правовой, формально-логический, статистический и другие.

Система наказаний в уголовном законодательстве меняется в соответствии с политической и социально-экономической ситуацией в стране, уровнем развития права и культуры, а также в зависимости от состояния, структуры и динамики преступности.

Фактически изменения в систему наказаний в Украине вносились с 1991 по 2001 г. Такие виды наказаний, как ссылка и высылка, были отменены в Украине 6 марта 1992 г., а смертная казнь — 22 февраля 2000 г. В 2001 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс Украины, исключивший из перечня уголовных наказаний общественный выговор и лишение родительских прав и предложивший в качестве новых видов наказаний общественные работы, ограничения по военной службе, арест и ограничение свободы [2]. В целом по сравнению с Уголовным кодексом 1960 г. расширился перечень альтернативных лишению свободы наказаний, на применение которых и ориентированы суды.

В Украине виды наказаний определены в Уголовном кодексе, в котором установлены общая система наказаний (в ст. 51) и специальный перечень наказаний, применяемых к несовершеннолетним (в ст. 98).

Так, в общую систему наказаний входят:

- штраф;
- лишение воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- общественные работы;
- исправительные работы;
- служебные ограничения для военнослужащих;
- конфискация имущества;
- арест;

- ограничение свободы;
- содержание в дисциплинарном батальоне военнослужащих;
- лишение свободы на определенный срок;
- пожизненное лишение свободы.

Из них лишь штраф, общественные либо исправительные работы, арест или лишение свободы на определенный срок могут быть применены к несовершеннолетним.

Ни одна другая, кроме указанных статей, а также ни один другой нормативно-правовой акт не могут устанавливать иных видов уголовных наказаний. Система конкретно определенных по содержанию наказаний дает суду возможность при применении наказания осуществить его индивидуализацию, учитывая степень тяжести совершённого преступления, личность виновного и обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание.

В отличие от Уголовного кодекса 1960 г. система наказаний в Уголовном кодексе 2001 г. построена по принципу от менее строгого к более строгому. Такой же принцип применен и при конструировании санкций норм Особенной части Уголовного кодекса.

Следует заметить, что в Украине с 1 сентября 2014 г. существует институт уголовной ответственности юридических лиц. Однако к ним применяются не уголовные наказания, а меры уголовно-правового воздействия: штраф, конфискация имущества и ликвидация.

Действующий Уголовный кодекс предусматривает разделение наказаний на основные, дополнительные и те, которые могут применяться и как основные, и как дополнительные. Такая классификация наказаний имеет существенное уголовно-правовое значение прежде всего для реализации принципа индивидуализации наказания.

Кроме того, субъект, к которому применяется наказание, является дополнительным критерием классификации наказаний. Так, часть предусмотренных Уголовным кодексом наказаний являются универсальными и могут быть применены к любым лицам, признанным виновными в совершении преступлений (штраф и лишение свободы на определенный срок); другие же не могут применяться к определенным категориям лиц (общественные работы, исправительные работы, арест, ограничение свободы, пожизненное лишение свободы).

Анализ практики применения уголовных наказаний свидетельствует о следующем: в 2015 г. в Украине к отбыванию наказаний осуждено 94 798 человек, в то время как в 2014 г. их количество составило 102 170 лиц. Динамика указывает на снижение репрессивных методов воздействия на 7,2 %.

В целом картина такова: в общей массе примененных судами Украины наказаний штраф составляет 19,7 %, лишение воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса — 0,2 %, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью — 0,003 %, общественные работы — 9,1 %, исправительные работы — 0,2 %, ограничения для военнослужащих — 0,3 %, арест — 3,7 %, конфискация имущества — 2,3 %, ограничение свободы — 1,6 %, содержание в дисциплинарном батальоне для военнослужащих — 0,1 %, лишение свободы на определенный срок — 20,8 %, пожизненное лишение свободы — 0,05 % [3].

Таким образом, хотя лишение свободы и остается наиболее часто применяемым наказанием, увеличивается совокупная часть применения альтернативных ему наказаний.

Кроме того, в 2015 г. вступил в силу Закон Украины «О пробации», предусматривающий введение досудебной, пенитенциарной и надзорной пробации [4]. Досудебная пробация заключается в предоставлении суду формальной информации, характеризующей обвиняемого: социально-психологической характеристики, оценки рисков совершения повторного уголовного правонарушения и вывода о возможности исправления без ограничения свободы или лишения свободы на определенный срок.

Пенитенциарная пробация — это подготовка лиц, отбывающих наказание в виде ограничения или лишения свободы на определенный срок, к освобождению: определение места жительства после освобождения, помещение в специализированные учреждения для освобожденных, госпитализация лиц, нуждающихся в стационарной медицинской помощи, трудоустройство. В рамках надзорной пробации реализуются специальные программы для лиц, освобожденных от отбывания наказания с испытанием. Дальнейшая реализация положений Закона Украины «О пробации» — важная составляющая реформы системы исполнения наказаний.

Рассматривая вопрос о влиянии количества примененных наказаний на преступность, следует отметить, что ее уровень зависит от многих факторов. Украина в данное время находится в сложном социально-экономическом положении, изменение ситуации к лучшему в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни общества требует средств и человеческих ресурсов. Иногда государство пытается сдерживать рост преступности путем применения суровых наказаний как более быстрого и дешевого способа, однако жестокость наказания не приводит к положительному эффекту. Ресоциализация и возвращение лица, совершившего преступление, в общество в качестве его полноценного и продуктивного участника — вот задача, поставленная перед системой исполнения наказаний в Украине.

Процесс исполнения наказаний, его цели и средства установлены единым кодифицированным актом — Уголовно-исполнительным кодексом Украины [5]. В нем же определена и компетенция субъектов исполнения наказания.

Исполнением каждого из указанных видов наказания занимается конкретно определенный орган (учреждение), при этом их ведомственная принадлежность является неоднородной. Таким образом, уголовно-исполнительная система Украины включает в себя кроме специализированных учреждений и органов, исполняющих наказания, еще подразделения двух отдельных министерств — Министерства юстиции Украины и Министерства обороны Украины, а также другие государственные органы и органы местного самоуправления.

По состоянию на 1 июня 2016 г. в системе исполнения наказаний действуют 148 исправительных учреждений, в число которых входят следственные изоляторы, исправительные и воспитательные колонии, исправительные центры и арестные дома. Кроме того, 29 учреждений находятся на территории Донецкой и Луганской областей, пока что не подконтрольных украинской власти.

Данные учреждения рассчитаны на 230 тысяч человек, но на данный момент в них содержится не более 70 тысяч лиц. Снижение количества «тюремного населения» связано как с указанной выше ориентацией судов на применение альтернативных лишению свободы мер наказания, так и с рядом других факторов. Так, 24 декабря 2015 г. вступил в силу Закон Украины «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины (относительно усовершенствования порядка зачисления судом срока предварительного заключения в срок наказания)» [6].

В соответствии с указанным Законом зачисление судом срока предварительного заключения в случае осуждения к лишению свободы в пределах того же уголовного производства, в рамках которого лицо помещалось под стражу, производится из расчета один день предварительного заключения за два дня лишения свободы. Распространение действия Закона на лиц, в отношении которых вступили в законную силу приговоры и которые не отбыли наказание до 24 декабря 2015 г., привело к массовому пересмотру сроков и освобождению осужденных. Проблемой его применения стало освобождение лиц, отбывающих наказание за тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления. Так, только в Винницкой области было освобождено 48 лиц, совершивших умышленное убийство.

Постановлением Кабинета Министров Украины от 18 мая 2016 г. была ликвидирована Государственная пенитенциарная служба Украины, долгое время исполнявшая роль главного субъекта управления уголовно-исполнительной системой Украины [7]. Также упразднены территориальные органы управления Государственной пенитенциарной службы и созданы 6 межрегиональных управлений по вопросам исполнения уголовных наказаний и пробации – Западное (г. Львов), Северо-Восточное (г. Харьков), Центральное (г. Киев), Центрально-Западное (г. Винница), Южное (г. Одесса), Юго-Восточное (г. Днепропетровск).

Министерство юстиции Украины, огласив 2016 г. годом пенитенциарной реформы, предложило общую концепцию дальнейшего реформирования системы исполнения наказаний. После ликвидации Государственной пенитенциарной службы ее функции должны быть возложены на три департамента в составе Министерства юстиции, отвечающие за безопасность, ресурсы, необходимые для функционирования учреждений, и перевоспитание заключенных. Предусмотрено введение пробационных программ и дальнейшее развитие системы пробации, для социализации заключенных по всей стране планируют построить отдельные пробационные центры, предусмотренные Законом Украины «О пробации».

Систему исполнения наказаний ждет переаттестация работников и сокращение около 40 % всех сотрудников. Кроме оптимизации структуры реформа коснется и государственных предприятий, функционирующих при колониях и исправительных центрах, ведь все они задекларированы как убыточные. Чтобы повысить доходы и преодолеть злоупотребления, они будут переведены на систему электронных закупок Prozorro.

Реформа предусматривает строительство новых колоний и СИЗО, соответствующих европейским нормам содержания заключенных. Для их возведения планируется привлечение инвесторов. Пилотным проектом станет Лукьяновское СИЗО в Киеве, новые учреждения в Одессе, Львове и Черновцах. Также все следственные изоляторы должны быть вынесены за черту города.

Предельно низкая доля фактического исполнения судебных решений, отсутствие эффективной системы мотивации государственных исполнителей, системные недостатки во взаимодействии государственных исполнителей с другими государственными и негосударственными учреждениями стали обоснованием необходимости реорганизации системы государственных исполнителей, среди полномочий которых было определено и исполнение наказаний в виде конфискации и в отдельных случаях штрафа. Верховной Радой Украины 2 июня 2016 г. был принят Закон Украины «Об органах и лицах, осуществляющих принудительное исполнение судебных решений

и решений других органов», предусматривающий введение института частного исполнителя. Нечеткое нормативное разделение компетенции между государственными и частными исполнителями на данный момент не позволяет говорить о том, станут ли частные исполнители также и субъектами исполнения наказаний.

Кроме того, в рамках конституционного процесса 2 июня 2016 г. Верховной Радой Украины были приняты изменения в Конституцию Украины, касающиеся, в частности, прокурорского надзора в сфере исполнения наказаний.

Так, прокуратура продолжает исполнять функцию надзора за соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, при применении других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан, однако данная юрисдикция органов прокуратуры прекращается со вступлением в силу закона о создании двойной системы регулярных пенитенциарных инспекций.

Учитывая реальное состояние законодательного и организационного обеспечения реформы, необходимо осуществить решение следующих задач:

- внесение комплексных изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Украины и Закон Украины «О Государственной уголовно-исполнительной службе Украины»;

- целесообразность функционирования военизированных формирований в составе органов и учреждений исполнения наказаний в условиях демилитаризации уголовно-исполнительной системы;

- разработка критериев и порядка переаттестации персонала системы исполнения наказаний;

- привлечение инвестиций для заявленного частно-государственного партнерства в сфере финансирования системы исполнения наказаний;

- инвентаризация имущества, находившегося на балансе Государственной пенитенциарной службы Украины и ее территориальных подразделений;

- разработка мероприятий по модернизации системы инженерно-технических средств охраны и надзора за осужденными с целью создания многоуровневой системы видеомониторинга;

- перевод медицинского обслуживания заключенных в систему Министерства здравоохранения Украины, обеспечение учреждений исполнения наказаний и следственных изоляторов современным медицинским оборудованием, специальными санитарными автомобилями для транспортировки больных и т. д.

Таким образом, система наказаний в Украине и практика их исполнения ориентированы на международные и европейские стандарты. Соблюдение взятых Украиной обязательств предполагает не копирование определенной организационной структуры, а создание среди всего прочего оптимальных условий для полной ресоциализации осужденных и, как следствие, эффективной защиты общества.

Список цитированных источников

1. Конституция Украины от 28 июня 1996 г. // Відомості Верхов. Ради України. — 1996. — № 30. — С. 141.

2. Уголовный кодекс Украины: 5 апр. 2001 г., № 2341-III // Відомості Верхов. Ради України. — 2001. — № 25. — 131 с.

3. Состояние осуществления правосудия в Украине в 2015 году [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/7864c99c46598>

282c2257b4c0037c014/d17027fca3b933f6c2257f930027876a/\$FILE/100.pdf. — Дата доступа: 01.06.2016.

4. О пробации: Закон Украины, 5 февр. 2015 г., № 160-VIII // Відомості Верхов. Ради України. — 2015. — № 13. — 93 с.

5. Уголовно-исполнительный кодекс Украины: 11 июля 2003 г., № 1129-IV // Відомості Верхов. Ради України. — 2004. — № 3-4. — 21 с.

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины (относительно усовершенствования порядка зачисления судом срока предварительного заключения в срок наказания): Закон Украины, 26 нояб. 2015 г., № 838-VIII // Відомості Верхов. Ради України. — 2016. — № 2. — 18 с.

7. О ликвидации территориальных органов управления Государственной пенитенциарной службы и образовании территориальных органов Министерства юстиции: постановление Кабинета Министров Украины, 18 мая 2016 г., № 348 // Уряд. кур'єр. — 2016. — № 105.

Дата поступления статьи — 15.06.2016.

Исследованы актуальные проблемы воздействия на субъектов преступного поведения уголовно-правовыми средствами. В частности, речь идет об уголовном наказании как одном из основных инструментов борьбы с преступностью с учетом внесения изменений в систему наказаний в Украине. Описаны общие процедуры исполнения наказаний, их цели и средства, осуществлен анализ практики их применения судами Украины, раскрыты сущность и значение досудебной, пенитенциарной и надзорной пробации, определена роль прокурорского надзора в сфере исполнения наказаний в контексте конституционных изменений, а также основные направления реформирования системы исполнения наказаний.

В результате анализа законодательного и организационного обеспечения реформы предложены возможные направления работы по дальнейшему усовершенствованию реформирования пенитенциарной системы.

The current problems concerning the effect of criminal law means on the subjects of criminal behavior have been investigated. This investigation covers the following areas of study: the role of criminal punishment as of the main remedy for crime fighting considering changes in the system of penalties in Ukraine; the general procedures of penalty execution, their goals and means; the analysis of procedures of penalty execution implementation by courts in Ukraine; the role and nature of pre-trial, penitential and supervision probation; the role of the public prosecutor's supervision in the sphere of penalties execution in the context of the constitutional amendments; the basic directions of reforming the penalty execution system. Based on the analysis of legislative and institutional supply of the reform possible directions for further improvement of the penalty execution reform have been suggested.

МОДЕЛИРОВАНИЕ — ВАЖНЕЙШИЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Савенок А. Л.

Изучение эффективности уголовного закона тесно связано с исследованием бытия уголовного права в целом. Для этого, как известно, можно использовать различные методы. С помощью конкретно-социологических методов целесо-

образно изучать действующее право. В то же время прошлое права может быть успешно раскрыто при помощи методов исторического исследования. Что же касается будущего права, оно предполагает моделирование, основанное на данных, получаемых при помощи всех других методов правового познания. Учитывая, что в нашем случае речь идет прежде всего о создании уголовного закона, для выполнения данной задачи наиболее целесообразно применить метод моделирования.

Развиваясь в теории естественных и технических наук, моделирование по своей сути носит междисциплинарный характер. Как метод научного исследования моделирование находит широкое применение не только в естественных и технических науках, но является также объектом глубокого философского изучения. По справедливому утверждению В. К. Лукашевича, моделирование является одним из общих методов, сферой применения которого является человеческая деятельность в целом [1, с. 107]. Оно позволяет осуществлять реальную проверку гипотез, выдвинутых на основе предварительного изучения социально-правовых процессов, воспроизвести принципы организации и функционирования исследуемого объекта. Облекаясь в форму модели, мысленно сформулированный вариант эффективности уголовного закона позволит рассмотреть ее с новых методологических позиций. Учитывая также, что в основу моделирования как особой исследовательской процедуры положена так называемая теория подобия, предполагающая сходство, одинаковость объектов, правовая модель эффективности уголовного закона может стать своеобразной базой для изучения проблем эффективности в других отраслях права.

Применительно к праву отдельные вопросы моделирования рассматривались в работах В. П. Казимирчука [2], Л. Л. Кругликова и О. Е. Спиридоновой [3], В. Д. Рудашевского [4, с. 290–308], Н. Н. Тарасова [5, с. 18–25], А. Ф. Черданцева [5] и др. Моделирование является также предметом исследования отдельных научных коллективов [7]. Несмотря на значительный интерес к этой проблеме, она остается малоизученной. В то же время В. А. Леванский справедливо заметил, что «важным инструментом выработки правильных юридических решений, конструирования эффективных правовых норм, анализа их социальной обусловленности и эффективности является моделирование» [8, с. 7]. Как метод познания оно решает познавательные задачи путем изучения окружающего мира на основе построения моделей. Особенно целесообразно моделирование, когда правовое явление представляет собой весьма сложную систему или же его непосредственное изучение невозможно. Ценность правовых моделей заключается также в том, что благодаря их восприятию и изучению у субъекта права формируются способности познавать закономерности развития правовых и социальных явлений, прогнозировать эффективность вновь принимаемых нормативных правовых актов, осуществлять поиск неразботоспособных компонентов юридических конструкций, созданных по той или иной правовой модели [9, с. 21]. В процессе уголовно-правового регулирования метод моделирования позволяет осуществить воспроизведение функционального проявления эффективности уголовного закона. В целом, говоря о моделировании эффективности уголовного закона, можно представить ее как деятельность, в ходе которой существенные свойства и связи исследуемого объекта выявляются и включаются в правовую модель, изучая которую, можно получить

новые знания о взаимодействии элементов объекта, а также определить направления его совершенствования. К сожалению, несмотря на всю актуальность этой проблемы, в настоящее время в правоведении не существует законченной и детально проработанной теории правового моделирования. Поэтому построение оптимальных, реально функционирующих моделей, по справедливому замечанию В. Д. Рудашевского, в большей мере является делом искусства, чем техники [4, с. 291].

Как известно, моделирование предполагает наличие в реальной действительности определенного объекта (оригинала) — предмета, явления или процесса, воспроизводящегося познающим субъектом в некоем материальном или мысленном прообразе — модели, которая может в определенных обстоятельствах заменять объект и предоставлять о нем информацию [10, с. 13]. В системах с устоявшейся структурой причинно-следственных связей процесс моделирования осуществляется достаточно результативно. Что же касается тех исследований, предметом которых являются общественные отношения, то само понятие подобия объектов становится проблематичным. Как представляется, именно это обстоятельство стало одной из тех ключевых проблем, которые не позволили реально применить моделирование при исследовании эффективности в праве. Несмотря на значительное число публикаций в различных отраслях права, до настоящего времени так и не удалось разработать реально функционирующую модель эффективности, понять форму ее проявления. Нет ее и в общей теории права. Поэтому в предпринимаемой нами попытке построения правовой модели эффективности уголовного закона отсутствует возможность сравнить разрабатываемую модель с иными моделями эффективности в других отраслях права. Данное обстоятельство значительно затрудняет проведение исследования по рассматриваемой проблеме, требует глубоких теоретических познаний, в том числе опоры на философию и вынуждает обращаться к общим методологическим проблемам моделирования.

Осуществляя моделирование эффективности уголовного закона, нужно определить форму модели, а также выделить такие ее составляющие, которые необходимы и достаточны для решения стоящих задач. Общеизвестно, что формы выражения правовых моделей различны. В случаях формализации правовых моделей в научных кругах речь может идти о такой ее форме, как научная концепция, представляющая собой способ понимания каких-либо явлений, процессов в мире, природе и обществе, ведущий замысел, систему путей решения выбранной задачи [7, с. 117]. В нашем случае именно такой вариант выражения правовой модели предполагается рассмотреть. При этом мы не ставим перед собой задачу построения законченной модели, поскольку на нынешнем этапе развития теории эффективности уголовного закона вероятность ее достижения крайне низкая. В нашем исследовании речь идет прежде всего о ее концептуальной составляющей (концептуальной модели). Учитывая, что уголовный закон не является статичным правовым образованием, а, действуя в пространстве и времени, постоянно изменяется под воздействием различного рода факторов, наиболее целесообразно избрать вариант построения динамической модели, которая позволит рассмотреть эффективность уголовного закона как процесс.

Социально-правовое исследование предполагает прежде всего определение объекта и предмета моделирования. Как представляется, при разработке право-

вой модели эффективности уголовного закона объектом моделирования является определенная часть действительности, которая тесно связана с процессом правообразования и применения уголовного закона. Учитывая масштабность проблемы эффективности уголовного закона и с целью достижения максимальной точности проводимого исследования, объект моделирования целесообразно разделить на составные части для построения отдельных микромоделей. Каждая микромодель должна представлять собой логически завершенную часть построения общей модели. Что касается предмета моделирования, то им будут выступать те свойства и связи объекта, которые позволяют выявить наиболее существенные его элементы и алгоритм их взаимодействия. Кроме того, процесс моделирования невозможен без определения понятия модели, выявления особенностей моделирования эффективности уголовного закона, определение содержания, места и роли предлагаемой модели в ряду других функционирующих моделей.

В научной и учебной литературе термины «модель», «правовая модель», «правовое моделирование», «модель правопонимания», «модель правового регулирования», «модельное законодательство», «реализация правовой модели» прочно вошли в терминологический оборот правоведения и активно применяются в социально-правовых исследованиях. С помощью модели в процессе исследования выявляется внутренняя структура изучаемого правового явления. Отдельно, как разновидность моделей в правоведении, рассматривают юридические конструкции — гносеологические категории, инструменты, средства познания правовых явлений. «Юридическая конструкция, — пишет А. Ф. Черданцев, — это модель урегулированных правом общественных отношений или отдельных элементов, служащая методом познания права и общественных отношений, урегулированных им» [6, с. 228]. Важное значение юридические конструкции имеют также в процессе нормотворчества, где они выступают в качестве средств юридической техники.

В уголовно-правовой науке моделирование применяется достаточно давно, хотя его возможности используются недостаточно. Так, сформулированная в теории права модель правовой нормы, состоящая из гипотезы, диспозиции и санкции, активно используется при построении статей Особенной части УК с учетом имеющейся отраслевой специфики. Путем формирования уголовного закона создается своеобразная модель правомерного поведения. Широко применяется такая идеальная модель, как состав преступления с перечислением элементов и признаков. Более того, науке уголовного права хорошо известен опыт разработки более крупных правовых модельных образований. Наглядным примером является создание Модельного уголовного кодекса для стран — участниц СНГ [11]. Применяется моделирование и в процессе проведения диссертационных исследований при разработке отдельных институтов [12]. Развитие криминологической науки и достаточно развитая система уголовно-правовой статистики способствовали созданию различных моделей зависимости социальных (криминологических) факторов и преступности [13; 14]. Особая роль моделирования и в процессе обучения юристов. В целом анализ юридической литературы показывает, что в настоящее время моделирование является важнейшей составляющей методологии исследований не только общей теории права, но и уголовного права. По своей сути модель — это не просто и не только отражение или копия некоторого состояния дел, но и предполагаемая форма деятельности, репрезентация будущей практики.

Раскрывая понятие «модель», отметим, что, как и понятие «моделирование», оно имеет не одно значение и используется для обозначения чрезвычайно широкого класса явлений [1, с. 96]. В литературе классификацию моделей осуществляют не только в зависимости от их формы (способа построения), но также и от содержания. Являясь промежуточным звеном между субъектом и объектом познания, модель представляет собой явление (предмет, установку, описание и т. д.), которое находится в некотором соответствии с объектом и способно замещать его в процессе исследования, давая о нем необходимую информацию. Также следует отметить, что в настоящее время нет четко устоявшейся позиции применительно к понятию «правовая модель». По мнению В. Д. Рудашевского, «модель в праве представляет собой совокупность суждений, которая фиксирует некоторые инвариантные связи, соответствия в структуре изучаемых общественных отношений» [4, с. 300].

В процессе построения и использования правовой модели различают онтологический и гносеологический аспекты. Если правовая модель используется для осуществления социально-правовых преобразований в качестве инструмента правового регулирования (норма права, правовой институт, отрасль права и пр.), то речь идет об онтологическом аспекте. Если же правовая модель не используется для социально-правовых преобразований, но является средством правопознания и выступает необходимым условием создания преобразующих моделей, можно говорить о гносеологическом аспекте. Как представляется, для изучения эффективности уголовного закона необходимо разрабатывать гносеологическую модель, которая будет являться необходимой предпосылкой для создания социально-преобразующих моделей.

Моделирование эффективности уголовного закона ставит ряд задач, без решения которых приступить к построению конкретной модели невозможно. Прежде всего необходимо выявить совокупность правовых явлений, которые могут быть объединены по определенным признакам либо в рамках определенного понятия. Следующей важнейшей задачей является аргументация необходимости объединения правовых явлений именно по предлагаемым признакам, а не по другим. Решение указанных задач позволит уже на первоначальном этапе наметить общие контуры модели эффективности уголовного закона, а также установить, что в содержательном значении должна включать в себя такая модель. Важно при этом учитывать, что создаваемая модель охватывает не все свойства исследуемого объекта, а только те, которые существенны для целей осуществляемого моделирования [15, с. 16]. Следовательно, свойства, являющиеся второстепенными и не имеющие существенного значения, могут быть опущены.

Как представляется, в основу построения предлагаемой модели могут быть положены обозначенные нами условия эффективности уголовного закона, обеспечивающие: 1) его эффективное формирование; 2) его высокое качество; 3) эффективность его реализации [16]. Указанные условия целесообразно объединить в рамках такого правового понятия, как механизм уголовно-правового регулирования. Как известно, его образуют три составляющие: 1) уголовно-правовая норма; 2) правоотношение; 3) уголовная ответственность [17]. Использование механизма уголовно-правового регулирования позволит выделить и объединить в одно целое те элементы модели эффективности уголовного закона, которые являются основополагающими и имеют важное функциональное значение для объекта нашего исследования. При этом

заметим, что объединение в одно целое всех элементов конструируемой модели возможно только мысленно, поскольку модель, отражающая объект, не находится с ним в отношениях тождества. Кроме того, внутреннее строение элементов не является принципиальным и им в определенной степени можно пренебречь.

Важным звеном механизма уголовно-правового регулирования является уголовно-правовая норма. Нет сомнений в том, что эффективность уголовного закона во многом зависит от качественно-правовых свойств уголовно-правовых норм. В свою очередь, необходимое качество норм обеспечивается в процессе уголовно-правового нормотворчества. Насколько логически последовательно выстроен этот процесс, каким образом обеспечивается с помощью юридической техники качество уголовного закона — от этого во многом будет зависеть его эффективность. Более того, можно смело утверждать, что сам процесс уголовно-правового нормотворчества представляет собой своеобразную модель с присущими ей составляющими. Только в процессе уголовно-правового нормотворчества мысленно сформулированная правовая идея находит свое воплощение, являясь своеобразным результатом реализации правовой модели. Следовательно, при моделировании эффективности уголовного закона процесс уголовно-правового нормотворчества является важнейшей составляющей.

Эффективность процесса создания уголовно-правовых норм зависит от целого ряда условий. Прежде всего необходимо учитывать, что появлению норм уголовного права предшествует возникновение потребностей в регулировании поведения людей. Норма права получает свое оформление в случае, когда такие потребности выявляются при анализе объективных и субъективных факторов общественного развития. Иными словами, в реальной действительности должна сформироваться идея о необходимости регулирования определенных общественных отношений. В целом данная деятельность в юридической литературе рассматривается как процесс формирования права (правообразование). Выявление различного рода социальных факторов (социальная обусловленность), а также их влияние на формирование уголовного закона является неотъемлемым процессом моделирования его эффективности. Однако помимо социальных факторов, которые традиционно учитываются в процессе правообразования, при создании уголовного закона необходимо учесть специфические требования. Очевидно, что на формирование действующего уголовного закона существенное влияние оказывают количественные и качественные показатели преступности. Иными словами, процесс криминализации и декриминализации прямо зависит от криминологической обусловленности уголовного закона. Отсюда следует, что моделирование эффективности уголовного закона должно быть тесно увязано с процессом его формирования.

По завершении процесса формирования уголовного закона, а также его принятия законодательными органами наступает следующий этап, именуемый реализацией права. Юридическая практика наглядно демонстрирует, что реализация уголовного закона выступает основным критерием оценки его эффективности, а также является своеобразным фактором, в котором происходит верификация правовой модели. В процессе реализации уголовного закона выявляются те проблемы, которые трудно заметить в ходе уголовно-правового нормотворчества. Кроме того, здесь наглядно видно, насколько

верно выстроен процесс уголовно-правового нормотворчества, как точно учтены правообразующие факторы и какие имеются расхождения между моделью нормотворчества и моделью реализации. В юридической литературе отмечается, что нормы права реализуются в правоотношениях [18, с. 205]. Тем самым уголовно-правовое отношение и юридические факты, с которыми норма права связывает его возникновение, изменение или прекращение, выступают важнейшим элементом уголовно-правового регулирования. В этой связи целесообразно рассмотреть формы реализации уголовного закона, выяснить их роль и значение в формировании модели его эффективности, а также показать связь форм реализации уголовного закона с уголовной ответственностью.

Сформулированные выше этапы моделирования эффективности уголовного закона, их строгая научная организация и точное определение содержания бесспорно являются теми обстоятельствами, от которых непосредственно зависит эффективность уголовного закона. Применительно к созданию рассматриваемой нами модели в своей совокупности указанные этапы выполняют правообразовательную, нормотворческую и правореализующую функции. Однако процесс моделирования эффективности уголовного закона будет неполным, если не учесть такие важные его составляющие, как правосознание, которое выступает субъективным элементом механизма уголовно-правового регулирования, а также качество юридического образования. По своей структуре и содержанию правосознание и юридическое образование составляют отдельные микромодели. Их роль в механизме уголовно-правового регулирования не является второстепенной. Общеизвестно, что основа теоретических юридических знаний закладывается в процессе обучения при получении юридического образования. Сформировавшаяся сумма знаний является источником профессионального правосознания и непосредственно влияет на процесс правообразования, нормотворчества и правореализации.

Таким образом, при создании модели эффективности уголовного закона необходимо выделить три этапа: 1) построение модели эффективности формирования уголовного закона; 2) построение модели эффективности уголовно-правового нормотворчества; 3) построение модели эффективности реализации уголовного закона. Весь процесс моделирования необходимо осуществить на основе и в тесной связи с таким правовым понятием, как механизм уголовно-правового регулирования.

Список цитируемых источников

1. Лукашевич, В. К. Модели и метод моделирования в человеческой деятельности / В. К. Лукашевич; науч. ред. Л. В. Уваров. — Минск: Наука и техника, 1983. — 120 с.
2. Казимирчук, В. П. Право и методы его изучения / В. П. Казимирчук. — М.: Юрид. лит., 1965. — 204 с.
3. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2005. — 336 с.
4. Рудашевский, В. Д. Право и моделирование / В. Д. Рудашевский // Методологические проблемы советской юридической науки / Д. А. Керимов [и др.]; редкол.: В. Н. Кудрявцев (отв. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1980. — С. 290–308.
5. Тарасов, Н. Н. Юридические конструкции: теоретическое представление и методологические основания исследования / Н. Н. Тарасов // Юрид. техника. — 2013. — № 7, ч. 2. — С. 18–25.

6. *Черданцев, А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции: моногр. / А. Ф. Черданцев. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — 320 с.
7. Правовые модели и реальность: моногр. / О. А. Акопян [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. — М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации: ИНФРА-М, 2014. — XIV, 280 с.
8. *Леванский, В. А.* Моделирование в социально-правовых исследованиях / В. А. Леванский; отв. ред. О. А. Гаврилов. — М.: Наука, 1986. — С. 7.
9. *Безруков, А. С.* Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. С. Безруков; ФГОУВПО «Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний». — Владимир, 2008. — С. 21.
10. *Салыгин, Е. Н.* Моделирование в праве: проблемы и перспективы / Е. Н. Салыгин // Право. Журн. Высш. шк. экономики. — 2013. — № 3. — С. 13.
11. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / Анашкин Г. З. [и др.]; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина; АН СССР, Ин-т государства и права. — М.: Наука, 1987. — 279 с.
12. *Хомич, В. М.* Теоретические проблемы уголовной ответственности (Концепция и правовая модель института уголовной ответственности): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В. М. Хомич; Белорус. гос. ун-т. — Минск., 1997. — С. 232–254.
13. *Вицин, С. Е.* Моделирование в криминологии: учеб. пособие / С. Е. Вицин. — М.: НИИРЮ ВШ МВД СССР, 1973. — 104 с.
14. *Кудрявцев, В. Н.* Генезис преступления: опыт криминологического моделирования: учеб. пособие для вузов / В. Н. Кудрявцев. — М.: Изд. дом «Форум»: ИНФРА-М, 1998. — 214 [1] с.
15. *Уемов, А. И.* Логические основы метода моделирования / А. И. Уемов. — М.: Мысль, 1971. — С. 16.
16. *Савенок, А. Л.* Понятие и классификация условий эффективности действия уголовного закона / А. Л. Савенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2009. — № 2 (18). — С. 80–84.
17. *Прохоров, В. С.* Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. — 208 с.
18. Уголовное право России: Общая часть: учеб. / А. И. Бойцов [и др.]; под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. — СПб.: Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — 1064 с.

Дата поступления статьи — 28.06.2016.

Моделирование рассматривается как важнейший метод изучения эффективности уголовного закона. При этом выделяются три этапа: 1) построение модели эффективности формирования уголовного закона; 2) построение модели эффективности уголовно-правового нормотворчества; 3) построение модели эффективности реализации уголовного закона.

Modeling is regarded as an important method for studying the effectiveness of the criminal law. In this case there are three stages: 1) construction of the model of formation of criminal law; 2) construction of the model of the effectiveness of legal legislation; 3) construction of the model of the effectiveness of realization of criminal law.

НАБЛЮДЕНИЕ И ОХРАНА КАК МЕРА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Савчук Т. А.

Домашний арест с момента введения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — УПК) в 1999 г. имел незначительную практику, но благодаря Указу Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672 «Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения» применение этой меры пресечения стало постепенно активизироваться. Так, реализация положений данного Указа в первый год его применения привела к увеличению количества случаев применения домашнего ареста до 183 в первом полугодии 2011 г. по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. (98), а в Могилевской области — до 73 (28) [1, с. 15]; в целом по республике в период с 2010 по 2014 г. количество лиц, в отношении которых применялся домашний арест, увеличилось на 30 % [2, с. 7].

В соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК домашний арест заключается в изоляции подозреваемого или обвиняемого (далее — обвиняемый, если не указано иное) от общества без содержания его под стражей, но с применением определенных УПК правоограничений. Несмотря на законодательную трактовку, многие работники правоохранительных органов ошибочно отождествляют эту меру пресечения с содержанием под стражей и понимают ее буквально — как нахождение обвиняемого под круглосуточной охраной у него в жилище. Такого мнения придерживаются и некоторые ученые, считая домашний арест разновидностью содержания под стражей в условиях домашнего комфорта [3, с. 99]. Однако по смыслу ч. 1 ст. 125 УПК изоляция обвиняемого состоит в обязательном возложении на него запрета покидать жилище круглосуточно или в определенное время, а также в применении других факультативных мер правоограничительного характера. Одной из таких мер является установление наблюдения за обвиняемым или его жилищем, охрана его жилища или отведенного ему в жилище помещения (п. 6 ч. 2 ст. 125 УПК). Примечательно, что эта сопровождающая домашний арест мера является элементом правовых норм лишь белорусского УПК, а также уголовно-процессуальных кодексов Азербайджанской Республики (ст. 163), Республики Таджикистан (ст. 110), Республики Казахстан (ст. 149). Введение в законодательство этой меры в качестве сопутствующей домашнему аресту не случайно, а имеет историческую преемственность.

Еще в период законодательного становления (Свод законов Российской империи 1857 г.) домашний арест состоял «в отобрании подписки о невыходе из занимаемого помещения» [4, с. 263] и нахождении в доме обвиняемого полицейского или жандарма. Во времена действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. сущность этой меры пресечения сводилась исключительно к охране жилища обвиняемого. В советском законодательстве вплоть до 1960-х гг. домашний арест трактовался как лишение обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому с назначением стражи или без таковой (ст. 157 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г.).

В настоящее время мера, предусмотренная п. 6 ч. 2 ст. 125 УПК, не является распространенной в следственной практике и вызывает неоднозначные оценки

в юридической литературе. Так, В.З. Лукашевич считает, что даже круглосуточная охрана жилища обвиняемого не дает гарантий реального исполнения домашнего ареста [5, с. 355]. П.В. Гридюшко, В.В. Мелешко и М.А. Никитина [6, с. 231] полагают, что жилище обвиняемого обязательно подлежит охране. По мнению П. Мытника и Т. Скрипко, установление охраны, напротив, противоречит сущности данной меры пресечения [7, с. 37]. Схожее понимание демонстрируют В.В. Бородинов [8, с. 29], В.А. Михайлов [9, с. 681] и Г.С. Русман [10, с. 148], возражая против охраны жилища лица, находящегося под домашним арестом. Отметим, что ч. 1 ст. 125 УПК определяет домашний арест как изоляцию обвиняемого в его жилище, и это главный признак, который отличает эту меру пресечения от содержания под стражей в специальных местах, определенных законодательством. Кроме того, охрана жилища обвиняемого и установление наблюдения за ним могут иметь различные варианты по времени их действия, на что указывают примеры из отечественной практики.

Например, следователем Первомайского РОВД г. Минска в отношении М., обвиняемого в совершении преступлений по ч. 1 ст. 328, ч. 1 ст. 332 УК, применялся домашний арест с установлением мер, предусмотренных п. 1, 3, 5, 6 и 7 ч. 2 ст. 125 УПК. В постановлении было указано, что за М. и его жилищем устанавливается наблюдение, одновременно ему запрещалось покидать жилище в период с 22:00 до 06:00. Это значит, что охрана жилища М. осуществлялась лишь в период его нахождения дома [11]. Из этого следует, что охрана обвиняемого и его жилища может быть как круглосуточной, так и в определенное время, т.е. устанавливаться лишь в период запрета выхода из жилища. Такой подход позволит избежать больших затрат, связанных с выставлением круглосуточных постов, так как, по данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, для охраны одного обвиняемого ежемесячно привлекается от 6 до 12 сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) [12, с. 182–183]. В 2012 г. мера, указанная в п. 6 ч. 2 ст. 125 УПК, применялась в г. Минске в отношении 13 обвиняемых и контролировалась путем периодического посещения этих лиц по месту жительства сотрудниками милиции [13, с. 4], что также указывает на отсутствие обязательной круглосуточной охраны жилища обвиняемого.

Согласно п. 6 ч. 2 ст. 125 УПК охраняться может как жилище обвиняемого, так и отведенное ему в жилище помещение, т.е. охрана может выставляться как возле жилища, так и непосредственно в нем. Комментируя данную правоограничительную меру, Г.А. Василевич указывает, что сотрудники ОВД должны находиться преимущественно в квартире лица, поскольку для их дежурства необходимы соответствующие условия, а дежурство у дома, в подъезде не дает полной гарантии пресечения попыток бегства обвиняемого, содержащегося под домашним арестом [14, с. 16]. Возражая против цитируемого мнения, отметим, что в обязанности обвиняемого не входит создание комфортных условий для сотрудников ОВД, выполняющих охранные функции. Кроме того, в случае нахождения таких сотрудников непосредственно в доме (квартире) обвиняемый (иногда и совместно проживающие с ним лица) претерпевает неудобства в связи с присутствием в его жилище посторонних лиц. Считаем, что лица, выполняющие охранные функции, могут находиться лишь за пределами жилища обвиняемого, подвергнутого домашнему аресту. Вместе с тем, на наш взгляд, использование термина «охрана» в контексте правоограничения, сопровождающего домашний арест, представляется некорректным.

Следует отметить, что в белорусском законодательстве термин «охрана» употребляется в различных правовых нормах и интерпретируется как: 1) функция в сфере обеспечения безопасности охраняемых лиц и объектов [15]; 2) мера безопасности, применяемая в целях защиты жизни и здоровья граждан, сохранности имущества защищаемых лиц от противоправных посягательств [16; 17; 18; 19; 20]; 3) элемент режима в местах содержания лиц под стражей [21]. При этом к «охраняемым лицам» относят высших должностных лиц Республики Беларусь: Президента, Премьер-министра, председателей Совета Республики и Палаты представителей Национального собрания, а также глав иностранных государств и представительств, членов их семей и иных иностранных государственных, политических (общественных) деятелей во время их пребывания на территории Республики Беларусь [15]. Категория «защищаемые лица» включает судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны [17]; участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы, иных участников уголовного процесса [16; 20]; граждан, оказавших (оказывающих) содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность [19; 20]; а также членов семей, близких родственников перечисленных лиц. И наконец, охрана как элемент режима в местах содержания под стражей применяется к лицам, задержанным и заключенным под стражу в соответствии с уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством, а также международными договорами Республики Беларусь [21].

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих основания и порядок осуществления охраны, показывает, что данный вид деятельности используется в целях защиты лиц от посягательств противоправного, природного, техногенного и иного характера, угрожающих их жизни, здоровью и иным жизненно важным интересам, связанным с исполнением лицом должностных полномочий, либо с политической (общественной, служебной) деятельностью лица, либо с выполнением лицом гражданского долга. В связи с этим полагаем, что термин «охрана» не пригоден для использования в качестве правоограничения, сопровождающего домашний арест, поскольку цель домашнего ареста заключается в обеспечении надлежащего поведения обвиняемого при производстве по уголовному делу, строгом выполнении им режима домашнего ареста и обязанностей, предусмотренных в УПК. Кроме того, термин «ограничение» трактуется как «правило, ограничивающее какие-нибудь действия, права» [22, с. 698]. Домашний арест предполагает лишь одно правоограничение — ограничение свободы передвижения и местонахождения обвиняемого. Поэтому наблюдение за обвиняемым и охрана его жилища могут рассматриваться как способ контроля и надзора соответствующих государственных органов (должностных лиц) за лицом, находящимся под домашним арестом.

Изложенное приводит к выводу, что наиболее целесообразно в данном случае говорить о наблюдении за обвиняемым, находящимся под домашним арестом, и его жилищем. При этом наблюдение должно выступать не как факультативное правоограничение при домашнем аресте, а как мера, обеспечивающая осуществление надзора за исполнением домашнего ареста, за нахождением обвиняемого в месте исполнения этой меры пресечения и за соблюдением им наложенных запретов и (или) ограничений. Такое на-

блюдение может быть непосредственным (физическим) и опосредованным. Непосредственное наблюдение основано на визуальном способе и может реализовываться в различных формах: путем выставления сотрудников ОВД возле жилища обвиняемого, наблюдения за перемещениями обвиняемого вне места исполнения домашнего ареста, внеплановых посещений контролирующим должностным лицом обвиняемого в его жилище в период времени до 22:00. В ходе такого наблюдения могут использоваться научно-технические средства (фотоаппараты, видеокамеры, звукозаписывающая аппаратура), расширяющие возможности восприятия поведения обвиняемого и обеспечивающие надлежащую фиксацию получаемой информации. В свою очередь, опосредованное наблюдение за обвиняемым, содержащимся под домашним арестом, может осуществляться с применением специальных технических средств (видеонаблюдения, электронных средств контроля) и систем охраны.

Такой подход разделяют опрошенные нами сотрудники ОВД и прокурорские работники: 80,9 % респондентов полагают, что исполнение обвиняемым режима домашнего ареста может осуществляться путем посещения лица в его жилище в любое время суток; 19,1 % — путем выставления круглосуточной охраны, а по свидетельству 68,6 % опрошенных мера, предусмотренная п. 6 ч. 2 ст. 125 УПК, должна исполняться путем негласного наблюдения за перемещениями обвиняемого вне дома; 24,2 % — путем выставления охраны возле жилища обвиняемого и 12,7 % — в его доме; 0,3 % — путем установления видеонаблюдения в помещении, где отбывается домашний арест; 0,6 % — с помощью электронных средств контроля.

Таким образом, норма, предусмотренная п. 6 ч. 2 ст. 125 УПК, имеет контролирующий характер: ведь установление наблюдения за обвиняемым или его жилищем в первую очередь преследует цель — обеспечить соблюдение обвиняемым наложенных на него запретов и предотвратить попытки сношения этого лица с окружающим миром в случае полной изоляции его от общества. Сотрудники ОВД, выполняющие контролирующие функции, тем самым осуществляют надзор за поведением обвиняемого и соблюдением им режима отбывания домашнего ареста. Следовательно, указанная мера возлагает обязанности не на обвиняемого, а на соответствующие органы, которые должны осуществлять наблюдение за этим лицом и его жилищем, что является способом надзора за исполнением домашнего ареста, а не мерой правоограничительного характера.

Вышеизложенное приводит к выводу, что порядок реализации такой меры, как наблюдение за обвиняемым, находящимся под домашним арестом, и его жилищем, должен регулироваться подзаконным актом. В связи с этим считаем целесообразным пункт 6 исключить из действующей редакции ч. 2 ст. 125 УПК, предусмотрев в данной правовой норме право органа, ведущего уголовный процесс, в целях осуществления надзора за соблюдением подозреваемым или обвиняемым правил домашнего ареста установить наблюдение за таким лицом и его жилищем.

Детальный порядок осуществления наблюдения следует изложить в специальном нормативном правовом акте, например, в разработанной Инструкции о порядке применения и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста [23]. В данном документе нужно регламентировать объем и характер полномочий субъектов, выполняющих данную контролирующую функцию, в том числе предусмотрев право входить в жилище обвиняемого, находяще-

гося под домашним арестом, в любое время суток, за исключением ночных часов, с целью наблюдения за его поведением и выполнением установленных запретов и ограничений; по усмотрению органа, ведущего уголовный процесс, присутствовать во время свиданий обвиняемого, находящегося под домашним арестом, с близкими родственниками и членами семьи; применять технические средства (фотографирование, звукозаписывающую аппаратуру) с целью фиксирования ненадлежащего соблюдения лицом установленных запретов и обязанностей; в случае возникновения вопросов об условиях и порядке осуществления возложенных на обвиняемого обязанностей и установленных для него ограничений обращаться к следователю с соответствующим запросом. Названный нормативный документ должен также определять порядок документального оформления результатов наблюдения за обвиняемым и его жилищем и устанавливать дисциплинарную ответственность субъектов, выполняющих функцию наблюдения, за ее ненадлежащее осуществление. Последнее предложение обусловлено отсутствием надлежащего исполнения органами дознания, на которых возложена функция контроля за лицами, находящимися под домашним арестом (в том числе с применением меры, указанной в п. 6 ч. 2 ст. 125 УПК), на что указывают результаты обобщения прокурорско-следственной практики [12, с. 182; 13, с. 4].

Предложенный порядок нормативной регламентации наблюдения за обвиняемым и его жилищем как меры, обеспечивающей надзор за исполнением домашнего ареста, направлен на устранение пробелов в законодательстве, будет способствовать единообразному пониманию и применению данной меры в правоприменительной практике.

Список цитированных источников

1. Стук, А. Цель Концепции – реформирование системы мер уголовной ответственности и порядка исполнения наказаний / А. Стук // Законность и правопорядок. – 2011. – № 3. – С. 13–16.
2. Стук, А. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: промежуточные итоги / А. Стук // Законность и правопорядок. – 2014. – № 4. – С. 6–10.
3. Гречишников, О. С. Обеспечение прав обвиняемого и подозреваемого при применении процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. С. Гречишников. – М.: РГБ, 2003. – 209 л.
4. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – М., 1910. – 448 с.
5. Уголовный процесс России: Общая часть: учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / А. И. Александров [и др.]; под ред. В. З. Лукашевича. – СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 448 с.
6. Грідюшко, П. В. Проблемы механизма обеспечения меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовном процессе Республики Беларусь / П. В. Грідюшко, В. В. Мелешко, М. А. Никитина // Проблемы криминалистики: сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД; редкол.: Г. Н. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – Вып. 7. – С. 228–232.
7. Мытник, П. Домашний арест / П. Мытник, Т. Скрипко // Суд. весн. – 2001. – № 4. – С. 36–38.
8. Бородин, В. В. Домашний арест «без права переписки» / В. В. Бородин // Рос. юстиция. – 2007. – № 3. – С. 28–30.
9. Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. / под ред. В. А. Михайлова. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2006. – Т. 1. – 824 с.

10. *Русман, Г. С.* Судебный контроль за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Г. С. Русман. — Челябинск: РГБ, 2007. — 220 л.
11. Архив прокуратуры Первомайского района г. Минска за 2007 г. — Надзорное производство № 07011060196.
12. Обзор практики применения мер пресечения в виде личного поручительства, залога и домашнего ареста // Информ. бюл. Прокуратуры Респ. Беларусь. — № 34. — Минск, 2006. — С. 175–186.
13. Информационное письмо о результатах обобщения практики применения меры пресечения в виде домашнего ареста, 25 янв. 2013 г., № 16–07–2013 / Прокуратура г. Минска. — Минск, 2013. — 7 с.
14. *Василевич, Г. А.* Укрепление правового порядка — гарантия стабильного развития общества / Г. А. Василевич // Проблемы упр. — 2009. — № 2. — С. 14–18.
15. О государственной охране: Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2009 г., № 16-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: 16 июля 1999 г., № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
17. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны: Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 1999 г., № 340-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
18. Об охранной деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 8 нояб. 2006 г., № 175-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
19. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
20. Об утверждении Положения о порядке применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 янв. 2016 г., № 44 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
21. О порядке и условиях содержания лиц под стражей: Закон Респ. Беларусь, 16 июня 2003 г., № 215-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.01.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
22. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998. — 1536 с.
23. *Савчук, Т. А.* Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т. А. Савчук; Акад. МВД Респ. Беларусь. — Минск, 2014. — 234 л.

Дата поступления статьи — 13.06.2016.

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы применения и исполнения такой сопровождающей домашний арест меры, как установление наблюдения за подозреваемым, обвиняемым или его жилищем, охрана его жилища или

отведенного ему в жилище помещения, исследуется эволюция законодательного закрепления и научных представлений на данную сопровождающую меру, анализируется ее сущность и практика применения, формулируются предложения по совершенствованию ее нормативной регламентации.

In article debatable questions of application and execution of the measure as establishment of supervision over the suspect, the defendant or his dwelling accompanying such house arrest, protection of its dwelling or the room allocated to it in the dwelling are considered, evolution of legislative fixing and scientific representations on this accompanying measure are researched, its essence and practice of application is analyzed, suggestions for improvement of its standard regulation are formulated.

ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ

Свадковская Е. А.

29 мая 2014 г. в г. Астане был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор), в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами ЕАЭС.

Исходя из ст. 6 Договора за ЕАЭС закреплена правотворческая компетенция, способная создавать интеграционные международно-правовые нормы, формирующие новый интеграционный правовой порядок. «В этом смысле евразийская экономическая интеграция воспринимается не просто как последовательный процесс перехода от низших форм экономического сближения к высшим, но и как постепенная и последовательная гармонизация правовых систем участвующих государств» [1, с. 61].

Гармонизация и унификация законодательства государств — членов ЕАЭС, проводимые в целях создания в ЕАЭС сходных (сопоставимых) и идентичных механизмов правового регулирования в тех или иных сферах интеграционного развития, должны основываться на международно-правовых подходах, лежащих в основе Договора и иных заключаемых между государствами — членами ЕАЭС международных договоров.

В числе сфер интеграционного развития можно отметить защиту прав потребителей, сектор услуг на рынке ценных бумаг, страховой сектор, автомобильные перевозки грузов, государственные (муниципальные) закупки, сферу охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Унификация законодательства всех государств — членов Евразийского экономического союза, равно как и унификация законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в названных сферах, невозможна без установления идентичных подходов к гражданско-правовому регулированию имущественных товарно-денежных отношений.

Несмотря на то что разработка гражданского законодательства в 90-е гг. XX в. в Республике Беларусь и Российской Федерации происходила с учетом единства исторических корней гражданского права и тенденций его разви-

тия, общности исходных понятий, институтов и терминологии, направления совершенствования гражданского законодательства в наших странах единообразными не назовешь.

Чтобы не допустить дальнейшей дифференциации в гражданском праве Республики Беларусь и Российской Федерации, ведущей к появлению дополнительных барьеров на пути к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала, целесообразно выявить основные расхождения в законодательном регулировании имущественных отношений в первую очередь на уровне гражданских кодексов.

Первоначально Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. 1) от 30 ноября 1994 г. (далее — ГК РФ) и Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее — ГК), принятые на основе Модельного гражданского кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств (Ч. 1), утвержденного Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств 29 октября 1994 г., единообразно подходили к классификации юридических лиц и их организационно-правовым формам.

В п. 2 и 3 ст. 44 ГК по-прежнему сохранена классификация юридических лиц в зависимости от прав их учредителей (участников) на имущество юридического лица:

- к юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют обязательственные права, относятся хозяйственные товарищества и общества, производственные и потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства;

- к юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют право собственности или иное вещное право, относятся унитарные предприятия, в том числе дочерние, а также государственные объединения и финансируемые собственником учреждения;

- к юридическим лицам, в отношении которых их учредители (участники) не имеют имущественных прав, относятся общественные и религиозные организации (объединения), благотворительные и иные фонды, объединения юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей (ассоциации и союзы), а также иные некоммерческие организации, если иное не установлено законодательными актами.

Заметные изменения в белорусском законодательстве о юридических лицах связаны с появлением двух новых организационно-правовых форм юридических лиц:

- государственных объединений — объединений государственных юридических лиц, государственных и иных юридических лиц, а также государственных и иных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, создаваемых по решению Президента Республики Беларусь, Правительства Республики Беларусь, а также по их разрешению республиканскими органами государственного управления либо по решению органов местного управления и самоуправления по отраслевому принципу в целях осуществления общего руководства, управления деятельностью и представления интересов его участников;

- республиканских государственно-общественных объединений — объединений, основанных на членстве некоммерческих организаций, целью деятельности которых является выполнение возложенных на них государственно значимых задач.

С принятием Федерального закона Российской Федерации от 5 мая 2014 г. «О внесении изменений в гл. 4 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации о юридических лицах стало существенно различаться.

В соответствии с п. 3 ст. 48, ст. 65.1 ГК РФ классификация юридических лиц выглядит следующим образом:

— к юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют вещные права, относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также учреждения;

— к юридическим лицам, в отношении которых их учредители (участники) обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган, т. е. имеют корпоративные права, относятся корпоративные организации — хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными юридическими лицами — государственные и муниципальные унитарные предприятия, фонды, учреждения, автономные некоммерческие организации, религиозные организации, публично-правовые компании.

Кроме того, в Российской Федерации законодательное закрепление получили не известные законодательству Республики Беларусь классификации хозяйственных обществ на публичные и непубличные, нетипичные разновидности хозяйственных обществ (специализированное общество, акционерное общество работников), а также новые организационно-правовые формы юридических лиц: хозяйственные партнерства, публично-правовые компании.

На необходимость унификации и гармонизации права в сфере регулирования создания, деятельности и ликвидации корпораций внутри ЕАЭС указывают и российские авторы, более подробно заостряющие внимание на различных законодательных подходах в этой сфере [2].

В ГК и ГК РФ существуют расхождения и в субъектах права хозяйственного ведения. В соответствии с ч. 2 п. 1 ст. 113 ГК РФ в организационно-правовой форме унитарных предприятий действуют государственные и муниципальные предприятия, которым на основании ст. 294 ГК РФ имущество принадлежит на праве хозяйственного ведения.

Согласно ч. 3 п. 2 ст. 113 ГК в форме унитарных предприятий могут быть созданы государственные (республиканские или коммунальные) унитарные предприятия либо частные унитарные предприятия. Имущество частного унитарного предприятия находится в частной собственности физического лица (совместной собственности супругов) либо юридического лица и принадлежит такому предприятию на праве хозяйственного ведения (ч. 6 п. 2 ст. 113 ГК).

Помимо отказа от частных унитарных предприятий как от субъекта права, а также как от носителя права хозяйственного ведения текущая реформа российского гражданского законодательства предполагает коренное преобразование всей системы вещных прав.

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная 7 октября 2009 г. решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, основывается на идее необходимости создания полноценной системы ограниченных вещных прав, которая могла бы удовлетворить потребности участников гражданского оборота, в том числе в режиме пользования чужим имуществом.

С одной стороны, тенденцией развития российского законодательства является постепенный отказ от таких вещных прав, как право хозяйственного ведения и право оперативного управления, чего нельзя сказать о белорусском законодательстве, скорее наоборот — сфера действия названных прав в определенной степени расширяется.

С другой стороны, в Российской Федерации планируется более подробное регулирование прав на чужие вещи, в том числе не известных законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь прав — например, права вещных выдач, закрепление на уровне ГК РФ владельческой защиты, а вместе с ней и пересмотр понятия содержания права собственности. Между тем в Республике Беларусь никаких концепций, проектов законов, направленных на пересмотр законодательства о праве собственности и иных вещных правах, не разрабатывалось.

Представляется, что принятие подобных законодательных решений должно строиться на действительной экономической необходимости, взвешенном заимствовании зарубежного опыта регулирования вещных прав с учетом национальных правовых традиций, практики применения законодательства о вещных правах, менталитета нации, а также законодательных устремлений Республики Беларусь, других государств — членов ЕАЭС.

Еще одной важной сферой гражданско-правового регулирования, на которую хотелось бы обратить внимание, является охрана и защита интеллектуальной собственности в Республике Беларусь и Российской Федерации.

Белорусское законодательство об интеллектуальной собственности представлено разделом V ГК, законами Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», «О патентах на сорта растений», «О правовой охране топологий интегральных микросхем», «О товарных знаках и знаках обслуживания», «О географических указаниях», а также изданными как их развитие иными актами законодательства.

Российский законодатель пошел по пути принятия Гражданского кодекса Российской Федерации (Ч. 4) от 18 декабря 2006 г. (далее — Ч. 4 ГК РФ), в которой наиболее полно урегулировал отношения по всем объектам интеллектуальной собственности. Уже само по себе принятие Ч. 4 ГК РФ в таком объеме свидетельствовало о новых подходах к регулированию отношений в сфере охраны невещественных объектов.

В соответствии со ст. 139 ГК интеллектуальная собственность определена через исключительные права на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, а результаты интеллектуальной собственности и средства индивидуализации являются объектами исключительных прав. В то время как п. 1 ст. 1225 Ч. 4 ГК РФ интеллектуальной собственностью называет результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, которым

предоставляется правовая охрана. Таким образом, в Российской Федерации интеллектуальная собственность — это объект права, а в Республике Беларусь — это само право.

На результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) ст. 1226 ч. 4 ГК РФ признает интеллектуальные права, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие). Белорусское законодательство термином «интеллектуальные права» не располагает.

Самостоятельным объектом охраны в Российской Федерации являются коммерческие обозначения — средства индивидуализации торговых, промышленных и других предприятий, не являющиеся фирменными наименованиями и не подлежащие обязательному включению в учредительные документы, и единый государственный реестр юридических лиц (п. 1 ст. 1538 ч. 4 ГК РФ). В Республике Беларусь такому объекту правовая охрана не предоставляется.

Сроки действия исключительного права на произведение различаются на 20 лет: п. 2 ст. 20 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» предусматривает 50-летний срок охраны, а п. 1 ст. 1281 ч. 4 ГК РФ — 70-летний.

Понятие и условия правовой охраны секрета производства (ноу-хау) также различаются. Согласно п. 2 ст. 1010 ГК, сведения, составляющие секрет производства (ноу-хау), охраняются в режиме коммерческой тайны, если они не являются общеизвестными или легкодоступными третьим лицам в тех кругах, которые обычно имеют дело с подобного рода сведениями, имеют коммерческую ценность для их обладателя в силу неизвестности третьим лицам, не являются объектами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и не отнесены в установленном порядке к государственным секретам.

На основании п. 1 ст. 1465 ч. 4 ГК РФ секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны.

Наконец, недобросовестная конкуренция в Республике Беларусь не является объектом права промышленной собственности, однако глава 68 «Недобросовестная конкуренция», расположенная в разделе V ГК, содержит понятие недобросовестной конкуренции и определяет ответственность за ее осуществление. Часть 4 ГК РФ вообще не регулирует отношения, связанные с пресечением недобросовестной конкуренции.

Изложенное позволяет сделать вывод о некотором противоречии между намерением создать единое экономическое пространство на определенной территории и принятием диверсифицированных актов гражданского законодательства на различных частях этого пространства.

В целях формирования единого рынка товаров, услуг, капитала, экономического пространства к сферам законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, которые нуждаются в установлении как минимум сходного, как максимум единого правового регулирования, целесообразно отнести законодательство о коммерческих юридических лицах, законодательство о вещных правах, а также законодательство об интеллектуальной собственности.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве стали развиваться еще в начале 90-х гг. XX в.: Содружество Независимых Государств (СНГ), Таможенный союз и Единое экономическое пространство, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) были предшественниками ЕАЭС.

Несмотря на предпринимаемые усилия, до сих пор нельзя сказать, что в рамках названных интеграционных объединений удалось унифицировать нормы законодательства, регулирующие так называемые интеграционные отношения. Следует признать справедливость высказанной еще в 2005 г. А. Л. Маковским авторитетной позиции: «Если для существования единого экономического пространства в пределах СНГ важно иметь единое (унифицированное) или единообразное гражданское законодательство, то для этого необходим постоянно действующий механизм, который будет нацелен не только на создание такого законодательства, но и на поддержание его в состоянии согласованности, в состоянии единства и единообразия. Если это сделано не будет, мы будем вновь и вновь наступать на те же грабли противоречия между устремлениями к экономическому единству и партикуляризмом, разобщенностью гражданско-правового регулирования экономики нашими государствами» [3, с. 732].

ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. Специалисты в области международного права уже задаются вопросом о том, сможет ли право ЕАЭС эволюционировать в направлении становления самостоятельного наднационального правопорядка или сохранит характер субрегиональной подсистемы международного права [1, с. 69].

Следует согласиться с мнением О. И. Пименовой, что для эффективного законодательного регулирования интеграционных отношений не столь важно механическое приведение национального законодательства в соответствие с законодательством, складывающимся в рамках интеграционного объединения, сколько необходимы вначале гармонизация подходов к правовому регулированию одних и тех же отношений в государствах — членах ЕАЭС, а в дальнейшем — создание единых (а не сходных, сопоставимых, идентичных) механизмов регулирования интеграционных отношений [4, с. 28].

Путь наднациональной правовой интеграции, основанной на использовании нормативных правовых актов, имеющих прямое применение и обязательную силу для субъектов гражданского оборота интегрирующихся государств и обладающих приоритетом перед актами национальных законодательств, представляется наиболее эффективным с точки зрения регулирования интеграционных гражданско-правовых отношений в рамках ЕАЭС.

Список цитированных источников

1. Капустин, А. Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс / А. Я. Капустин // Журн. рос. права. — 2015. — № 11. — С. 59–69.

2. Мальгинов, Е. А. Перспективы унификации и гармонизации корпоративного права в Евразийском экономическом союзе / Е. А. Мальгинов // Междунар. публич. и част. право. — 2015. — № 4. — С. 11–14.

3. Маковский, А. Л. Об унификации гражданского законодательства на едином экономическом пространстве (советский и постсоветский опыт) / А. Л. Маковский // О кодификации гражданского права (1922–2006). — М.: Статут, 2010. — 736 с.

4. Пименова, О. И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей использования опыта Европейского союза / О. И. Пименова // Сравнит. конституц. обозрение. — 2014. — № 5. — С. 21–28.

Дата поступления статьи — 11.07.2016.

Статья посвящена основным сферам гражданского законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, которые нуждаются в установлении сходного правового регулирования.

Автор приходит к выводу, что наднациональная правовая интеграция, основанная на использовании нормативных правовых актов, имеющих прямое применение и обязательную силу для субъектов гражданского оборота интегрирующихся государств и обладающих приоритетом перед актами национальных законодательств, является наиболее эффективным механизмом регулирования интеграционных гражданско-правовых отношений в рамках ЕАЭС.

The article is devoted to the main spheres of the civil legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation which require establishment of similar legal regulation.

The author concludes that supranational legal regulation based on using normative legal acts which are directly and consistently implemented by the persons of civil negotiations of the integrating states, with these acts prevailing over the national legislation of these states, is the most effective regulation of integrative relations in the Eurasian Economic union.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Сенько А. С.

Возложенная на органы прокуратуры Республики Беларусь функциональная обязанность по участию, в рамках предоставленной законодателем компетенции, в административно-деликтном процессе вызывает необходимость в проведении исследования правовой сущности административно-процессуальной юрисдикции органов прокуратуры, так как в отечественной и зарубежной юридической литературе практически отсутствуют специальные работы, касающиеся обозначенной компетенции прокуратуры.

Правовой статус прокурора в административно-деликтном процессе Республики Беларусь регламентирован предписаниями ст. 125 Конституции Республики Беларусь, Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. (далее — ПИКоАП), Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее — Закон о прокуратуре) и иных нормативных правовых актов, в том числе приказов Генерального прокурора Республики Беларусь.

ПИКоАП является единственным законом, устанавливающим для прокуратуры, других государственных органов, иных организаций и должностных лиц, ведущих административный процесс, а также для иных участников процесса единый и обязательный порядок ведения административного процесса. Наряду с этим при определении административно-процессуальной юрисдикции органов прокуратуры следует учитывать, что ПИКоАП отдает приоритет общепризнанным международным принципам и стандартам. Так, в ч. 3 ст. 1.1 ПИКоАП значится, что, «если вступившими в силу международными договорами Республики Беларусь предусмотрены иные правила, чем те, которые установлены настоящим Кодексом, применяются правила международных договоров».

Непосредственно правовому положению прокурора в административно-деликтном процессе посвящен ряд статей ПИКоАП, а именно: ст. 2.15, 14.6, 18.7, 20.3, — закрепляющие содержание такого принципа административно-деликтного процесса, как прокурорский надзор за исполнением законов при ведении административного процесса и исполнение административного взыскания; положения ст. 2.4, фиксирующие гарантии неприкосновенности личности в административно-деликтном процессе; нормы ст. 3.29 и 3.30, указывающие на полномочия должностных лиц прокуратуры по осуществлению административно-деликтного обвинения лиц; предписания ст. 7.2, 12.1, 12.9, 12.11 и 12.12, детализирующих институт обжалования и опротестования действий и решений судьи, должностного лица органа, ведущего административный процесс, в том числе и постановления по делу об административном правонарушении; ст. 8.4, 8.9, 10.13 — предоставляющие прокурору полномочия по санкционированию производства процессуальных действий и применения мер обеспечения административно-деликтного процесса и т. п.

Анализ содержания приведенных выше правовых предписаний ПИКоАП, а также представленных в теории прокурорского надзора взглядов о функциональном спектре деятельности прокуратуры [1, с. 21; 2, с. 60–66] позволяет утверждать, что в рамках административно-деликтного процесса прокуратура Республики Беларусь выполняет три функции — функцию прокурорского надзора за исполнением законов при ведении административного процесса и исполнения административного взыскания, функцию административно-деликтного (административного) обвинения (преследования) лиц, совершивших административные правонарушения, и функцию участия в рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Первая из названных функций является, безусловно, общепризнанной и традиционной в деятельности прокурора, вторая и третья на данном этапе правового и организационного развития деятельности органов прокуратуры — вспомогательными и сопутствующими основному предназначению прокуратуры — осуществлению надзора за точным и единообразным исполнением законодательства на территории Республики Беларусь.

В соответствии с ПИКоАП реализация всех функций в административно-деликтном процессе осуществляется должностными лицами прокуратуры — прокурорами. Вместе с тем в административно-процессуальном законодательстве однозначно не указывается, какие именно из должностных лиц прокуратуры вправе выступать в качестве прокуроров в той или иной правовой ситуации, ибо в кодексе отсутствуют правовые нормы, разъясняющие содержание применяемых отдельных терминов, в том числе и термина «прокурор».

В подавляющем большинстве случаев законодатель в статьях ПИКоАП использует категорию «прокурор». Лишь в ст. 10.13 ПИКоАП «Осмотр» применено словосочетание «прокурор или его заместитель», а в ст. 14.6 ПИКоАП «Прокурорский надзор за исполнением законодательства органами, исполняющими постановления о наложении административных взысканий» — «Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры». Вследствие изложенного в каждом конкретном случае при необходимости определения непосредственного субъекта (носителя) прокурорских полномочий следует, наряду с нормами ПИКоАП, руководствоваться Законом о прокуратуре (определяющим, что под прокурором понимаются действующие в пределах своей компетенции Генеральный прокурор Республики Беларусь и подчиненные ему прокуроры, в том числе транспортные прокуроры, их заместители и помощники, советники, начальники структурных подразделений органов прокуратуры и их заместители, старшие прокуроры и прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры), приказами и указаниями Генерального прокурора Республики Беларусь, иными нормативными правовыми актами в сфере прокурорско-надзорных отношений. В дальнейшем в целях совершенствования правового регулирования ведения административно-деликтного процесса представляется необходимым дополнить ПИКоАП целевой статьей, посвященной разъяснению содержания основных терминов и понятий, используемых в процессуальном законе.

Переходя к анализу первой из названных функций, отметим, что его следует, на наш взгляд, проводить по таким критериям, как задачи органов прокуратуры, предмет и объект прокурорского надзора, полномочия прокурора при осуществлении данного вида деятельности [3, с. 8–47]. Приоритетная задача органов прокуратуры при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов в рамках административно-деликтного процесса определена в Законе о прокуратуре, ПИКоАП, приказах и указаниях Генерального прокурора Республики Беларусь. Она заключается в осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов при ведении административно-деликтного процесса и исполнении административных взысканий в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод граждан, а также охраняемых законом общественных и государственных интересов.

Предметом прокурорского надзора за исполнением законов при ведении административно-деликтного процесса и исполнении административных взысканий является точное и единообразное исполнение судом, органами и должностными лицами, ведущими административный процесс и исполняющими административные взыскания, Конституции Республики Беларусь, ПИКоАП, Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-З (далее — КоАП), иных нормативных правовых актов в сфере административных и процессуально-административных отношений.

В качестве объектов прокурорского надзора за исполнением законов при ведении административного процесса выступают органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, и должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях и вести подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению. При этом следует учитывать, что суды (судьи) не относятся

к числу объектов прокурорского надзора, так как прокуратура осуществляет надзор за соответствием закону постановлений суда по делам об административных правонарушениях в рамках самостоятельного направления деятельности, а именно — прокурорского надзора за соответствием закону судебных решений и соблюдения законодательства при их исполнении.

Круг поднадзорных прокуратуре органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, довольно обширен. Он очерчен в ч. 1 ст. 3.1 ПИКоАП. К нему отнесены сельские, поселковые исполнительные комитеты; административные комиссии районного (городского) исполнительного комитета или администрации района в городе; районные (городские), районные в городе комиссии по делам несовершеннолетних; органы внутренних дел; органы Комитета государственного контроля Республики Беларусь; Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь; органы государственного пожарного надзора Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь; органы государственного санитарного надзора; органы пограничной службы Республики Беларусь; таможенные органы; налоговые органы; Департамент ценовой политики Министерства экономики Республики Беларусь; органы Министерства финансов Республики Беларусь и финансовые управления (отделы) местных исполнительных и распорядительных органов; органы Национального банка Республики Беларусь; органы Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь; органы железнодорожного транспорта; органы Министерства лесного хозяйства Республики Беларусь; органы Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь; Департамент по ценным бумагам Министерства финансов Республики Беларусь; органы государственного энергетического и газового надзора Министерства энергетики Республики Беларусь; органы Департамента государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь; органы Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь; органы государственной безопасности; государственные природоохранные учреждения, осуществляющие управление заповедниками и национальными парками; органы Министерства юстиции Республики Беларусь; Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь.

Говоря об объектах прокурорского надзора, следует также иметь в виду, что в соответствии с ч. 2 ст. 3.1 ПИКоАП кроме вышеперечисленных органов дела об административных правонарушениях вправе также рассматривать в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 3.29 и ч. 3 и 3–1 ст. 10.3 ПИКоАП, должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях.

Объектами прокурорского надзора за исполнением законов при исполнении административных взысканий являются должностные лица органа, ведущего административный процесс, на которых ПИКоАП возложено исполнение административных взысканий, судебные исполнители, уполномоченные лица органов внутренних дел, уполномоченные лица Белорусской инспекции речного судоходства, уполномоченные лица Государственной инспекции по маломерным судам, органы внутренних дел, должностные лица органа, выдавшего специальное разрешение (лицензию) (ст. 15.1, 15.2, 16.1, 17.1, 18.1, 19.1, 20.1 и 21.1 ПИКоАП).

Полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов при ведении административного процесса изложены в ст. 2.15 ПИКопАП «Прокурорский надзор за исполнением законов при ведении административного процесса». В соответствии с ней, осуществляя надзор за ведением административного процесса, прокурор в пределах своей компетенции: требует от должностного лица органа, ведущего административный процесс, представления материалов об административном правонарушении; дает органу, ведущему административный процесс, письменные указания по делу об административном правонарушении; санкционирует производство процессуальных действий и применение мер обеспечения административного процесса в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом; проверяет законность применения административного задержания физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, и иных мер обеспечения административного процесса, а также наложения административных взысканий; освобождает своим постановлением физическое лицо, незаконно подвергнутое административному задержанию; отменяет своим постановлением противоречащие законодательным актам постановления о производстве процессуальных действий и применении мер обеспечения административного процесса, за исключением постановлений, вынесенных судом; опротестовывает противоречащие законодательным актам постановления по делам об административных правонарушениях; поручает органу, ведущему административный процесс, подготовку дела об административном правонарушении к рассмотрению (по административным правонарушениям, протоколы по которым не составляются прокурором); истребует из соответствующих суда, органа, ведущего административный процесс, дела об административных правонарушениях; приостанавливает исполнение вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, за исключением постановлений о наложении административного взыскания в виде административного ареста или депортации; отменяет своим постановлением в случаях, предусмотренных ПИКопАП, постановление о прекращении дела об административном правонарушении, вынесенное органом, ведущим административный процесс, по окончании подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению.

Поручения, постановления и указания прокурора по делу об административном правонарушении направляются органу, ведущему административный процесс, и подлежат рассмотрению и исполнению в срок, установленный прокурором.

Ряд отдельных полномочий прокурора при осуществлении надзора при ведении административного процесса содержится в иных правовых нормах, в частности, в ст. 14.6 ПИКопАП, в ст. 27 Закона о прокуратуре и т. п.

Административно-деликтное обвинение прокуратурой лиц как самостоятельное функциональное явление, требующее отдельного изучения, сравнительно недавно вызвало к себе научный интерес в академической среде [4]. Данная функция является малоизученной и неустоявшейся с точки зрения теории прокурорского надзора и правовой регламентации деятельности прокуратуры Республики Беларусь. Однако мы убеждены, на основании анализа процессуально-деликтного законодательства, в ее осуществлении органами прокуратуры. Реализация анализируемого направления деятель-

ности прокуратуры способствует выполнению задач по защите прав и свобод человека, его законных интересов, прав юридических лиц, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка, а также защите установленного правопорядка от административных правонарушений и предупреждению административных правонарушений.

В отечественном административно-деликтном процессе, как видится, анализируемая функция реализуется посредством двух форм — в форме непосредственной подготовки прокурором дела об административном правонарушении к рассмотрению и в форме возбуждения административного процесса.

В первом случае прокурор выступает как полноправный орган, наделенный правом вести административный процесс. При наличии соответствующих поводов (как правило, при непосредственном установлении прокурором признаков административного правонарушения) и оснований для начала административного процесса (т.е. достаточных данных, указывающих на признаки административных правонарушений, если при этом отсутствуют обстоятельства, исключающие административный процесс) прокурором составляется в отношении лица протокол об административном правонарушении.

В соответствии с п. 7 ч. 2 ст. 3.30 ПИКоАП прокурор вправе составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 9.6, 9.10, 9.13, 9.16, 9.19, 17.11, 21.9, 21.10, 22.10, 23.16, 23.18, 23.25, ч. 2 ст. 23.26, ст. 23.37, 23.38, ч. 1 ст. 23.54, ч. 2 ст. 23.58, ст. 23.79–23.83, 24.3, ч. 3 ст. 24.10, ст. 25.2–25.4, ч. 2 ст. 25.8 КоАП вне зависимости от осуществляемого им вида деятельности, в рамках которого выявлены признаки административных правонарушений (прокурорского надзора, координирующей функции, предварительного расследования и т.п.). В отношении же иных административных правонарушений — только при осуществлении надзорных функций.

Содержание протокола об административном правонарушении, составляемого прокурором, должно соответствовать всем положениям процессуального закона. Протокол подписывается прокурором, а также, по общему правилу, правонарушителем, которому вручается копия протокола (ст. 10.2 ПИКоАП).

Перечень должностных лиц прокуратуры, полномочных на составление протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению, в соответствии с предписаниями ч. 2 ст. 3.29 ПИКоАП, определен внутриведомственным правовым актом. Согласно приказу Генерального прокурора Республики Беларусь от 6 сентября 2007 г. № 32 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при ведении административного процесса» он включает в себя всех прокуроров, т.е. Генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему прокуроров, их заместителей и помощников, советников, начальников структурных подразделений органов прокуратуры и их заместителей, старших прокуроров и прокуроров структурных подразделений органов прокуратуры.

Подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению осуществляется прокурором в порядке, предусмотренном гл. 10 ПИКоАП. По ее завершении при отсутствии оснований для прекращения дела об административном правонарушении дело направляется для рассмотрения по существу в районный или приравненный к нему суд (ч. 1 ст. 3.2 ПИКоАП), а в случаях, указанных в ч. 3 ст. 3.1 ПИКоАП, — в областной (Минский городской) суд. Про-

курор, направивший административное дело в суд, вправе принять участие в рассмотрении дела судьей (ч. 1 ст. 3.29, ч. 4 ст. 11.4 ПИКоАП).

Реализация прокурором функции административного обвинения возможна также, как видится, посредством вынесения в отношении субъекта административного правонарушения в порядке и при соблюдении условий, предусмотренных ч. 2 ст. 3.1, ч. 3 ст. 3.29, ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП, постановления о наложении административного взыскания за совершение административных правонарушений, которое вступает в законную силу с момента его вынесения.

К такой форме административно-деликтного обвинения, как возбуждение административно-деликтного процесса в отношении лица, прокурор прибегает в тех случаях, когда сам не вправе составлять по выявленным административным правонарушениям протоколы об административных правонарушениях. В подобной ситуации в соответствии с п 8 ч. 2 ст. 2.15 ПИКоАП прокурор поручает органу, ведущему административный процесс, осуществить подготовку дела об административном правонарушении к рассмотрению.

Требования к форме и содержанию поручения процессуальным законодательством не определены. Вместе с тем в этом плане должны быть задействованы предписания Закона о прокуратуре, в соответствии со ст. 40 которого поручение может быть дано в форме постановления. Сказанное, однако, не исключает возможность оформления поручения посредством самостоятельного процессуального акта — «Поручение прокурора». В обоих случаях в поручении прокурором отражаются сведения об источнике информации об административном правонарушении, о признаках состава административного правонарушения и т. п.

Функция участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях по сравнению с двумя рассмотренными выше функциями наиболее слабо выражена в действующем правовом поле. О существовании подобной функции позволяют говорить лишь нормы ч. 1 ст. 3.29 ПИКоАП, указывающие, что должностное лицо органа, ведущего административный процесс (в нашем случае прокурор), направившее дело об административном правонарушении на рассмотрение, может участвовать в его рассмотрении, если ходатайствует об этом, а также давать объяснения и представлять доказательства по делу об административном правонарушении.

Таким образом, прокурор вправе принимать участие в рассмотрении дела об административном правонарушении судом. Исходя из правового статуса прокуратуры как органа, осуществляющего прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, полагаем, что прокурору следует предоставить возможность принимать участие в рассмотрении всех дел об административных правонарушениях независимо от того, направлял ли он сам непосредственно дела об административных правонарушениях на рассмотрение либо это сделали иные должностные лица органов, ведущих административный процесс. Кроме того, необходимо дополнить ПИКоАП нормами, детализирующими правовой статус прокурора в ходе участия в рассмотрении судом дела об административном правонарушении.

Подводя итог проведенному исследованию по проблематике административно-процессуальной юрисдикции органов прокуратуры, отметим, что ее содержание, на наш взгляд, представлено тремя функциональными направлениями деятельности прокурора — функцией прокурорского надзора за исполнением

законов при ведении административного процесса и исполнения административного взыскания, функцией административно-деликтного обвинения лиц и функцией участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях. Содержание и объем указанных функций не равнозначны между собой и требует дополнительных научных исследований с точки зрения повышения эффективности деятельности органов прокуратуры в рамках административно-деликтных правовых отношений.

Список цитированных источников

1. Гальченко, А. Возбуждение прокурором дел об административных правонарушениях / А. Гальченко // Законность. — 2014. — № 2. — С. 20–25.
2. Насонов, Ю. Г. О недостатках правового регулирования участия прокурора в административном судопроизводстве / Ю. Г. Насонов, В. С. Выскуб // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. — 2015. — № 5. — С. 60–66.
3. Мезинов, Д. А. Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Особенной части: учеб. пособие / Д. А. Мезинов. — Томск: Изд-во НТЛ, 2011. — 132 с.
4. Григорьев, В. К 20-летию Закона о прокуратуре / В. Григорьев, А. Победин // Законность. — 2016. — № 6. — С. 22–23.

Дата поступления статьи — 04.07.2016.

Статья посвящена вопросам правового положения прокуроров в административном процессе. На основании анализа предписаний Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и существующих в теории прокурорского надзора и административного процесса взглядов о задачах и роли прокуратуры в административном процессе в статье показывается, что на прокуратуру возложена реализация трех функций: функции прокурорского надзора за исполнением законов при ведении административного процесса и исполнения административного взыскания; функции административного (административно-деликтного) обвинения и функции участия в рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Рассмотрены содержание и правовая модель обозначенных функций, а также конкретные правомочия прокуроров при осуществлении функций в правоприменительной деятельности. Внесен ряд предложений по законодательному совершенствованию регламентации участия прокуроров в административном процессе Республики Беларусь.

The article is devoted to the legal status of prosecutors in the administrative process. It shows that the prosecutor's office is charged with the implementation of three functions: the function of prosecutor's supervision over the implementation of laws conducting administrative proceedings and execution of administrative sanctions; the function of administrative (administrative tortious) charge and the function of participation in administrative infractions examination based on the analysis of the requisition of the Procedural-Executive Code of Administrative Offences of the Republic of Belarus and the existing views on the tasks and role of public prosecution in the administrative process in the theory of prosecutor's supervision.

The content and legal model of designated functions as well as the specific competence of the prosecutors in the realization of functions in law enforcement were considered in the article. A number of proposals to improve the legislative regulation of the involvement of prosecutors in the administrative process of the Republic of Belarus were introduced.

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ТЕРМИНОВ «ТЕРРОРИЗМ» И «ЭКСТРЕМИЗМ»

Сералиев А. Б.

Безусловно, категории «экстремизм» и «терроризм» — родственные понятия, и провести грань между данными терминами достаточно сложно. Вместе с тем уголовно-правовая теория и практика применения уголовного закона нуждаются в определенной их дифференциации. Это связано с тем, что отсутствие общепринятых, научно обоснованных терминов терроризма и экстремизма препятствует эффективной реализации уголовной политики государств и затрудняет выработку современных универсальных профилактических мер по пресечению преступлений террористической и экстремистской направленности.

В п. 30 ст. 3 УК Республики Казахстан (далее — УК РК) к террористическим преступлениям отнесены следующие составы преступных деяний: «Наемничество» (ст. 170), «Создание баз (лагерей) подготовки наемников» (ст. 171), «Нападение на лиц или организации, пользующихся международной защитой» (ст. 173), «Посягательство на жизнь Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации» (ст. 177), «Посягательство на жизнь Президента Республики Казахстан» (ст. 178.), «Диверсия» (ст. 184), «Акт терроризма» (ст. 255), «Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма» (ст. 256), «Создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности» (ст. 257), «Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму» (ст. 258), «Вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности» (ст. 259), «Прохождение террористической или экстремистской подготовки» (ст. 260), «Захват заложника» (ст. 261), «Нападение на здания, сооружения, средства сообщения и связи или их захват» (ст. 269), «Угон, а равно захват воздушного или водного судна либо железнодорожного подвижного состава» (ст. 270).

Из содержания указанного перечня следует, что законодатель рассматривает такие составы уголовных правонарушений, как финансирование, вербовка, а также подготовка и иное пособничество терроризму либо экстремизму (ст. 258, 259, 260 УК РК), в качестве преступлений террористической направленности. В то же время в п. 39 ст. 3 УК РК к экстремистским преступлениям относятся деяния, предусмотренные ст. 174 «Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни», ст. 179 «Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан», ст. 180 «Сепаратистская деятельность», ст. 181 «Вооруженный мятеж», ст. 182 «Создание, руководство экстремистской группой или участие в ее деятельности», ст. 184 «Диверсия», ст. 258 «Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму», ст. 259 «Вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности», ст. 260 «Прохождение террористической или экстремистской подготовки», ст. 267 «Организация незаконного военизированного формирования», ч. 2 ст. 404 «Создание общественного объединения, провозглашающего или на практике реализующего расовую, национальную, родовую, социальную, сословную или

религиозную нетерпимость или исключительность, призывающего к насильственному ниспровержению конституционного строя, подрыву безопасности государства или посягательствам на территориальную целостность Республики Казахстан, а равно руководство таким объединением», ч. 3 ст. 404 «Активное участие в объединениях, деятельность которых сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных деяний, а равно создание или руководство партией на религиозной основе, либо политической партией или профессиональным союзом, финансируемыми из запрещенных законами Республики Казахстан источников») и ст. 405 «Организация и участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма».

Анализ приведенных статей УК РК позволяет прийти к выводу о том, что в данном перечне не соблюдается строгая дифференциация на преступления террористической и экстремистской направленности. Так, например, ст. 184 «Диверсия» относится как к террористическому, так и к экстремистскому преступлению, а ст. 181 «Вооруженный мятеж», как ни странно, только к экстремистскому преступному деянию.

Данное положение свидетельствует о необходимости дальнейших научных исследований, которые позволят более точно определить рассматриваемые термины, а также разграничить между собой преступные деяния, относящиеся к терроризму и (или) экстремизму. В законе не следует использовать термины, которые только затрудняют их уяснение, а также вызывают сомнения в их целесообразности и необходимости.

В толковом словаре В. И. Даля терроризм определяется как страх, ужас, устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства, а экстремизм (*extremus* — крайний) в толковом словаре Д. Н. Ушакова обозначается как склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущественно в политике.

Несмотря на всю сложность формулирования рассматриваемых понятий, возможно выдвинуть гипотезу о том, что различия между данными терминами следует провести по направленности рассматриваемых деяний. Так, если целью терроризма является устрашение, то экстремизм связан с крайними взглядами, убеждениями и их опасным распространением. Следовательно, террористические преступления можно определить как реализацию экстремистских взглядов противоправным путем с определенными целями. Другими словами, если совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных общественно опасных последствий имело целью нарушение общественной безопасности, устрашение населения, оказание воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранными государствами или международными организациями, провокацию войны либо осложнение международных отношений, то это и есть проявления преступного терроризма. При этом пособничество, участие в подготовке террористического акта будет также относиться к террористическим преступлениям, если лицо добровольно не заявит об этом и не будет активно способствовать раскрытию или пресечению данного преступления.

В свою очередь, экстремизм, так же как и терроризм, — многоаспектное понятие. В последние годы, например, участились случаи ложных сообщений о заложенных бомбах, обычно из хулиганских побуждений (ст. 273 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»), что приводит к панике и может скрытно использоваться экстремистскими структурами в своих целях. Экстремальное поведение возможно и при совершении различных опасных для жизни трюков, что не является преступным деянием, если не содержит состава другого преступления, связанного с нарушением общественного порядка. Уголовный закон не может преследовать людей за их убеждения и взгляды, если носители этих взглядов не занимаются возбуждением социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни, пропагандой или публичными призывами к захвату или удержанию власти и другим навязыванием и распространением запрещенных законом экстремистских идей.

Конечно, предлагаемая модель требует более глубокого обоснования, так как данные понятия многогранны. Но для уголовного закона и его применения важно не допускать разночтения понятий и их разного толкования. Например, в праве США терроризм понимается как преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения или объектов субнациональными группами федерального уровня или подпольно действующими агентами организаций, обычно с целью повлиять на настроение общества [1]. Определенную трудность с юридических позиций вызывает разграничение терроризма и так называемой «умеренной оппозиции».

В соответствии с Федеральным законом РФ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с силовым воздействием, устранием населения и / или иными формами противоправных насильственных действий.

В Казахстане терроризм определяется как противоправное уголовно наказуемое деяние или угроза его совершения в отношении физических лиц или организаций в целях подрыва общественной безопасности, устрания населения, оказания воздействия на принятие государственными органами Республики Казахстан, иностранными государствами и международными организациями решений либо с целью прекращения деятельности государственных либо общественных деятелей, или из мести за такую деятельность [2].

По мнению Ю. А. Авдеева, к понятию терроризма существует два подхода: биологический и социальный [3, с. 27]. В этой связи Википедия приводит следующие виды терроризма.

По характеру субъекта террористической деятельности терроризм делится на: **неорганизованный**, или **индивидуальный** (терроризм одиночек) — в этом случае теракт (реже — ряд терактов) совершает один-два человека, за которыми не стоит какая-либо организация (Дмитрий Каракозов, Вера Засулич, Раваполь, Тимоти Маквей и др.); **организованный, коллективный** — террористическая деятельность планируется и реализуется некой организацией (народовольцы, эсеры, ИРА, Аль-Каида, ИГИЛ и др.). Организованный терроризм наиболее распространен в современном мире.

По целенаправленности терроризм делится на: **националистический** — преследует сепаратистские или национально-освободительные цели; **религи-**

озный — может быть связан с борьбой приверженцев религии между собой (индусты и мусульмане, мусульмане и иудеи) и внутри одной веры (католики — протестанты, сунниты — шииты) и преследует цель подорвать светскую власть и утвердить власть религиозную.

Идеологически заданный, социальный — преследует цель коренного или частичного изменения экономической или политической системы страны, привлечения внимания общества к какой-либо острой проблеме. Иногда этот вид терроризма называют революционным. Примером идеологически заданного терроризма служат анархистский, эсеровский, фашистский, европейский «левый», экологический терроризм и др. Авторы Википедии подчеркивают, что это деление терроризма условно и сходства можно найти во всех его видах [4].

Е. Г. Ляхов рассматривает терроризм в трех аспектах понимания и измерения: а) преступные деяния; б) террористические группы; в) террористические доктрины [5, с. 34].

Н. Б. Крылов и Ю. А. Решетов под терроризмом в самом широком смысле понимают акты насилия или угрозу насилия, цель которых — внушить страх и заставить действовать или воздержаться от действий в нужном террористам направлении [6, с. 46].

Критикуя указанное определение, В. П. Емельянов отмечает, что под него попадают вымогательство, угрозы судье и многие другие преступления. В этой связи им предлагается следующее определение терроризма: это публично совершаемые общеопасные действия или угрозы, направленные на устрашение населения или социальных групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него в интересах террористов [7, с. 87].

Характерной для терроризма является его декларативность, превращение акта терроризма в резонансное событие, которое широко обсуждается в обществе. Акт терроризма не скрывается, а его исполнители обычно берут на себя ответственность за его совершение публичным объявлением об этом. Тактика терроризма рассчитана на запугивание населения, создание атмосферы страха среди людей, а также пропаганду своих взглядов театральной демонстрацией своей жертвенности. Засекреченный террористический акт теряет смысл с точки зрения достижения его целей.

В этом отличие террористического акта от похожих преступных деяний, таких как диверсия или политически мотивированное убийство. Как правило, исполнители указанных преступлений тщательно скрывают свою причастность к их совершению, они готовят их, стараясь имитировать причастность к ним других сил либо результат техногенной катастрофы, несчастного случая. В случае совершения диверсии или политического убийства спецслужбы интересуют нанесение урона, существенного вреда противнику, а не огласка истинных исполнителей данных преступлений.

Нельзя не согласиться с авторами энциклопедии «Кругосвет», которые пишут: «Общественный резонанс на террористический акт необходим террористам для изменения общественных настроений. Теракты воздействуют на массовую психологию. Террористические организации демонстрируют свою силу и готовность идти до конца, жертвуя как собственными жизнями, так и жизнями жертв. Террорист громогласно заявляет, что в этом обществе, в этом мире есть сила, которая ни при каких обстоятельствах не примет существующий порядок вещей и будет бороться с ним до победы или до своего конца» [8].

Террористический акт:

1. Демонстрирует обществу бессилие власти. В той точке времени и пространства, где произошел теракт, власть утратила монополию на правовое принуждение и установление законной власти. В зоне теракта реализовалась альтернативная власть.

2. Создает прецеденты активного неповиновения и силового противостояния власти. Идеологи терроризма называют это «пропагандой действием». Теракт содержит в себе призыв к силам, сочувствующим делу террористов, присоединиться к активному противостоянию власти.

3. Как правило, активизирует любые силы и настроения, оппозиционные власти, в том числе и дистанцирующиеся от тактики терроризма. Теракт трактуется как беспорядный признак острого кризиса в обществе. Все это подталкивает общество, а за ним и власть к уступкам политическим силам, использующим тактику терроризма.

4. Нейтрализует экономическую деятельность, снижает инвестиционную привлекательность страны, ухудшает ее имидж, снижает поток международных туристов и т. д.

5. Подталкивает страну к радикализации политического курса, к авторитарным формам правления. Часто такая эволюция соответствует целям террористов.

Терроризм представляет собой наиболее опасный (по критерию вложенные ресурсы / полученный результат) способ политической дестабилизации общества. Такие способы дестабилизации, как военная интервенция, восстание, развязывание гражданской войны, массовые беспорядки, всеобщая забастовка и др., требуют значительных ресурсов и предполагают широкую массовую поддержку тех сил, которые заинтересованы в дестабилизации. Для разворачивания кампании террористических актов достаточно поддержки дела террористов сравнительно узким слоем общества, небольшой группой согласных на все крайних радикалов и скромных организационно-технических ресурсов.

Таким образом, суждений вокруг понятия терроризма и террористического акта достаточно много. Но, к сожалению, единого определения терроризма до сих пор не выработано. Прежде чем конструировать понятия «терроризм», «террор», «террорист», «теракт», а также «экстремизм», «экстремист», «экстрим», необходимо на концептуальном уровне определить их основные признаки, что позволит установить их единство и различия, а также тактику противодействия этим опасным явлениям. Представляется целесообразным в первую очередь сосредоточиться на определении признаков понятий «терроризм» и «экстремизм», террористические и экстремистские преступления с позиций криминологии и уголовного права.

Список цитированных источников

1. Кодекс законов США. Титул 22. Раздел 2656 ф (д).
2. О борьбе с терроризмом: Закон Респ. Казахстан, 13 июля 1999 г. // Ведомости Парламента Респ. Казахстан. — 1999. — № 19. — 649 с.
3. Авдеев, Ю. А. Терроризм как социально-политическое явление. Современный терроризм: состояние и перспективы / Ю. А. Авдеев. — М.: Эдиториал, 2000.
4. Терроризм // Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Терроризм>. — Дата доступа: 01.05.2016.
5. Ляхов, Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения / Е. Г. Ляхов. — М.: Междунар. отношения, 1991.

6. Крылов, Н. Б. Государственный терроризм — угроза международной безопасности / Н. Б. Крылов, Ю. А. Решетов // Совет. государство и право. — 1987. — № 2.

7. Емельянов, В. П. Проблема уголовно-правовой борьбы с терроризмом / В. П. Емельянов // Государство и право. — 2011. — № 3.

8. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>. — Дата доступа: 01.05.2016.

Дата поступления статьи — 23.05.2016.

В статье рассматриваются существенные признаки адекватного понимания и разграничения действий, составляющих содержание терроризма и экстремизма. Показана их идеологическая и целевая общность.

The article examines the core features of adequate understanding and distinction of acts which constitute the essence of terrorism and extremism. Their ideological and target unity has been shown.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРОКУРОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Серова Е. Б.

Развитие современного российского государства, защита государственных и общественных интересов, расширение и укрепление прав и законных интересов личности в уголовном процессе невозможны без соблюдения принципов уголовного процесса, обеспечивающих принятие законного и обоснованного процессуального решения по каждому уголовному делу и материалу проверки. А это, в свою очередь, предполагает необходимость установления фактических обстоятельств произошедшего события, субъекта посягательства, его вины и мотивов поведения. В связи с этим в теории и на практике встает вопрос о необходимости достижения истины на предварительном следствии и в суде.

Проблема истины в уголовном процессе и криминалистике актуальна, сложна и многогранна. На протяжении многих лет вопросы истины занимали одно из центральных мест в научных исследованиях. Об истине в том или ином аспекте писали С. С. Алексеев, В. П. Божьев, А. Р. Белкин, Р. С. Белкин, В. С. Бурданова, В. М. Быков, В. И. Зажицкий, В. В. Золотых, Л. М. Карнеева, Л. Д. Кокорев, Ю. В. Корневский, В. Н. Кудрявцев, А. М. Ларин, П. А. Lupинская, И. М. Лузгин, В. З. Лукашевич, В. В. Лунеев, Я. О. Мотовиловкер, И. И. Мухин, И. Д. Перлов, И. Л. Петрухин, А. Р. Ратинов, А. П. Рыжаков, М. С. Строгович, С. А. Шейфер, П. С. Элькинд, Н. А. Якубович и др. Несомненно, труды названных и многих других авторов внесли существенный вклад в развитие науки.

Прежде всего это касается самого определения понятия истины. В истории познания было выработано несколько подходов к пониманию истины, соответствующих определенному типу мышления и общей духовно-интеллектуальной ситуации эпохи. Исторически это прежде всего истина в античной рациональности. Именно с античностью, с именем Аристотеля, принято связывать возникновение концепции истины, часто называемой классической, получившей позднейшие переинтерпретации и дальнейшее развитие в различных теориях [11].

Современная наука, основываясь на богатом историческом наследии, предлагает различные определения объективной истины [7; 13, с. 39]. Одно из

наиболее удачных, на наш взгляд, предложил Г. А. Печников, по мнению которого объективная истина в уголовном процессе — это адекватное отражение дознавателем, следователем, прокурором и судом существующей независимо от их сознания объективной действительности (реальных обстоятельств дела) посредством диалектического процесса познания, движения от незнания к знанию, от вероятности к достоверности на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела [6]. Для целей нашего исследования в данном определении значимы две составляющие. Во-первых, истина может быть достигнута только в процессе познания, который реализуется в уголовно-процессуальной деятельности в рамках процесса доказывания и является содержанием уголовного преследования. Во-вторых, субъектом, устанавливающим истину, наряду с другими является прокурор.

Законодатель в разные годы по-разному решал вопросы установления истины в уголовном процессе. УПК РСФСР 1960 г. закреплял установление объективной истины по делу в качестве цели доказывания, обязывал органы следствия, прокурора и суд принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства (ст. 20 УПК РСФСР).

Ныне действующий УПК РФ аналогичного требования не содержит и термин «истина» не использует, что позволило ряду ученых и практиков высказать мысль, что принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (принцип объективной истины) прекратил свое действие. Однако данная позиция справедливо не нашла единодушной поддержки в среде ученых и практиков. Одни обращают внимание на то, что в законе закреплена судебная процедура облачения информационных результатов доказательственной деятельности сторон и суда в процессуальную форму итогового решения по делу. Информационные результаты доказывания, осуществляемого силами сторон, можно именовать как угодно, в том числе и судебной истиной, от этого не изменится их главное качество — на их основе суд постановляет приговор или иное решение. Исходя из сказанного, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с функционированием механизма формирования судебной истины в состязательном судебном разбирательстве, в основе которого лежит судебное доказывание, реализуемое сторонами, в том числе проблемы организации, подготовки и непосредственного участия в судебном разбирательстве участников со стороны обвинения, со стороны защиты, а также суда, разрешающего дело [2, с. 72–78].

Другие отмечают, что анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что законодатель полностью не отказался от установления истины и, соответственно, от полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела. Так, исключается возможность вынесения обвинительного приговора, основанного на предположениях (ч. 4 ст. 14 УПК РФ); предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности (ч. 4 ст. 152 УПК РФ); выделение уголовного дела в отдельное производство допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела (ч. 2 ст. 154 УПК РФ); все приговоры должны быть не только законными,

но и обоснованными (ст. 297 УПК РФ); выводы суда как о виновности (обвинительный приговор), так и о невиновности подсудимого (оправдательный приговор) должны быть основаны на доказательствах (ч. 3 ст. 305 и ч. 2 ст. 307 УПК РФ); стороны вправе заявлять в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности (ч. 6 ст. 340 УПК РФ). В связи с этим перед наукой с особой остротой встает проблема выработки предложений о возрождении и необходимости закрепления в нормах уголовно-процессуального права положений об установлении объективной истины по делу органами предварительного расследования и судом [7].

На наш взгляд, требование установления при осуществлении уголовного преследования объективной истины вытекает не только из вышеназванных положений уголовно-процессуального закона, но и, что не менее важно, из положений Конституции Российской Федерации. Как справедливо отмечает Г.А. Печников, Конституция Российской Федерации провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), в связи с чем проблема соблюдения прав личности в уголовном процессе становится первостепенной задачей. И вопрос о том, должны ли в связи с этим выводы следствия и суда по уголовному делу быть истинными, достоверными или они могут быть в меньшей степени обязывающими, т. е. по существу иными, становится важнейшей и актуальной проблемой в теории и практике уголовного процесса. Сама природа и сущность российского уголовного процесса свидетельствуют о признании и необходимости объективной истины в процессе, и отказываться от нее нет никаких оснований. «Если отбросить понятие истины, то становится совершенно неясным само понятие познания» [5, с. 227]. Нет оснований вычеркивать понятие истины из гносеологии, уголовно-процессуального закона и правосознания следователей и судей. Напротив, уголовное судопроизводство должно выступать гарантом объективной истины, а объективная истина — гарантом объективного, справедливого судопроизводства [6]. Более того, на наш взгляд, отказ от принципа установления объективной истины играет на руку недобросовестному правоприменителю, поскольку позволяет скрыть обыкновенное нежелание и неумение работать, волокиту, беспомощность, профессиональную непригодность, а подчас и откровенно коррупционные проявления.

Чтобы познать истину, субъект познания должен осуществить сложную мыслительную деятельность, включающую восприятие, получение и переработку информации, на основе которых появляется знание, в том числе и о фактах прошлого. Такая деятельность является высшей формой отражения объективного мира [4, с. 141] и осуществляется в уголовном процессе в рамках процесса доказывания. По обоснованному мнению О.Б. Сергеевой, установление истины — необходимый результат процесса доказывания. При этом истина в доказывании по уголовным делам всегда конкретна относительно факта, подлежащего установлению. Способ ее достижения в уголовном процессе гарантирует объективность знаний обстоятельств конкретного факта. Объем знаний и полнота исследования обстоятельств расследуемого события ограничены предметом доказывания. Наряду с предметом доказывания доказыванию подлежат также те обстоятельства, на которые ссылаются субъекты доказывания в обоснование тех доказательств, которые уже непосредственно подтверждают или опровергают какие-либо из обстоятельств предмета доказывания [10, с. 325–326].

Сутью процесса расследования является процесс познания. Следователь познает конкретное событие, имевшее место в прошлом, и на основе этого начинает избличать конкретное лицо в совершении преступления, т. е. расследование объединяет в себе два процесса: познание и доказывание. При этом доказывание — это использование полученной в ходе познания информации для обоснования сделанных в результате этого процесса выводов. В то же время сам процесс познания складывается из двух этапов: сбора сведений и данных об имевшем место в прошлом событии и получения из этих сведений и данных информации, которая кладется в основу картины, отображающей произошедшее событие [8, с. 40]. Познавая событие преступления, субъект движется от незнания к знанию, от вероятного к достоверному, от субъективного к объективному. Как справедливо отмечает Г.А. Печников, с позиции диалектики научно построенный уголовный процесс — это «двуполярный» процесс, где есть полюса «субъективности», «вероятности» и «объективности», «достоверности» (объективной истины). Первый из них необходим как исходный, начальный пункт диалектического процесса познания, движения от незнания к знанию; именно с него начинается движение, подъем, восхождение к полюсу «объективности», «достоверности» (объективной истины) [6]. Данные положения в первую очередь адресованы следователю, однако возникает вопрос, можно ли их применить к иным участникам уголовного судопроизводства, прежде всего прокурору, осуществляющему надзор за соблюдением законов на досудебных стадиях процесса и участвующему в поддержании государственного обвинения в суде. Ответ, на наш взгляд, должен быть дан положительный.

Несомненно, доказывание — центральная часть всей уголовно-процессуальной деятельности, активным участником которой является прокурор. Здесь уместно отметить, что основная тяжесть процесса установления обстоятельств преступления приходится на расследование как поисково-познавательную деятельность. Однако в силу определенных обстоятельств (ограниченная гласность, неполная состязательность и др.) оно нуждается в прокурорском надзоре, который является фактором объективизации расследования и его законности. Поэтому результаты расследования должен утверждать прокурор. Выработка критического отношения государственного обвинителя к выводам расследования — еще одна из задач прокуратуры и составная часть методики судебного разбирательства [3, с. 55].

В связи с этим полагаем необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства. С одной стороны, УПК РФ непосредственно относит прокурора к числу субъектов доказывания. Так, в ст. 86 УПК РФ он указан среди лиц, осуществляющих собирание доказательств в ходе уголовного судопроизводства. Он с помощью доказательств устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 74 УПК РФ). Эту деятельность в полной мере прокурор осуществляет в судебных стадиях процесса, когда в качестве государственного обвинителя обязан доказать суду обоснованность предъявленного подсудимому обвинения и правильность квалификации его действий следователем. При этом выступает как сторона обвинения, которой наряду с другими участниками процесса предоставлено право представления, проверки и исследования доказательств. Анализ УПК РФ позволяет прийти к выводу о первостепенной значимости уголовно-процессуальной деятельности сторон и, соответственно, ее результатов для раз-

решения уголовного дела [2, с. 72]. Более того, для прокурора, участвующего в рассмотрении уголовного дела, судебное следствие — основной этап его процессуальной деятельности, поскольку именно на этом этапе он представляет суду доказательства виновности подсудимого в совершении преступления [1, с. 44].

С другой стороны, прокурор, осуществляя свою надзорную функцию, оценивает законность возбуждения уголовного дела, участвует в избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, утверждает обвинительное заключение и т. п. При этом он обязан оценить действия следователя и с точки зрения процессуальной формы, и с точки зрения содержания.

В литературе справедливо отмечается, что судебный контроль не может в полной мере заменить прокурорский надзор в досудебном производстве, поскольку суд не в состоянии постоянно отслеживать ход расследования, а значит, в полной мере оценивать и оперативно направлять деятельность следователя и дознавателя на поиск доказательств по уголовному делу. В отличие от прокурора суд не может предупреждать и выявлять нарушения закона в ходе расследования преступлений. К тому же суд не вправе инициировать свое участие в досудебном производстве, т. е. судебный контроль начинает действовать только при обращении к нему в определенном порядке [12, с. 27].

С момента получения информации о преступлении и возбуждения уголовного дела прокурор оценивает принятые следователем процессуальные решения и качество производимого им расследования (все ли фактические обстоятельства дела доказаны, полно ли исследовано каждое из них, нет ли необходимости продолжать расследование, насколько объективен был следователь на всех этапах своей деятельности). Следовательно, здесь у него появляется обязанность требовать от следствия реализации принципа объективной истины. Таким образом, реализуя различные полномочия, предоставленные ему законом, прокурор становится субъектом, деятельность которого направлена на установление истинных обстоятельств произошедшего события, т. е. объективной истины.

Конечно, возможности реализации принципа объективной истины у следователя и прокурора различны. Следователь проводит следственные и иные процессуальные действия, непосредственно исследуя событие преступления и оставленные им следы. Прокурор имеет возможность изучить материалы дела, оценить их с точки зрения всесторонности, полноты и объективности. Непосредственное восприятие преступного события через его следы для него возможно только в ходе судебного следствия путем судебного допроса и при исследовании вещественных доказательств. Однако это не умаляет роль прокурора в установлении истины при осуществлении уголовного преследования.

В то же время обращает на себя внимание и наличие определенных общих черт процесса познания для следователя и прокурора. Так, процесс доказывания в уголовном судопроизводстве как разновидность процесса познания объективной действительности подчиняется общим закономерностям вне зависимости от субъекта познания. Как отмечается в литературе, процесс доказывания представляет собой единство чувственного и рационального. Достижение истины по уголовному делу, недоступное для чувственного познания, осуществляется с помощью рациональной формы познания на логическом уровне. Результат познания представляет собой единство объективного и субъективного, которые в своем практическом выражении обычно слиты и могут быть строго разграничены лишь в научной абстракции. Субъект, овладевая

объектом уголовно-процессуального познания в определенных познавательных процессах, воспроизводит в мышлении этот объект субъективно до тех пор, пока не постигнет его элементов в целостности. Именно эта целостность и придает объективность содержанию знания об обстоятельствах и правовых вопросах, подлежащих разрешению [7].

Общим для деятельности следователя и прокурора является и то обстоятельство, что оба названных субъекта обязаны проводить исследование и оценку доказательств. Доказательства — это, безусловно, информация (и носитель информации), которая несет в себе то объективное, независимое от сознания человека (следователя, судьи), что заложено в ней специфического, характерного, сущностного самого преступного деяния как факта реальной действительности. Доказательства так или иначе свидетельствуют о преступлении, указывают на него, выделяют его. И не только в положительном значении, но и в отрицательном — когда информируют об отсутствии события преступления или о невиновности лица. Обнаружить существенное — сущностную информацию в информационном потоке, открыть ее доказательственность призваны следователь, дознаватель, прокурор, судьи в результате активного поиска, исследования, проверки и оценки доказательств [6].

На наш взгляд, деятельность прокурора в части оценки доказательств более богата по своему содержанию и его ответственность в этой части значительно выше. Следователь, производя следственные действия, как правило, в первую очередь обращает внимание на то, какую информацию он в результате получает и как она соотносится с иной информацией, имеющейся в материалах уголовного дела. Конечно, оценку доказательств с позиции соблюдения требований УПК он тоже должен осуществлять, но подчас эта составляющая уходит для него на второй план.

У прокурора по сравнению со следователем всегда появляется дополнительная задача — оценить все имеющиеся в деле доказательства с точки зрения их уголовно-процессуальной формы. Он должен дать ответы на такие вопросы, как:

- имелись ли процессуальные основания для производства следственного или иного процессуального действия;
- были ли соблюдены требования закона по части его подготовки и проведения;
- содержит ли протокол следственного действия все необходимые реквизиты, являются ли они надлежащими;
- не было ли допущено нарушения прав и законных интересов участников следственного действия и иных участников уголовного процесса;
- проведены ли следственные и иные процессуальные действия, вытекающие из оцениваемого действия.

В судебном заседании государственный обвинитель обязан сопоставить информацию, полученную на различных стадиях процесса (в том числе непосредственно в судебном заседании и неизвестную стороне обвинения), при наличии противоречий сделать вывод о том, какое доказательство является достоверным, объяснить причину появления этих противоречий. При необходимости он должен предпринять меры по получению недостающей для принятия справедливого приговора информации.

Только в этом случае он сможет воссоздать картину действительного преступления, познать его сущность, т. е. установить объективную истину по делу для себя, после чего у него сформируется внутреннее убеждение обоснованности

предъявленного обвинения, основанное на всестороннем, полном, объективном рассмотрении обстоятельств дела в их совокупности, и он сможет убедить суд и других участников процесса в правильности своих выводов и необходимости принятия соответствующего приговора.

Осуществление данной деятельности возможно только при наличии у прокурора криминалистических знаний, которые он использует в своей непосредственной деятельности, а также с их помощью контролирует криминалистическое содержание деятельности субъектов борьбы с преступностью [9, с. 4]. Таким образом, криминалистическую составляющую деятельности прокурора следует рассматривать как основу механизма реализации его полномочий при осуществлении уголовного преследования. Между тем следует признать, что до настоящего времени глубоких теоретических исследований данного вопроса недостаточно для успешного решения стоящих перед прокурором задач. На наш взгляд, назрела необходимость систематизации всех имеющихся теоретических наработок в области криминалистического обеспечения уголовного преследования, осуществляемого прокурором, и разработка соответствующей частной теории криминалистики. Данная теория должна изучать общественные отношения, которые складываются при осуществлении прокурором уголовного преследования на всех стадиях уголовного судопроизводства, обобщить опыт правоприменения, выявить объективные тенденции в этой сфере, высказать обоснованные практические рекомендации и внедрять их в жизнь. Конечная задача данной теории, на наш взгляд, состоит в том, чтобы на основе глубокого изучения практики выбрать наиболее эффективный метод осуществления прокурором уголовного преследования на различных стадиях уголовного процесса.

Список цитированных источников

1. Жук, О. Судебное следствие по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ / О. Жук // Законность. — 2004. — № 1. — С. 44–49.
2. Карякин, Е. А. Пятнадцать тезисов о формировании судебной истины по уголовному делу в суде первой инстанции / Е. А. Карякин // Вестн. ОГУ. — 2012. — № 3. — С. 72–78.
3. Корчагин, А. Ю. Общие положения судебного допроса / Е. А. Корчагин // Рос. юстиция. — 2006. — № 12. — С. 55–57.
4. Никифоров, А. Л. Философия науки: история и методология: учеб. пособие / А. Л. Никифоров. — М., 1998. — 280 с.
5. Никифоров, В. Г. Судебные и иные процессуальные действия как способ собирания и исследования доказательств / В. Г. Никифоров // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2010. — № 3. — С. 141–142.
6. Печников, Г. А. Дialeктические проблемы истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Г. А. Печников. — Волгоград, 2005. — 5 л. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/kriminal-process/dialekticheskie-problemy-istiny-v-ugolovnom-processe.html>. — Дата доступа: 03.08.2014.
7. Пискун, О. А. Истина в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Иркутск, 2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lawtheses.com/istina-v-ugolovnom-sudoproizvodstve>. — Дата доступа: 03.08.2014.
8. Подольный, Н. А. Расследование преступлений, составляющих молодежную организованную преступность / Н. А. Подольный. — М.: Юрлитинформ, 2007. — 294 с.
9. Рубис, А. С. Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А. С. Рубис. — Минск, 2007. — 39 с.

10. *Сергеева, О. Б.* К вопросу о соотношении истины и достоверности в уголовном процессе России / О. Б. Сергеева // «Чёрные дыры» в рос. законодательстве. — 2007. — № 4. — С. 325–326.

11. *Тарасов, Н. Н.* Проблемы теории права. Истина в юридическом исследовании (Некоторые методологические проблемы) / Н. Н. Тарасов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/tarasov_rigth_theory_problem/#top. — Дата доступа: 03.08.2014.

12. *Халиулин, А.* От прокурорского надзора к судебному контролю / А. Халиулин, В. Назаренко // Законность. — 2004. — № 1. — С. 24–28.

13. *Чудинов, Э. М.* Природа научной истины / Э. М. Чудинов. — М.: Изд-во полит. лит., 1977. — 312 с.

Дата поступления статьи — 20.06.2016.

В статье рассматриваются проблемные вопросы определения понятия истины в уголовном процессе и роли прокурора в обеспечении истины в уголовном судопроизводстве. Исследуются основные подходы к определению понятия истины в уголовном процессе, обозначена позиция автора по данному вопросу. Основываясь на анализе законодательства, автор приходит к выводу, что в российском уголовном процессе принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (принцип объективной истины) фактически сохраняет свое действие и является объективно необходимым. Основное внимание в статье уделено исследованию роли прокурора, осуществляющего надзор за соблюдением законов на досудебных стадиях процесса и участвующего в поддержании государственного обвинения в суде, в реализации принципа объективной истины. Определен круг вопросов, подлежащих разрешению прокурором при оценке доказательств.

The article deals with the problematic issues of the definition of the concept of truth in the criminal process and the role of the prosecutor in ensuring security in the truth in criminal proceedings. We study the main approaches to the definition of the concept of truth in the criminal process, designated the author's position on this issue. Based on the analysis of the legislation, the author concludes that in the Russian criminal trial the principle of comprehensive, full and objective investigation of the circumstances of the case (the principle of objective truth) actually remains in effect and is objectively necessary. The main attention is paid to the study of the role of the prosecutor in charge of overseeing compliance with the law on pre-trial stages of the process, and participating in the maintenance of public prosecution in the court, in the implementation of the principle of objective truth. Certain range of issues to be resolved by the prosecutor when evaluating evidence.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ — ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Скаков А. Б.

За последние годы независимости Республики Казахстан были приняты судьбоносные решения, существенно повлиявшие на формирование современной уголовной политики страны. В настоящее время наблюдается значительное

сокращение «тюремного населения» (по численности осужденных, лишенных свободы, на 100 000 населения Казахстан с 3-го места в мире в 1991 г. опустился на 61-е в 2016 г.), улучшаются условия содержания данной категории лиц, совершенствуется деятельность учреждений и органов, исполняющих судебные решения, и т. д.

Предпринимаются меры по совершенствованию национального законодательства в области противодействия преступности, обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств, продолжается поиск эффективных способов профилактики криминальных правонарушений. Важным этапом в данном направлении стало принятие Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов, которые вступили в действие с 1 января 2015 г.

Существенной особенностью принятого Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (далее — УИК) является изменение не только структуры построения данного законодательного акта, но и его содержания, все более соответствующего требованиям, изложенным в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными (Правилах Нельсона Манделы) [1]. Так, согласно гл. 3 УИК (Правовое положение осужденных) на должный уровень было поднято правовое положение осужденных, обеспечение их личной безопасности в процессе отбывания наказания.

Следует также обратить внимание на принятие ряда мер по повышению эффективности механизма прогрессивной системы отбывания лишения свободы, по которой реализуется исполнение данного наказания. Как мы знаем из теории права, под прогрессивной системой понимается комплексный межотраслевой институт, состоящий из нескольких самостоятельных институтов уголовного и уголовно-исполнительного права, при применении которых правовое положение осужденных меняется в зависимости от их поведения либо в сторону расширения, либо в сторону ограничения режимных правил их содержания [2, с. 29].

Опираясь на данные теоретические основы прогрессивной системы отбывания лишения свободы, законодатель регламентировал условия содержания осужденных, установил методику оценки поведения лиц, лишенных свободы. Более того, учитывая необходимость реализации концепции обеспечения безопасности осужденного как человека в условиях изоляции, а также защиты общества от преступных посягательств, были изменены виды исправительных (пенитенциарных) учреждений: учреждение минимальной безопасности (колония-поселение); учреждение средней безопасности (колония общего режима; воспитательная колония общего режима; воспитательная колония усиленного режима); учреждение максимальной безопасности (колония строгого режима); учреждение чрезвычайной безопасности (колония особого режима); учреждение полной безопасности (тюрма).

Вторым этапом совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере деятельности государства является разработка нового Закона «О пробации», принятия которого настоятельно требует проводимая Республикой Казахстан уголовная политика. Для реализации задачи, которая поставлена Концепцией правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г. (утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858), важную роль сыграет международный опыт зарубежных стран в данной области. Правоохранительная деятельность этих государств показывает высокую эффективность пробации в исправлении лиц, оказавшихся

в сфере деятельности уголовного судопроизводства, а равно в снижении уровня рецидивной преступности.

Однако, на наш взгляд, не все положения норм права зарубежных стран в рассматриваемой сфере следует внедрять в проект Закона Республики Казахстан «О пробации». При подготовке названного закона следует прежде всего учитывать национальный менталитет, господствующий в обществе, предыдущий опыт деятельности правоохранительных органов, в том числе уголовно-исполнительной системы, и другие обстоятельства [3, с. 10–12]. Так, в правоохранительной деятельности нашего государства имеется богатый опыт реализации отдельных видов института пробации, в первую очередь так называемых «приговорной» и «постпенитенциарной». При реализации карательно-воспитательного процесса в отношении осужденных, условно привлеченных к наказаниям, а также условно-досрочно освобожденных и освобожденных по отбытии срока наказания, в отношении которых установлен административный надзор, казахстанскими правоохранительными органами выработан ряд эффективных воспитательно-профилактических и социальных мер, которые следует сохранить.

Пробация (от англ. probation — испытание) — это вид условного осуждения, при котором осужденный помещается на время испытательного срока, установленного судом, под надзор специальных органов; возможен и ряд дополнительных ограничений (не посещать определенных мест, воздерживаться от общения с определенными лицами и т. п.).

Особенность рассматриваемого правового института заключается в том, что отсутствует его единое понимание. Что касается термина «условное осуждение», то он не может быть признан универсальным, поскольку употребляется только в континентальной Европе и неточно передает содержание данного института (осуждение является реальным, а условным считается неприменение наказания). Отсрочка в исполнении наказания (простая отсрочка) и отсрочка в осуждении, обремененная надзором, имеют свои национальные названия (пробационная система, система испытания, уголовный надзор, защитный надзор, условное осуждение и т. п.), которые на первоначальном этапе своего развития могли рассматриваться в качестве синонимов. Однако в последующем в законодательстве большинства стран, в том числе США и Англии, простая отсрочка (условное осуждение) и отсрочка осложненная (пробация) были закреплены в качестве самостоятельных санкций, что не позволяет говорить об их тождественности.

В одних государствах законодатель определяет условное осуждение как наказание (например, Швеция, Финляндия, Латвия), в других — относит к иным мерам уголовно-правового характера (например, Англия, Дания), в третьих — связывает применение этой меры с освобождением от наказания (например, Эстония), а в некоторых странах вообще не обозначается природа данного института (например, США).

Несмотря на различия во взглядах и особенности законодательного оформления в каждом отдельном государстве, суть условного осуждения везде одинакова — отложить исполнение наказания за совершённое преступление под определенные условия, если есть основания полагать, что цели уголовной ответственности могут быть достигнуты без реального отбывания наказания.

На наш взгляд, гармоничное взаимодополнение и сочетание национального и международного опыта в рассматриваемой сфере позволит законодателю

подготовить законопроект с высоким потенциалом правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе пробации. Вышеизложенное позволяет нам предположить, что в разрабатываемом проекте Закона «О пробации» должны быть закреплены все четыре этапа эффективной системы пробации: досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная.

Здесь необходимо отметить, что в зарубежных странах используются следующие основные модели пробации:

1. Досудебная пробация — досудебное сопровождение подозреваемого, обвиняемого с представлением суду специального заключения о личности обвиняемого и рекомендации суду о виде и сроках наказания, испытательного срока и выбора обязанностей;

2. Приговорная пробация — исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, и иных мер уголовно-правового воздействия, альтернативных лишению свободы, а также осуществление пробационного контроля в отношении лиц, которым он назначен приговором суда;

3. Пенитенциарная пробация — оказание помощи осужденным, отбывающим лишение свободы, в социальной адаптации после освобождения;

4. Постпенитенциарная пробация — осуществление пробационного контроля за лицами, освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы.

Внедрение полного цикла пробации, на наш взгляд, обеспечит непрерывность процесса ресоциализации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, что позитивно повлияет на динамику «тюремного населения» и уровень рецидива.

Следует отметить, что процесс ресоциализации указанной категории лиц, согласно международному опыту, предполагает реализацию комплекса организационно-правовых мер как в отношении осужденных на всех этапах пробации (досудебной, приговорной, пенитенциарной и постпенитенциарной), так и в отношении их семей, близких, трудовых коллективов, где они работали. Начинать процедуру адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, необходимо до момента вынесения решения судом по существу дела. Согласно международному опыту, досудебная пробация предполагает реализацию социальных, воспитательных, профилактических и иных мероприятий с лицом, совершившим уголовное правонарушение, без принятия судебного решения.

В случае принятия судом решения (приговорная пробация) оно должно быть гласным, наглядно подтверждать соразмерность наказания криминальной запущенности личности правонарушителя и степени общественной опасности совершённого им деяния. При этом воспитательная работа, проводимая службой пробации с обвиняемыми и осужденными, должна заключаться в изучении их личности, степени их криминогенной запущенности с целью подготовки заключения, которое должно учитываться судом при вынесении решения по существу дела. При этом служба пробации должна оказывать психологическую и иную помощь лицам, оказавшимся в сфере уголовного правосудия, на всех стадиях судебного процесса, в том числе и в процессе исполнения наказания (пенитенциарная пробация). Из опыта деятельности службы пробации зарубежных стран (например, Великобритании, Голландии) следует, что в службе пробации работают педагоги, воспитатель, медики, социальные работники и т. д., что свидетельствует о разносторонней деятельности службы пробации в процессе

адаптации и реабилитации правонарушителей на всех стадиях уголовного судопроизводства — досудебной, приговорной, пенитенциарной и постпенитенциарной стадии.

Принимая во внимание необходимость обеспечения непрерывности процесса реабилитации и адаптации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, все этапы пробации должна осуществлять Служба пробации, структурно входящая в состав уголовно-исполнительной системы. В этом случае в одном государственном органе (Комитет уголовно-исполнительной системы) будет сосредоточен весь процесс исполнения наказания, социальной реабилитации и адаптации лиц, оказавшихся в сфере уголовного правосудия. Это позволит государственному органу эффективно, планомерно и последовательно реализовывать поставленные перед ним задачи.

В службе пробации должны работать педагоги, воспитатели, социальные работники, сотрудники ювенальной юстиции, психологи, медицинские работники (в первую очередь психиатры) и др. Все указанные специалисты должны участвовать в процессе пробации. Так, например, психологи будут оказывать необходимую консультационную помощь работникам Службы пробации для индивидуализации применения мер воспитательного воздействия. Одно из важнейших составляющих работы Службы пробации — это сотрудничество не только с государственными учреждениями и органами местного самоуправления, но и с частными лицами, общественностью, а именно с добровольцами-волонтерами, для оказания содействия в социальной адаптации испытуемых. В сотрудничестве с общественностью работник Службы пробации должен соблюдать принципы, действующие в системе уголовного правосудия (в том числе и надзора).

По нашему мнению, служба пробации должна выполнять следующие функции:

- исполнение наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью;
- исполнение наказания в виде штрафа;
- исполнение наказания в виде общественных работ;
- исполнение наказания в виде исправительных работ;
- исполнение наказания в виде ограничения свободы;
- выполнение приговора об осуждении условно;
- выполнение решения суда об условно-досрочном освобождении;
- выполнение решения суда об отсрочке исполнения приговора (для беременных женщин или женщин, имеющих детей в возрасте до 5 лет);
- осуществление надзора за лицами, в отношении которых установлен пробационный контроль;
- исполнение досудебной, приговорной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации в исправительных учреждениях и органах уголовного судопроизводства.

Следует установить в государственном бюджете финансирование деятельности Комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан по отдельной ее статье. Данное предложение обеспечит самостоятельность уголовно-исполнительной системы, а также оперативное и эффективное использование ею выделяемых финансовых средств.

Необходимо предусмотреть государственные заказы для производственных мощностей пенитенциарных учреждений. В целях развития собственного

производства в пенитенциарных (исправительных) учреждениях, повышения уровня трудовой занятости среди осужденных необходимо распределить государственные заказы на предприятиях колоний. Данное мероприятие должно быть реализовано с целью трудового воспитания осужденных, приятия им трудовых навыков, повышения эффективности процесса социальной реабилитации, развития социальных связей (с семьей, с производственным коллективом, где работал осужденный до привлечения к уголовной ответственности, и т. д.).

Самостоятельно выиграть конкурсы (тендеры) предприятия колоний не могут из-за низкой рентабельности и конкурентоспособности. Вместе с тем лица, получив трудовые специальности в пенитенциарных учреждениях, имеют большие шансы трудоустроиться после освобождения, восстановить социальные связи, оказывать материальную помощь престарелым родителям, своим детям. Кроме того, государственные заказы будут способствовать привлечению коммерческих производственных структур для развития современного производства на предприятиях колоний.

В дополнение к сказанному следует отметить, что одним из направлений деятельности государства по сокращению тюремного населения является принятие комплексной программы по социальной реабилитации и адаптации лиц, осужденных к лишению свободы. Конечно, реализация данного предложения потребует значительных финансовых затрат. Мои оппоненты могут возразить, что у нас не хватает средств на оказание социальной помощи законопослушным гражданам (пенсионерам, студентам и др.), а здесь предлагается финансировать реабилитационный процесс преступникам.

Вместе с тем средства, направленные на оказание социальной помощи лицам, оказавшимся в сфере уголовного судопроизводства, обеспечат высокую эффективность мер профилактики преступности, реализуемых государством, создадут благоприятные условия по нейтрализации социальной напряженности в обществе и будут способствовать повышению уровня безопасности человека, общества и государства. Общеизвестно, что лучше упредить преступление, чем устранять последствия его совершения. При этом мы говорим о вреде материальном, не принимая во внимание душевные страдания потерпевших, их родственников и иных лиц, которые трудно оценить. Вместе с тем именно человек, его жизнь, здоровье, безопасность являются высшей ценностью в любом цивилизованном и правовом государстве. Поэтому государственные средства, выделяемые на оказание социальной помощи осужденным и лицам, отбывшим наказания, положительно отразятся на экономическом, политическом и социальном состоянии страны в целом. В частности, на наш взгляд, будет сокращен уровень постпенитенциарной, рецидивной преступности.

Необходимо предусмотреть налоговые преференции для предпринимателей, создающих рабочие места для осужденных, отбывающих наказание, лиц, освобожденных от отбывания наказания, и иных лиц, оказавшихся в сфере уголовного правосудия.

Руководство пенитенциарных учреждений должно создать необходимые условия для развития индивидуального предпринимательства среди осужденных. При этом данная категория лиц должна быть освобождена от уплаты налогов, арендной платы за производственные помещения и иные денежные удержания, за исключением оплаты за электроэнергию и другие коммунальные услуги, используемые при трудовой деятельности.

Важным элементом социальной адаптации является создание специализированных профессиональных технических училищ для осужденных по профессиям, необходимым для предприятий определенного региона страны.

Развитие сети учреждений производственно-технического образования среди осужденных позволит подготовить специалистов, необходимых для определенного региона страны. Лица, получив профессии по заказу определенных предприятий, могут на них трудоустроиться после освобождения.

Вместе с тем, принимая во внимание экономические трудности, с которыми в настоящее время столкнулось наше государство, для обеспечения профессионального обучения правонарушителей следует предусмотреть заключение договоров между пенитенциарными учреждениями и учреждениями профессионального образования, имеющимися в том или ином регионе.

На первоначальном этапе необходимо использовать потенциал технических учебных заведений по месту дислокации колоний, заключив с ними договоры на обучение лиц, оказавшихся в сфере уголовного правосудия.

В соответствии с национальным законодательством исполнение лишения свободы осуществляется по прогрессивной системе, предусматривающей изменение условий содержания осужденного в зависимости от его поведения (строгие, обычные, облегченные и льготные условия содержания). При этом три условия (строгие, обычные и облегченные) создаются в пределах пенитенциарного (исправительного) учреждения. Льготные условия создаются за пределами учреждения. Данные условия содержания организуются путем строительства общежитий, желательно около предприятий, где осужденные могут быть трудоустроены. Широкое применение всех условий содержания будет способствовать сокращению тюремного населения, социальной реабилитации и адаптации осужденных (на льготных условиях осужденные работают на предприятиях вместе с вольным населением) [4, с. 12–13].

Кроме того, службе пробации должно быть предоставлено право применять тот или иной институт прогрессивной системы (изменение условий содержания, замена вида учреждения, замена вида наказания и условно-досрочное освобождение).

Иными словами, в целях эффективной реализации институтов пробации и прогрессивной системы следует делегировать функцию назначения пробационного контроля и применения различных институтов прогрессивной системы от суда наблюдательным комиссиям.

Таким образом, высказанные нами предложения позволяют сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в первую очередь в области социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Список цитируемых источников

1. Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) от 21 мая 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=E/RES/2015/20&Lang=R. – Дата доступа: 13.06.2016.

2. Хомич, В. М. Социально-правовой контроль преступности в контексте новелл уголовного и уголовно-исполнительного законодательства / В. М. Хомич // Теоретические

и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2014. – С. 28–31.

3. *Хомич, В. М.* К вопросу о состоянии и совершенствовании правового регулирования социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы / В. М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.]; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. Прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск: РИПО, 2015. – Вып. 8. – С. 9–26.

4. *Скаков, А. Б.* Прогрессивная система исполнения лишения свободы и ее отражение в новом законодательстве Республики Казахстан / А. Б. Скаков. – Алматы, 2004. – 152 с.

Дата поступления статьи — 15.06.2016.

В данной статье автором рассматриваются вопросы организации Службы пробации для обеспечения социальной реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Необходимость совершенствования данного государственного органа заключается в социальной адаптации данной категории лиц в целях оказания им помощи в трудоустройстве, в обеспечении жильем, предупреждения рецидива преступлений.

In this article the author considers issues related to arrangement of probation service, which aims to provide social rehabilitation for persons that experienced criminal legal procedures. The need for reforming of this state authority is related to social adaptation of this group of people in order to assist them in job placement, accommodation and prevention of crime recurrence.

О СООТНОШЕНИИ ИНСТИТУТОВ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Сороговец Д. В.

Институт криминологической экспертизы проектов правовых актов был нормативно закреплён Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе». Надзор за законностью в сфере проведения криминологической экспертизы осуществляет Генеральная прокуратура Республики Беларусь.

Криминологическая экспертиза — это исследование содержания проекта правового акта (правового акта) в целях выявления в нем норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение криминогенных последствий в различных сферах общественных отношений.

Цель проведения криминологической экспертизы — выявление в проектах правовых актов норм, применение которых может повлечь возникновение криминогенных последствий в различных сферах общественных отношений (рисков криминогенного характера), а также для подготовки обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов недостатков, способствующих возникновению таких рисков, и формирования системно согласованного правового регулирования, исключающего возникновение рисков криминогенного характера [1].

Основными задачами криминологической экспертизы являются:

- 1) объективное и всестороннее прогнозирование возможности возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения правовых актов, соответствующее современному развитию криминологической науки;
- 2) подготовка обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов (правовых актах) недостатков, способствующих возникновению рисков криминогенного характера;
- 3) формирование предусмотренного в правовых актах системно согласованного правового регулирования, исключающего возникновение рисков криминогенного характера [1].

При проведении криминологической экспертизы используются системный, структурно-функциональный, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический методы, а также методы социально-правового моделирования, экспертных оценок, обобщения статистических данных и правоприменительной практики и иные общенаучные и специальные методы исследования социально-правовых явлений.

Указанных методов, как правило, достаточно для полного и всестороннего изучения проекта правового акта при проведении криминологической экспертизы, чтобы исключить возможность возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения данного правового акта, однако криминологическая экспертиза в основном направлена только на выявление и исключение в проектах правовых актов рисков криминогенного характера.

Естественно, что большинство разрабатываемых и принимаемых нормативных правовых актов затрагивают интересы различных слоев общества и в процессе их разработки нужно учитывать множество аспектов, связанных с возможными последствиями применения регулирующего решения для той или иной группы лиц. При этом вполне очевидно, что на этапе разработки проекта НПА многие типы воздействия могут быть «скрыты» или, по крайней мере, на первый взгляд их может быть довольно трудно определить. Поэтому в процессе нормотворчества нужны механизмы, позволяющие установить, на кого и как будет воздействовать принятое регулирование. И институт криминологической экспертизы в рассматриваемом контексте не является универсальным инструментом, позволяющим разрешить весь спектр указанных проблем.

Вместе с тем, исходя из опыта соседних стран, одним из способов, повышающих качество регулирования, является такой институт, как «Оценка регулирующего воздействия» (ОРВ).

ОРВ — это систематический процесс выявления и оценки возможных последствий введения тех или иных норм регулирования [2]. Оценка регулирующего воздействия начала применяться еще в 1960-х гг. — так, в 1966 г. в Дании стала использоваться оценка экономического и административного воздействия регулирования. В США оценка издержек и выгод стала использоваться в 1970-х гг. Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, Нидерланды стали применять эту систему с конца 1980-х. К 1996 г. уже более половины стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития стали использовать этот инструмент. Что касается постсоветского пространства, то ОРВ активно применяется в странах Балтии, в Украине, ее элементы есть в Казахстане, а особенно широкое распространение ОРВ получила в Российской Федерации. В целом в той или иной вариации указанный институт в настоящее время успешно используется более чем в 50 странах.

В Российской Федерации внедрение института ОРВ в ее правотворческую практику было осуществлено Минэкономразвития России в середине 2010 г. А в 2014 г. Приказом Минэкономразвития России от 26.03.2014 г. № 159 были утверждены Методические рекомендации по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Так, согласно законодательству Российской Федерации оценка регулирующего воздействия проводится в целях выявления в проекте акта положений, которые:

- а) вводят избыточные административные и иные ограничения и обязанности для субъектов предпринимательской и иной деятельности или способствуют их введению;
- б) способствуют возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и иной деятельности;
- в) способствуют возникновению необоснованных расходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации;
- г) необоснованно способствуют ограничению конкуренции [6].

Процедура ОРВ предполагает последовательный анализ проблем в сфере государственного регулирования, возможных последствий регулирования, поиск альтернативных способов достижения целей регулирования, оценку выгод и затрат реализации того или иного способа достижения целей регулирования для граждан, хозяйствующих субъектов, государства и общества в целом [2].

ОРВ позволяет значительно повысить результативность и эффективность регулирования.

При этом результативным регулированием является такое, которое позволяет достигнуть поставленных целей, а эффективным, — если эти цели достигнуты при минимально возможных издержках.

ОРВ — это в том числе определенная процедура обсуждения с участием представителей целевых групп. Поэтому в заключении об ОРВ как документе должно быть отражено описание процесса обсуждения возможных изменений.

Основные вопросы, на которые необходимо ответить при проведении ОРВ, — это:

1. В чем состоит проблема, на решение которой направлено регулирование? Требуется четко обозначить суть проблемы, вовлеченные группы лиц, масштаб проблемы.

2. Какова цель регулирования? В общем случае цель — это «решение самой проблемы».

3. На какие группы будет воздействовать вводимое регулирование? Как минимум необходимо рассматривать воздействие на бизнес, граждан и государство.

4. Каковы возможные варианты достижения цели? Как минимум существует два варианта: невмешательство (сохранение статус-кво) и решение, предлагаемое разработчиком. Желательно сопоставить большее число вариантов.

5. Как каждый из возможных вариантов воздействует на каждую из выделенных групп? Каковы прямые и косвенные воздействия на экономику и социальную сферу в целом?

6. Какой из вариантов является наилучшим? Превосходят ли выгоды от введения регулирования издержки, связанные с таким регулированием?

7. Каким образом будет достигаться соблюдение регулирующих правил?

В Российской Федерации в настоящее время на федеральном уровне реализована схема проведения ОРВ, в рамках которой назначается орган исполнительной власти, ответственный за подготовку заключений об ОРВ в отношении определенных типов нормативных правовых актов в установленных сферах. Разработчики (регуляторы) направляют ему проекты регулирования с сопроводительной документацией, на основе которой он проводит оценку. Орган, уполномоченный на проведение ОРВ, при получении на рассмотрение проекта НПА определяет, требуется ли проводить в отношении него ОРВ, и при положительном решении проводит предварительную и, при необходимости, углубленную оценку, организуя публичные консультации с представителями затрагиваемых проектом НПА социальных групп. Экспертиза качества ОРВ при этом может осуществляться на независимой основе [4].

Данная схема имеет ряд плюсов, в частности:

- сосредоточение всей работы в одном ведомстве снижает организационные издержки, облегчает проблему обучения сотрудников;

- процесс легко наблюдаем и контролируем, ОРВ проводится по единому стандарту даже в ситуации недостаточной проработанности методической базы.

Однако наряду с положительными моментами схема содержит и минусы, к которым можно отнести, в частности, следующие:

- жесткую ограниченность времени на проведение ОРВ и публичных консультаций;

- высокую нагрузку на орган, ответственный за проведение оценки регулирующего воздействия, и, соответственно, повышенные требования к квалификации сотрудников такого органа;

- низкую вовлеченность в процесс и незаинтересованность других органов исполнительной власти в проведении ОРВ;

- и, как результат, риск подготовки недостаточно качественных ОРВ из-за невозможности в короткий срок и при недостатке необходимой информации провести полноценный анализ, дискредитация всей системы ОРВ.

В Российской Федерации ОРВ может применяться в отношении проектов законов субъекта Федерации, проектов НПА Правительства субъекта Федерации и (или) органов исполнительной власти субъекта Федерации.

Для проведения ОРВ в Российской Федерации органы исполнительной государственной власти субъекта Российской Федерации (разработчики проекта акта) представляют в уполномоченный орган субъекта Российской Федерации проект акта с пояснительной запиской, которая содержит необходимые для проведения ОРВ расчеты, обоснования и прогнозы социально-экономических, финансовых и иных последствий реализации предлагаемых решений [2].

ОРВ предполагает определение проблемы, на которую направлено регулирование, цели регулирования, идентификации различных вариантов, которые позволяют достигнуть поставленной цели, сравнение этих вариантов и выбор наилучшего из доступных.

Проведение ОРВ приносит ощутимые выгоды благодаря повышению качества регулирования.

В Российской Федерации при проведении ОРВ проводятся:

- а) предварительная ОРВ проекта акта;

- б) углубленная ОРВ проекта акта и публичные консультации по нему.

Предварительная ОРВ проекта акта проводится в целях выяснения:

- а) соответствует ли проект акта признакам акта, который подлежит ОРВ;

б) предусматривает ли проект акта положения, которыми изменяется содержание прав и обязанностей субъектов предпринимательской и иной деятельности; изменяется ли содержание или порядок реализации полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации и (или) органов местного самоуправления в отношениях с субъектами предпринимательской и иной деятельности, а также приведет ли такое предусмотренное проектом акта новое правовое регулирование в части прав и обязанностей субъектов предпринимательской и иной деятельности:

— во-первых, к невозможности исполнения указанными субъектами возложенных на них обязанностей вследствие противоречий или пробелов в правовом регулировании, отсутствия необходимых организационных или технических условий у органов государственной власти субъекта Российской Федерации и (или) органов местного самоуправления;

— во-вторых, к возникновению у указанных субъектов дополнительных существенных расходов при осуществлении предпринимательской и иной деятельности либо к возникновению дополнительных существенных расходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации [2].

По результатам предварительной оценки:

а) разработчик проекта акта уведомляется о том, что проведение ОРВ в отношении проекта акта не требуется, если сделан вывод о том, что проект акта не нуждается в проведении ОРВ;

б) составляется заключение об ОРВ в случае, если проект акта не предусматривает новое правовое регулирование в части прав и обязанностей субъектов предпринимательской и иной деятельности либо предусмотренное проектом акта новое правовое регулирование в части прав и обязанностей субъектов предпринимательской и иной деятельности не приведет к последствиям, указанным выше;

в) принимается решение о проведении углубленной ОРВ проекта акта и публичных консультаций в случае выявления нового правового регулирования в части прав и обязанностей субъектов предпринимательской и иной деятельности.

В случае, когда требуется проведение углубленной ОРВ проекта акта, устанавливаются:

а) проблема, на решение которой направлено новое правовое регулирование в части прав и обязанностей субъектов предпринимательской и иной деятельности, оценка ее негативного влияния на субъектов предпринимательской или иной деятельности, а также возможность ее решения иными правовыми, информационными или организационными средствами. При этом принимаются во внимание сведения о существующем опыте решения данной или аналогичной проблемы правовыми, информационными или организационными средствами в Российской Федерации, субъекте Российской Федерации и иностранных государствах;

б) цели предусмотренного проектом акта правового регулирования и их соответствие принципам правового регулирования, установленным законодательством Российской Федерации и субъекта Российской Федерации;

в) основные группы участников общественных отношений, интересы которых будут затронуты новым правовым регулированием в части прав и обязанностей субъектов предпринимательской и иной деятельности, их предполагаемые издержки и выгоды от предусмотренного проектом акта правового регулирования;

г) риски недостижения целей правового регулирования, а также возможные негативные последствия от введения правового регулирования для экономического развития субъекта Российской Федерации или отдельных отраслей экономики, конкуренции, рынков товаров и услуг, в том числе развития субъектов малого и среднего предпринимательства;

д) расходы бюджетов бюджетной системы субъекта Российской Федерации, связанные с созданием необходимых правовых, организационных и информационных условий применения проекта акта органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также для его соблюдения субъектами предпринимательской и иной деятельности, в том числе расходы организаций, осуществляющих предпринимательскую и иную деятельность, собственником имущества которых является Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальные образования, находящиеся на территории субъекта Российской Федерации [2].

В рамках проведения углубленной ОРВ уполномоченным органом субъекта Российской Федерации проводятся публичные консультации в целях учета мнения субъектов предпринимательской и иной деятельности, что позволяет более точно выявить возможные положительные и отрицательные эффекты от введения регулирования.

Механизм публичных консультаций при проведении ОРВ с момента принятия решения о внедрении указанной процедуры должен использоваться максимально широко с целью привлечения достаточного числа представителей экспертного и бизнес-сообществ к оценке регулирующих решений. В то же время процесс взаимодействия в рамках публичных консультаций должен быть в определенной мере формализован, с тем чтобы обеспечить возможность учета высказанных мнений и организации оперативной работы по подготовке заключений.

В целях проведения консультаций на официальном сайте уполномоченный орган субъекта Российской Федерации в течение 3 рабочих дней после принятия решения о проведении углубленной ОРВ проекта акта и публичных консультаций в сети Интернет размещается уведомление о проведении публичных консультаций, к которому прилагается проект акта, в отношении которого проводится ОРВ, пояснительная записка к нему, а также перечень вопросов по проекту акта, обсуждаемых в ходе публичных консультаций. В уведомлении должен быть указан срок проведения консультаций, а также способ направления участниками своих мнений по вопросам, обсуждаемым в ходе публичных консультаций.

Следует отметить, что публичные консультации по проектам актов, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, не проводятся.

Результаты публичных консультаций оформляются в форме справки, содержащей позиции по всем полученным комментариям:

- в случае учета комментария — форма, в которой комментарий был учтен,
- в случае отклонения комментария — причина, по которой комментарий отклонен.

В заключении, составляемом по результатам углубленной ОРВ, делается вывод об отсутствии или наличии в проекте акта целей, для которых проводится ОРВ.

В случае выявления в проекте акта указанных целей в заключении могут содержаться предложения об использовании разработчиком проекта акта решений, предполагающих применение иных правовых, информационных или организационных средств для решения поставленной проблемы, и (или) о дополнительном применении таких средств в целях устранения избыточных административных и иных ограничений и обязанностей для субъектов предпринимательской и иной деятельности или снижения рисков их введения, устранения необоснованных расходов субъектов предпринимательской и иной деятельности и консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации [5].

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что российский опыт проведения ОРВ может быть использован и в рамках отечественной системы подготовки проектов нормативных правовых актов. Что, на наш взгляд, позволило бы и повысить качество разрабатываемых и принимаемых проектов правовых актов в Республики Беларусь, и более широко и всесторонне рассматривать проблему, для решения которой разрабатывается и принимается соответствующий акт, и, кроме того, исключить возможность недоработки проекта НПА еще на стадии его подготовки.

Список цитированных источников

1. О криминологической экспертизе: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь, 6 июня 2011 г., № 230 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2016.
2. Руководство по применению оценки регулирующего воздействия на региональном уровне / Минэкономразвития России. — М., 2011. — 46 с.
3. Сборник методических материалов по проведению оценки регулирующего воздействия / Минэкономразвития России. — М., 2011. — 317 с.
4. О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ, 17 дек. 2012 г., № 1318 // КонсультантПлюс: Россия [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2016.
5. Об утверждении Методических рекомендаций по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: Приказ Минэкономразвития России, 26 марта 2014 г., № 159 // КонсультантПлюс: Россия [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2016.
6. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон, 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // КонсультантПлюс: Россия [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2016.

Дата поступления статьи — 27.06.2016.

Автор анализирует белорусское и российское законодательство, регулирующее вопросы проведения криминологической экспертизы и оценки регулирующего воздействия, анализирует опыт применения оценки регулирующего воздействия в Российской Федерации, на основании чего приходит к выводу о необходимости введения института ОРВ в Республике Беларусь.

The article is devoted to the analysis of Belarusian and Russian legislature on criminological examination and Regulatory Impact Assessment (RIA), and to the study of application of RIA in the Russian Federation. On the basis of this research the author comes to the conclusion that it's necessary to use RIA in the Republic of Belarus.

УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЯ — ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тонин В. А.

Дискуссионные вопросы, которые возникают при установлении ответственности за укрывательство преступления, требуют более основательного научного исследования. Поскольку на сегодняшний день институт ответственности за укрывательство призван способствовать предупреждению общественно опасных деяний, изобличению виновных и выявлению латентных преступлений, данный вопрос требует более полного законодательного урегулирования.

Целью данной научной статьи является исследование особенностей правового регулирования укрывательства преступления и возможность усовершенствования данного правового института.

Исследованию проблемы сокрытия преступления посвящены труды таких ученых, как А. А. Васильев, М. К. Гнетнев, М. В. Даньшин, А. Н. Игнатов, Н. С. Косякова, Д. П. Левичев, А. Д. Макаров, И. А. Николайчук, Е. А. Саркисов, В. Г. Смирнов, М. Х. Хабибуллин и другие.

Общественная опасность укрывательства заключается в том, что оно не только препятствует раскрытию уже совершенного преступления, но и часто способствует формированию у преступника представления о возможности безнаказанности за новое преступление.

Вопрос об уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления закреплен в ч. 5 ст. 33 УК РФ и урегулирован в ст. 316 УК РФ (укрывательство преступления) и ст. 175 УК РФ (заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем).

Под заранее не обещанным укрывательством преступления следует понимать умышленную, общественно опасную деятельность лиц, которые не принимали участия в совершении самого преступления, но после его совершения приняли меры к его сокрытию. Данный вопрос урегулирован в гл. 31 «Преступления против правосудия» в ст. 316 УК РФ (укрывательство преступлений). Данная норма обладает двойным предупредительным действием (по отношению не только к лицам, которые укрывают преступника, но и к другим преступникам).

Укрывательство преступления является уголовно наказуемым деянием лишь в случае, если оно связано с совершением особо тяжкого преступления. Таким образом, заранее не обещанное укрывательство преступления небольшой, средней тяжести или тяжкого не влечет за собой уголовной ответственности, хотя при этом с формальной точки зрения лицо не перестает быть причастным к совершённому преступлению.

При определении круга преступлений, за укрывательство которых целесообразно применять наказание в уголовном порядке, наш законодатель руковод-

ствуется только таким критерием, как тяжесть совершённого преступления. При этом забывает, что не менее важными критериями являются: 1) важность объекта посягательства (жизнь, здоровье, свобода человека, физическое и нравственное состояние детей); 2) распространенность определенных преступлений и актуальность борьбы с ними, а именно с кражами, вымогательством, мошенничеством, грабежами. По нашему мнению, в отношении лиц, не попадающих в данный список, законодателю следовало бы обратить внимание на ответственность такой категории нарушителей и предусмотреть их привлечение хотя бы к административной ответственности.

Так, И. А. Николайчук отмечает, что укрывательство преступления является опасной формой противодействия расследованию, которая препятствует установлению истины по уголовному делу [8, с. 4]. Заранее не обещанное укрывательство не только затрудняет расследование и дальнейшее раскрытие преступлений, но и препятствует действию одного из основных принципов уголовного права — принципа неотвратимости ответственности (каждый совершивший преступление должен быть привлечен к ответственности), а значит, изболчанию виновных лиц и привлечению их к уголовной ответственности.

Анализируя объективную сторону данного деяния, как правило, необходимо согласиться с тем, что укрывательство характеризуется системой умышленных, активных действий, поскольку причастность образуют только деяния, совершённые с прямым умыслом. Виновный сознает, что он способствует укрытию преступника, орудий и средств совершения преступления, его следов и желает этого. При этом виновный должен осознать характер совершённого преступления, которое он укрывает, так как уголовная ответственность за это деяние возможна при укрывательстве не каких-либо преступлений, а лишь особо тяжких, перечень которых установлен в ч. 5 ст. 12 УК РФ.

Нельзя согласиться с мнением Д. П. Левичева, который указывает, что укрывательство преступления может совершаться как путем действия, так и бездействия [6, с. 13–14]. Данную точку зрения поддерживает М. Х. Хабибуллин, который отмечает, что заранее не обещанное укрывательство преступления — это активная деятельность лица, направленная на сокрытие преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления или предметов, полученных преступным путем (ч. 5 ст. 33 УК РФ) [15, с. 253]. И. А. Бушуев определяет группу признаков, присущих укрывательству, основным среди которых является активное поведение виновного [1, с. 59–61].

Считаем необходимым согласиться с точкой зрения М. Х. Хабибуллина, не поддерживающего позицию, согласно которой совершение укрывательства преступления возможно путем бездействия [15, с. 44].

Подытожив приведенные примеры, возможно дать следующее определение понятия укрывательства преступления: это заранее не обещанное умышленное действие лиц, которые не принимали участия в совершении основного преступления в качестве соучастников (в частности, не помогали и заранее не обещали оказывать любую помощь исполнителю или другим соучастникам) и которые препятствуют применению средств уголовно-правового воздействия за совершение основного преступления при отсутствии признаков соучастия в нем.

Основным моментом, который влияет на квалификацию преступлений при заранее не обещанном укрывательстве, является сокрытие, предусматривающее только активное поведение виновного, которое противодействует осуществлению правосудия, а именно помогает преступнику уйти от нака-

зания. Укрывательство всегда предполагает за собой активное поведение лица, физическое содействие преступнику в укрывательстве его самого или результатов его преступной деятельности от компетентных органов, что, в свою очередь, препятствует привлечению виновного к уголовной ответственности [3, с. 57].

Но эти действия присущи и другому виду причастности к преступлению — попустительству. Поскольку попустительство как форма причастности к преступлению связано с невыполнением лицом возложенных на него правовых обязанностей.

Отграничение попустительства от соучастия в преступлении усматривается в отсутствии единого умысла между основным виновным и попустителем.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за попустительство преступлению предусмотрена несколькими статьями. Их расположение зависит от дополнительных уголовно-правовых признаков субъекта попустительства. Немаловажную роль здесь играет и то обстоятельство, что цель преследования попустительства преступлению при создании этих статей является сопутствующей.

По нашему мнению, основным объектом попустительства преступлению выступают общественные отношения, охраняющие интересы правосудия. То обстоятельство, что ответственность за попустительство предусмотрена в различных статьях УК России, не меняет сущности этого деяния, а говорит лишь о наличии дополнительного объекта посягательства. Поскольку сущностью попустительства является оказание пассивной помощи лицу, совершившему основное преступление, в уклонении его от уголовной ответственности и наказания, то основным объектом все же будут являться общественные отношения в сфере правосудия.

Обязательным признаком попустительства в науке уголовного права признаются бездействие и невыполнение обязанности по сообщению, предотвращению или пресечению преступления, возложенной на виновного [10, с. 27].

Так, например, П. Н. Панченко отмечает материальный характер попустительства преступлению. Последствием его может быть признана, по его мнению, благоприятная обстановка совершения преступления [9, с. 63].

Общественная опасность укрывательства преступления заключается в том, что она не только препятствует раскрытию уже совершённого преступления, но часто укрепляет у преступника представление о возможности совершать безнаказанно новые преступления. Рассматривая субъективную сторону действий лиц, причастных к преступлению, можно увидеть, что они умышленно способствуют сокрытию преступления или реализации плодов этого преступления.

В этом отношении характеристика их общественно опасных действий напоминает характеристику действий соучастников преступления между лицами, причастными к преступлению, и преступниками, которые совершили преступление, существует или согласие по поводу действий, направленных на укрывательство преступления, или лицо, причастное к преступлению, осознает характер действий или намерение лица, совершившего преступление [12, с. 41].

В то же время А. А. Васильев определяет два критерия определения общественной опасности основного деяния: 1) установление правоприменителем объема информации об основном преступлении, которым владело причастное лицо в момент совершения своего деяния; 2) учет индивидуальных профессио-

нальных и других знаний, умений и навыков причастного лица [2, с. 10]. Эти два предложенных критерия позволяют определить, осознает ли причастное лицо общественную опасность основного преступления.

Подытоживая представленную информацию, следует отметить, что между лицами причастными и лицами, совершившими преступление и стремящимися скрыть это преступление, существует определенная субъективная связь, проявляющаяся как в достоверных сведениях, которыми обладает лицо, причастное к преступлению, обстоятельств преступления, совершённого другим лицом, так и в его осведомленности о характере действий и намерений исполнителя преступления, направленных на укрывательство преступления или на реализацию его плодов. Целью укрывательства преступления является желание помешать правоохранительным органам раскрыть преступление, а значит, привлечь виновных к уголовной ответственности.

Что касается мотивов укрывательства преступления, то они могут быть разными: это личная выгода, месть или желание того, чтобы преступление не было раскрыто.

Следующим структурным элементом состава преступления, без которого не может наступить уголовная ответственность, является субъект преступления. Лицо может нести уголовную ответственность за совершённое им общественно опасное деяние только тогда, когда оно: 1) является физическим лицом, т. е. человеком; 2) является вменяемым; 3) достигло возраста, с которого может наступить уголовная ответственность.

Перечисленные признаки субъекта преступления являются обязательными, и отсутствие хотя бы одного из указанных признаков означает отсутствие состава преступления. Субъектом заранее не обещанного укрывательства может быть физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Законодатель здесь выходит из психофизических особенностей развития личности, которые позволяют лицу достаточно ясно осознавать социальный смысл обязанностей, которые полагаются на него, а также понимание последствий их нарушения. Вменяемость, как и возраст, имеет большое значение не только для установления субъекта преступления, но и для всего состава деяния в целом. Способность правильно понимать и оценивать фактическую сторону и значение своих действий и при этом руководствоваться своей волей и действиями или воздерживаться от необдуманных поступков отличает вменяемое лицо от невменяемого. Сознание и воля представляют собой наиболее важные психические функции.

Если начальным моментом укрывательства следует считать совершение активных действий, направленных на укрытие преступника или следов преступления, то конечный момент укрывательства характеризуется рядом обстоятельств, к которым можно отнести: добровольное прекращение укрывательства (по собственной воле) преступника, следов преступления; прекращение укрывательства, которое обусловлено действием правоохранительных органов (не связанное с волей лица): его задержанием и привлечением к уголовной ответственности; обстоятельств, которые ликвидируют преступность деяния (принятие нового закона, внесение изменений в закон, истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности за укрывательство преступления).

В примечании к ст. 316 УК РФ определяется круг лиц, которые освобождаются от уголовной ответственности. К ним относятся супруг или близкие

родственники лица, совершившего преступление, круг которых определен законом. К числу близких родственников относятся: родители, жена (муж), дети, родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки.

В соответствии с советским уголовным законодательством факт родственных отношений не учитывался при определении уголовной ответственности за укрывательство и недонесение. Не рассматривается этот факт и как обстоятельство, смягчающее ответственность за эти преступления. Лица, которые находились в родственных отношениях с виновным, совершившим преступление, несли уголовную ответственность за укрывательство и недонесение на общих основаниях. В трудах юристов советского периода рассматривался вопрос об учете родственных связей в случае привлечения лиц, осуществляющих укрывательство преступлений, к уголовной ответственности.

Н. С. Таганцев, комментируя «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., обращает внимание на ст. 128 данного Уложения, которая освобождала от уголовной ответственности за укрывательство и недонесение, лиц, находящихся в близких родственных связях с лицом, совершившим основное преступление. При этом закон различал две группы родственников в зависимости от их «кровной» или иной близости к лицу, совершившему укрывательство [13, с. 808].

По данному вопросу в научной литературе нет единой точки зрения. Многие ученые поддерживают мнение законодателя по непривлечению к ответственности за укрывательство преступления родственников виновного. М. Х. Хабибуллин считает, что по общему правилу привлекать к уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство и недонесение близких родственников виновного является нецелесообразным [15, с. 78–79]. М. И. Ковалев предлагает ввести уголовную ответственность за укрывательство близких родственников, совершивших особо опасные преступления против государства или некоторые другие тяжкие преступления, и считает, что отменять ответственность за эти преступления не следует по причине того, что они имеют повышенную общественную опасность [4, с. 106]. Н. С. Косякова предлагает освобождать от ответственности лиц, виновных в укрывательстве преступлений, совершённых родственниками, исключение в этом правиле составляют преступления, которые совершаются родственниками не из родственных чувств, а из корыстных [5, с. 115].

Уголовный кодекс Республики Беларусь вообще не освобождает от уголовной ответственности за сокрытие близких родственников виновного (ст. 405) [14]. В отличие от УК Республики Беларусь УК Иордании (ч. 2 ст. 84) освобождает от уголовной ответственности членов семьи преступника (супруги, братья, сестры и близкие родственники), поскольку между ними есть родственные связи [11, с. 69].

Следовало бы отметить слова известного мыслителя В. Соловьева, которые можно отнести к укрывательству преступления, осуществляемого родственниками: «Самая высокая нравственность не позволяет мне быть равнодушным к тому, что мои близкие беспрепятственно становятся убийцами и убиенными, ворами и обворованными, и чтобы общество, без которого ни один человек не мог жить и совершенствоваться, подлежало опасности разрушения, такое равнодушие было бы явным признаком моральной смерти» [15, с. 387].

Общество может нормально функционировать только при условии выполнения всеми его членами определенных обязанностей. Человек, постав-

ленный в данную систему, становится необходимым звеном ее функционирования, он должен не только способствовать раскрытию, но и предупреждать наступление опасных последствий, которые возникают со стороны других людей.

Подводя итоги, стоит отметить, что закрепление в действующем УК РФ положений об освобождении от уголовной ответственности супруга или близких родственников виновного в укрывательстве особо тяжкого преступления является достаточно гуманным. Именно по этой причине законодателю следует внести определенные изменения в диспозицию ст. 316 УК РФ. Во-первых, целесообразно предусмотреть ответственность не только за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений, но и за совершение заранее не обещанного укрывательства небольшой, средней тяжести или тяжкого преступления. Во-вторых, как отягчающее обстоятельство необходимо учитывать повторное совершение данного преступления.

Список цитированных источников

1. Бушуев, И. А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство / И. А. Бушуев. — М.: Юрид. лит., 1965. — 140 с.
2. Васильев, А. А. Уголовно-правовая характеристика прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Васильев. — Екатеринбург, 2009. — 27 с.
3. Галахова, А. В. Вопросы учения о преступлении в практике и руководящих постановлениях пленумов Верховных судов СССР и РФСР: учеб. пособие / А. В. Галахова. — М.: Акад. МВД СССР, 1979.
4. Ковалев, М. И. Ответственность за укрывательство преступлений в уголовном законодательстве США и Англии / М. И. Ковалев // Саратов. юрид. ин-т. Уч. зап. — Саратов: Коммунист, 1956. — Вып. 4. — С. 86–105.
5. Косякова, Н. С. Прикосновенность преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 — Уголов. право и криминология; Уголовно-исполнительное право / Н. С. Косякова. — М., 2001. — 212 с.
6. Левічев, Д. П. Класифікація способів приховування злочинів і її роль у розкритті та розслідуванні злочинів / Д. П. Левічев // Тези доповідей і наукових повідомлень підсумкової наукової конференції II туру Всеукраїнського конкурсу студентських наукових робіт з юридичних наук у 2006/2007 навчальному році (м. Харків, 12–13 черв. 2007 р.). — Харків, 2007. — С. 13–17.
7. Макаров, А. Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 — Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право / А. Д. Макаров. — М., 2004. — 180 с.
8. Николайчук, И. А. Сокращения преступлений как форма противодействия расследованию: автореф. дис. ... юрид. наук: 12.00.08 — Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право / И. А. Николайчук. — Воронеж, 2000. — 47 с.
9. Панченко, П. Н. Преступное попустительство / П. Н. Панченко. — Иркутск: ИрГУ, 1976.
10. Пионтковский, А. А. Уголовное законодательство в практике ВС РСФСР, СССР / А. А. Пионтковский. — М.: Госюриздат, 1955.
11. Саади, Я. М. Соотношение соучастия и прикосновенности к преступлению по уголовным кодексам Иордании и Украины / Я. М. Саади // Вісн. Од. нац. ун-ту. — Одеса, 2009. — Вип. 1. — С. 64–71.
12. Смирнов, В. Г. Понятия прикосновенности по советскому уголовному праву / В. Г. Смирнов. — Минск; Л., 1957. — 129 с.
13. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: Часть общая: лекции: в 2 т. / Н. С. Таганцев. — [2-е изд., перераб.]. — СПб., 1902. — Т. 1. — 816 с.

14. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 257-3 // Ведомости Нац. сходу Рэсп. Беларусь. — 1999. — № 24. — Ст. 420.

15. *Хабибуллин, М. Х.* Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву / М. Х. Хабибуллин. — Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1984. — 136 с.

Дата поступления статьи — 05.06.2016.

В статье проводится анализ одного из видов института причастности к преступлению — укрывательства преступления. Предлагается понятие укрывательства преступления, анализируется законодательное регулирование данного института. Автор статьи, рассматривая правовую природу укрывательства преступления, с учетом научных исследований теории уголовного права дает собственное видение его интерпретации.

The article analyses one of the concepts of the institute of criminal involvement — concealment of a crime. The concept of concealment is reviewed and legislative regulation of the given institute is analysed. The author of the article, examining the legal nature of criminal involvement, taking into account scientific researches into the theory of criminal law, gives his own vision of its interpretation.

КОНЦЕПЦИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ БЕЛАРУСИ

Хилота В. В.

Современный период развития социально-экономической сферы характеризуется различными тенденциями. Однако, как бы эти тенденции ни развивались и ни проектировались, собственность всегда была и будет оставаться экономической основой функционирования любого общества и во многом предопределять ход развития политических, правовых, нравственных и иных отношений, существующих в обществе. Столь высокая значимость собственности предполагает необходимость ее охраны от различного рода имущественных посягательств, в том числе и тех, которые совершаются в различных сегментах национальной экономики.

Нельзя отрицать того, что нынешний этап развития общества и государства сопровождается сложными социально-политическими и экономическими процессами, вызывающими значительный рост преступности в сфере экономики и оказывающими негативное влияние на организацию борьбы с ним. При такой постановке проблемы уголовное законодательство должно стоять на страже охраны экономических отношений, способствовать соблюдению принципов законности и правопорядка, справедливости применения мер уголовно-правового воздействия.

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее — УК) специально выделил гл. 24, посвященную преступлениям против собственности, которая по замыслу законодателя была предназначена для уголовно-правового регулирования и защиты возникших новых рыночных отношений социальной направленности. Тем не менее нарастающая криминализация социально-экономических отношений вынуждает законодателя охватить уголовно-правовым регулированием

наибольшее число правоотношений в экономической системе, одновременно при этом усиливая уголовную ответственность за противоправные деяния как в имущественной сфере, так и в сфере экономической деятельности. Учитывая высокую степень общественной опасности данных преступлений, представляющих огромную угрозу экономической безопасности государства, сегодня по ряду причин назрела актуальная потребность в реформировании уголовного законодательства в сфере экономики.

Отдавая должное исторической традиции, высокой степени преемственности уголовного законодательства о преступлениях против собственности, нельзя не заметить, что в настоящее время значительным образом изменились социальные и экономические условия жизни нашего общества. Существенные изменения произошли и в сфере криминогенного поведения граждан. С развитием и модернизацией банковского сектора, информационных и промышленных технологий, предоставлением новых видов услуг неизбежно появились высокотехнологичные, ранее неизвестные способы и схемы противоправного завладения чужим имуществом.

К сожалению, это не привело к кардинальному реформированию уголовного закона в части унификации и систематизации преступлений имущественного характера, а многие стереотипы, напротив, по-прежнему усугубляют трудности правоприменительной практики при квалификации хищений и иных преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. Функционирование таких преступлений в национальной экономике требует от государства в сложившихся условиях принятия адекватных уголовно-правовых мер воздействия, в то время как закрепленная в УК система преступлений против собственности не в полной мере учитывает особенности тех или иных экономических отношений, а также не позволяет обеспечить на должном уровне защиту интересов граждан, пострадавших от подобных противоправных действий.

Действующее уголовное законодательство в вопросе конструирования ответственности за преступления в сфере экономики нельзя считать незыблемым и устоявшимся. Оно, так же как и практика применения конкретных уголовно-правовых норм, нуждается в совершенствовании и реформировании, и особенно остро этот вопрос стоит при определении оптимальной модели построения системы преступлений против собственности. Модернизация объекта, предмета и системы норм о преступлениях против собственности и порядка осуществления экономической деятельности имеет своей главной задачей детальную разработку конкретных уголовно-правовых норм с целью создания действенного межотраслевого механизма правового регулирования, обеспечивающего эффективное функционирование экономических институтов и соблюдение правопорядка при осуществлении имущественного оборота объектов гражданских прав.

Далее в тезисной форме нами обозначены основные концептуально-теоретические постулаты моделирования объекта и системы преступлений против собственности, а также предмета хищения в условиях трансформации многокладной экономики и информационного общества.

1. Существующая доктрина и система преступлений против собственности не сориентирована на комплексную уголовно-правовую охрану имущественных отношений (отношений собственности и иных объектов гражданских прав в имущественном обороте). В этом аспекте действующее уголовное

законодательство и правоприменительная практика не определяют оптимальной меры уголовно-правового обеспечения имущественного порядка в экономике с учетом предмета преступного посягательства и способов совершения преступлений.

Комплексная уголовно-правовая охрана имущественных отношений возможна лишь на основе дифференциации системы преступлений против собственности в рамках детализации учения о хищении и иных имущественных посягательствах, что является фундаментальной задачей для науки уголовного права и предполагает решение практических задач по защите собственности и оборота объектов гражданских прав от преступных посягательств.

Главу 24 УК следует изложить в новой редакции и назвать: «Преступления против собственности и оборота объектов гражданских прав». Связано это с тем, что уголовно-правовая охрана отношений собственности не отвечает реалиям общественно-политической жизни и уровню развития социально-экономических отношений ввиду того, что правовой защите должны подлежать как вещные, так и обязательственные отношения. Действующие же уголовно-правовые нормы (преступления против собственности) сориентированы исключительно на охрану вещей и в меньшей степени направлены на защиту имущественных прав и оборота экономических благ.

Система составов преступлений данной главы должна быть структурирована на основе трех групп преступлений: а) хищения; б) умышленное или по неосторожности уничтожение или повреждение имущества; в) преступления против оборота объектов гражданских прав. Дифференциация системы преступлений против собственности и оборота объектов гражданских прав предполагает отличие в предмете преступления (материальные и нематериальные блага), способе действия (завладение и приобретение, пользование, отчуждение, уклонение) и преступной цели (обогащение и извлечение имущественной выгоды).

2. Право собственности приспособлено для регулирования отношений по поводу вещей, а к бестелесному имуществу невозможно применить большинство положений права собственности ввиду отсутствия у таких объектов материальной оболочки. В этой связи доктриной уголовного права должен быть пересмотрен концептуальный подход уголовно-правовой защиты материальных и нематериальных благ.

Нормы о преступлениях против собственности в их исходном (нынешнем) состоянии охраняют и должны охранять только статику имущественных отношений, так как сама вещь и посягательства на нее защищены в рамках базового учения о преступлениях против собственности (хищения чужого имущества, его уничтожение или повреждение, присвоение найденного и др.). В свою очередь, нормы уголовного закона о преступлениях против собственности должны быть систематизированы на нормы-запреты, охраняющие статику имущественных отношений, и нормы-запреты, сориентированные на охрану динамики имущественных отношений, обусловленные оборотом имущественных благ (преступления против оборота объектов гражданских прав).

Объектом преступлений против собственности и оборота объектов гражданских прав должны выступать имущественные отношения, т. е. отношения, связанные с принадлежностью имущества определенному лицу, а равно связанные с оборотом и использованием имущественных благ. Таким образом, уголовно-правовой охране должны подлежать не только вещные, но и обязательственные отношения, так как преступные посягательства направлены не

только на саму вещь (как на материальный субстрат), но и на многочисленные права, которые в большинстве случаев не являются вещными.

3. Хищение — это абсолютный деликт, где противоправность деяния заключается в завладении чужой вещью и причинении ущерба собственнику или иному владельцу. Определение хищения по способу и форме должно быть сохранено исключительно как посягательство на чужую вещь, охраняя тем самым статическую принадлежность вещи на праве собственности или владения определенным субъектом. Принципиально неверным в этой части выглядит приравнивание имущества к товару и констатация того, что все то, что носит товарный характер, является предметом хищения.

Преступные посягательства на объекты гражданских прав должны быть выведены из системы посягательств, составляющих хищения, и образовывать самостоятельную группу преступлений, охватывающих деяния, направленные против имущественных и обязательственных правоотношений, и сформулированных не по модели хищения (завладения имуществом). В этом случае имеет место иной механизм совершения преступления. Если для классического хищения характерно перемещение вещи в пространстве путем ее завладения и приобщения к чужому незаконному владению, то в случае преступного посягательства на нематериальные блага не происходит воздействия на материальную оболочку, а имеет место механизм извлечения имущественной выгоды от противоправных действий с невещественными благами.

Хищение — это умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, обмана, злоупотребления доверием, служебными полномочиями, присвоения, использования компьютерной техники, причинившее ущерб собственнику или иному титульному владельцу и направленное на обогащение виновного или иных лиц за счет физического обладания имуществом.

4. Классический подход к предмету преступления только как к предмету материального мира необоснованно сужает рамки использования данной правовой категории в идентификации новых форм общеправовой девиации, где объектом преступного посягательства являются исключительно нематериальные блага. Особенно наглядно эту ситуацию в уголовно-правовой защите демонстрирует современная практика оборота и использования имущественных прав в рыночных условиях экономической деятельности. Поэтому предметом преступления должны признаваться материальные или нематериальные блага (ценности), по поводу которых возникают общественные отношения и воздействуя на которые виновный осуществляет преступное посягательство.

Предметом посягательства при хищении как базового учения о преступлениях против собственности может являться исключительно вещь, а иные нематериальные блага не могут быть положены в основу предмета преступного посягательства при совершении хищения, поскольку направлены не на завладение чужим имуществом, а на извлечение имущественной выгоды. Попытки механически перенести положения экономической теории о собственности в сферу уголовного права вне контекста цивилистики порождают неопределенность и безграничную трансформацию предмета преступного посягательства за счет расширения понятия хищения [1].

5. При определении предмета преступления в качестве структурного элемента посягательства следует исходить из того, что физический признак имущества должен быть соотнесен не только с предметами материального мира,

обладающими физическими свойствами, но и с вещью и ее местом в системе объектов гражданских прав. Предложено нематериальные блага считать преступлениями против оборота объектов гражданских прав.

Предметом хищения может быть только вещь, обладающая индивидуально-определенными признаками, обуславливающими установление вещно-правового режима. Произвольное расширение вещно-правового режима и распространение его на имущественные права («бестелесные вещи») в уголовном праве невозможно в силу различий их естественных свойств и специфики обеспечения уголовно-правовой защиты.

Преступные посягательства на недвижимость в большинстве случаев посягают не на недвижимое имущество как вещь, предмет материального мира с определенными физическими характеристиками и правовым статусом, а на совокупность имущественных прав, принадлежащих его собственнику или иному законному владельцу, обладание которыми и является целью совершения преступления. Поэтому недвижимость может выступать предметом любой формы хищения, равно как и противоправного пользования или приобретения имущественных прав с одновременным извлечением имущественной выгоды. В этом аспекте хищение — это не только перемещение вещи в пространстве, но и замещение собственника вещи при невозможности ее перемещения. Соответственно преступные посягательства могут иметь место не только в отношении права собственности на недвижимое имущество, но также и в отношении отдельных прав на недвижимость — права пользования и владения.

Специфика преступных посягательств на безличные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги требует пересмотра устоявшейся и сложившейся системы «преступления против собственности», ибо преступные посягательства могут быть направлены не только на право собственности как таковое, но и на иные права. Имущественные же права не могут являться предметом хищения, их нельзя похитить, но можно противоправным образом приобрести, что требует иного подхода к моделированию признаков таких имущественных преступлений и их квалификации. С этой точки зрения необходимо вести речь о противоправном приобретении имущественных прав собственника или иного законного владельца.

Незаконное пользование энергией, газом не является хищением. Такое противоправное деяние создает лишь действие, заключающееся в незаконном пользовании объектами гражданских прав и оставлении в своем распоряжении экономленного имущества (денежных сумм, подлежащих возмещению), что составляет суть преступлений против оборота объектов гражданских прав. Теория признания предметом хищения любых объектов (товаров), которые можно потратить, — несостоятельна. Лицо, противоправным образом приобретающее объекты гражданских прав (газ, энергию), в первую очередь пользуется ими, но не потребляет их в смысле поглощения (похищения).

При преступном посягательстве на имущественные права виновное лицо не совершает акта физического перемещения чужих объектов в свою собственность, а извлекает имущественную выгоду в результате противоправного приобретения имущественных прав, их использования в своих целях, незаконного отчуждения либо уклонения от исполнения обязательств. Противоправное приобретение объектов гражданских прав выражается не в завладении чужим имуществом, а в незаконном переходе объектов гражданских прав во владение виновного. Приобретая различные права, действия виновного направлены

на причинение ущерба собственнику или иному законному владельцу и характеризуются извлечением имущественной выгоды. Как посягательства на имущественные права следует расценивать факты завладения документами имущественного характера.

Преступное посягательство на объекты интеллектуальной собственности в значительной степени отличается от хищения материальных объектов, ибо права интеллектуальной собственности не зависят от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Поэтому при незаконном использовании (приобретении и т. д.) таких результатов защите должны подлежать не сами эти результаты, а права на них. Целесообразно рассматривать противоправное нарушение имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности как преступления против оборота объектов гражданских прав, ибо уголовный закон должен охранять от преступного воздействия не только материальный носитель (в рамках учения о преступлении против собственности), но и информационную составляющую изобретения, патентной модели или промышленного образца.

Выделение информации в качестве особого предмета в уголовном праве обусловлено не только ее коммерческой ценностью в обороте, но и особой значимостью, необходимостью защиты прав личности и государства. Присвоение машинной информации, в том числе программного обеспечения, несанкционированное копирование информации, завладение сведениями, составляющими банковскую или коммерческую тайну, и т. п. не рассматриваются как хищение потому, что неправомерное получение информации не приводит к уменьшению ее объема у законного пользователя, чего не может быть при физическом изъятии чужого имущества. Информация является предметом не хищения, а преступлений против имущественных благ, и в случае, когда за посягательства на нее не предусмотрена специальная уголовная ответственность, такого рода деяния, совершаемые с целью получения имущественной выгоды, должны образовывать преступления против оборота объектов гражданских прав.

6. Уголовно-правовой доктриной в современных условиях должен быть детализирован экономический признак предмета хищения ввиду развития многоукладной экономики социально-ориентированного типа.

Характеристика предмета хищения в рыночных условиях определяется стоимостью товара (его ценой), отсюда и предметом хищения признается такая вещь, стоимость которой выражена в цене или поддается оценке. Экономический признак предмета хищения определяется не только потребительской и меновой стоимостью вещи, но и ее способностью быть предметом гражданского оборота. Субъективное отношение человека к вещи может служить критерием отнесения имущества к разряду ценных вещей в силу особой значимости имущества. С этих позиций ценность имущества должна определяться не только его ценой, выраженной в денежной форме, но и способностью удовлетворять общественные и индивидуальные потребности человека.

В этом ключе следует предусмотреть уголовную ответственность за «противоправное завладение предметами, имеющими особую ценность для их собственника». К данной группе предметов можно отнести те, которые лишены стоимостного (ценового) эквивалента (либо он незначителен), но представляют особую значимость для их владельца. Хищение культурных ценностей

целесообразно квалифицировать по общим нормам преступлений против собственности.

Природные объекты могут быть предметом хищения и преступлений против оборота объектов гражданских прав. В перспективе необходимо поставить вопрос о признании всех объектов природной среды (в случае завладения ими) предметом хищения независимо от того, изъяты они из природной среды или нет.

Завладение имуществом, изъятым или ограниченным в гражданском обороте, должно признаваться хищением чужого имущества и расцениваться как преступление против собственности, за исключением случаев, когда за хищение предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте, уже предусмотрена самостоятельная уголовная ответственность. При этом к предметам, изъятым из гражданского оборота, нельзя применять стоимостную концепцию оценки экономического признака предмета хищения, ибо в данном случае не важна стоимость (денежная) такого имущества, так как преступен сам факт посягательства на подобные предметы.

7. Юридический признак имущества как предмета хищения должен определяться не только через понятие «чужое имущество», но и интегрировать в себя следующие характеристики.

Имущество является чужим для виновного, который не имеет ни действительного, ни предполагаемого права на это имущество, и такое имущество принадлежит на праве собственности (или ином основании) не виновному, а другому лицу. Данное имущество является объектом именно чужого владения, при этом изымаемое имущество находится в фактическом обладании (владении) определенного лица, а не виновного.

Наличие признаков хищения при завладении (изъятии) имуществом необходимо связывать с гражданско-правовыми основаниями возникновения права собственности. Характеризуя способ совершения хищения применительно к юридическому признаку хищения, следует на правоприменительном уровне дать толкование, что похищаемое имущество изымается из обладания собственника или титульного владельца.

Уголовный закон не выделяет специальных оснований для переформатирования юридического признака предмета хищения в сторону разделения титульного права собственности и незаконного владения ввиду отсутствия специальных правил конструирования запретов нелегального характера. УК должен охранять не только право собственности, но и фактическое владение имуществом. С этой точки зрения назначение уголовно-правовых норм об имущественных преступлениях состоит в запрете причинения вреда интересам как собственников, так и владельцев имущества. Совершая противоправный акт завладения чужим имуществом, виновное лицо совершает хищение как таковое, т. е. захватывает чужое имущество запрещенным способом, а преступное последствие в виде причинения ущерба (собственнику или иному владельцу) имеет второстепенное значение по отношению к преступному акту посягательства.

Предметом хищения не может являться найденное, брошенное, случайно оказавшееся у лица имущество. Присвоение оставленных вещей (оставлено собственником в достоверно известном ему месте или на непродолжительное время; имеет идентификационные признаки принадлежности) должно образовывать хищение чужого имущества. Хищение потерянных, забытых

вещей будет иметь место в случае, если виновное лицо при присвоении вещи достоверно знает, кому принадлежит присваиваемое имущество, или имеет разумное основание полагать, где находится владелец вещи и что он может за ней вернуться. Внешние условия, обстановка, положение и свойства вещи могут свидетельствовать о том, что она не потеряна ее владельцем, а оставлена или забыта им.

Завладение предметами, находящимися в захоронении, есть надругательство над трупом или могилой, а завладение предметами, находящимися на месте захоронения, должно рассматриваться как преступление против собственности. Похищение предметов, находящихся на теле покойного или при покойном до его захоронения, следует рассматривать как преступление против собственности; похищение предметов с тела умершего лица путем его повреждения должно оцениваться по правилам совокупности преступлений (как преступление против собственности и против нравственности). Посягательство на наследственное имущество следует расценивать именно как хищение, поскольку преступление при хищении может быть осуществлено не только на право собственности, но и на владение имуществом.

8. Признание предметом хищения исключительно имущества требует пересмотра таких признаков, как «право на имущество», «действия имущественного характера», «имущественная выгода», в контексте их соотношения с понятием вещи и ее разновидностями в структуре объектов гражданских прав. Данные признаки имущественных преступлений являются конститутивными признаками преступлений против объектов гражданских прав.

Право на имущество — это уголовно-правовая фикция, которая не может быть отнесена к предмету хищения. Содержание понятия «приобретение права на имущество» не соответствует содержанию права собственности как субъективного права лица, поэтому действующая формулировка «приобретение права на имущество» лишена всякого смысла в контексте понятия и признаков хищения и должна быть исключена из числа его признаков. Приобретение права на имущество не связано с физическим завладением им (изъятием, обращением), а представляет собой самостоятельное противоправное деяние в системе преступлений против объектов гражданских прав.

Посягательства на правомочия собственника нельзя отнести в чистом виде к преступлениям против собственности, так как в большинстве случаев завладение чужой вещью не происходит и собственник не лишается последней. Однако в результате посягательств на одно из правомочий собственника виновное лицо может извлекать выгоду для себя и причинять собственнику имущества ущерб. Понятием «право на имущество» подобные деяния охвачены быть не могут.

Имущественная выгода не может являться предметом хищения, а является конструктивным признаком преступлений против оборота объектов гражданских прав. Имущественная выгода также не является предметом преступления, так как виновное лицо не может на нее воздействовать, а представляет собой результат, который образуется в результате совершения определенных действий с объектами гражданских прав. Имущественная выгода — это действия имущественного характера, совершаемые лицом (как потерпевшим, так и виновным) с объектами гражданских прав и направленные на извлечение имущественных благ посредством экономии собственного имущественного фонда, извлечения прибыли либо избавления от материальных затрат.

Реформирование уголовного законодательства о преступлениях против собственности предполагает, что понятие «действия имущественного характера» в составе вымогательства должно быть заменено понятием «имущественная выгода», ибо действия имущественного характера представляют собой необходимый элемент имущественной выгоды, так как лицо противоправно извлекает для себя выгоду посредством того, что кто-то совершает какие-либо действия с объектами гражданских прав либо воздерживается от их совершения.

9. Объективные и субъективные признаки хищения имеют непосредственную связь с предметом преступного посягательства и во многом обуславливают пределы уголовно-правовой охраны имущественных отношений.

Способ хищения должен быть связан с предметом преступного посягательства и коррелировать с ним. Преступный способ действия при хищении нельзя увязывать с извлечением имущественной выгоды. В случае, когда способ деятельности состоит в извлечении (получении) имущественной выгоды, это является преступлением против оборота объектов гражданских прав.

Завладение есть акт захвата чужого имущества, перевод его в свое физическое обладание помимо воли и согласия собственника имущества или его законного владельца. Завладение складывается из действий по: а) изъятию чужого имущества, т. е. извлечению, исключению, обособлению имущества собственника или его законного владельца и введению его в свой имущественный оборот; б) обращению чужого имущества в свое преступное владение, т. е. когда собственник сам передает имущество виновному, доверяя ему, с наделением или без наделения полномочиями по имуществу, под влиянием обмана или угроз.

Момент окончания хищения должен определяться моментом завладения чужим имуществом виновным, безотносительно к тому обстоятельству, имел ли он реальную возможность пользоваться или распоряжаться похищенным. Если собственник имущества при совершении хищения лишается реального господства и контроля над своей вещью, а при этом виновный завладевает чужим имуществом, то имеет место оконченное хищение.

Сведение завладения похищенным имуществом до пределов реальной возможности пользоваться и распоряжаться похищенным порождает широкий простор для субъективного восприятия (судебного толкования) ситуации и нивелирует объективный критерий момента окончания преступления. Момент окончания преступления должен быть единообразным для всех форм хищения.

Противоправность и безвозмездность хищения являются обязательными конструктивными признаками объективной стороны хищения, и их не следует исключать из его дефиниции. При установлении безвозмездности хищения наряду с признаком недостаточной эквивалентности должен приниматься во внимание еще один — не нарушены ли при эквивалентном изъятии имущества субъективные права собственника или иного владельца имущества.

При установлении признака противоправности следует учитывать в комплексе несколько содержательных моментов, т. е. завладение чужим имуществом должно совершаться: а) способом, запрещенным уголовным законом (у субъекта нет оснований на завладение чужим имуществом, вытекающих из норм законодательства); б) лицом, не имеющим права на такое имущество (субъект, изымая чужое имущество, не имеет на него ни действительного, ни

предполагаемого права); в) путем нарушения свободы конкретного лица распоряжаться находящимся у него имуществом (субъект без согласия собственника, несанкционированно пользуется правами, входящими в содержание права собственности).

Завладение имуществом, не причинившее ущерба собственнику, не может рассматриваться как хищение. Ущерб в хищении должен исчисляться в зависимости от стоимости похищенного имущества (денежным выражением стоимости является цена), а упущенная выгода и другие возможные виды материального вреда в понятие ущерба не входят ввиду того, что механизм причинения вреда отношениям собственности как объекту уголовно-правовой охраны детерминирован предметом преступления. В этой части нами вносится предложение о необходимости конструирования всех форм хищения по типу материальных составов преступлений с включением в них в качестве общественно опасных последствий реального имущественного вреда — прямого положительного материального ущерба, причиняемого собственнику или иному владельцу в виде утраты имущества.

Корыстная цель не может являться системообразующим признаком в понятии хищения, поскольку она не указывает на тот результат, к которому стремится виновный, совершая акт хищения. Для более полной квалификации преступления характер действий виновного и мотив его поведения должны иметь определяющее значение. Поэтому с точки зрения субъективных признаков состава хищения его цель должна указывать на то, что подобное деяние направлено на обогащение виновного или иных лиц. Такая обрисовка цели в составе хищения (хищение направлено на обогащение виновного или иных лиц за счет физического обладания имуществом) может служить одним из четких критериев разграничения хищений и иных корыстных преступлений.

При хищении лицо стремится обогатиться за счет изъятия или обращения чужого имущества в свою пользу или пользу иных лиц. Если лицо отчуждает имущество в пользу юридического лица, членом которого оно является или в судьбе которого оно прямо заинтересовано, то хищение будет иметь место; если лицо отчуждает имущество в пользу юридического лица исходя из личных интересов, то хищение будет отсутствовать.

В главе о преступлениях против собственности и оборота объектов гражданских прав целесообразно выделить специальную уголовно-правовую норму, которая бы предусматривала ответственность за противоправное завладение или отчуждение чужого имущества при отсутствии цели обогащения (статья: Незаконные действия с имуществом: «Противоправное безвозмездное отчуждение или завладение в значительном размере чужим имуществом при отсутствии корыстных побуждений»).

При совершении хищения непосредственное воздействие на предмет может быть только физическим, и оно присуще лишь таким имущественным преступлениям, которые совершаются в форме действия. Предмет хищения непосредственно взаимосвязан с объективной стороной, так как по поводу предмета совершаются преступные деяния и осуществляется непосредственное преступное воздействие на него.

С этих позиций нами предлагается считать, что: кража — тайное насильственное завладение имуществом; грабеж — открытое насильственное завладение имуществом; разбой — завладение имуществом, сопряженное с применением

физического насилия; вымогательство — завладение имуществом посредством принуждения, сопряженное с угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, ограничения прав, свобод или законных интересов потерпевшего или его близких, разглашения сведений, которые они желают сохранить в тайне, или совершения иных действий (бездействия), которых опасается потерпевший; мошенничество — завладение имуществом путем обмана; злоупотребление доверием — завладение имуществом путем умышленного использования лицом отношений доверия, а равно предоставленных ему прав и возможностей во вред собственнику или владельцу имущества; присвоение — завладение имуществом, вверенным виновному, с использованием полномочий; хищение путем злоупотребления служебными полномочиями — завладение имуществом с использованием служебных полномочий; хищение с использованием компьютерной техники — завладение имуществом путем модификации результатов автоматизированной обработки данных компьютерной системы [2].

10. Преступления против оборота объектов гражданских прав — это новое направление уголовно-правовой охраны общественных отношений. Правовые запреты, сориентированные на защиту динамики имущественных отношений, связанных с оборотом имущественных благ, имеют своей целью комплексную охрану имущественных отношений.

Преступления против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ) могут совершаться различными способами, суть которых состоит не в завладении чужим имуществом, а в извлечении (получении) имущественной выгоды посредством противоправного пользования чужим имуществом или иными объектами гражданских прав, их незаконного приобретения, отчуждения либо противоправного уклонения от исполнения обязательств.

При всем множестве вариантов оценки преступлений против оборота объектов гражданских прав и соотнесения данных противоправных деяний с хищениями и иными преступлениями важно учитывать следующее правило квалификации. В случае, когда при незаконном пользовании, приобретении, отчуждении объектов гражданских прав либо уклонении от исполнения обязательств лицо совершает более тяжкое имущественное преступление (например, хищение), речь должна идти о перерастании одного имущественного преступления в иное — более тяжкое.

11. Предлагается дополнить главу УК о преступлениях против собственности и оборота объектов гражданских прав новыми уголовно-правовыми запретами: 1) незаконное пользование объектами гражданских прав (умышленное противоправное безвозмездное пользование чужим имуществом или иными объектами гражданских прав, сопряженное с извлечением имущественной выгоды в значительном размере); 2) незаконное приобретение объектов гражданских прав (умышленное противоправное безвозмездное приобретение объектов гражданских прав, сопряженное с извлечением имущественной выгоды в значительном размере, при отсутствии признаков хищения); 3) незаконное отчуждение объектов гражданских прав (умышленное противоправное безвозмездное отчуждение чужого имущества или иных объектов гражданских прав, сопряженное с извлечением имущественной выгоды в значительном размере); 4) незаконное уклонение от исполнения обязательств (умышленное противоправное безвозмездное уклонение от исполнения обязательств, а равно возложение бремени своих расходов на

другое лицо, сопряженное с извлечением имущественной выгоды в крупном размере).

12. Отличительной характеристикой системы преступлений против оборота объектов гражданских прав является способ преступного посягательства и механизм причинения ущерба собственнику или иному владельцу: имущество или объекты гражданских прав не изымаются из имущественной массы (фондов, владения), а виновный извлекает имущественную выгоду. Такие преступления совершаются в системе гражданского оборота и имеют имущественный характер, вследствие чего посягают на имущественные отношения по поводу перехода материальных и нематериальных благ; предметом преступлений являются объекты гражданских прав (имущественные блага); деяния совершаются умышленно и имеют своей целью получение имущественной выгоды.

13. Действующая гл. 25 УК инерционно включает в себя два блока преступных посягательств: а) преступления против установленного порядка осуществления экономической деятельности (посягают на установленный порядок осуществления экономической деятельности в государстве, т. е. противоправные деяния в данной области нарушают установленные правила ведения операций в экономике); б) преступления против имущественных интересов субъектов, осуществляющих свою деятельность в экономическом обороте (посягают на обязательственные отношения участников имущественного оборота объектов гражданских прав) [3].

Преступления против порядка осуществления экономической деятельности посягают на основное звено в механизме регулирования общественных отношений в экономике — экономическую деятельность. Сегодня гл. 25 УК не имеет единого объекта преступления, потому как отдельные деяния, расположенные в этой главе, лежат вне ее пределов. По этой причине в перспективе следует вывести преступления, посягающие на имущественные интересы субъектов, осуществляющих свою деятельность в гражданском обороте (ст. 226¹, 226³, 231, 237, 238, 240, 241, 243, 246, 248, 254, 255 УК), и перенести их в главу о преступлениях против собственности и оборота объектов гражданских прав. Отличительной чертой преступлений против оборота объектов гражданских прав является то, что лицо получает прямую имущественную выгоду от своих противоправных действий в отличие от преступлений против имущественных интересов субъектов, осуществляющих свою деятельность в экономическом обороте, где криминализирующим признаком является причиненный ущерб, а не извлеченная выгода [4].

Глава УК о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности должна содержать лишь те составы преступлений, которые устанавливают запрет противоправного поведения субъектов, осуществляющих различные действия (экономические операции), связанные с осуществлением предпринимательской и экономической деятельности. Такая деятельность не может содержать в себе элемент получения прямой имущественной выгоды за счет другого лица и его имущественных благ. По этой причине нами предлагается декриминализировать отдельные уголовно-правовые запреты, содержащиеся в гл. 25 УК, а также исключить ряд составов преступлений из числа «экономических» (ст. 223, 224, 226, 226², 229, 230, 232, 234¹, 239, 242, 244, 249, 251, 253, 257, 258 УК).

Список цитированных источников

1. Хилюта, В. В. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности: концептуальные основы моделирования объекта и системы: моногр. / В. В. Хилюта. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 208 с.
2. Хилюта, В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права: моногр. / В. В. Хилюта. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 528 с.
3. Хилюта, В. В. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: проблемы правотворчества и правоприменения: моногр. / В. В. Хилюта. — Гродно: ГрГУ, 2014. — 456 с.
4. Хилюта, В. В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве / В. В. Хилюта. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 624 с.

Дата поступления статьи — 01.06.2016.

Автором статьи предлагается Концепция реформирования уголовного законодательства о преступлениях против собственности и против порядка осуществления экономической деятельности (далее — Концепция). Концепция закрепляет совокупность доктринальных взглядов на сущность и содержание деятельности Республики Беларусь по обеспечению экономической безопасности интересов личности, общества, государства и их защите от противоправных преступных посягательств. Детальное внимание уделено проблемам реформирования уголовного законодательства о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию национального законодательства. Положения предлагаемой Концепции должны быть реализованы на уровне уголовно-правовой доктрины, оценены практикой в процессе правоприменения и толкования норм уголовного закона и в последующем восприняты законодателем. Целью настоящей статьи является создание средствами уголовного закона наиболее благоприятных условий для развития экономики; совершенствование технологии применения уголовного законодательства в вопросе борьбы с преступлениями против собственности и порядка осуществления экономической деятельности, модернизация юридических механизмов и процедур моделирования уголовного законодательства в экономической сфере; оказание влияния на определение основных показателей эффективности правоприменительной практики в сфере борьбы с экономической преступностью.

Article is a continuation of previously published work, devoted to the problems of fighting crime in the economy. The author of this article offers a Concept of reforming of criminal legislation on crimes against property and against the exercise of the economic activity (hereinafter — the Concept). This Concept establishes a set of doctrinal views on the nature and content of activities of the Republic of Belarus on ensuring the economic security interests of personality, society, state and their protection from unlawful criminal assault. As a basis for consolidating the efforts of individuals, society and the state in pursuing the national interests, the Concept is designed to ensure the unity of approaches to the formation and implementation of state policy of ensuring national security in the economy, as well as the methodological basis for the reform of criminal legislation on crimes against property and against public order economic activities. Detailed attention is paid to the problems of reforming of criminal legislation on crimes against public order economic activities. Propose specific measures to improve national legislation.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ РЕБЕНКА ДО ЕГО РОЖДЕНИЯ

Швед Н. А.

В последние годы отмечается интерес к определению правового статуса зачатого, но еще не рожденного ребенка. Главным образом научные дискуссии по данному вопросу развернулись в сфере конституционного и гражданского права. Однако в последнее время подобные исследования стали актуальны и в сфере уголовного права. Можно констатировать, что уголовная ответственность является одной из гарантий реализации прав нерожденного человека. Уголовным законом беременная женщина, с одной стороны, защищается как потенциальная жертва преступления, а с другой — находится в более привилегированном положении как субъект преступления.

Анализ уголовного законодательства зарубежных стран показал, что в ряде государств право на жизнь еще не рожденного ребенка охраняется посредством введения уголовной ответственности за самоаборт (прерывание беременности или допущение этого самой женщиной). Такой запрет установлен в УК Аргентины, Австрии, Испании, Кореи, ФРГ, Швейцарии, Японии и некоторых других государств. Таким образом, законодатели этих стран признают нерожденного ребенка человеческим существом, подлежащим самостоятельной защите.

Следует отметить, что прерывание беременности при наличии тех или иных условий криминализировано во многих УК. Так, многие страны установили ответственность за прерывание беременности без согласия женщины (Япония, Турция, Корея, Бельгия, Франция, Австрия, Сербия). Во многих странах необходимым условием проведения процедуры прерывания беременности является не только срок (как правило, до 12 недель, в Турции — до 10), но и наличие специального врачебного заключения, иногда даже заключения консилиума врачей, подтверждающего медицинские основания, либо наличие иных условий, при которых проведение этой операции допустимо. В противных случаях деяние признается уголовно наказуемым. Такого подхода придерживаются Израиль, Швейцария, Норвегия, Бельгия, ФРГ, Австрия и др.

Помимо указанного, в некоторых странах криминализированы также подстрекательство к совершению аборта (Турция, ФРГ) либо добывание (предоставление) необходимых средств для прерывания беременности (Турция, Франция), прерывание беременности в результате насильственных действий (Бельгия, Турция), сбыт средств и медикаментов для прерывания беременности (ФРГ) и некоторые другие.

Жизнь нерожденного ребенка в зарубежных странах подлежит уголовно-правовой охране также и в процессе родов (Сербия, Швейцария, Норвегия, Бельгия, Австрия и др.) посредством установления ответственности за убийство ребенка во время рождения.

Анализируя уголовное законодательство Республики Беларусь, следует отметить следующее. Так, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) косвенно защищает жизнь нерожденного ребенка путем выделения квалифицирующего признака преступлений, совершённых в отношении беременной женщины.

Правовые гарантии защиты нерожденного ребенка прослеживаются и в других статьях УК: в ст. 49, 52, 53, 54, 55 установлен запрет применения к беременным женщинам определенных видов наказания; беременность

является одним из смягчающих наказание обстоятельств (п. 10 ч. 1 ст. 63); беременной женщине может быть предоставлена отсрочка от отбывания наказания (ст. 93); установлена ответственность за убийство ребенка во время родов (ст. 140).

В современном белорусском уголовном праве не предусмотрено специальных норм, которые бы непосредственно защищали жизнь ребенка в процессе его внутриутробного развития. В случае насильственного прерывания беременности действия виновного лица квалифицируются в зависимости от формы вины: умысел или неосторожность, по ст. 147 или ст. 155 УК соответственно, т. е. как причинение тяжкого вреда здоровью будущей матери. Потерпевшей в этом случае будет являться женщина, находящаяся в состоянии беременности, а не плод. Таким образом, уголовное право в настоящее время исходит из того, что, пока ребенок находится в утробе матери, он является частью ее организма, и причинение ему вреда признается причинением вреда здоровью беременной женщины.

Особую актуальность вопрос о правовой охране нерожденного ребенка приобретает в контексте исследования начала уголовно-правовой охраны жизни человека. В первую очередь следует различать понятия «жизнь как биологический процесс» и «жизнь как объект уголовно-правовой охраны». О начале жизни как биологического процесса в последнее время говорят с момента зачатия или с несколько более позднего периода, когда органы человеческого зародыша полностью сформировались. Вместе с тем жизнь как объект уголовно-правовой охраны не совпадает с биологическим подходом. Вопрос о ее начале является дискуссионным [1, с. 165–172].

Хотелось бы акцентировать внимание на набирающей в последнее время популярность точке зрения, согласно которой охрана человеческой жизни, в том числе и уголовно-правовыми средствами, должна начинаться с момента зачатия [2, с. 201; 3, с. 49, 51]. О необходимости смещения рамок начала предоставления уголовно-правовой охраны жизни высказывались и другие ученые.

Вместе с тем указанный тезис вступает в противоречие с действующим законодательством. В соответствии с положениями ч. 3 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении) по согласию женщины в организациях здравоохранения после консультации с врачом-специалистом, а в отношении несовершеннолетней также при наличии письменного согласия ее законного представителя может быть проведено искусственное прерывание беременности (аборт) при сроке беременности не более 12 недель. В ч. 4 ст. 27 установлено, что при наличии медицинских показаний и согласия женщины, а в отношении несовершеннолетней также при наличии письменного согласия ее законного представителя искусственное прерывание беременности проводится независимо от срока беременности в государственных организациях здравоохранения.

Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности представляется достаточно определенным (утвержден постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 декабря 2014 г. № 88 «Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства

здравоохранения Республики Беларусь от 9 ноября 2007 г. № 105»). Подобные показания в первую очередь направлены на сохранение жизни и здоровья матери и ребенка и призваны способствовать рождаемости здорового населения. Со стороны матери к ним, например, относятся: туберкулез (все активные формы), краснуха, вирусный гепатит, злокачественные новообразования, требующие проведения химиотерапии или лучевой терапии, и др. К медицинским показаниям со стороны плода относят, например, нарушения обмена веществ, врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения у плода, установленные пренатально, с неблагоприятным прогнозом для жизни, не имеющие эффективного лечения и (или) сопровождающиеся умственной отсталостью и др.

Показанием к искусственному прерыванию беременности по медико-генетическим показаниям является установление у плода: порока, несовместимого с жизнью или не корригирующегося присутствующим уровнем оказания медицинской помощи; хромосомной болезни или нехромосомных синдромов, сопровождающихся умственной отсталостью; наследственных нарушений обмена веществ; X-сцепленных заболеваний у плода мужского пола (приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 23 декабря 2004 г. № 288 «О мерах по совершенствованию акушерско-гинекологической службы Республики Беларусь»).

Согласно ч. 8 ст. 27 Закона о здравоохранении при наличии социальных показаний и согласия женщины проведение искусственного прерывания беременности допускается при сроке беременности не более 22 недель в государственных организациях здравоохранения.

К социальным показателям относят наличие решения суда о лишении родительских прав и беременность, наступившую в результате изнасилования (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 2008 г. № 1580 «Об установлении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902»). Ранее перечень социальных показателей был более широк и включал в себя наличие инвалидности, пребывание в местах лишения свободы, расторжение брака во время беременности, наличие в семье ребенка-инвалида, многодетность, наличие у женщины статуса беженца, а также признание женщины или ее мужа в установленном порядке безработными во время беременности женщины. Следует отметить, что указанные социальные показатели весьма условны и в их рамки вписывалась значительная часть среднестатистических семей. Поэтому сужение рассматриваемого перечня до двух позиций представляется определенным шагом государства по защите права на жизнь нерожденного ребенка.

В качестве сравнения следует указать, что, например, в Российской Федерации единственным социальным показанием для искусственного прерывания беременности является беременность, наступившая в результате изнасилования (постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2012 г. № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности»). Другие социальные показатели прерывания беременности были исключены, что, по мнению российских авторов, несомненно указывает на определенные достижения при принятии государством мер, направленных на защиту жизни как женщины, так и нерожденного ребенка [4].

Следует обратить внимание, что Законом о здравоохранении установлено, что на сроке свыше 22 недель беременности при наличии у женщины заболевания, угрожающего ее жизни, производится досрочное родоразрешение.

Отсюда можно сделать вывод о том, что до указанного в ст. 27 Закона о здравоохранении времени жизнь плода самостоятельной правовой охране не подлежит, и наличие у него возможности родиться во многом зависит от волеизъявления его матери. Законодательство о здравоохранении, таким образом, фактически закрепляет право на жизнь ребенка приблизительно с пятого месяца беременности женщины. В этой связи С. С. Шевчук высказал мнение, что такая позиция законодателя свидетельствует о том, что он относится к внутриутробному плоду с определенного срока его развития не просто как к физиологической части женского организма, которой она распоряжается самостоятельно, а как к особому рода существу, имеющему право на жизнь [5, с. 37].

В литературе отмечается, что такая крайне усеченная уголовно-правовая охрана жизни нерожденного ребенка противоречит требованиям конституционного и международного права о защите материнства, международных актов о надлежащей правовой защите ребенка до рождения, нормам медицинского законодательства в этой сфере, реальным потребностям общества и государства [6, с. 25]. В этой связи С. В. Тасаков обосновывал суждение, что жизнь эмбриона может стать самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны при условии введения в УК соответствующей нормы об охране жизни эмбриона [7, с. 27].

Е. В. Толстая отмечает, что непризнание правом такой базовой социальной ценности, как «нерожденная» жизнь, в качестве самостоятельного объекта правовой охраны и отсутствие ее правовой защиты (охраняется только жизнь и здоровье беременной женщины) способствуют ухудшению правовой ситуации в рассматриваемом вопросе, создавая неопределенный правовой статус эмбриона, находящегося в организме беременной женщины, как еще не рожденного человека. В этой связи названный автор отмечает, что существует необходимость закрепления в законодательстве охраны жизни эмбриона (фактически ребенка) с момента зачатия [8, с. 57].

О необходимости установления уголовно-правовой охраны жизни эмбриона (плода) человека высказывалась и Н. Е. Крылова в своей диссертационной работе, посвященной уголовному праву и биоэтике. В качестве одного из шагов по уголовно-правовой защите жизни эмбриона (плода) человека диссертант предлагала новую редакцию ст. 123 УК Российской Федерации, где прямо предлагалось установить запрет на производство искусственного прерывания беременности по истечении срока, установленного законом [9, с. 15–16]. Здесь следует отметить, что белорусский законодатель уже предусмотрел такой запрет в ст. 156 УК, устанавливающей ответственность за незаконное производство аборта. Объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 156 УК, образует общественно опасное деяние в виде искусственного прерывания беременности, совершённое в нарушение установленного порядка, в том числе: по социальным показаниям вне стационарного учреждения при беременности в сроки 13–22 недели; по немедицинским показаниям при беременности свыше 22 недель; по медицинским показаниям при сроке беременности более 12 недель вне больничных организаций здравоохранения и др. Умерщвление плода в утробе матери независимо от срока беременности

до начала родовых схваток может рассматриваться как незаконное производство аборта [10, с. 295].

Принимая во внимание тот факт, что в нашей стране нет законодательно закреплённого запрета на осуществление аборт, необходимо отметить, что в перспективе ближайшего будущего проведение реформирования уголовного законодательства в части, касающейся охраны жизни и здоровья эмбриона, не представляется возможным в полной мере. В условиях легализации абортов уголовно-правовая охрана эмбриона не может быть абсолютной. Во многом это обосновывается прежде всего возникающим конфликтом интересов матери и ещё не рождённого ребенка, который на современном этапе развития национального законодательства всегда решается в пользу женщины. Во всяком случае, на сроке беременности до 12 недель женщине предоставляется полная свобода выбора: оставлять уже существующий человеческий организм в живых или нет.

В этой связи М. Киселева верно отметила, что дискуссии о моменте начала жизни, с точки зрения уголовного права, фактически являются спором о том, какой должна быть степень ответственности за посягательство на жизнь человека в разных стадиях ее развития (эмбрион — плод — ребенок) [11, с. 55].

Таким образом, следует отметить нарастающий интерес и широкое обсуждение проблем правового регулирования начала жизни, статуса эмбриона человека и других вопросов, проводимое в мире в последние годы. Все это свидетельствует о сложности и противоречивости данного вопроса и необходимости дальнейшего его комплексного исследования не только в рамках уголовного права, но и с учетом современных достижений биологии, медицины и других наук.

Список цитированных источников

1. Швед, Н. А. О начале уголовно-правовой охраны жизни человека / Н. А. Швед // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.]; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск: РИПО, 2015. — Вып. 8. — С. 162–172.
2. Попов, А. Н. О начале уголовно-правовой охраны жизни в новом тысячелетии / А. Н. Попов // Уголовное право в XXI веке: материалы Междунар. науч. конф., г. Москва, 31 мая — 1 июня 2001 г. / Юрид. фак. МГУ; под ред. Г. Н. Борзенкова [и др.]. — М., 2002. — С. 200–203.
3. Козаев, Н. Ш. Вопросы уголовно-правовой охраны жизни в свете современных достижений научно-технического прогресса / Н. Ш. Козаев // Мед. право. — 2014. — № 2. — С. 49–52.
4. Защита прав и интересов организаций и граждан: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминологический аспект (состояние, проблемы, пути совершенствования). Общее состояние и региональная специфика: моногр. / Е. Д. Ветошкина [и др.]; отв. ред. Л. А. Воскобитова // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
5. Шевчук, С. С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции / С. С. Шевчук // Мед. право. — 2003. — № 1. — С. 37–41.
6. Минаева, М. М. Уголовно-правовая охрана жизни ребенка до и после рождения по законодательству России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М. М. Минаева. — М., 2012. — 27 с.

7. Тасаков, С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С. В. Тасаков. — Екатеринбург, 2010. — 51 с.

8. Толстая, Е. В. О правовых гарантиях защиты жизни ребенка до рождения в российском законодательстве / Е. В. Толстая // Рос. юстиция. — 2011. — № 4. — С. 54–58.

9. Крылова, Н. Е. Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Н. Е. Крылова. — М., 2006. — 54 с.

10. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменко [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. — 1007 с.

11. Киселева, М. Посягательство на жизнь эмбриона / М. Киселева // Законность. — 2010. — № 1. — С. 53–55.

Дата поступления статьи — 29.06.2016.

В статье анализируются основные положения зарубежного и отечественного уголовного законодательства в сфере защиты жизни ребенка до его рождения. Отмечается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере.

The article is devoted to the analysis of the main regulations of the foreign and national criminal legislature on protection of child's life before its birth. The necessity of further development of this legislation is pointed out.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Шилин Д. В.

Согласно действующему законодательству криминологическая экспертиза в обязательном порядке проводится в отношении законопроектов, правовых актов Президента Республики Беларусь, Правительства, Комитета государственного контроля, Национального банка, Управления делами Президента Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз. Указом Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» [1] предусмотрена проработка вопроса о поэтапном введении обязательной криминологической экспертизы проектов правовых актов республиканских органов государственного управления, местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов.

Не затрагивая вопрос финансового сопровождения криминологической экспертизы в случае принятия положительного решения о расширении ее предмета (очевидно, что это повлечет увеличение государственного финансирования), рассмотрим некоторые процессуальные аспекты проведения такой экспертизы в обновленном формате.

1. *Субъект экспертизы.* Действующее законодательство определяет единственного субъекта криминологической экспертизы — Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры (далее — НППЦ Генеральной прокуратуры). Такой подход обеспечивает независимость экспертизы (отсутствует подчиненность государственным органам, обладающим правом законодательной инициативы) и единство ее методологии,

преимуществом подходов в оценке криминогенности нормативного материала, взаимную согласованность и объективность результатов [2, с. 11–13]. В этой связи представляется оправданным сохранить действующее регулирование данного вопроса.

2. *Методика проведения экспертизы.* В настоящее время при подготовке заключения эксперты руководствуются Методическими рекомендациями по проведению криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов), которые утверждены приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 46.

Методические рекомендации непосредственно регулируют процедуру криминологической экспертизы и определяют ее методологию, порядок организации и проведения экспертизы, алгоритм оценки проекта правового акта (правового акта) на предмет наличия возможности возникновения рисков криминогенного характера, структуру, форму и содержание заключения криминологической экспертизы. В указанных рекомендациях перечислены конкретные недостатки проекта правового акта (правового акта), реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера. Последнее, очевидно, адресуется не только лицам, которые проводят криминологическую экспертизу, но и всем иным субъектам нормотворческого процесса независимо от стадии подготовки проекта.

С учетом существенного увеличения числа государственных органов, направляющих проекты правовых актов на экспертизу, целесообразно утвердить данные рекомендации нормативным правовым актом более высокой юридической силы (Главы государства или Правительства). Общедоступность Методических рекомендаций сделает их транспарентными, а результаты экспертизы — более предсказуемыми для разработчиков проектов. В этой части можно заимствовать опыт Российской Федерации, где аналогичные рекомендации утверждены Правительством.

Изменение уровня правового регулирования позволит обеспечить доступность Методических рекомендаций государственным органам, осуществляющим правовой мониторинг в пределах своей компетенции, для обращения в уполномоченные органы по принятию решения о проведении криминологической экспертизы ранее принятого (изданного) правового акта; представителям научного и педагогического сообщества; иным гражданам.

Закрепление Методических рекомендаций на уровне нормативного правового акта придаст их положениям характер обязательного правила поведения, что обеспечит процессуальную согласованность с институтом обжалования результатов криминологической экспертизы, позволит разработчикам проекта прогнозировать потенциальную криминогенность его положений, повысит прозрачность нормотворческого процесса. С учетом распространяющейся практики вынесения наиболее значимых проектов правовых актов на общественное обсуждение такая мера позволит гражданам всесторонне оценивать перспективы принятия акта.

Помимо этого следует адаптировать Методические рекомендации непосредственно для правовых актов республиканских органов государственного управления, органов местного управления и самоуправления. Правовые акты указанных органов зачастую регулируют экономические отношения (например, проведение закупок, торгов либо иных конкурсных процедур). При этом опыт проведения криминологической экспертизы показал, что значительное

количество рисков криминогенного характера выявляется именно в данных сферах. Очевидно, что механизм детерминации рисков в экономических актах имеет свои особенности. Коэффициенты и различные финансовые параметры также нуждаются во всестороннем анализе на криминогенность.

3. *Субъект юридической экспертизы.* Безусловным правилом криминологической экспертизы является ее проведение после обязательной юридической экспертизы. При этом законодательство определяет два вида такой экспертизы подзаконных актов (кроме актов Правительства): проектов правовых актов и принятых (изданных) правовых актов. Согласно ст. 49 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» обязательная юридическая экспертиза проектов нормативных правовых актов министерств, иных республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов, других государственных органов проводится их юридическими службами, а проектов нормативных правовых актов местных Советов депутатов — юридическими службами соответствующих местных исполнительных и распорядительных органов [3]. Иными словами, экспертиза проекта осуществляется, по сути, его разработчиком.

Данное обстоятельство существенно влияет на независимость правовой оценки проекта и, с учетом отсутствия исключительной нормотворческой специализации юридических служб этих органов, способно снизить качество подготавливаемых актов (в части соответствия законодательству и нормотворческой технике). Возможно, по этой причине законодательство устанавливает, что принятые (изданные) нормативные правовые акты министерств, иных республиканских органов государственного управления, решения областных, Минского городского Советов депутатов, облисполкомов, Минского горисполкома, имеющие нормативный характер, подлежат обязательной юридической экспертизе, проводимой Министерством юстиции.

Такой дуализм имеет принципиальное значение для криминологической экспертизы. В первом случае на экспертизу могут быть представлены проекты, которые содержат юридические неточности и противоречат законодательству. В этой связи криминологическая экспертиза будет выполнять часть функций юридической, что недопустимо с точки зрения их функционального назначения.

Во втором случае при проведении юридической экспертизы принятого (изданного) правового акта в его текст могут быть внесены изменения, которые уже не будут оцениваться на криминогенность. Соответствующие корректировки могут быть внесены в акт в рамках положений п. 9 Инструкции о порядке осуществления обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 сентября 2006 г. № 1244 [4].

4. Согласно Методическим рекомендациям, если проект правового акта был направлен для проведения криминологической экспертизы без сопроводительных материалов, обязательных для ее проведения, исчисление срока экспертизы начинается со дня получения НПЦ Генеральной прокуратуры необходимых материалов. Это означает, что поступивший на экспертизу проект остается без движения до представления требуемых документов. Поскольку данная норма адресована субъектам нормотворческой деятельности и с учетом оперативности выполнения поручений по подготовке проектов правовых актов, ее следует продублировать в Положении о порядке проведения кри-

минологической экспертизы, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 [5].

5. Законодательство допускает проведение криминологической экспертизы ранее принятого (изданного) правового акта. Это возможно по решению Президента Республики Беларусь, Администрации Президента Республики Беларусь или Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Вместе с тем к таким субъектам целесообразно добавить Совет Министров Республики Беларусь, который мог бы также принимать решение о проведении криминологической экспертизы нормативных правовых актов подчиненных министерств, комитетов, а также органов местного управления и самоуправления.

6. Криминологическая экспертиза может быть проведена в отношении проекта закона с изменениями и (или) дополнениями, внесенными в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь и направленными на согласование субъекту права законодательной инициативы. Решение о проведении экспертизы в таком случае принимает соответствующий субъект права законодательной инициативы, который вносил проект закона, либо Администрация Президента Республики Беларусь (по проекту закона, по которому субъектом права законодательной инициативы является Президент Республики Беларусь).

Следует отметить, что оценка целесообразности проведения криминологической экспертизы в таком случае определяется исключительно по усмотрению соответствующего субъекта права законодательной инициативы. Зачастую содержание проекта закона, доработанного ко второму чтению с учетом замечаний и предложений заинтересованных государственных органов, может существенно отличаться от его варианта на момент внесения в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь после прохождения стадии криминологической экспертизы. В этой связи не стоит исключать то обстоятельство, что в ходе рассмотрения законопроекта в Парламенте в него могут быть включены положения, потенциально заключающие в себе риски криминогенного характера. При этом сам законопроект, подготовленный ко второму чтению, может концептуально отличаться от варианта, принятого в первом чтении в авторской редакции.

Исходя из того, что закон является нормативным правовым актом, который закрепляет принципы и нормы регулирования наиболее важных общественных отношений, представляется целесообразным проведение обязательной криминологической экспертизы в отношении любого законопроекта, окончательно подготовленного ко второму чтению.

Как было указано выше, действующее законодательство наделяет полномочиями по проведению криминологической экспертизы только одного субъекта. Вместе с тем модельное законодательство СНГ к числу уполномоченных относит также независимых экспертов в лице институтов гражданского общества и граждан. Именно такой подход реализован в Российской Федерации, где правом проведения независимой экспертизы обладают физические и юридические лица, аккредитованные Министерством юстиции Российской Федерации. Они проводят экспертизу в инициативном порядке и за свой счет. Основанием проведения экспертизы является опубликование проекта правового акта, т. е. для ее проведения достаточно собственного решения независимого эксперта. Подготовленное экспертом заключение носит рекомендательный характер, но

подлежит обязательному рассмотрению органом, организацией или должностным лицом, вынесшими данный акт, однако не влияет на процесс принятия правового акта.

В Республике Беларусь механизм привлечения к проведению экспертизы сторонних специалистов действует фрагментарно. Это возможно по усмотрению указанного субъекта в случае необходимости и по согласованию с руководителями органов и организаций, в которых работает специалист. Законодательство не запрещает получение субъектом криминологической экспертизы мнения научных организаций, иных экспертных учреждений.

Вместе с тем, с учетом последней практики вынесения особо значимых законопроектов на общественное обсуждение, предлагаем в перспективе рассмотреть вопрос о закреплении института независимой (общественной) криминологической экспертизы (либо ее отдельных элементов). Для его эффективного функционирования необходима регламентация ряда организационно-правовых механизмов.

а) Определение квалификационных требований к независимому эксперту: наличие высшего образования по юридической либо иной специальности или ученой степени, стаж работы, необходимость прохождения обучения [6, с. 13]. В юридической литературе также высказываются предложения о закреплении процедуры конкурсного отбора экспертов [7, с. 175]. Дискуссионным представляется требование постоянно проводить экспертизы (например, если лицо на протяжении двух лет не проводит экспертизы, то выданное разрешение аннулируется) [8].

б) Установление предмета экспертизы: проекты всех правовых актов, которые подлежат обязательной криминологической экспертизе согласно законодательству, либо только проекты законов. Возможно ограничение круга правовых актов только теми, которые затрагивают права и интересы граждан, налоговую и бюджетную сферу, государственные закупки товаров (работ, услуг), социальные и экологические отношения либо сферу практической юридической деятельности или научных интересов эксперта.

в) Закрепление срока проведения экспертизы (может устанавливаться законодательством или разработчиком проекта). При этом такой срок не может быть меньше срока, установленного для проведения обязательной криминологической экспертизы либо рассмотрения заинтересованными государственными органами и организациями, когда проект подлежит оперативному согласованию.

г) Регламентация вопросов организации проведения экспертизы (стадия проведения, возмездность, извещение о способах учета замечаний эксперта). На наш взгляд, независимую экспертизу следует проводить одновременно с обязательной криминологической экспертизой, а в отношении законопроектов — перед внесением в парламент и перед рассмотрением во втором чтении. Несмотря на то что возмездность экспертизы может существенно повлиять на активность лиц, которые ее проводят, для формирования беспристрастности и реальной независимости эксперта экспертиза должна быть безвозмездной. В то же время целесообразно установление запрета на проведение экспертизы в случае, если это может привести к конфликту интересов или личной заинтересованности эксперта. Конфликт интересов должен быть устранен и в случае поступления эксперта на государственную службу в орган, который разрабатывает правовые акты (утрачивает ли он

статус независимого эксперта либо может проводить экспертизу актов, которые готовят другие органы).

Заинтересованность независимого эксперта может повысить следующее: учет разработчиками проекта выводов и предложений эксперта (с уведомлением об этом последнего); размещение текста заключения независимой экспертизы на сайте государственного органа, ответственного за подготовку проекта (последнее также способствует формированию в экспертной среде единых подходов подготовки заключений).

д) Одним из ключевых вопросов является определение степени обязательности заключения независимого эксперта. Например, в правовой доктрине отмечается, что отсутствие обязанности нормотворческого органа учитывать выводы, содержащиеся в заключении экспертизы, является существенным пробелом законодательства, поскольку может привести к принятию коррупционных актов [9, с. 6–7]. На наш взгляд, такое заключение должно иметь рекомендательный характер, однако подлежать обязательному рассмотрению нормотворческим органом. При этом отклонение предложений эксперта должно быть письменно мотивировано [10].

Указанные выше вопросы являются основными для эффективного определения формата независимой (общественной) криминологической экспертизы. Полагаем, что ее не следует рассматривать как процедуру, усложняющую согласование и принятие правового акта. Однако такая экспертиза является дополнительным барьером для формирования криминогенного (прежде всего коррупционного) законодательства.

Список цитированных источников

1. О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы: Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июня 2011 г., № 230 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, —2011.— № 65.— 1/12584.
2. Шилин, Д. В. Правовая основа криминологической экспертизы в Республике Беларусь / Д. В. Шилин.— Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2014.— 64 с.
3. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.— 2000.— № 7.— 2/136.
4. Об обязательной юридической экспертизе нормативных правовых актов: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 сент. 2006 г., № 1244 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.— 2006.— № 161.— 5/23117.
5. О криминологической экспертизе: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.— 2007 г.— № 132.— 1/8611.
6. Хабриева, Т. Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов / Т. Я. Хабриева // Журн. рос. права.— 2009.— № 10.— С. 5–13.
7. Уманская, В. П. Антикоррупционная экспертиза правовых актов: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики / В. П. Уманская // Закон.— 2010.— № 4.— С. 170–177.
8. Каменская, Е. В. Независимая антикоррупционная экспертиза: научно-практическое пособие [Электронный ресурс] / Е. В. Каменская, А. А. Рождествина // КонсультантПлюс. Россия / ООО «ЮрСпектр».— М., 2016.
9. Агеев, В. Н. Принципы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов / В. Н. Агеев // Актуал. проблемы экономики и права.— 2009.— № 4.— С. 5–11.

10. *Кудашкин, А. В.* Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: науч.-практ. пособие / А. В. Кудашкин // Консультант Плюс. Россия [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — М., 2016.

Дата поступления статьи — 16.06.2016.

Институт криминологической экспертизы имеет десятилетнюю историю, за которую накоплен значительный опыт оценки проектов правовых актов на криминогенность. Это позволяет подвести промежуточные итоги и определить дальнейшие направления развития данного института. В статье анализируются процессуальные аспекты проведения экспертизы и формулируются предложения по совершенствованию указанного института.

The institute of criminological expertise has ten-year history with considerable experience of assessment of legal drafts for criminogenic factors. This allows to take the interim results and to determine future directions of development of the institution. The article examines the procedural aspects of the examination and formulates suggestions on the improvement of this institution.

НАШИ АВТОРЫ

Авраменко Алексей Владимирович — начальник факультета подготовки кадров для органов следствия Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

Аккулев Аблайхан Шынтемирович — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Евразийского гуманитарного института (г. Астана), кандидат юридических наук, докторант ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Афонченко Татьяна Петровна — доцент кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, кандидат юридических наук, доцент, докторант ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Бакиновская Ольга Александровна — начальник отдела исследований в сфере экономического развития и экологии Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Бевзюк Инна Николаевна — преподаватель отдела подготовки прокуроров по организации работы в органах прокуратуры Национальной академии прокуратуры Украины (г. Киев), кандидат психологических наук.

Белокопытов Валерий Викторович — главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Билялов Берик Султангазиннович — начальник Департамента внутренних дел Северо-Казахстанской области МВД Республики Казахстан, генерал-майор полиции.

Благов Евгений Владимирович — профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор.

Василевич Григорий Алексеевич — заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Винокуров Александр Юрьевич — главный научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Головко Ирина Ивановна — доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Гучок Александр Евгеньевич — заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, доцент.

Дмитренко Денис Иванович — старший преподаватель кафедры криминалистики Белорусского государственного университета.

Ескендилов Айдос Абдрахманович — начальник Института послевузовского и дополнительного образования Алматинской академии МВД Республики

Казахстан, кандидат юридических наук, докторант ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Зарубин Андрей Викторович — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Какителашвили Михаил Михайлович — ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Коваленко Владимир Панасович — адвокат, кандидат юридических наук, доцент.

Ковган Жанна Ивановна — старший экономист Департамента финансов и тыла МВД Республики Беларусь, адъюнкт Академии МВД Республики Беларусь».

Козаченко Иван Яковлевич — заведующий кафедрой уголовного права Уральской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Кочнева Алиса Александровна — ассистент кафедры уголовного права и процесса Учебно-научного юридического института Национального авиационного университета (г. Киев).

Красницкий Иван Васильевич — начальник факультета подготовки кадров для органов полиции Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

Кругликов Лев Леонидович — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Лашук Наталья Романовна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Львовского государственного университета внутренних дел, директор Львовского форума криминальной юстиции, кандидат юридических наук.

Лиховая София Яковлевна — заведующий кафедрой уголовного права и процесса Учебно-научного юридического института Национального авиационного университета (г. Киев), доктор юридических наук, профессор.

Лосев Владимир Владимирович — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент.

Луцик Василий Васильевич — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Львовского национального университета им. Ивана Франко, кандидат юридических наук, доцент.

Малярчук Назар Викторович — доцент кафедры криминального права и процесса Учебно-научного юридического института Национального авиационного университета (г. Киев), кандидат юридических наук.

Марин Александр Константинович — заместитель декана юридического факультета Львовского национального университета им. Ивана Франко, кандидат юридических наук, доцент.

Маритчак Тарас Николаевич — судья Апелляционного суда Львовской области, кандидат юридических наук, доцент.

Навроцкий Вячеслав Александрович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины.

Полящук Наталья Анатольевна — главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Порохов Михаил Юрьевич — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Присяжнюк Иван Иванович — ректор Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук.

Рощина Инна Александровна — доцент кафедры уголовного права и процесса Учебно-научного юридического института Национального авиационного университета (г. Киев), кандидат юридических наук, доцент.

Русецкий Олег Валерьевич — начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Савенок Анатолий Леонидович — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Савчук Татьяна Анатольевна — доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Свадковская Елена Александровна — советник-консультант экспертно-правового управления Секретариата Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Сенько Анатолий Степанович — начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Сералиев Алибек Булатович — командующий региональным командованием Национальной гвардии Республики Казахстан, кандидат юридических наук, докторант ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Серова Елена Борисовна — заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Скаков Айдаркан Байдекович — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета (г. Астана), доктор юридических наук, профессор.

Созанский Тарас Иванович — начальник кафедры уголовного права и криминологии Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

Сороговец Дмитрий Викторович — главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Тюнин Владимир Александрович — заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Хилюк Светлана Владимировна — доцент кафедры уголовного права и криминологии Львовского национального университета им. Ивана Франко, кандидат юридических наук, доцент.

Хилюта Вадим Владимирович — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент, докторант ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Хомич Владимир Михайлович — директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Швед Надежда Александровна — главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Шилин Дмитрий Владимирович — начальник управления законодательства о национальной безопасности и правоохранительной деятельности Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Яремко Галина Зиновьевна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ

Объем материалов научной статьи, представленной к опубликованию, должен составлять не менее 14 000 и не более 20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т. д. Материалы научных статей должны быть напечатаны на русском языке в редакторе Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, 14 пт, межстрочный интервал 1,5, абзацный отступ 1,25 и включать следующие элементы:

фамилию и инициалы автора (авторов) статьи, ее название;
основную часть, включающую графики и другой иллюстративный материал (при их наличии);
список цитированных источников.

Название статьи набирается полужирным шрифтом, заглавными буквами, без переноса и отступа, по центру.

Фамилия и инициалы автора (авторов) набираются полужирным шрифтом и курсивом после названия статьи, справа.

Основная часть статьи должна содержать описание методики, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть сформулированы с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Цитированные источники приводятся по тексту в квадратных скобках и нумеруются согласно порядку цитирования.

Список цитированных источников оформляется по правилам, указанным в приказе ВАК Республики Беларусь от 25 июня 2014 г. № 159 «Образцы оформления библиографического описания в списке источников, приводимых в диссертации и автореферате». Список располагается в конце текста и набирается шрифтом Times New Roman размером 12 пт.

Вместе со статьей автором (авторами) должны быть представлены следующие дополнительные материалы:

— *аннотация* на **русском** и **английском** языках (100–150 слов), которую необходимо изложить так, чтобы она была пригодна для опубликования в аннотациях к журналам отдельно от статьи;

— *сведения об авторе (авторах)* статьи: фамилия, имя и отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, контактные данные (телефон, адрес, e-mail);

— *рецензия* доктора или кандидата юридических наук для авторов, не имеющих ученой степени.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА:
НАУКА, ПРАКТИКА, ТЕНДЕНЦИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 9

Том 1

Специальное юбилейное издание

На русском, белорусском и английском языках

Ответственный за выпуск *Н. Г. Щербакова*

Компьютерная верстка *И. П. Гришиной*

Корректоры *Т. Н. Булатова, В. М. Иванов, Н. Б. Кучмель*

Подписано в печать 15.08.2016. Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная.

Ризография. Усл. печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 23,42.

Тираж 200 экз. Заказ 440.

Издатель и полиграфическое исполнение:

республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014, № 2/63 от 19.03.2014.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.